Ибн
аль-
Мукаффа

•

Кучина
и Дамна

Annotation

Сборник басен и притч, назидательных и поучительных рассказов под заголовком «Калила и Димна» является переложением и переработкой текстов известной индийской книги «Панчатантра», однако судьба «Калилы и Димны», творения талантливого арабского средневекового литератора и стилиста Ибн аль-Мукаффы, была поистине удивительной: книга, ставшая шедевром средневековой литературы, существовала совершенно самостоятельно, обойдя в переводах и переложениях почти все страны Европы и Азии.

Настоящий перевод этой книги, сделанный заново, публикуется впервые, как и извлечения из сочинений Ибн аль-Мукаффы «Большая книга адаба» и «Малая книга адаба», которые на русском языке еще никогда не издавались.

- Калила и Димна
  - Шидфар Б. Предисловие
- Калила и Димна[3]
  - ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «КАЛИЛА И ДИМНА», НАПИСАННОЕ БАХНУДОМ ИБН САХВАНОМ, ЧТО ИЗВЕСТЕН ТАКЖЕ ПОД ИМЕНЕМ АЛИ ИБН АШ-ШАХ АЛЬ-ФАРИСИ, С ВВЕДЕНИЕМ ПЕРЕПИСЧИКА РУКОПИСИ
  - ГЛАВА, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ПОЕЗДКЕ БУРЗОЕ В ИНДИЙСКИЕ ЗЕМЛИ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ АБДАЛЛАХА ИБН АЛЬ-МУКАФФЫ
  - ГЛАВА О ЛЕКАРЕ БУРЗОЕ, СОСТАВЛЕННАЯ БУЗУРГМИХРОМ, СЫНОМ БАХТАГАНА, ВАЗИРОМ ЦАРЯ ПЕРСОВ АНУШИРВАНА, ОТ ИМЕНИ БУРЗОЕ
  - ГЛАВА О ЛЬВЕ И БЫКЕ, С КОТОРОЙ НАЧИНАЕТСЯ КНИГА «КАЛИЛА И ДИМНА»
  - ГЛАВА О ТОМ, КАК ОБНАРУЖИЛОСЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДИМНЫ
  - ГЛАВА О ГОЛУБЕ АТЛАСНОЕ ГОРЛО, ВОРОНЕ, КРЫСЕ, ЧЕРЕПАХЕ И ГАЗЕЛИ

    - ГЛАВА О ВОРОНАХ И СОВАХ
    - ГЛАВА О ЧЕРЕПАХЕ И ОБЕЗЬЯНЕ
    - ГЛАВА О БЛАГОЧЕСТИВЦЕ И МАНГУСТЕ
    - ГЛАВА ОБ ИЛАДЕ, ШАДИРАМЕ И ИРАХТ
    - ГЛАВА О КРЫСЕ И КОШКЕ
    - ГЛАВА О ЦАРЕВИЧЕ И ПТИЦЕ ФАНЗА[42]
    - ГЛАВА О ЛЬВЕ И БЛАГОЧЕСТИВОМ ШАКАЛЕ
    - ГЛАВА О ЛЬВИЦЕ, ВСАДНИКЕ И ШАКАЛЕ
    - ГЛАВА О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ГОСТЕ
    - ГЛАВА О ПУТНИКЕ И ЮВЕЛИРЕ
    - ГЛАВА О МЫШИНОМ ЦАРЕ И ЕГО ВАЗИРАХ
    - ГЛАВА О ГОЛУБКЕ, ЛИСЕ И ЦАПЛЕ
    - ГЛАВА О ЦАРЕВИЧЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ
- Приложение
    - ИЗ МАЛОЙ КНИГИ АДАБА[54][55]
    - ИЗ БОЛЬШОЙ КНИГИ АДАБА[60]
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57

- 58
- 59
- 60
- 61
- 62

Калила и Димна

Шидфар Б. Предисловие

В те дни, когда царем Ирана был мудрый Ануширван (VI в.), его придворный лекарь Бурзое отправился по приказанию своего повелителя в Индию, чтобы добыть там книгу под названием «Калила и Димна», хранившуюся в сокровищнице индийских царей. Вести об этой книге, как о таинственном источнике мудрости разнесли по всем краям земли купцы и путешественники, ученые и философы, которые побывали в индийских землях, но так и не смогли познакомиться с этим сочинением, запретным для чужестранцев. Индийцы свято хранили «Калилу и Димну», ибо так завещал им философ и глава брахманов Байдаба, написавший эту книгу для могучего царя Дабшалима, чтобы тот руководствовался ею в делах управления державой.

Заполучив заветную книгу с помощью казначея индийского правителя, Бурзое переписал ее и перевел на пехлеви, древний язык персов, тайно привез свой перевод в Иран, где прочел его перед Ануширваном и его царедворцами. Из этой книги черпали персы мудрость, которую перенимали у них другие народы, в том числе и арабы, так как лет через двести она была переведена на арабский язык Ибн аль-Мукаффой. Такова краткая история появления на арабском языке «Калилы и Димны», о которой повествуют некий Бахнуд ибн Сахван (очевидно, первый переписчик рукописи) и, от имени Бурзое, мудрый Бузургмихр, вазир Ануширвана.

Вся эта история носит явственный отпечаток легенды, так как перевод «книги индийской мудрости» приурочен ко времени Ануширвана и Бузургмихра, прославленных персидских мудрецов, а похождения придворного лекаря Бурзое получили своеобразный сказочный характер. Возможно, книга была переведена на пехлеви раньше или позже того времени, когда правил Хосров Ануширван, может быть, она была переведена с санскрита вначале не на пехлеви, а на сирийский (арамейский) язык. Примечательно, что сирийских рукописей «Калилы и Димны» сохранилось множество, а пехлевийской — ни одной. Конечно, у сирийцев был богатейший опыт переводов философских, медицинских, богословских сочинений,

правда, главным образом с греческого языка. Тем не менее эта история или легенда правдиво передает два важных момента.

Во-первых, она совершенно точно указывает на источник «Калилы и Димны» — написанную на санскрите книгу «Панчатантра», буквально «Пятикнижие», начинающуюся именно с рассказа о царе зверей льве и двух шакалах — Каратаке и Даманаке, чьи имена по-арабски стали звучать «Калила» и «Димна». Автор «Панчатантры» неизвестен. Ученые-санскритологи полагают, что ее первоначальный вариант, не дошедший до нас, появился в III–IV веках н. э., однако, без сомнения, отдельные басни о людях и животных, из которых состоит «Панчатантра», появились гораздо раньше, ибо были частью фольклора Индии. От них-то и идут так называемые «бродячие» или «странствующие» сюжеты в фольклоре многих народов мира, подобные рассказу о «лягушке-путешественнице».

Во-вторых, легенда отражает присущее людям древности и средневековья отношение к слову как к некоему волшебному талисману, величайшей драгоценности, достойной храниться в царской сокровищнице. Ведь слово — облаченная в словеса мудрость и в то же время ее оружие, вот потому-то мудрость ценится выше богатства, дороже царской власти. Легенда как бы подчеркивает общечеловеческое значение «Калилы и Димны»: заключенная в ней мудрость, по словам Бахнуда ибн Сахвана, поучительна и необходима не только индийцам или персам, но всем народам и всем людям, желающим приобщиться к ней, она надобна не только «мудрецам и философам», которые желают постигнуть ее глубины, но и каждому, кто станет читать ее, привлеченный забавными рассказами, и незаметно для себя начнет проникаться высшей мудростью в той мере, в коей позволит ему нрав его и разумение.

И действительно, трудно назвать в мировой литературе книгу, что заслужила бы такую же воистину непреходящую популярность. Она оказалась понятной и близкой людям средневековья и нового времени, ее читали в переводах и переложениях в Западной Европе и на Руси, в Иране, в Турции и Индонезии.

Почему же «Калила и Димна» волновала умы в течение столь долгих веков? Ведь литературы тех стран, где осуществлялись переложения и переводы этого сочинения, изобилуют произведениями самых разнообразных жанров, и поэтических, и прозаических,

которые по своей значимости и художественным достоинствам намного превосходят сборник забавных басен о животных. Очевидно, причина популярности кроется в том, что провозглашаемая книгой цель, якобы «доступная лишь философу», не так глубоко запрятана и потому понятна простому читателю, неискушенному в философских вопросах. И цель эта — показать отношения человека и общества, вскрыть самые распространенные человеческие пороки, найти способы, с помощью которых можно от них избавиться, то есть сформировать личность разумного человека.

В различные эпохи читатели находили в «Калиле и Димне» то, что было интересно для всех сословий: ученые проникали в скрытый смысл забавных басен и сказок, постигая ту мудрость, ради которой Ануширван отправил Бурзое в опасное путешествие; простые горожане смеялись, читая о злоключениях недалекого мужа, поверившего неверной жене, или о хитрости обезьяны, обманувшей черепаху, желавшую получить обезьянье сердце, или же о глупости осла, который «отправился за рогами, но вернулся с отрезанными ушами». Многие узнавали в своевольном и жестоком льве — царе зверей — правителей своего времени, в тиграх, кабанах и шакалах — князей и вельмож, а в маленьких птичках, сумевших победить могущественного слона, — малых мира сего, и себя самого, и своих соседей и знакомых. Ну а, скажем, богословы видели в книге «божественную» аллегорию, повествующую о тщете бренного мира и о тех добродетелях, коими должен обладать каждый верующий и благочестивый человек, чтобы достойно провести свою жизнь и получить доброе воздаяние на том свете.

Книга оказалась поистине огромной сокровищницей сюжетов, неисчерпаемым кладезем, из которого можно было черпать и черпать. В ней был материал для создания и забавных басен, и коротких новелл, и назидательных и нравоучительных сочинений. Соединенные в одной книге мудрость и занимательность существовали как бы и раздельно: каждая из частей «Калилы и Димны» могла стать сюжетной основой для создания произведения любого жанра, прозаического или поэтического.

«Панчатантре» суждено был завоевать мир в «чужом» обличье, так сказать, переодевшись в арабское одеяние, — ведь недаром арабский язык в течение почти тысячелетия был одним из самых

распространенных литературных языков мира. Сыграло немалую роль и то, что переводчик, вполне возможно, значительно переработал оригинал, добавив предисловие — наиболее интересную в философском отношении часть книги — и исключив те главы, которые были слишком специфически индийскими и чуждыми для мусульманского и христианского монотеистического мировоззрения.

Особую популярность «Калила и Димна» получила примерно через триста лет после своего появления, в XI веке, когда к арабской литературе, особенно к ее художественной прозе, проявили интерес ближайшие соседи арабов — византийцы. Около 1080 года византийский прозаик Симеон Сиф перевел «Калилу и Димну» с арабского на греческий язык, дав ей название «Стефанит и Ихнилат» (букв. «Увенчанный и Следопыт»), так как переводчик «этимологизировал» имена шакалов, произведя имя Калила от «иклиль» (араб. «венец»), а Димна — от слова, обозначающего «остатки кочевья». Греческий перевод послужил основой для множества переложений и переводов на славянские языки, и уже в XII в. книга «Увенчанный и Следопыт» пришла на Русь, где приобрела широкую известность как нравоучительное зерцало. Древнерусские переводчики почитали ее наставлением в христианском благочестии и даже утверждали, что автор — не кто иной как Иоанн Дамаскин, знаменитый христианский богослов.

В начале XII века знаток арабского языка Иоэль перевел «Калилу и Димну» на древнееврейский язык, и этот перевод в 60-х годах XIII века стал основой латинского переложения Иоанна из Капуи, который назвал его «Директорум вите хумане» («Наставление человеческой жизни»). Это было не случайно: Западная Европа XII–XIV веков находилась под обаянием «арабской учености», пришедшей главным образом из Андалусии — Арабской Испании. Философы увлекаются учением Ибн Рушда (Аверроэса), Ибн Сины (Авиценны), алхимики и астрономы изучают переведенные на латынь непосредственно с арабского или через посредство древнееврейского труды ар-Рази (Разеса), аль-Фергани (Альфрагануса) и многих других. Особенно усилился интерес к Востоку во время крестовых походов: рыцари вывозили оттуда клинки дамасской стали и скакунов невиданных статей, прекрасных пленниц и даже некоторые восточные мистические

учения, купцы — пряности, драгоценные ткани и предметы роскоши, а ученые — тайны «восточной мудрости».

Латинский перевод «Калилы и Димны» дал возможность средневековым писателям разных стран переложить книгу на немецкий, итальянский, старофранцузский языки. Золотой фонд «Калилы и Димны» разменивается, из него берутся отдельные басни, притчи и новеллы, так что мы можем встретить их у новеллистов эпохи Возрождения, у Боккаччо, в шванках Ганса Сакса, затем у Лафонтена, где они служат дополнением к эзоповским басням. Иногда переработки и переложения «Калилы и Димны» носят название «Басни Бидпая» (или «Басни Пильная») — от имени философа Байдабы.

В то время как Западная Европа осваивала отдельные элементы «Калилы и Димны», на Востоке популярность сочинения стремительно увеличивалась. В 1144 году известный прозаик Низам ад-Дин Абу-ль-Маали переводит книгу с арабского языка на персидский, «украсив» и усложнив текст в соответствии со вкусами своего времени. Появляются десятки персидских переложений, прозаических и поэтических, новых переводов на персидский язык, и каждый отмечен все большим количеством риторических красот и ухищрений. Особенно отличается в этом отношении перевод Хусейна Ваиза Кашифи, содержащий множество поэтических вставок, подобно санскритскому оригиналу. Вряд ли Кашифи был знаком с санскритским текстом, очевидно, стихотворные отрывки — дань вкусам ценителей изящной словесности.

На турецкий язык «Калила и Димна» полностью впервые была переведена в XVI веке, может быть, с персидского языка. Наиболее известна среди всех турецких переводов и переложений книга «Хумаюн-наме». Узбекский и татарский переводы появились несколько позже, как и переводы на языки народов Дагестана (начало — середина XIX в.).

Чрезвычайно распространены обработки «Калилы и Димны» и ее отдельных частей в Юго-Восточной Азии — Малайе, Индонезии, Кампучии и других странах, и едва ли возможно перечислить переводы и переложения этой книги на разные языки стран Дальнего Востока.

В конце XVI века вазир великого могола Акбара (1556–1605) Абу-ль-Фазл вновь обращается к обработке «Калилы и Димны» и дает

своему труду название «Ияре-даниш» — «Мерило мудрости». Так «Панчатантра» вернулась в Индию, пройдя причудливо-длинный, сложный путь.

На Руси интерес к басням «Калилы и Димны» не ослабевал вплоть до нового времени. В конце XVIII века обратили внимание на то, что «Калила и Димна» — не столько «поучительное», сколько обличительное сочинение. В 1762 году Борис Волков, «Академии наук переводчик», перевел с латинского языка «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского». В 1889 году был опубликован перевод с арабского «Калилы и Димны», выполненный М. В. Рябининым и М. О. Аттаей. После Великой Октябрьской революции вышла обработка первой части «Калилы и Димны»[1], а затем и полный перевод И. П. Кузьмина и И. Ю. Крачковского[2] (И. Ю. Крачковский переводил лишь то, что не успел сделать И. П. Кузьмин — начало предисловия Бахнуда ибн Сахвана, предисловие Ибн аль-Мукаффы, часть первой главы и заключение книги).

Работа над интереснейшим средневековым памятником продолжается до настоящего времени. Библиография исследований и изданий рукописей «Калилы и Димны» поистине неисчерпаема. Ученые и переводчики всех стран мира принимают участие в подготовке изданий, сверке рукописей и комментировании «Калилы и Димны». Наиболее полные данные об изданиях «Калилы и Димны» и посвященных ей исследованиях содержатся в труде французского арабиста Шовена, но эта библиография за сто лет, прошедших со времени появления книги Шовена, настолько увеличилась, что составит теперь объемистый том, объединяющий работы на самых разных языках.

***

Сборник забавных басен о животных на пехлевийском и сирийском языках был популярен и в Сирии, и в Иране, которые частично входили в состав персидской сасанидской империи, существовавшей вплоть до арабского завоевания в VII веке. Сочинение это было частью домусульманского иранского культурного наследия,

сыгравшего значительную роль в формировании арабо-мусульманской культуры.

Иранские древние традиции как бы помолодели, сменив обличье и «переодевшись в арабское платье». До поры до времени иранское наследие существовало в арабском Халифате подспудно, но в конце VII века, когда ослабло византийское влияние, бывшее особенно сильным в северных областях Халифата, омейядский халиф Абд аль-Малик (прав. 685–705) объявил государственным языком Халифата вместо греческого арабский.

С этого времени начинают выдвигаться на государственные посты представители старой иранской служилой знати, которые обучали своих сыновей у лучших знатоков арабского языка и древней арабской поэзии. Именно из их среды вышло большинство «адибов» — образованных людей, которые умели и составить важный государственный документ, и написать литературное «послание» — своеобразное эссе на любую заданную тему, и участвовать в управлении огромным мусульманским государством, в которое вошли множество стран и народов — от Синда, нынешнего Пакистана, до Испании и южной Франции. В VII–VIII веках были выстроены новые города, где бок о бок жили аравийские бедуины, воины отрядов завоевателей, персы, иракцы-набатейцы, как называли арабы коренных жителей Ирака, чернокожие зинджи с восточного побережья Африки, представители других народностей. Одним из крупнейших городов того времени в Халифате была Басра, портовый город, который посещали купцы и мореплаватели с дальних островов, где можно было купить любые товары и рабов, привезенных из стран, захваченных мусульманскими войсками, где адибы, поэты и богословы устраивали религиозные и философские диспуты и поэтические состязания.

В Басре провел большую часть жизни Ибн аль-Мукаффа, отпрыск богатого и влиятельного иранского рода, представители которого принадлежали к числу потомственной служилой знати. Еще при Сасанидах предки Ибн аль-Мукаффы занимали государственные должности «писцов», то есть секретарей, служащих и глав различных ведомств — «диванов», и вазиров, а после завоевания Ирана арабами скоро вернули себе прежнее положение.

Отец Ибн аль-Мукаффы, Дадое, по прозвищу «аль-Мубарак» — «Благословенный», ведал взиманием налогов в Ираке. В то время

существовало правило — периодически подвергать проверке, так называемому «взысканию», сопровождавшемуся пыткой, тех государственных чиновников, которые имели дело с крупными денежными суммами, то есть вазиров и сборщиков податей. Такому взысканию и был подвергнут Дадое и после пытки перестал владеть левой рукой, почему и получил прозвище «аль-Мукаффа» (имеющий скрюченную или отсохшую руку). После «взыскания» Дадое вновь занял свой пост при аль-Хаджадже ибн Юсуфе, наместнике Ирака.

Дадое был родом из города Гура, находившегося в иранской провинции Фарс. Его предки принадлежали к «маула» — вольноотпущенникам знатного арабского семейства Ахтамидов, осевшего в Басре, куда перебрался и Дадое со своей женой и сыном, прозванным «Ибн аль-Мукаффа».

Ибн аль-Мукаффа (букв. «сын человека с отсохшей рукой») прожил всего 36 лет. Ему было суждено стать свидетелем трагических событий, которых произошло так много в беспокойной истории арабского Халифата, и главное — восстания 748–749 годов под руководством Абу Муслима из Хорасана, падения династии Омейядов в 750 году и воцарения новой династии — Аббасидов. Ибн аль-Мукаффа пережил четырех халифов — трех Омейядов и одного Аббасида — и умер во время правления второго аббасидского халифа аль-Мансура.

Родился Ибн аль-Мукаффа в 723 или 724 году в Гуре, и ему дали древнее иранское имя Рузбих. Юношеские годы он провел в Басре, куда переехала его семья. В Басре в то время можно было найти самых лучших учителей арабского языка и арабской грамматики. Отец готовил Рузбиха к карьере государственного служащего — секретаря, а наиболее важным условием для того, чтобы преуспеть в этой должности, было владение всеми тонкостями арабского языка, Корана (даже и для немусульман) и всего комплекса существовавших в ту пору гуманитарных знаний. Среди учителей Рузбиха называют многих выдающихся знатоков арабского языка, грамматики и риторики, общепризнанных авторитетов в области богословия, законоведения и поэзии.

Когда Ибн аль-Мукаффе исполнилось 18 лет, он покинул Басру и уехал в иранский город Шапур, где занял пост секретаря аль-Масиха, тогдашнего правителя города. Здесь юноша впервые встретился с

неким знатным арабом, сыгравшим роковую роль в его судьбе. Этого человека звали Суфьян ибн Муавия, и его род восходил к одному из сподвижников пророка Мухаммада. Суфьян ибн Муавия отличался непомерной спесью и высокомерием и был вместе с тем туп, косноязычен, злопамятен и уродлив. Между Рузбихом и Суфьяном возникла взаимная антипатия, и Рузбих часто позволял себе довольно дерзкие выпады против своего недруга. У Суфьяна был огромный нос, и юноша, входя к нему, всегда приветствовал его словами: «Мир вам обоим» (то есть тебе и твоему носу). Однажды Суфьян, желая похвастаться своей сдержанностью и воспитанностью, сказал: «Никогда не раскаивался я в том, что смолчал», на что Рузбих незамедлительно ответил: «Немота была бы лучшим твоим украшением, так зачем же раскаиваться?»

В 743 году был назначен новый правитель Ирака и Ирана, сместивший почти всех старых наместников и правителей городов и провинций, как это было принято. Прежний правитель Шапура был также смещен, а на его место назначили уже известного нам Суфьяна ибн Муавию. Однако правитель не желал уступать город без боя и прибег к помощи окрестных курдов. Рузбих ибн аль-Мукаффа был его гонцом к курдам и употребил все свое красноречие и влияние, чтобы склонить горожан и кочевников на сторону своего покровителя. Произошло сражение между сторонниками Суфьяна и аль-Масиха, где Суфьян потерпел поражение и был тяжело ранен. Оправившись от раны, он поклялся, что жестоко отомстит Ибн аль-Мукаффе, которого считал своим злейшим врагом.

Рузбих прожил в Шапуре еще четыре года. В 747 году аль-Масиха изгнали из Шапура, а Ибн аль-Мукаффу, который к тому времени прославился как искусный и красноречивый секретарь (ему было тогда 23 года), переманил к себе правитель области Керман, где Рузбих оставался до 748 г.

В этом году началось грозное для правящей династии Омейядов народное восстание, возглавляемое Абу Муслимом аль-Хорасани, которое охватило вначале Хорасан — восточную область Ирана, а затем перекинулось в Ирак. Восставшие крестьяне и горожане провозглашали незаконность власти «безбожников и узурпаторов Омейядов», врагов Алидов — потомков Али, зятя пророка, — единственных «законных имамов» (то есть халифов), людей набожных

и справедливых, подобных Али — ближайшему родственнику и законному преемнику Мухаммада. Приверженцев Али называли шиитами от слов «шиат Али» (букв. «партия Али»).

Правитель Кермана бежал от войск Абу Муслима, и мятежники захватили Керман, а затем весь Иран и Ирак, и наконец в 750 году сторонники Абу Муслима убили последнего омейядского халифа и престол достался Абдаллаху ас-Саффаху из рода Аббасидов, который приказал уничтожить весь род Омейядов, так что спастись удалось лишь немногим из них.

Рузбих, уже искушенный и опытный государственный деятель, принимавший участие и в сражениях, и в различных интригах сильных мира сего, сразу же примкнул к шиитам, которых поддерживало большинство иранской знати. Ведь Али, невестка которого была дочерью последнего сасанидского царя Йездигерда, традиционно считался покровителем персов. Рузбих становится секретарем поочередно у трех братьев Алидов — Исы, правителя Кермана, Исмаила, наместника южноиранского города Ахваз, и Сулеймана, получившего пост наместника и правителя Басры в 751 году.

С приходом к власти новой династии — Аббасидов, которые сумели оттеснить потомков Али, политическая и культурная роль Басры возросла, и этот город фактически стал столицей Халифата: в прежней столице — Дамаске — осталось слишком много сторонников Омейядов, Куфа «кишела еретиками», по выражению средневекового хрониста, а Багдад был построен лишь в конце 50-х — начале 60-х годов VIII века при втором аббасидском халифе аль-Мансуре. Басра середины VIII века представляла собой весьма колоритное зрелище: гавань была заполнена судами, так что их мачты напоминали «густую рощу», на улицах слышалась арабская, персидская, греческая речь, в мечетях устраивались диспуты, где представители разных верований защищали свои воззрения, причем в спор вступали не только мусульмане, христиане и иудеи, названные в Коране «людьми Писания», но и зороастрийцы-огнепоклонники, дуалисты-манихеи, сторонники издавна осужденного в Иране учения Маздака, и даже «безбожники-зиндики» (впрочем, «зиндиком» могли назвать всякого, кто был «нетверд в вере»).

В Басре в это время было множество адибов, ученых, поэтов и прозаиков, которые заложили основы арабских гуманитарных наук.

Несмотря на отдельные расхождения по вопросам филологии и грамматики и личное соперничество, они были объединены страстной любовью к знаниям и широтой взглядов, и Рузбих нашел среди них множество друзей. Среди басрийских адибов были арабы, персы и греки, христиане, зороастрийцы, мусульмане и манихеи, и всех их ревнители благочестия обвиняли в вольнодумстве и безбожии. Конечно, они не были атеистами, однако истинно набожных мусульман возмущали их «вольные речи», религиозный скептицизм и легкомысленное поведение.

Особенно недовольны были знатные арабы из древних кочевых родов, которых прежде всего возмущало то, что эти «аджамы» (неарабы, то есть «варвары», — так называли прежде всего персов) осмеливались заявлять, что они ни в чем не уступают чистокровным арабам. При этом персы ссылались на отрывок из Корана: «Мы сотворили вас разными народами» (подразумевалось «равными»). От слова «шууб» (народы) получило название идейное течение «шуубийя», представители которого провозглашали всеобщее равенство в исламе и мусульманском государстве. Многие персы, шуубиты, сохраняли свою религию — зороастризм.

В своих сочинениях писатели-шуубиты, высказывая свои взгляды, иногда открыто высмеивали арабов, обвиняя их в дикости, невежестве и необоснованном высокомерии, то завуалированно превозносили мудрость древних персов, иранскую образованность и воспитанность, мощь сасанидского государства и его славную историю. Они пересказывали и переводили на арабский язык «Книги царей» — персидские исторические хроники, легендарные повествования и зерцала.

Шуубитом и еретиком Ибн аль-Мукаффу считали и его покровители, которые настаивали на том, чтобы он отказался от своей старой веры и принял ислам. Его мусульманское имя Абдаллах показательно — так обычно называли новообращенных мусульман. Очевидно, служба у знатных Алидов требовала от Рузбиха приобщения, хотя бы «внешнего», по выражению биографа, к государственной религии. Покровитель Рузбиха Алид Иса потребовал, чтобы, во избежание различных толков, которые могут повредить ему, Рузбих принял ислам и произнес «всенародно» трижды: «Я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад

посланец Аллаха». Накануне этого события Ибн аль-Мукаффа, присутствуя на трапезе у Исы, стал «бормотать» зороастрийские молитвы за едой, как это было принято у огнепоклонников. На замечение Исы, что негоже будущему мусульманину «бормотать, словно язычник», Рузбих ответил: «Я боюсь провести хотя бы одну ночь, не имея никакой веры». В словах этих заметно «религиозное свободомыслие» Ибн аль-Мукаффы, раскрывшееся с полной силой в его переводе «Калилы и Димны».

Рузбих становится мусульманином. Но современники, да и последующие историки сочли его обращение лицемерным. Сам Рузбих иногда подчеркивал свою приверженность вере отцов (может быть, не вполне искреннюю). Так, проходя вместе с несколькими знакомыми адибами, в числе которых были и его враги, мимо зороастрийского храма — «дома огня», он произнес стихи популярного в то время поэта аль-Ахваса:

О дом возлюбленной, я оставил тебя,
Опасаясь врагов, но сердце занято только тобой.

Все присутствующие отлично поняли намек, и это лишь способствовало тому, что за Ибн аль-Мукаффой утвердилась слава еретика.

Рузбих оставался на посту секретаря правителя Басры, его литературная слава, влияние и богатство все возрастали, друзья превозносили его красоту, образованность, красноречие и щедрость.

В 754 году умер первый аббасидский халиф ас-Саффах, и халифский престол достался властному, жестокому и неразборчивому в средствах аль-Мансуру, который стремился прежде всего усмирить Алидов, надеявшихся получить власть после смерти ас-Саффаха. Главным соперником аль-Мансура стал его дядя Алид Абдаллах, который возглавил восстание против халифа, но верный Аббасидам Абу Муслим аль-Хорасани разбил его войска в сражении, и Абдаллах бежал в Басру, где находились его братья Сулейман и Иса, правитель города. Алиды получили небольшую передышку от преследований халифа, который в то время затеял сложную интригу против Абу

Муслима, ставшего, как казалось аль-Мансуру, слишком сильным и популярным.

В 755 году Абу Муслим был убит по приказу халифа. Затем аль-Мансур сместил Алидов со всех постов, лишив их должностей. Правителем Басры он назначил Суфьяна ибн Муавию, которому поручил доставить во что бы то ни стало Абдаллаха, скрывавшегося у своих родственников.

Иса не был уже правителем Басры, но сохранил свое огромное богатство и влияние. Обеспокоенный участью брата, ибо знал жестокость аль-Мансура, который не задумываясь убил бы своего дядю, если бы тот попал ему в руки, Иса потребовал у Ибн аль-Мукаффы, остававшегося его секретарем, составить текст «амана» — охранной грамоты. Эту грамоту он намеревался передать на подпись халифу, чтобы хотя бы в какой-то мере обезопасить Абдаллаха. Правда, такие охранные грамоты были не столь уж надежны, ибо почти всегда нарушались, однако нарушение клятвы, особенно данной потомкам Али, воспринималось общественным мнением неодобрительно и могло повредить халифу. Иса велел своему секретарю составить текст недвусмысленно и в самых резких выражениях. Может быть, кто-нибудь иной поостерегся бы, опасаясь гнева могущественного халифа, но Ибн аль-Мукаффа, человек смелый, не желавший лицемерить и скрывать свои подлинные чувства, составил документ поистине уникальный. Текст содержал, например, такие выражения: «И если повелитель правоверных (т. е. халиф) предаст своего дядю Абдаллаха ибн Али, то жены его будут разведены с ним, кони — заперты в стойле, а рабы отпущены на свободу, и мусульмане будут считать себя свободными от присяги… Если повелитель правоверных предаст его, то вся община Мухаммада вольна свергнуть его и объявить ему войну… Если я, халиф, предам его, то мусульмане вольны отречься от меня и от присяги, мне данной, которая больше не будет тяготить их. Не будет никакого договора, никакого покровительства и союза между нами, и всем истинным мусульманам должно выступить против меня… Если я предам его, то у меня нет никакой чести и веры и я буду проклят пред лицом общины нашего пророка…»

Прочтя этот текст «амана», халиф пришел в ярость. Он тут же осведомился, кто составлял документ, и послал к Суфьяну гонца, велев передать: «Избавь меня от этого человека». Новый правитель Басры,

давно желавший отомстить дерзкому «зиндику», пригласил Ибн аль-Мукаффу якобы для переговоров и подверг его жестокой казни: или утопил в колодце, или, по сведениям других источников, отрубил руки и ноги и затем сжег в «таннуре» — глиняной печи для лепешек. Это произошло в 759 или 760 году.

До нас дошли лишь немногие произведения Ибн аль-Мукаффы. По сведениям биографов, он был автором большой книги «Рисалату-с-сахаба» — «Послание о сподвижниках пророка», своеобразного трактата по политической экономии, где говорил о том, как «разумно править государством, чтобы подданные достигли благосостояния». Некоторые биографы утверждают даже, что именно эта книга была подлинной причиной казни Рузбиха, ибо аль-Мансур усмотрел в ней обидные намеки на несправедливость своего правления. До нас дошли фрагменты из сочинения Ибн аль-Мукаффы, озаглавленного «Возражение Корану», которое начиналось так: «Во имя света милостивого, милосердного», что звучало как вызов коранической формуле: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». Богослов, поместивший эти отрывки в своем сочинении против «зиндиков», обрушивается на Ибн аль-Мукаффу как на злейшего безбожника. Пользовались известностью сочинения Ибн аль-Мукаффы «Большая книга адаба» и «Малая книга адаба». Ибн аль-Мукаффа написал также несколько политических посланий, посвященных «улучшению нравов простонародья путем воспитания добродетелей знатных» и искусству управления государством.

Ибн аль-Мукаффа был блестящим переводчиком. Им переведены на арабский язык «Книга венца», повествующая о жизни и подвигах Хосрова Ануширвана, «Зерцало добрых нравов» и «Жизнеописания древних царей персов». Однако наибольшее искусство Ибн аль-Мукаффа проявил при переводе «Калилы и Димны».

Нам не известно точно, какие произведения были созданы Ибн аль-Мукаффой раньше — «Большая книга адаба» и «Малая книга адаба» или «Калила и Димна». Ясно одно: Ибн аль-Мукаффа неотступно стремился дать определенную философско-этическую норму разумного человеческого поведения. Для людей того времени подобный вопрос отнюдь не был отвлеченным и теоретическим — следовало иметь какие-то ориентиры в мире быстро меняющихся ценностей, национальных и культурных противоречий

формирующейся арабо-мусульманской культуры. В эпоху Ибн аль-Мукаффы зрела потребность в этической философии, которая могла бы хоть немного способствовать упорядочению и унификации столь пестрых этнических и разнородных религиозно-философских элементов государства и «смягчить нравы» в условиях постоянных войн и восстаний, жестокостей и притеснений, как бы противопоставляя идеального и разумного человека неразумному и бессмысленному миру. Причину же всех неурядиц и несчастий человечества философы Востока видели в неразумии, несовершенстве человеческой натуры, веря, что с ее «исправлением» мало-помалу исчезнет и то зло, что царит в мире.

Ибн аль-Мукаффа принадлежал к тем деятелям культуры восточного средневековья, которых можно было бы назвать «просветителями-рационалистами». В своем предисловии к переводу «Калилы и Димны», которое является своеобразным манифестом философа-вольнодумца, желающего все верования и учения подвергнуть испытанию разумом, он, сомневаясь в разумности и целесообразности известных ему вероучений, говорит, что избрал себе не какую-нибудь определенную веру, а «то благое, что не противоречит никакой вере», то есть некое синкретическое этико-философское учение, общее для всех людей, стремящихся к «совершенству». В положениях этого учения проглядывают отдельные черты, роднящие его с воззрениями греческих и эллинистических философов-стоиков, и, главное, содержится призыв к «сдерживанию страстей», «равновесию души», являющемуся как бы эквивалентом стоического «бесстрастия» (апатейа).

Восточные философы, вслед за греками, считали, что человек — микрокосм и находится в самой тесной и непосредственной связи с макрокосмом — окружающим миром. Четыре «смеси» тела соответствуют четырем стихиям мира (земля — кости и мясо, вода — флегма, огонь — кровь и эфир — душа). Когда смеси тела «уравновешены, не замутнены» страстями, человек приближается к совершенству, а достигнуть совершенства может лишь тот, кто постоянно следит за своими поступками, размышляет о них и трезво их оценивает, стараясь избежать дурных дел и творить благие. Ибн аль-Мукаффа рекомендует даже ежедневно заносить в специальную тетрадь все поступки, совершенные за этот день, и на отдельных

листах отмечать все свои недостатки и достоинства других людей. Следует стараться, елико возможно, искоренять свои пороки и зачеркивать то, что удалось исправить. Достоинствам других людей нужно подражать. Ибн аль-Мукаффа замечает: «И всякий раз, когда человек видит зачеркнутое, он радуется, что ему удалось избавиться от своего порока, и глядя на то, что еще не вычеркнуто, он горюет о своих недостатках».

Побуждаемый желанием хоть сколько-нибудь способствовать «улучшению нравов» своих современников и, главное, власть имущих, Ибн аль-Мукаффа и обратился к такой трудной задаче, как перевод на арабский язык, еще не имевший прочной литературной прозаической традиции, сборника басен — жанра, казалось бы, весьма далекого от его непосредственных интересов.

Ибн аль-Мукаффа не имел предшественников — оригинальных авторов или переводчиков, на опыт которых мог бы опираться. В его время еще не существовало ни прозаических антологий, ни литературных памфлетов и эссе, — они получили широкое распространение уже после его смерти. Конечно, он многому научился у своих старших друзей, таких, как блестящий стилист Абд аль-Хамид, но фактически «Калила и Димна» — первый образец прозаической художественной литературы на арабском языке.

Ибн аль-Мукаффа проявил себя подлинным литератором, ибо сумел поистине легко и занимательно изложить на арабском языке басни о рассудительных животных и неразумных людях, поместив эти забавные рассказы в рамку расчлененного на две части моралите (в начале и конце басни), стиль которого отличается от стиля самих басен: обрамляющее моралите торжественно, усложнено синонимами и даже иногда архаично, а стиль самих басен отличается ясностью и простотой. Такое сочетание двух стилей соответствует сочетанию в книге серьезного и шутливого, переход к «серьезному» стилю напоминает не очень искушенному или невнимательному читателю о том, что не следует слишком увлекаться шуткой, — он должен искать подлинный смысл притчи, спрятанный в ней.

Эта двойственность проявляется не только в стиле «Калилы и Димны», но и в ее структуре, где явственно прослеживается «рамочная» или «обрамленная» композиция. Ибн аль-Мукаффа был одним из первых, кто перенес ирано-эллинистическую традицию (и

через нее — индийскую) обрамленного повествования на арабскую почву, провозгласив принцип: «Забавляя — поучай», который станет основным в арабской дидактической прозе. Эта проза составила ту ветвь средневековой арабской литературы, которую часто называют «литературой адаба» или просто «адабом». Слово «адаб» имеет весьма широкий круг значений. Это прежде всего умение вести себя, это воспитанность, затем все то, что способствует формированию образованного человека, — литература или некий комплекс литературных или вообще гуманитарных знаний и «хороших манер». Во многих произведениях средневековой арабской художественной прозы проявляется нравоучительная тенденция, иногда составляющая, как говорится в одном из предисловий к «Калиле и Димне», основную цель книги. Происходит это потому, что автор считает задачей художественного слова именно «исправление человеческой натуры» и человеческих нравов. Правда, по мнению средневековых адибов, не все жанры одинаково важны в этом отношении: среди поэтических жанров на первом месте стоят панегирики, мистические стихи, оплакивания, представляющие собой «восхваление в прошлом». И наименее способствуют воспитанию «достойных нравов» жанры лирические. Так же и в прозе. И здесь это еще яснее — ведь проза больше «приспособлена» для нравоучений, в прозаическом произведении легче высказать свою точку зрения на человеческие добродетели и пороки и представить подлинно разумного человека либо в образе идеального героя, либо в кривом зеркале сатиры, идя от противоположного и следуя принципу, выдвинутому выдающимся арабским прозаиком аль-Джахизом (775–868): «Посмотри, как безобразен этот облик и нелепы эти поступки, и делай наоборот».

И изо всех прозаических жанров наиболее удобным для изложения норм «разумного поведения» оказался жанр притчи или басни (по-арабски «масаль» — букв. «пример»), привычный с глубокой древности (вспомним рассыпанные в изобилии притчи библейских текстов и Корана, египетские и греческие басни), так как притча представляет отвлеченную, может быть, трудную для понимания и непривычную мысль в конкретных ярких образах.

То, что Ибн аль-Мукаффа остановил свой выбор на «Калиле и Димне», — показатель большой популярности этой книги среди образованных людей его времени. Переводчик увидел в сборнике

индийских басен-рассказов о людях неразумных и рассудительных животных возможность изложить собственные взгляды.

Ибн аль-Мукаффа передал отдельные части «Панчатантры» чрезвычайно точно (если судить по дошедшему до нас варианту, датируемому XII в.). Правда, многие новеллы или басни отсутствуют — но ведь и разные арабские рукописи «Калилы и Димны» отличаются друг от друга. Дело даже не в наличии или отсутствии отдельных элементов санскритского оригинала в «Калиле и Димне», а в том, что перед нами в сущности совершенно новое сочинение. Между «Панчатантрой» и ее арабским переводом существуют коренные мировоззренческие отличия. «Панчатантра» глубоко уходит своими корнями в индийский фольклор, содержит сложный сплав политеистических верований индийцев, сохраняя своеобразный колорит древности, привлекательный, но архаичный, что делает ее в определенной степени чуждой мусульманскому Востоку и христианской Европе. В отличие от «Панчатантры», «Калила и Димна» — вполне современная книга. Ее философско-этическая основа близка к исламу, в том числе его мистическим (суфийским) течениям и христианству, и манихейству, и может быть истолкована в совершенно светском духе как этико-нравственное руководство.

В арабском переводе фактически уже нет орнаментальной фантастики индийской мифологии, исчезли боги и ракшасы, лишь в одном месте говорится о «шайтане», задумавшем похитить отшельника, и довольно невнятно упоминается о «хозяине моря».

Некая «антибрахманская тенденция», которая прослеживается в «Панчатантре» не только в повествовании о Иладе и Ирахт, но и в других частях, где брахманы играют неблаговидную роль, совершенно пропадает в «Калиле и Димне», тем более что слово «брахман», которое употреблялось в арабском средневековом языке в значении «индуист» или «буддист», встречается только в рассказе об Ирахт. Во всех прочих частях книги оно переведено словом «насик», что значило «отшельник» или «аскет», при этом не всегда удачно, так как порой говорится о «семье отшельника».

В «Панчатантре» животные, наделенные даром человеческой речи, сами по себе не являются фигурами юмористическими, поскольку, согласно воззрениям индийцев, душа человека в следующем его рождении вполне может оказаться и в облике льва и

шакала или даже вши. Но в арабском переводе подчеркивается, что рассказы о бессловесных животных, «рассуждающих и приводящих доводы, словно люди», забавны и могут рассмешить «юношей, любящих шутки», как, например, басня о благочестивой вше и невоспитанной блохе. И наконец, в арабском переводе имеются очень важные части — предисловия и глава о суде над шакалом, написанные, без всяких сомнений, самим Ибн аль-Мукаффой и придающие всему тексту резкий сатирический характер, желчность и горечь, каких нет в «Панчатантре».

Трудно найти в средневековой арабской прозе что-либо равное этим частям «Калилы и Димны» по страстности и силе морального и социального обличения. Это подлинная исповедь мятущейся души, не находящей успокоения ни в храме, ни в мечети, не удовлетворяющейся сомнительными доводами сторонников той или иной религии, того или иного философского учения. Глубокое разочарование проглядывает в заключительной части предисловия, из которого можно сделать лишь один вывод: ни одну веру нельзя принять безоговорочно, все они — лишь несовершенные попытки приблизиться к истине, и единственное, что в силах совершить человек в этом мире, — руководствоваться несколькими принципами: не лгать, не убивать живой души, не чувствовать ни к кому ненависти, не давать воли гневу, не потворствовать своим страстям. Естественно, что автора подобных речей обвиняли в безбожии, и «гонитель еретиков» аббасидский халиф аль-Махди (прав. 775–785) говорит о переводчике «Калилы и Димны»: «Корень и источник любой безбожной и еретической книги — Ибн аль-Мукаффа».

Если в предисловии Ибн аль-Мукаффа смеется над тем, кто «позорит чужую веру, восхваляя собственную», то в главе о суде он столь же резко обрушивается на царей и придворных: нерешительный и слабовольный лев, его властная матушка, тигр-судья, кабан, «предводитель царских свиней», начальник царской кухни и прочие чрезвычайно напоминают правителей и придворных, современников Ибн аль-Мукаффы, нравы которых автору были хорошо известны.

Книга «Калила и Димна» — это своеобразный «урок царям»: халифам, наместникам и правителям городов, весьма далеким от того идеала разумного человека, о котором говорится в предисловии.

Необходимо сказать об установившейся со времени средневековья традиции оформления этой книги. До нас не дошли автограф Ибн аль-Мукаффы или рукописи, переписанные в его время, но из предисловия мы знаем, что одной из целей сочинения было так ясно описать все ужимки зверей, чтобы живописец мог воссоздать их облик «разными красками». Уже самые ранние (конечно, дорогие) рукописи книги были иллюстрированы. До сего времени сохранилось множество великолепных миниатюр, украшающих рукописи «Калилы и Димны» на арабском, персидском и других языках. При иллюстрировании данной книги использованы миниатюры из рукописей XII–XV веков.

На обложке помещено имя Ибн аль-Мукаффы как автора книги — пусть это не удивляет читателя, ибо в переводе содержится значительный авторский труд — переводчик «Калилы и Димны» написал предисловие (а может быть, даже и два предисловия), главу о суде над шакалом, возможно, сильно дополнил историю об Иладе и Ирахт и так далее, а самое главное: именно «Калила и Димна», а не «Панчатантра» обошла весь мир, оказав огромное влияние на литературы многих стран, породив массу подражаний и переделок, превратилась в произведения многих жанров, вдохновив авторов стран Европы, Азии, Африки в разные века писать о том же, о чем повествует «Калила и Димна».

Калила и Димна[3]

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «КАЛИЛА И ДИМНА», НАПИСАННОЕ БАХНУДОМ ИБН САХВАНОМ, ЧТО ИЗВЕСТЕН ТАКЖЕ ПОД ИМЕНЕМ АЛИ ИБН АШ-ШАХ АЛЬ-ФАРИСИ, С ВВЕДЕНИЕМ ПЕРЕПИСЧИКА РУКОПИСИ

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, я, Бахнуд ибн Сахван, начиная свое предисловие, говорю о причине, побудившей Байдабу, философа из земель индийских, главу благочестивых брахманов, составить для царя Индии Дабшалима книгу, которую назвал он «Калила и Димна».

В этой книге Байдаба изложил свои сокровенные мысли в забавных рассказах о животных и птицах, наделив их человеческой речью. Облек он мудрость в одеяние смеха, дабы сокрыть истинную цель книги от непосвященных невежд, не дать расхитить сокровища ее недостойным и уберечь от осквернения чистый источник и вечную красоту мудрости, коя доступна лишь философу, что возлюбил совершенство и к нему лишь стремится, открывается только истинному разуму, очищая помыслы и облагораживая поступки.

Далее говорится о том, как царь Ирана Хосрой Ануширван, сын Кубада, внук Файруза, послал Бурзое, знаменитого мудреца и прославленного целителя, в страну индийцев, чтобы тот добыл для него эту книгу о Калиле и Димне. И поведал Бахнуд, сколь много пришлось Бурзое потрудиться, пока он не вошел в доверие к жителям земель индийских. И тогда лишь смог он найти человека, который тайно переписывал для него по ночам повесть о Калиле и Димне и другие мудрые книги индийских ученых, что хранил царь Индии в своей сокровищнице как зеницу ока. И Бурзое вывез эти книги вместе с игрой шатрандж[4].

Рассказав о путешествии Бурзое в индийское царство, совершенное им для того лишь, чтобы добыть эту прославленную книгу и переложить ее на язык персов, я превозношу достоинства

повести о Калиле и Димне и заклинаю того, кто приобрел ее, хорошенько прочесть и изучить все, что в ней содержится, а потом поразмыслить над тайнами, в ней скрытыми, и убедиться в ее пользе и преимуществе перед другими сочинениями. Кому же не откроется глубокий смысл этой книги, тот не достигнет заветной цели.

Далее говорится о том, как Бурзое, вернувшись из странствий, прочел вельможам и царедворцам книгу о Калиле и Димне и пояснил, почему вазир царя Ануширвана Бузургмихр добавил отдельную главу, назвав ее «Рассказ о лекаре Бурзое», где поведал о жизни этого славного мужа со времени его рождения и до той поры, когда Бурзое возлюбил мудрость, стал обучаться наукам и достиг в них совершенства, выказав необычайное рвение. Поместил он эту главу перед рассказом о льве и быке, с которого начинается повесть о Калиле и Димне.

Вот краткое изложение предисловия Бахнуда ибн Сахвана, который далее пишет: «Когда Александр Двурогий[5], повелитель румов, покорил властителей Запада, он устремился на Восток, чтобы воевать против царей Ирана и соседних стран. В войне с непокорными он обрушился на царя персов и владык иных народов, что осмеливались противиться ему, и заключил мир с теми, кто склонился перед ним, как поступали почти все великие цари. Наконец, он одолел их всех, победив своих врагов и посрамив недругов, так что они рассеялись, словно тучи под порывами ветра или песчинки во время бури.

Потом повел свои войска Александр в земли Китая. И вначале открылось его взору лежавшее у него на пути индийское царство. Александр послал к царю Индии гонцов, призывая его покориться власти румов и принять их веру. А в ту пору Индией правил царь по имени Фор, обладавший острым разумом и мощной дланью. Услышав весть о том, что против него двинулось войско Александра, он приготовился к сражению и снарядился на битву. Подготовив свои войска, как готовит снаряжение воин перед боем, царь Индии со всем тщанием и в кратчайший срок отобрал самых доблестных воинов, самых сильных боевых слонов и самых свирепых диких зверей, которых индийцы приучали нападать на вражеские отряды. Были в его войске резвые кони, острые мечи и сверкающие стальными наконечниками копья.

И когда Александр приблизился к владениям царя индийского Фора и узнал, что его готовы встретить конные отряды, чей натиск неотвратим, словно наступление ночи, и пешее войско, подобного которому не смог бы собрать ни один властитель всей вселенной, он испугался, что будет побежден и окажется бессильным, если проявит в нападении поспешность. Славный царь румов Александр Двурогий обладал великой мудростью, был опытен и прозорлив, предусмотрителен и хитроумен. Поразмыслив, Александр решил действовать осторожно и не торопиться. Он приказал вырыть ров вокруг своего лагеря и не двигался с места, обдумывая, что ему надлежит предпринять и как поступить, дабы добиться успеха. Он призвал астрологов, сведущих в науке о звездах, и приказал им выбрать подходящий день, когда ему будет сопутствовать удача, чтобы сразиться с царем Индии и одержать над ним победу, и они принялись за дело и стали составлять гороскопы.

У Александра было обыкновение отбирать в захваченных городах и странах людей, искусных в своем ремесле и прославленных своим уменьем, и он возил с собой мастеров, сведущих во всяком деле. Желая во что бы то ни стало одолеть царя индийцев, Александр неустанно размышлял и, наконец, придумал вот что: он велел мастерам, что были в его войске, отлить полые фигуры коней и всадников из красной меди и поставить их на колеса, чтобы они могли быстро двигаться, если их толкать сзади. Задумал Александр наполнить эти изображения нефтью и серой, одеть медных воинов, словно они живые, и поставить во главе румийского войска. И в тот час, когда начнется сражение и воины сойдутся на поле боя, румы подожгут горючую смесь нефти с серой, которой наполнены изображения, так что медь докрасна раскалится. Боевые слоны индийцев обовьют хоботами коней, как они приучены делать, и, обжегшись, придут в бешенство, повернут против своих и внесут беспорядок в ряды индийцев, рассеяв их и топча ногами.

Царь румов приказал не медлить в изготовлении этих фигур, и ремесленники из его войска приложили все свое старание, чтобы завершить работу в назначенный срок, ибо приближался день, что избрали для битвы астрологи и звездочеты.

А тем временем Александр Двурогий вновь отправил своих послов к индийскому царю Фору и велел передать ему послание, в котором призывал его выказать повиновение и смириться перед

властью державы румов, но тот, упорствуя в своей гордыне, ответил, что намерен вступить в бой. Видя, что Фор непреклонен, Александр выстроил свои войска, приготовившись к сражению. Индийцы, как обычно, поставили в первых рядах боевых слонов, и, узнав об этом, Александр приказал своим воинам поджечь горючую смесь и немедля двинуть вперед медных коней, в седлах которых восседали изваяния всадников. Боевые слоны напали на них, и каждый слон обвил раскаленного всадника хоботом, но, почувствовав сильный жар, слоны сбросили своих погонщиков, в бешенстве растоптали их и, повернув назад, бросились бежать, будто ослепнув от боли и ярости, и давили всех попадавшихся им на пути воинов.

Тут войска Фора рассеялись и обратились в бегство, а ратники Александра Двурогого бросились им вослед, нещадно рубя мечами и нанося тяжкие раны. И тогда крикнул Александр: «О, царь индийский, выходи на поединок, не губи своих людей, пожалей своих жен и детей. Не пристало славному царю и доблестному мужу ввергать своих помощников и соратников в пучину гибели и оставлять их на волю злой судьбы и жестокого рока — ему подобает хранить и защищать их, не пощадив не только всего достояния, но и собственной жизни! Выходи же, сразимся в поединке! Кому из нас сопутствуют счастье и удача, тот и одолеет».

Услышав слова Двурогого, Фор поддался искушению и решил испытать судьбу, надеясь одержать победу. Они выехали на поле боя и сражались некоторое время, но ни один не смог улучить оплошность противника и поразить соперника. Они продолжали биться, не уступая друг другу. И тогда Александр, видя, что удача ему изменяет, все его усилия и старания напрасны, повернулся к своему войску и издал боевой клич, от которого содрогнулась земля и затрепетали люди. Устрашенный великим криком, Фор подумал, что царь румов призывает свое войско предательски напасть на него, и оглянулся. И Александр, воспользовавшись этим, нанес царю Фору удар, от которого тот покачнулся в седле, а за ним последовал другой удар — и Фор пал на землю.

Увидев поверженным своего властелина, что сулило им немалые беды, индийцы с отчаяния напали на войско румов и стали жестоко рубиться мечами, приготовившись к смерти. Но Александр велел своим глашатаям остановить их, обещая от себя пощаду и милость.

Так бог даровал ему победу. Александр Двурогий овладел землями индийцев и назначил над ними царем одного из своих приближенных, надежного человека. Вождь румов оставался в землях индийских, пока не убедился, что их новый правитель добился в тех краях желанного спокойствия, согласия и мира. Тогда Александр, покинув Индию, отправился дальше, к своей заветной цели, оставив на индийском престоле того человека.

Но не успел Двурогий увести из пределов Индии свое войско, как индийцы перестали повиноваться новому царю-чужеземцу и взбунтовались. Они говорили: «Не приличествует нашей державе, чтобы стал в Индии царем чужестранец из неведомого рода, что будет унижать нас и считать ничтожными и малых, и высокородных, и не стерпят того ни знатные, ни простолюдины». Они решили возвести на престол одного из царских сыновей по имени Дабшалим и свергли того человека, коего оставил царствовать Двурогий.

Воссев на престол своих предков, уверившись в силе и прочности власти, Дабшалим забыл справедливость, закон и обычай, стал тиранствовать и возгордился. Он совершал набеги на царей соседних стран, ему постоянно сопутствовала удача, и его походы всегда были увенчаны победой. Подданные стали опасаться его, и он, упоенный величием своего сана и безграничностью могущества, презирал их и обходился с ними круто и жестоко. И чем больше возвышался он, тем сильнее притеснял людей, и так продолжалось долгое время.

Жил в то время некий философ из касты брахманов по имени Байдаба, добродетельный и мудрый, чьи достоинства были у всех на устах, и люди обращались к нему за советом во всех делах. Увидев, что царь Дабшалим несправедлив и обижает невинных, философ задумался о том, как отвратить царя от дурных поступков, дабы вернулся он на стезю добродетели и поступал по совести и чести.

Однажды, собрав своих учеников, он сказал им: «Ведомо ли вам, о чем я хочу держать с вами совет?» — «Нет», — сказали они, и тогда мудрый Байдаба молвил: «Знайте, я долго размышлял о царе Дабшалиме, который сошел с пути справедливости, не устает творить злодейства и обижает своих подданных, подвергая их всевозможным наказаниям, обходясь строго и жестоко. И утвердился я в том мнении, что мы, мудрецы и философы, видя подобные поступки царей, должны не смиряться со злом, не привыкать к нему, а стараться побудить

правителей к свершению добрых дел, дабы придерживались они законов и не преступали установленных пределов. Если же мы закроем глаза на тиранство и самовластие и оставим их без внимания, то будем достойны самой жестокой кары и не миновать нам худшей из бед, которых можно опасаться, — невежды сочтут нас более ничтожными и беспомощными, чем они сами. Нельзя нам ни покидать родные края, ни оставлять нашего царя в его злом заблуждении и дурном поведении, ибо этого не допустит наша мудрость. Бороться же с властелином мы сможем лишь словом смелым и красноречивым. Если мы обратимся за помощью к другим правителям, не будет нам пользы от этого, ибо если наш царь проведает о том, что мы выступили против него, осуждая его неправедные деяния, — то нас ожидает гибель. Без сомнения, вам известно, что если собака хочет ужиться с могучим львом, а змея — со свирепым буйволом, то это лишь напрасная надежда, и должны они отказаться от обманчивой мечты, как бы ни была приятна и сладка жизнь в том месте, что облюбовали лев и буйвол.

Философу же надлежит все помыслы свои направить к тому, чтобы избежать превратностей судьбы и ударов рока, отвратить то, что может вызвать душевную скорбь, и творить то, что доставит его душе радость и наслаждение[6].

Слышал я, что некий философ написал своему ученику: «Воистину, тот, кто отваживается общаться с дурными людьми, подобен неумелому мореплавателю — если и не утонет, то натерпится страха. Если же он сам ввергает себя в опасность и стремится к гибели, то его назовешь лишь ослом, да таким, что лишен разума и души, ибо и животные наделены от природы познанием: что служит им во благо, а что наносит вред и причиняет ущерб и порчу. Мы утверждаем это, ибо видим, как животные опасаются подстерегающего их несчастья. Увидев опасность, они стараются избежать ее, повинуясь чувству, что заложено в них природой, дабы сохранить себя от смерти и уничтожения.

Я собрал вас для совета, ибо вы — самые близкие мне люди. Вас я посвятил в свои тайны, вам передал свою мудрость, на вас я надеюсь, вы — моя поддержка и опора. Ведь тот, кто не имеет друзей и единомышленников, пропадет, куда бы он ни направился, никто не пожелает ему удачи и счастья и не поможет ему. Но мудрец оружием

разума разобьет противника там, где бывает бессильно могучее войско. Об этом рассказывают такую притчу:

Свил жаворонок себе гнездо и стал высиживать птенцов на дороге, по которой слон ходил к водопою. Однажды слон, как обычно, шел к реке, чтобы напиться, и, не заметив гнезда, наступил на него и убил птенцов, раздавив яйца. Прилетел жаворонок и, увидев, какая беда постигла его, понял, что не кто иной, как слон, — виновник его несчастья. Подлетел к слону жаворонок, горько плача, опустился к нему на голову и промолвил: «О царь, зачем ты раздавил яйца и убил моих деток? Ведь я твой сосед и живу под твоей защитой! Неужто ты сделал это, презирая меня — малую пташку, сочтя меня жалким и ничтожным?» И слон ответил: «Так и есть, несчастный». Тогда жаворонок оставил слона, отправился к своим собратьям-птицам и пожаловался им на бесчестье и убийство. Птицы сказали: «Где уж нам, слабым, справиться с могучим зверем!» Но жаворонок обратился к сорокам и воронам: «Полетим со мной, я хочу, чтобы вы выклевали ему очи, а уж после того я сам с ним справлюсь».

Птицы согласились и, прилетев к слону всей стаей, выклевали ему глаза, и слон ослеп, лишился зренья, так что не мог уже найти дорогу к водопою и питался лишь тем, что мог достать хоботом, не сходя с места.

Увидев это, жаворонок устремился к водоему, где в изобилии водились лягушки. Он пожаловался им на злодейство слона. Лягушки заквакали: «Куда нам до слона! Что мы можем поделать с этим огромным зверем?» Жаворонок ответил: «Я хочу, чтобы вы отправились вместе со мной к глубокой яме, которая находится неподалеку от него. Прыгайте туда и квакайте как можно громче. Услышав вас, слон подумает, что находится у берега водоема, и, желая напиться, свалится в яму». И лягушки, откликнувшись на просьбу жаворонка, отправились к той яме, стали прыгать в нее и громко квакать. А слон, изнывавший от жажды, вдруг услышал кваканье лягушек и не усомнился, что находится на берегу водоема. Подойдя к яме, он потянулся, чтобы напиться, но не удержался на краю и угодил в ловушку. А жаворонок летал над головой слона, застрявшего в яме, и приговаривал: «Ну что, злодей, упоенный своею силой, презирающий мою слабость! Не велик ли мой разум при столь малом теле, не мал ли твой рассудок для столь огромной туши?»

Пусть же каждый из вас, выслушав мои слова, предложит решение, которое сочтет самым верным».

И тогда ученики Байдабы сказали в один голос: «О достойный философ и праведный мудрец! Ты — наш учитель и предводитель, обладатель всяческих достоинств. Что значит наше решение рядом с твоим решением и наше разумение по сравнению с твоим разумением? Мы знаем лишь, что пускаться вплавь через реку, где водятся крокодилы, — легкомыслие и беспечность, и кто сделает это, должен пенять на себя, а не жаловаться на крокодила. Кто извлекает яд из змеиного зуба и глотает его, чтобы испытать на себе его силу, — сам себе враг, змея же невинна, а кто войдет в заросли, где скрываются львы, — должен страшиться нападения. Что же касается нашего царя, то его ничему не научила жизнь, и ему не приходилось опасаться превратностей судьбы. Нам же надо быть настороже, чтобы нас не настигла его кара и на тебя не обрушился его необузданный гнев, если ты выскажешь царю то, что придется ему не по вкусу».

И мудрый Байдаба промолвил: «Клянусь своей жизнью, вы хорошо сказали! Знайте же, что разумный и решительный муж никогда не упустит случая послушать совет и того, кто ниже, и того, кто выше его по положению и разуму. Мнением одного человека не довольствуются ни знатные, ни даже простолюдины. Я же твердо решил встретиться с царем Дабшалимом. Выслушав вашу речь, я понял, что вы искренни со мной и боитесь за меня. Но слово мое твердо и решение непоколебимо. Вы скоро услышите о том, как беседовал я с царем Дабшалимом и какие я дал ему советы. Если же до вас дойдет весть о том, что царь отпустил меня с миром, спешите ко мне немедля». С этими словами мудрый Байдаба отпустил своих учеников, и они удалились, вознося моления о его здравии и благополучии.

И когда наступил день, в который Байдаба решил посетить царя, мудрец надел на себя одеяние брахманов и отправился к вратам Дабшалима. Он попросил провести его к хаджибу[7] и, представ перед ним, приветствовал его и промолвил: «Знай, о хаджиб, что имя мое Байдаба и пришел я к царю, чтобы дать ему добрые советы». Хаджиб немедля вошел в царские покои и обратился к Дабшалиму с такими словами: «У врат твоих, о царь, человек по виду из брахманов, а по имени Байдаба, и утверждает он, что явился к тебе, чтобы дать добрые

советы». Царь повелел впустить брахмана, и Байдаба вошел, опустив голову и сложив руки в знак почтения и покорности, а потом совершил земной поклон и встал перед царем, не говоря ни слова. И задумался царь Дабшалим о том, почему молчит брахман, говоря себе: «Этот человек явился ко мне по одной из причин: либо он желает попросить у меня подарок, чтобы спастись от бедности и лишений, либо с ним приключилось несчастье, с которым он не в силах бороться, и он припал к нашим вратам, дабы мы наказали его противника — злодея». Потом царь Дабшалим подумал: «Если цари отмечены среди прочих людей достоинствами власти, то достоинство философов перед царями — их мудрость, и в этом их превосходство, ибо мудрецы могут обойтись без царей, обладая знаниями, цари же без мудрецов не обойдутся при всем своем богатстве и силе. Понял я давно, что разум и боязнь бесславия — неразлучны, когда лишаешься одного, не будет и второго. Они словно два верных друга, что не в силах стерпеть разлуку, и если один умрет, то его наперсник не будет жить после его смерти и погибнет от нестерпимой тоски и печали. Поистине, кто не боится быть обесславленным мудрецами, не почитает их и не знает им цены среди прочих подданных, не хранит их от бед и несчастий, притеснений и унижений, тот лишен разума и погубил свою жизнь и свое царство, кто не воздает должное мудрецам, того следует причислить к глупцам и невеждам».

И затем Дабшалим поднял голову и, устремив взор на философа, сказал ему: «О Байдаба, увидев, что ты молчишь, не высказываешь свою просьбу и не выражаешь свое желание, я сказал себе: «Не дает ему открыть уста в нашем присутствии либо страх и уважение, либо волнение и смущение». Но ты стоял, не произнося ни слова, слишком долго, и тогда я, поразмыслив, истолковал твое поведение иначе и подумал: «Байдаба-отшельник мог явиться к нам, покинув свое убежище, вопреки обыкновению, лишь побуждаемый к этому важным делом. Ведь он — один из достойнейших мужей нашего времени, почему бы мне не спросить о причине его прихода? Если его кто-нибудь обидел, то кому, как не мне, подобает подать ему руку, поторопиться оказать ему всяческие почести, возвеличить его и выполнить все его желания. Если пришел он, домогаясь благ этого мира, я одарю его так, что он останется доволен. Коли явился он, намереваясь вмешаться в наши царские дела, в которых правителям не

должно уступать постороннему мнению, ибо тогда подданные потеряют к ним уважение, мы подумаем о том, как наказать его, хотя вряд ли мудрец, подобный Байдабе, осмелится заговорить об этом с царем. Если же дело, по которому он прибыл, касается подданных в каком-либо из моих владений, то я рассмотрю его, ибо совет мудреца — во благо, а слова невежды — во зло. Я сказал, а теперь — твой черед!»

Услышав слова царя Дабшалима, мудрый Байдаба успокоился и изгнал страх из своего сердца. Сложив руки, он поклонился царю до земли, а затем встал перед ним и промолвил: «Пусть первым моим словом будет моление всевышнему о добром здравии и долгом правлении царя Дабшалима, ибо он даровал мне ныне великую честь, что поставит меня превыше всех мудрецов, кои будут после меня во веки веков». Сказав это, Байдаба обратился к царю, просветлев ликом, ибо царские речи вселили в него великую радость, и промолвил: «Ты осенил меня, о царь, покровом своей милости и благосклонности. Знай же, что меня привело в царский дворец и побудило обратиться с речью к царю лишь желание дать искренний совет, который решился я довести до слуха царя. И пусть знает всякий, до которого дойдет сия весть, что я ни в чем не уклонился от цели, говоря о том, как надлежит поступать правителю с мудрецами. Если царь позволит мне продолжать мои речи и если они проникнут к нему в сердце, то это значит, что повелитель достоин доверия мудреца и философа и докажет это своими делами и решениями. Если же владыка отвергнет мои советы, оставив их без внимания, то я успокоюсь, зная, что исполнил свой долг со всем тщанием и буду избавлен от порицания».

Царь Дабшалим ответил: «О Байдаба, говори, что задумал, я приклонил слух к твоим устам и готов внимать твоим речам. Я выслушаю тебя до конца, а потом вознагражу по заслугам».

И Байдаба начал: «О царь, мы знаем, что человек отличен от прочих животных четырьмя свойствами, присущими только ему, и они — основа мироздания. Это мудрость, чистота нрава, рассудительность и справедливость. Под мудростью мы понимаем знание различных наук, умение обходиться с людьми и убеждать их. Рассудительность — это терпение и сдержанность, почтительность и благоразумие. Что касается чистоты нрава, то это целомудрие, стыдливость, щедрость, верность слову и умение держать себя с достоинством. И наконец,

справедливость — это стремление к истине, соблюдение обещаний, свершение добрых дел и совестливость. Все эти свойства причисляются к добродетелям, а их противоположности — к порокам. Если человек обладает добродетелями, то над ним не взойдет несчастливая звезда заблуждения в дольнем мире и не навлечет он на себя наказания в будущей жизни скудостью добрых дел, даже если он из сильных сего мира и обладает богатством и властью. Он не печалится о том, что преходяще, не грустит, если судьба уносит его достояние, и не падает духом, если его постигнет беда. Мудрость — неиссякающий клад и вечная сокровищница, неизносимый наряд и неизбывное наслаждение. И если я, представ перед царем, не сразу начал свою речь, то это, клянусь жизнью, было лишь из почтения и страха перед ним, ибо царей надлежит почитать, особенно же тех, коим прежде не было равных по величию и сану. Мудрые люди сказали: «Соблюдай обет молчания — будешь цел и избежишь наказания, избегай пустых речей, ибо они ведут лишь к раскаянию и сожалению».

Об этом рассказывают такую притчу:

Собралось некогда четыре мудреца в царском совете, и повелитель приказал им: «Пусть каждый из вас придумает изречение, что стало бы основой доброго нрава и разумного поведения». Первый мудрец молвил: «Лучшее украшение разумного — молчание». Второй сказал: «Самое полезное для достойного мужа — познать меру своего разумения». Третий возразил: «Полезнее всего для людей — не говорить о том, что их не касается». А четвертый заметил: «Человек может быть спокоен лишь тогда, когда вверится судьбе».

А вот другая притча:

Собрались некогда цари разных стран: Китая, Индии, Персии, Рума — и сказали: «Каждый из нас должен придумать изречение, достойное того, чтобы его записали и помнили до скончания века». Властитель Китая промолвил: «Я безраздельно владею неизреченным словом, но не в моей власти вернуть то, что слетело с уст». Повелитель Индии произнес: «Дивлюсь я тому, кто вымолвит хоть одно слово, — ведь даже если оно будет истолковано благосклонно, то не всегда принесет пользу, а если это слово сочтут дерзким, оно ввергнет человека в пучины смерти». Царь Персии воскликнул: «Пока я молчу, я — хозяин своего слова, но стоит мне произнести его, как оно

становится моим хозяином и владыкой». А царь Рума добавил: «Никогда не раскаивался я в том, что смолчал, но как часто жалел о том, что проговорился».

Смысл этой притчи в том, что молчание, по мнению царей, лучше многословия, от которого не следует ожидать какой-либо выгоды и пользы. Поистине, язык — виновник всех ошибок и заблуждений!

Но царь наш, да пошлет ему господь долгую жизнь, побудил меня к речам и дал мне волю, и прежде, чем изложить свою цель, я говорю, что дарю повелителю плоды своих трудов, дабы вся польза от них досталась ему, мне же наградой послужат лишь благие последствия моих назиданий, и это единственное, к чему я стремлюсь. Вся честь и слава по праву принадлежат царю, а я лишь исполняю свой долг.

Так вот о чем хочу я сказать:

«О царь, жилище, в котором ты пребываешь, — дворец твоих славных и могущественных предков, что основали это царство, заложив и укрепив его основы. Они покоряли страны, воздвигали крепости и замки, снаряжали сильные войска, и царство их было долговечно. Много было у них копий и мечей, боевых слонов и быстрых коней, и жили они долгие годы в радости и веселье. Но это не помешало им оставить по себе добрую память, заслужив благодарность потомков, и не препятствовало творить благодеяния знатным и быть милостивыми к простым людям. При всей своей силе и мощи и сладком опьянении властью они соблюдали величие царского сана и отличались добрым нравом.

Ты же, о царь, кому сопутствует счастье, чья звезда высоко взошла на небосклоне, унаследовал их владения и земли, их сокровища и построенные ими крепости и замки и пользуешься всеми правами на царство, имущество и войска, которые достались тебе по наследству от твоих достойных предков, но поступаешь не так, как тебе пристало и как тебе подобает. Ты притесняешь и обижаешь, превозносишься и кичишься, сошел со стези добродетели и добронравия и чинишь обиды своим подданным, так что твои злодейства стали нестерпимыми. Не лучше ли тебе следовать путем своих предков, что правили до тебя, и исполнять те добрые заветы, что они оставили на века? Брось притеснения, ибо из-за них на тебя падет позор, откажись от деяний, что навлекут на тебя бесчестье! Обрати благосклонный взор к своим подданным, твори для них добро, воспоминания о котором останутся и

после твоей смерти, прославив твое имя на все времена, и добьешься ты мира и спокойствия в подвластных тебе землях. Лишь тот, кто ослеплен своим невежеством, руководствуется в делах необузданными желаниями и своенравными побуждениями души, но решительный и разумный муж правит царством, проявляя мягкость и снисходительность к малым мира сего. Обдумай же, о царь, сказанное мною, и пусть не будут тягостны для тебя мои речи. Говорил я с тобой, не надеясь на твою благодарность или награду, а побуждала меня лишь любовь к тебе и желание дать совет от всего сердца».

До крайности разгневали Дабшалима речи Байдабы, и, когда тот кончил свои наставления, царь, исполненный презрения к философу, которого счел неразумным и ничтожным, грубо ответил: «Ты дерзнул обратиться ко мне с такими словами, какие, как я полагал, ни один из моих знатных подданных не посмеет произнести в моем присутствии. Что же говорить о тебе, слабом и немощном, при твоем низком положении? Я лишь дивился твоей наглости, когда ты распустил язык, преступив все пределы, и решил сурово наказать тебя, дабы это было наилучшим назиданием и увещеванием для тех, кто в будущем покусится на честь царей, которые по неосмотрительности допустили их к себе».

Сказав это, царь Дабшалим повелел казнить мудреца, а потом распять его. Но когда Байдабу повели к месту казни, царь, поразмыслив, приказал повременить, а затем решил заточить мудреца, заковав в железные цепи. Он разослал стражников в поисках учеников Байдабы и всех, кто был к нему близок, но те, узнав об этом, бежали в разные страны и укрылись на островах дальнего моря.

Байдаба много дней провел в темнице, и царь не спрашивал о нем, словно позабыв о его существовании, и никто не осмеливался произнести в его присутствии имя узника.

Как-то ночью царь никак не мог уснуть и долго томился бессонницей. Он глядел на небо и размышлял о том, как вращаются небеса и движутся звезды. Мысли об этом так долго мучили его, что им овладело неотступное желание изучить науку о небесных светилах и постичь все ее тайны. Тогда он вспомнил об ученом и мудром Байдабе и впервые спросил себя, почему тот обратился к нему с подобными речами. Царь долго думал, вспоминая слова Байдабы, и понял, что философ был прав и не желал ему зла. И царь раскаялся в

своем невежестве, грубости и жестокости и молвил: «Недостойно поступил я с этим философом! Надо было мне воздать ему добром за увещания и советы, а я обидел его и заточил в темницу! Вышло так потому, что я поддался гневу, а ведь мудрецы говорят: «Четыре свойства должны отличать царей: им не подобает быть гневливыми, ибо сие влечет за собой ненависть народа, скупыми, что непростительно при тех богатствах, коими они владеют, лживыми, ибо ложь отвратительна каждому, и резкими в словах, ибо грубость не способствует обретению истины». Ко мне явился достойный муж, не обманщик и не доносчик, не для того, чтобы кого-нибудь оболгать и оклеветать, а с добрым советом и искренним увещанием, но я обошелся с ним неподобающим образом и отплатил ему не тем, чего он заслуживал. Не злом следовало бы мне воздать ему, а выслушать его речи и поступать согласно его наказу».

И в тот же час царь Дабшалим послал за мудрецом, и когда тот предстал перед ним, сказал: «О Байдаба, как посмел ты обвинять меня в своеволии, безрассудстве и недостойном поведении в тех речах, что произнес в моем присутствии?» И Байдаба ответил Дабшалиму: «О милостивый царь, о надежда народа, я лишь стремился обратить тебя к поступкам, что будут способствовать процветанию подданных, твоему благу и продлению царской власти». Тогда Дабшалим промолвил: «О мудрец, повтори те слова, не упуская ни единого звука». И Байдаба повторил по велению царя свои назидания и увещания, и были его речи словно сверкающий жемчуг, а царь внимал ему, опустив голову и ударяя оземь своим царским скипетром.

Когда мудрец умолк, царь поднял на него взор и приказал ему сесть, а потом произнес: «О Байдаба, твои слова красноречивы и запали мне в душу. Я подумаю о том, что ты сказал, и буду поступать так, как ты велел».

И царь приказал снять с мудреца оковы, а потом, скинув с плеч кафтан, бросил его к ногам Байдабы, и тот с благодарностью принял царский подарок, сказав: «Для подобного тебе великого владыки достаточно выполнения лишь части того, что указано мною». И Дабшалим воскликнул: «Воистину так, достойнейший мудрец! Я назначаю тебя своим вазиром, и будет власть твоя простираться повсюду — от царского дворца до самых отдаленных окраин нашей державы!» Байдаба возразил: «О царь, избавь меня от этого дела, оно

мне не по силам, я могу быть лишь твоим помощником, советником и другом». И царь, отменив свой приказ, отпустил Байдабу с миром, но когда тот удалился, Дабшалим понял, что совершил ошибку. Послав за мудрецом своих слуг, царь велел ему вернуться, и, когда Байдаба снова предстал перед ним, он промолвил: «Я поразмыслил о том, что предложил тебе, и вижу, что никто, кроме тебя, не достоин высокого сана вазира. Не прекословь же мне и исполни мою волю!» И Байдаба, не видя иного исхода, должен был покориться.

По обычаю того времени вазиру надевали на голову золотой венец, и он объезжал столицу в сопровождении знатных людей и вельмож царства. И по велению царя мудрецу возложили на голову венец, он проехал вместе с придворными в сопровождении пышной свиты по улицам и площадям столицы и вернулся в царский дворец. Он стал судить по совести и справедливости, не делая различия между сильным и слабым, богатым и бедным, отбирал неправедно нажитое богатство у знатного и отдавал его нуждающемуся и обиженному, рассматривал жалобы на беззакония и заложил основы истинного правосудия. Он творил добрые дела и совершал благодеяния, раздавая подарки и не жалея собственного имущества.

Весть о возвышении Байдабы дошла до его учеников, и они собрались к учителю со всех концов света, радуясь тому, что бог заставил царя Дабшалима прислушаться к речам мудреца и изменить о нем свое мнение. Они благодарили всевышнего за то, что он помог мудрому Байдабе отвратить царя Дабшалима от его злодеяний, и ликовали. И до сего времени в тот день, когда был освобожден Байдаба, индийские земли полны радости и веселья, словно в самый великий праздник.

Вернув на стезю добра царя Дабшалима, мудрый Байдаба со всем тщанием принялся за сочинение книг об управлении царством, составив множество сочинений, где изложил свои мысли о справедливом обращении с подданными. И царь не сходил с пути, предписанного ему вазиром, был добр и справедлив со своим народом, и к нему прониклись любовью воины и брахманы, знатные и простолюдины, и ему завидовали цари соседних земель, ибо видели, какой порядок царит в индийских землях.

Однажды, собрав своих учеников, Байдаба щедро наградил их и обещал милости и благодеяния. Потом он сказал им: «Не сомневаюсь я

в том, что, когда решил я посетить царя Дабшалима, вы все твердили, словно одержимые одной мыслью: «Ушла от Байдабы мудрость, покинули его разум и прозорливость, если он отправился к этому тирану и злодею!» Но теперь вы увидели, как разумно я рассудил и как правильно поступил. И не так уж я опрометчив, чтобы иметь дело с царями, ничего не ведая об их нравах. Недаром мудрецы прошлых веков говорили: «Цари опьяняются властью, словно винным хмелем, и отрезвить их могут лишь наставления ученых и увещания мудрецов. Долг правителей — извлекать уроки из наших назиданий, наш же долг — наставлять царей и исправлять их нрав мудрыми речами. Нам следует представлять царям ясные доводы, чтобы они не забывали о справедливости и правосудии, как это обычно для них. Я счел первейшей обязанностью мудреца по отношению к правителю предупредить его, ибо философ пробуждает царя от сна всевластия, он — словно искусный лекарь, что поддерживает телесное здравие и помогает вернуть его при возникновении недуга. Не хотелось бы мне, чтобы после моей смерти и кончины царя Дабшалима люди по всей земле говорили: «Жил на свете Байдаба-мудрец в дни правления царя Дабшалима-злодея — и не удержал его от притеснений». Кто-нибудь скажет в мою защиту: «Он опасался за свою жизнь и поэтому не мог сказать ни слова». Но другие возразят: «Тогда ему следовало бы бежать из пределов царства Дабшалима, но он побоялся покинуть родные земли».

Тогда я решил пожертвовать собой, чтобы меня не осуждали мудрецы и философы после того, как я расстанусь с жизнью. Я смело бросил жребий, подумав: либо я погибну, либо добьюсь своей цели. И случилось то, что вам довелось узреть собственными очами. В пословице говорится: «Человек, желающий добиться высоких степеней, должен смириться с одной из трех вещей: несчастьем, что постигнет его самого, убытком в деньгах либо ущербом в чести». Кто всего опасается — ничего не добивается. Я полагаю, что царь Дабшалим в скором времени попросит меня составить книгу, в которой содержались бы начала философии, различных наук и искусства. Пусть же каждый их вас напишет по одной части, избрав предмет по своему желанию. Я рассмотрю написанное вами и пойму степень вашего ума и учености».

Ученики ответили философу: «О достойный мудрец, обладатель ясного разума, клянемся тем, кто наделил тебя всеми добродетелями и достоинствами, подобное нам никогда не приходило в голову. Ты — наш глава и предводитель, благодаря тебе заслужили мы честь и славу, и лишь твоя длань нас направляет. Мы приложим все старания, дабы исполнить то, что ты повелеваешь». Сказав это, ученики удалились, но никто из них не смог написать ни слова.

Шло время, царь Дабшалим не преступал пределов разумного и похвального поведения, а мудрый Байдаба помогал ему вершить государственные дела и блюсти справедливость. Держава Дабшалима усилилась как никогда прежде, и враги его присмирели, ибо вазир не спускал с них глаз, избавив царя от этой заботы, и постоянно твердил царю о пользе философии и науки. И повелитель Индии устремил все помыслы к изучению книг, что составили мудрецы индийского царства для властителей — предков Дабшалима, и его не оставляла мысль о том, что мудрецы должны составить и для него подобное сочинение, дабы увековечить его имя и дабы о днях его правления осталась непреходящая память, ибо не хотел он оказаться ничтожнее своих предков. И желание его иметь такую книгу становилось все сильнее.

Зная, что никто, кроме Байдабы, не справится с этим делом, он велел позвать к нему вазира, и когда они остались наедине, царь Дабшалим молвил: «О Байдаба, великий мудрец и философ земель индийских! После долгих раздумий я решил просмотреть все сокровищницы, что хранят книги, некогда принадлежавшие царям, моим предкам. Я увидел, что о каждом из них есть книга, в которой рассказывается о времени его правления, о его жизни и о его нраве, о тех, кто жил под сенью его власти. Некоторые сочинения составлены самими царями — теми, кто наделен был дивной мудростью, а другие написаны философами и учеными. Я боюсь, что, когда меня постигнет неизбежный конец, в сокровищнице моей не останется обо мне ни одной книги, благодаря которой была бы увековечена память обо мне, как навечно остались в книгах имена моих предков. Мне хочется, чтобы ты создал для меня красноречивую книгу, приложив все свое умение и старание, чтобы упоминалось в ней мое имя. Книга эта должна повествовать о том, как править царством, удерживать в повиновении простонародье и смягчать его нравы. Она поведает о похвальных обычаях царей, которым удавалось удерживать чернь от

смуты и вести народ путем повиновения и послушания. Как и я, мои потомки будут избавлены от многих забот, которые неизбежно влечет за собой царский сан. И хочу я, чтобы в этой книге, кроме явного смысла, был и тайный, заключающий в себе высшее знание и сокровенную мудрость. И если будет в книге множество верных советов и дивных слов, то память обо мне останется на веки веков».

Выслушав речи царя Дабшалима, мудрый Байдаба совершил земной поклон, а потом поднял голову и сказал: «О царь, да сопутствует тебе удача, пусть взойдет высоко на небосклоне звезда твоя и не закатится вовеки, пусть скроются все предвестники несчастья, пусть будут долгими дни твоей жизни и власти! Поистине, твоя благородная натура и острый разум подвигнули тебя на высокие деяния, твоя доблесть подняла тебя до небывалых высот и направила по стезе вечного блаженства. Да поможет бог тебе укрепить решимость и довести до конца это великое дело, а мне — выполнить твое повеление. Прикажи, и я исполню, со всем старанием, умением и прилежанием, как велит мне мой разум».

Царь ответил: «О Байдаба, ты всегда был известен своим благоразумием, и я испытал твою верность, поэтому и выбрал тебя для этой цели. Составь такую книгу после долгих размышлений, целиком отдайся делу и не жалей на то времени, как я не пожалею для тебя денег. Пусть в книге будет и серьезное, и забавное, и шутки, и мудрые изречения, и глубокие мысли».

Байдаба, сложив руки, поклонился царю и промолвил: «Да пошлет бог долгую жизнь нашему царю, я выполню его повеление, но прошу дать мне срок для его исполнения». — «Сколько же ты просишь?» — спросил царь, и Байдаба ответил: «Я прошу год». И царь Дабшалим сказал: «Да будет так». Потом он приказал выдать мудрецу достойное вознаграждение, которого хватило бы на все время написания книги, и философ стал размышлять о том, в каком виде составить это сочинение и с чего начать.

Вновь собрал своих учеников Байдаба и сказал им: «Царь поручил мне дело, которое принесет славу и нам, и всей нашей державе». И он рассказал им, какую книгу приказал составить царь Дабшалим, и пояснил, какова ее цель. Но никто из учеников не смог помочь ему, и понял он, что намного превосходит их всех ученостью и мудростью. И тогда решил он полагаться лишь на свой разум и собственные силы.

Он сказал себе: «Хоть знаю я, что корабль движется по волнам усилиями гребцов, в чьих руках весла, и матросов, которые поднимают и опускают паруса, но пересекает он морскую пучину лишь благодаря искусному кормчему, в одиночестве правящему рулем. Если на судне слишком много и путешественников, и корабельщиков, оно подвергается опасности и может утонуть».

Байдаба денно и нощно размышлял о том, какою будет книга, и наконец принялся за работу вместе с одним из своих учеников, которого считал самым одаренным и верным. Он запасся всем необходимым, чтобы хватило им на год, и заперся с учеником в своих покоях. Так Байдаба начал сочинение сей славной книги. Он диктовал ученику, а тот записывал его слова и повторял их. Они неустанно трудились целый год, и наконец Байдаба завершил свой труд, и отличался он ясностью изложения и мыслей и удивительной размеренностью частей. Мудрец разделил сочинение на четырнадцать глав, и каждая содержала некий вопрос и ответ на него, дабы читающий главу постиг до конца мысль, содержащуюся в ней.

Мудрец назвал свой труд «Калила и Димна» — так звали двух шакалов, героев этой книги, в которой разные животные и птицы ведут разумные речи, словно люди, а поступают неразумно, как им и подобает. Сделал он это для того, чтобы по виду сочинение казалось собранием забавных рассказов для увеселения знатных особ и простонародья, а по сути своей было бы пищей для избранных, чей разум изощрен философией и наукой. Он включил в свой труд все, что способно принести пользу в земной и будущей жизни, что потребно человеку для того, чтобы управлять собой и своими страстями, а также своими домочадцами и приверженцами, дабы побуждать к повиновению царям и сторониться того, что не ведет ко благу. Смешные рассказы о животных были издавна известны в народе, потому-то Байдаба придал своей книге подобное обличье, ибо повествование в ней увлекательно, а поступки зверей забавны, но в речах их — полезные назидания и великая мудрость.

И книгу он составил в таком виде не случайно, — прежде чем избрать манеру изложения и приняться за работу, Байдаба и его ученик долгое время размышляли, как исполнить повеление царя Дабшалима, сделав книгу и мудрой, и интересной, и, наконец, на них словно снизошло озаренье, и они решили, что мудрые мысли будут

высказывать бессловесные твари, коих наделили они человеческой речью. Показалось им смешным и забавным уподобление животных людям, и мудрость свою скрыли они под покровом смеха. Разумные и ученые люди, внимая сим рассказам, не станут смеяться над проделками животных, понимая, что все это — лишь уловка, повод для того, чтобы высказать те мысли, ради которых и составлена книга. Но глупцы и невежды нимало не усомнятся в том, что мудрый Байдаба желал их позабавить, будут дивиться его искусству и потешаться от всего сердца, читая о том, как ведут беседу неразумные звери. Они не постигнут ни смысла речей животных, ни истинной цели «Калилы и Димны».

Между тем в книге содержится множество важных мыслей. В первой главе философ повествует о дружбе и о том, что она может быть крепкой, только если люди будут сторониться доносчиков и их наговоров и остерегаться тех, кто стремится посеять вражду между друзьями, чтобы извлечь из этого для себя выгоду и пользу. Поэтому философ начал свою книгу с того, что поведал, как хитрый доносчик ссорит двух верных друзей.

Байдаба велел ученику записать в самом начале книги условие[8], которое поставил царь: сочинение должно быть и мудрым, и забавным. Сделал он это для того, чтобы у людей не было сомнений в том, как надо понимать «Калилу и Димну». Потом Байдаба приказал ученику упомянуть, что, приводя изречения различных философов и мудрецов, он не всегда называет их имена, ибо если перед каждым изречением и рассказом ссылаться на имена и приводить иснады[9], это испортит книгу и умалит ее силу.

Как было сказано, Байдаба и его ученик целый год не покидали покоев вазира, пока не завершили составление книги. И когда наступил назначенный срок, царь Дабшалим отправил к философу гонца и велел сказать: «Настало условленное время, ответствуй, исполнил ли ты то, что обещал мне?» И вазир Байдаба велел передать царю Дабшалиму: «Я сдержал свое слово. Пусть царь прикажет вельможам индийского царства собраться в его покоях, я же принесу книгу и прочту ее в царском диване». И когда гонец вернулся к царю и повторил слова вазира, Дабшалим возрадовался и тотчас же назначил день, когда должны будут собраться все знатные люди земель индийских. Он велел глашатаям во всех ближних и дальних краях

Индии возвещать о том, что люди должны явиться в столицу, ибо мудрый Байдаба будет читать там свою книгу.

И когда наступил тот день, царь повелел водрузить для вазира престол рядом с царским троном и установить сидения для царских сыновей, вельмож и ученых, а потом отправил гонца за вазиром. Когда посланец царя явился к Байдабе, тот встал, надел платье из грубой темной шерсти, которое носил каждый день, посещая дворец, и направился к царю Дабшалиму, поручив своему ученику нести книгу «Калила и Димна».

Лишь только мудрец вошел, все как один встали, и даже царь поднялся с трона, преисполненный уважения и благодарности к своему вазиру. Тот же, приблизившись к царю, совершил земной поклон, смиренно сложив руки, а потом стал перед царем, не поднимая взора. Царь воскликнул: «О Байдаба, подними голову, ибо сегодня — день радости, ликования и веселья!» Затем он велел мудрецу сесть, и когда тот уселся на высоком престоле, намереваясь начать чтение книги, царь Дабшалим принялся расспрашивать его о ее скрытом и тайном смысле, допытываясь о цели каждой главы. И Байдаба поведал о том, какие мысли заключены в книге «Калила и Димна», а потом прочел ее. И царь, полный восхищения и возвеселившись душой, промолвил: «О Байдаба, ты словно заглянул мне в душу и угадал все мои желанья! Проси же у меня всего, что тебе угодно!»

Но мудрец, пожелав Дабшалиму счастья и долгой жизни, молвил: «О повелитель, не нуждаюсь я в серебре и злате, изо всех одежд любезнее мне сия власяница, но все же я выскажу одно свое желанье». Дабшалим осведомился: «Что же это за желание? Знай, что все твои просьбы будут выполнены как подобает». И Байдаба попросил: «О царь, прикажи переписать эту книгу, как делали твои славные предки, и беречь ее как зеницу ока, ибо опасаюсь я, что мудрость, заключенная в ней, выйдет за пределы краев индийских и ее подхватят персы, познав про ее силу. Вели же поместить эту книгу туда, где находятся самые ценные из царских сокровищ, и пусть она хранится в целости, под семью замками». Царь обещал Байдабе в точности выполнить его завет, а потом, подозвав к себе учеников вазира, щедро наградил их.

Прошли долгие годы и века, и в персидских землях стал править Хосрой Ануширван, что был одержим страстью к наукам и искусствам, любил читать старинные книги и изучать историю древних народов.

До него дошла весть о книге «Калила и Димна», и он не находил себе места, желая проникнуть в ее тайны. И отправил он в Индию своего лекаря Бурзое, который применил всю свою ловкость и хитрость, дабы переписать эту книгу. Так покинула она пределы земель индийских и ее мудрость стала достоянием персов».

ГЛАВА, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ПОЕЗДКЕ БУРЗОЕ В ИНДИЙСКИЕ ЗЕМЛИ

Поистине Всевышний сотворил людей по своей милости и одарил рабов по своей благости и щедрости. Он наделил их свойствами, помогающими им достойно пройти трудный путь в дольнем мире и добиться спасения души от мук в будущей жизни. И наилучший дар человеку от всевышнего Аллаха — это разум, основа всех вещей[10], без которого никто в мире не может устроить свою жизнь, добиться чего-либо полезного или отвратить вредное. Заботящийся о судьбе, что постигнет его на том свете, ревнующий о свершении добрых дел, дабы спасти ими душу, добьется удачи и совершенства в своих деяниях лишь с помощью разума, ибо он — причина всех благ и ключ к счастью, и без него не обойтись ни одному человеку. Созревает разум по мере приобретения опыта и учености, но зерно его таится в душе человеческой подобно тому, как огонь скрыт в камне, и свет его не виден до той поры, пока по нему не ударят огнивом, и лишь тогда обнаружится в нем огненная стихия.

Так и разум: от рождения он присущ человеку, но проявляется в полной мере, только если его подкрепит опыт и изощрит ученость, и тогда он ведет человека к добру и помогает ему сторониться зла. Лучшее в мире — разум и знания! Кто одарен острым умом и кому знания помогают проявить свою истинную природу, всеми силами домогается счастливой доли, добивается исполнения надежд в земной жизни, и ему дарован в загробном мире удел блаженных.

Бог наделил царя Ануширвана, повелителя персов, счастливым жребием, даровав ему выдающийся разум и обширные знания. Он знал все необходимое, поступал как должно и изучал самое полезное. Ануширван был сведущ в различных науках, а в философии поднялся до таких высоких степеней, до которых не дано было дойти никому из владык, правивших ранее него. Во время своих ученых занятий и долгих изысканий Ануширван узнал, что в Индии есть некая книга, которую считают основой всех знаний и началом всех наук, путеводителем к благу, ключом к слову и делу, коими достигается счастье в жизни будущей, и средством спасения от ее ужасов, уроком

для царей и руководством к управлению державой. И книга эта, что высоко ценится владыками и мудрецами, хранится в царской сокровищнице, и чужеземцам нет к ней доступа. И узнал он, что название этой книги — «Калила и Димна».

Царь долго расспрашивал об этой книге, и, когда подтвердились вести о том, что в ней заключены сокровища знаний и мудрости, он потерял покой, желая добыть книгу «Калила и Димна», дабы узнать и испытать ее чудесные свойства. Тогда Ануширван приказал Бузургмихру, своему вазиру, найти из числа жителей персидского царства образованного и разумного человека, сведущего в языках персов и индийцев, прозорливого и красноречивого, одержимого жаждой познания, трудолюбивого и прилежного, неутомимого в учении и поисках философских сочинений. И Бузургмихр привел к царю мужа, что прославился мудростью, образованностью и глубокими познаниями в науке врачевания, искусного в обоих языках. Звали того мужа Бурзое.

Войдя к царю, Бурзое сложил руки и совершил земной поклон, а царь сказал ему: «О Бурзое, выбор мой остановился на тебе, ибо дошло до меня, что ты — человек достойный, ученый и разумный и готов отправиться на поиски знания в самые дальние земли. Сообщили мне, что в сокровищнице царя индийцев хранится некая книга». И затем Ануширван поведал Бурзое о том, что ему стало ведомо о «Калиле и Димне». Потом он добавил: «Собирайся, я отправляю тебя в индийское царство. Прибегни ко всяческим ухищрениям, примени свое умение обходиться с людьми, свой ум и проницательность, но добудь мне эту книгу, что берегут они в сокровищницах пуще собственного ока. И привези нам, сколько будет в твоих силах, неизвестных у нас книг из их хранилищ, этим ты окажешь нам великую услугу и получишь для себя немалую пользу. Возьми с собой денег, сколько пожелаешь, и поторопись с исполнением моего приказа. И не упускай случая изучить в землях индийских любую незнакомую науку, как бы ни были велики расходы. Если узнаешь что-либо новое и осведомишь нас об этом, вся царская казна к твоим услугам».

Потом царь Ануширван велел явиться астрологам и звездочетам, и они составили гороскоп и назначили благоприятный день и час для начала путешествия Бурзое. И тот уехал, взяв с собой двадцать мешков денег, и в каждом мешке было десять тысяч динаров.

Прибыв в Индию, Бурзое посещал и площадь у врат царского дворца, и рынки, где собирается простонародье. Он расспрашивал о приближенных царя и прочих вельможах, о философах и ученых, обращался к именитым мужам со словами привета и посещал их дома, всюду говоря, что он чужестранец, прибывший в Индию, чтобы научиться всевозможным наукам и искусствам, нуждающийся в покровительстве, помощи и руководстве. Так провел Бурзое долгое время, обучаясь у индийских мудрецов тем наукам, что давно постиг в совершенстве, но делал вид, что все это ему неизвестно, и хранил в тайне свои подлинные цели. И за этот немалый срок завел он себе множество друзей — вельмож и царедворцев, философов и ученых, знатных и низкорожденных, людей всякого положения и состояния. Но среди всех своих приятелей Бурзое имел лишь одного надежного наперсника, человека по имени Адое, кому мог он поверять свои тайны и беседовать с ним обо всем, чего душа его желала, не скрывая своих мыслей, ибо тот индиец был достойным и праведным мужем и преданным другом. Бурзое советовался с ним обо всем и находил душевное успокоение, рассказывая ему о том, что его заботило и занимало. Скрывал он от него лишь то дело, ради которого прибыл в индийские земли, ибо хотел лекарь до конца узнать и испытать своего друга и удостовериться, что он достоин быть посвященным в тайну. Бурзое без устали подвергал его разным испытаниям, пока не преисполнился к нему полного доверия, ибо понял, что сей муж надежно хранит тайны и может оказаться весьма полезным, что он стыдится отказать в просьбе и, дав обещание, неукоснительно его исполняет. И тогда Бурзое преисполнился к своему другу еще большей любви и уважения… Но до самого дня, когда намеревался лекарь открыть Адое свою тайну, он не оставлял и других своих приятелей. Он не жалел денег, чтобы еще более расположить их к себе, устраивал для них пирушки и пил с ними вино, но никто из них не проведал о его тайных целях.

Когда же Бурзое окончательно решился довериться другу и попросить у него помощи и поддержки, это произошло вот как. Однажды сидели они в доме Бурзое, и лекарь промолвил: «О брат мой, не хочу я больше скрывать от тебя свою тайну. Знай же, что я приехал в ваши земли совсем не по тому делу, о котором твержу вам, и не для того, чтобы изучать разные науки. Разумному и проницательному

достаточно взглянуть на человека, чтобы понять, каков он и что таится в его сердце».

Индиец ответил ему: «Хотя я и не заговаривал с тобой о целях твоего прибытия, но давно уже понял, что ты домогаешься вовсе не того, о чем говоришь повсюду. Но я дорожу нашей дружбой, и ни разу не показывал вида, что мне известно о твоем притворстве. Я не хотел обвинять тебя, несмотря на то что мне ясно, с какими намерениями прибыл ты в наши земли. Но раз уж ты сам завел разговор и решил мне открыться, то я поведаю тебе, кто ты, для чего явился к нам, и обнаружу твои тайные мысли. Воистину, ты здесь для того, чтобы похитить наши самые драгоценные сокровища и увезти их в свое царство, на радость царю персов. Ты проник в наши дома и души коварством и обманом, но, узнав тебя, я был поражен тем, насколько ты осторожен и разумен, и пожелал сохранить нашу дружбу, дорожа ею превыше жизни, ибо я увидел, как ты терпелив, как настойчив в достижении цели и как сдержан, — ведь за все это время ты не обмолвился ни словом, что могло бы тебя выдать. Клянусь, что среди всех моих знакомых нет человека разумнее и образованнее тебя, более прилежного в учении, что смог бы так долго беречь свою тайну, особенно на чужбине, в дальней стране, среди народа, чьи обычаи и нравы ему незнакомы. Подлинно разумный человек отличается такими свойствами: он ласков с людьми и мягок в обращении, он познал самого себя и всегда верен своей натуре, он повинуется владыкам и поступает так, чтобы не вызвать их гнева, он знает, кому поверять свои тайны и каким образом поведать их другу, в палатах царей он учтив и льстив, он умеет хранить тайны не только свои, но и чужие, он не повинуется своеволию своего языка, его злейшего врага, и говорит лишь то, что не может принести ему вреда, он молчалив среди людей и раскрывает уста, лишь когда к нему обратятся с вопросом. Наделенный всеми этими свойствами вечно пребудет во благе, а в тебе они проявились во всем совершенстве, как мне уже давно стало ясно. Да хранит тебя Всевышний, да поможет он тебе добиться цели, ради которой ты явился к нам, претерпев множество тягот. Пусть я лишусь достояния, чести и доброй славы, но помогу тебе получить то, чего ты желаешь».

Тут Бурзое понял: друг проник в его мысли, и потому сильно огорчился, ибо тот счел его лицемером, уверившись, что избран

лекарем в наперсники лишь для того, чтобы с его помощью похитить сокровища царей индийских. Но он также преисполнился радости, ибо постиг, как верен ему Адое, не пожелавший предать его, хотя счел обманщиком и вором, обратившимся к нему с откровенными и ласковыми словами.

Призвав в помощники свой разум и понадеявшись на удачу, лекарь промолвил: «Я хотел довериться тебе и приготовил разные доводы и долгие речи, идя от общих вещей к частностям, как требует от нас наука логики, но все это оказалось ненужным, ибо ты опередил меня, раскрыв передо мною душу и выказав искреннюю любовь и верность. Ты полагаешь, что проник в мои мысли и постиг мои цели, но мне достаточно будет немногих слов, чтобы опровергнуть твое заблуждение и показать, что ты ошибаешься. Твоя готовность помочь мне — лучшее свидетельство твоего великодушия и преданности. Ведомо мне: тайна, поверенная философу, сдержанному и разумному мужу, будет свято храниться, словно драгоценное сокровище в укрепленном замке».

На это индиец отвечал: «Ничто не может быть выше и превосходнее сердечной дружбы. Чистосердечный друг заслуживает того, чтобы прилепиться к нему душой, ничего от него не скрывать и не иметь от него никаких секретов, ибо умение хранить тайну — первое свойство достойного мужа. Если тайна стала достоянием надежного и скромного, то можно быть уверенным, что он никогда не разгласит ее, ибо неспособен на это по своей природе. Нельзя сохранить тайну, если те двое, коим она известна, обсуждают ее между собой и ведут о том долгие речи. Ведь если нечто ведомо двум болтливым, то неминуемо появится третий, поверенный одного из них, и тогда сказанное разойдется по всему свету, так что не отопрешься — ведь невозможно отрицать неопровержимое. Ведь если после грозы облака разошлись и небо прояснилось, никто не скажет: «Спустилась грозовая туча». Что же касается нас, то признаюсь я, что общение и дружба с тобой приносят мне ни с чем не сравнимую радость, хотя я знаю, что ты стал моим другом, чтобы заручиться моей помощью в таком деле, которое неизбежно обнаружится и станет явным, так что люди будут о нем твердить до скончания века. Я ввергну себя в пучину горя и неизбежной гибели, ибо царь наш свиреп и жесток, от него не откупишься никакими деньгами, он беспощадно карает за малейшую

провинность, что же говорить о таком великом преступлении? Если я, побуждаемый дружбой к тебе, буду способствовать похищению сокровищ, ничто не отвратит мести нашего владыки!»

И Бурзое промолвил: «Мудрецы восхваляют мужа, что хранит тайну своего друга и способствует его успеху. Что же касается того дела, ради свершения которого я прибыл в ваши земли, то успех его всецело зависит от тебя. После долгих раздумий я решился довериться тебе, ибо уверился в том, как ты благороден, разумен и достоин доверия. Знай же, что не домогаюсь я ваших сокровищ, мне не нужно ни серебро, ни злато, ни драгоценные каменья, и влекут меня лишь алмазы вашей мудрости и те дивные книги, что составили философы земель индийских, особенно сочинение, носящее имя «Калила и Димна», ибо дошло до нас, что в нем кроется несравненная мудрость. Я знаю, что тебе сопутствует счастье и ты можешь помочь мне добыть эту книгу, дабы я переписал ее и переложил на язык персов. Ты прозорлив и понимаешь, что тебя я не выдам, но опасаешься, что о нашем договоре проведают царские слуги и донесут царю о твоем проступке. Но я обещаю тебе, что никто ни о чем не узнает, а когда я завершу свое дело, я тотчас же покину ваши земли».

А надо сказать, что Адое-индиец был царским казначеем и в его руках находились все ключи от сокровищ. Когда лекарь рассказал ему о своей истинной цели, он согласился помочь ему и добыть для него книгу «Калила и Димна» и другие сочинения индийских мудрецов и ученых. Получив их, Бурзое занялся составлением комментариев и переводом с индийского языка на язык персов. Денно и нощно он трудился, напрягая ум и изнуряя тело, изнывая от страха перед царем индийским и опасаясь, что тот вдруг вспомнит об одной из этих книг и прикажет принести к нему, но ее не окажется на месте, и тогда он погубит и себя, и своего друга.

Переписав книгу «Калила и Димна» и другие сочинения, которые счел полезными, Бурзое отправил царю Ануширвану послание, сообщая о своем успехе и испрашивая позволения остаться в Индии еще недолгое время, дабы изучить и переписать прочие книги. Получив вести от Бурзое, Ануширван обрадовался до крайности исполнению своих желаний. Но, опасаясь, что превратности судьбы, встав у него на пути, могут отравить его радость, он не дал лекарю отсрочки, а приказал ему поспешно собираться в дорогу, укрепив свою

решимость надеждой на достойное воздаяние и щедрое вознаграждение, обещая Бурзое, что назначит его своим вазиром. Он призывал его не медлить и быть в пути доблестным и стойким перед лицом всех опасностей, ибо лишь стойкость приводит к благу и успеху в дольнем мире и будущей жизни.

Царь персов отправил свой приказ с самым надежным и скорым посланцем барида[11] и велел ему скакать по непроторенным тропам и остерегаться соглядатаев индийского царя, дабы послание не попало им в руки. Тогда все тайное станет явным и все старания Бурзое пойдут прахом.

Прибыв в Индию, посланец царя Ануширвана тайно встретился с Бурзое и вручил ему грамоту с повелением собираться в дорогу, и лекарь, повинуясь царской воле, тотчас же занялся приготовлениями и направился в страну персов. Прибыв на родину, Бурзое немедленно явился к своему повелителю, и Ануширван, которому сообщили о его приходе, принял лекаря немедля. Едва Бурзое вошел в царские покои, Ануширван увидел, как он худ, изнурен и бледен, почувствовал жалость и промолвил: «Преданный раб по праву должен насытиться плодами добрых дел, что взрастил он своими руками! Радуйся и ликуй, ты заслужил от нас великую благодарность, и мы возвеличим тебя и вознесем на небывалую высоту, наградив как подобает».

Он велел Бурзое отдыхать семь дней, а на восьмой день созвал в свой дворец всех вельмож, ученых и эмиров. Когда они собрались, Ануширван послал за лекарем, и тот явился, и слуги несли за ним все переписанные и переведенные им книги. Он читал их собравшимся, одну за другой, и царедворцы, внимая великой мудрости, что была заключена в тех сочинениях, радовались и дивились, благодарили бога за ниспосланную им милость и возносили хвалу Бурзое, что подвергал опасностям свою жизнь и изнурял тело и великими трудами добыл эти бесценные книги.

И царь приказал открыть перед Бурзое сокровищницы, где хранились яхонты и изумруды, серебро и злато, и велел лекарю брать драгоценных каменьев и дорогой одежды, сколько тот пожелает, промолвив: «О Бурзое, я повелеваю, чтобы для тебя установили престол, подобный царскому трону, увенчали тебя царской короной и почитали превыше всех моих вельмож и царедворцев». Бурзое, совершив земной поклон перед царем, вознес богу моление о царском

здравии и промолвил: «Да пошлет бог высшую честь и славу царю в этом мире и в будущей жизни, да вознаградит и воздаст ему за оказанный мне почет. Я не нуждаюсь в деньгах, ибо богат милостью царя, да будет счастлив его жребий и беспредельна его власть. Мне не нужны обильные дары, но царь возложил на меня бремя своей щедрости, и понял я, что доставлю радость повелителю, если буду нести сие почетное бремя. Я войду в сокровищницу и возьму что-нибудь, дабы не противоречить царю и исполнить его повеление».

Сказав это, Бурзое отправился в сокровищницу, где были сложены дорогие одеяния, и взял резной ларец с царской одеждой дивной хорасанской работы. Выбрав понравившиеся ему одежды, Бурзое вернулся к царю и молвил: «О царь, да пошлет тебе бог долгую жизнь и вечную славу, как будет вечной моя благодарность, и не уменьшит ее то, что пришлось мне претерпеть множество трудов и лишений. Но я не сожалею о потраченном времени, ибо довелось мне исполнить царскую волю, и я знаю, что мои старания послужат возвеличению славного дома Хосроев. Следуя стезей послушания и покорности, я счел трудное легким и невозможное осуществимым, беда казалась мне радостью, а обида — наслаждением, и постоянно памятовал я о том, что должен добиться цели, хотя бы ценою собственной жизни. Но я прошу тебя, о царь, помочь мне исполнить мое желание и удовлетворить мою просьбу — хоть она и незначительна, но жду я от нее великой пользы».

И царь Ануширван сказал: «Молви — и мы исполним все, что ты попросишь, требуй — и ты получишь все, что захочешь, изложи свои желания — и ты не встретишь отказа, ибо ты велик в наших глазах, и если бы тебе пришло в голову разделить с нами царскую власть, мы согласились бы и на это и не отвергли бы твоих притязаний, что же говорить о прочем! Не стыдись же и отверзни уста, о Бурзое, — мы не поскупимся на награду!»

Бурзое промолвил: «О царь, не стоит упоминать о том, что я был прилежен, выполняя твое повеление, и не жалел трудов, выказывая повиновение, ведь я твой раб, и мой долг — отдать жизнь для твоего благополучия и счастья. И даже если бы мой повелитель не вознаградил меня, я не счел бы это великой обидой, ибо царь не обязан награждать за должное, а делает это лишь по своему несравненному благородству и щедрости, отличив меня и мой род высокими

почестями, так что, кажется, наделил бы меня всеми благами земной и будущей жизни, если бы смог собрать их в своей сокровищнице. Пусть же бог вознаградит повелителя за его благодеяния».

Ануширван, выслушав слова Бурзое, воскликнул: «Высказывай свою просьбу без промедления, и я обрадую тебя ее исполнением!» И Бурзое промолвил: «Я прошу царя, да возвеличит его бог, приказать вазиру Бузургмихру, сыну Бахтагана, написать отдельную главу, прибавив ее к книге «Калила и Димна». Пусть он расскажет в этой главе от моего имени все, что ему известно обо мне, не упустив ни одной мелочи и подробности, какие только сможет узнать. О повелитель, вели вазиру не жалеть трудов, приложить все старания, все способности разума и страсть души, дабы повесть обо мне была изложена в дивных красноречивых словах. Возьми с вазира Бузургмихра торжественную клятву, что он исполнит со всем тщанием порученное ему дело, а завершив главу, поместит ее перед главой о льве и быке, в самом начале книги. Если царь выполнит мою просьбу, то вознесет меня и весь мой род на вершину чести, о нас на веки веков останется добрая слава и обо мне будут помнить всюду, где прочтут эту книгу».

Выслушав речи Бурзое, Хосрой Ануширван и все его вельможи подивились величию помыслов лекаря, ибо в душе его было лишь одно желание — навеки остаться в памяти потомков, и одобрили его выбор, сочтя награду заслуженной за такой подвиг. И Хосрой промолвил: «О Бурзое, я исполню твою просьбу с любовью и уважением, поистине, ты достоин щедрого воздаяния и всяческих почестей. Какой малостью ты удовольствовался и как легко нам исполнить твое желание, а ведь тебе это представляется великой милостью!»

Затем, обратившись к своему вазиру Бузургмихру, Хосрой сказал ему: «Ты знаешь, как доблестно служил нам лекарь Бурзое, каким гибельным опасностям подвергал он свою жизнь, которую готов был принести в жертву ради нашего благополучия, как он изнурял свое тело, дабы доставить нам радость, какое великое благодеяние оказал нам, добыв для нас с божьей помощью алмазы науки и мудрости, коими навеки воссияет наша слава. Тебе ведомо, какие сокровища мы предлагали ему, дабы вознаградить за его деяния, но он, не прельстившись богатством, предпочел иную награду. И что сочли мы

ничтожным, то ему представляется великой честью. Я желаю, чтобы ты откликнулся и выполнил его просьбу, доставив мне этим немалую радость. Постарайся не упустить ни единой малости и подробности, прояви прилежание и не пожалей усилий, даже если дело покажется тебе трудным. Я приказываю тебе написать отдельную главу, что походила бы на остальные главы книги о Калиле и Димне, в которой ты расскажешь от имени Бурзое о его заслугах. Ты начнешь с того, что осведомишь, откуда пошел его род, какого он происхождения и каким ремеслом занимался до того, как мы отправили его в земли Индии. Ты поведаешь о том, зачем совершил он свое дальнее путешествие и что привез он нам из Индии, озарив нас славой и возвеличив надо всеми земными царями. Восхваляй и превозноси Бурзое как только можешь, всеми путями старайся увековечить его имя, ибо в долгу перед ним и я, и мои вельможи, и все жители моего царства, а особенно ты, вазир, ибо всем известна твоя страсть к наукам. Постарайся, чтобы та часть, что написана от имени Бурзое, содержала самые красноречивые слова и благородные мысли, превосходя другие главы этой книги, излагала основы мудрости, дабы подготовить душу к изучению философии. И вместе с тем, она должна быть занимательной, чтобы понравиться и вельможам, и простолюдинам. Ты, о Бузургмихр, счастливейший из смертных, ибо тебе одному поручаю я сие важное дело. Завершив главу, помести ее в начале книги и тотчас извести меня, дабы собрал я всех вельмож, и ты прочтешь им написанное тобой по моему приказу. И все поймут тогда, насколько превосходишь ты всех царедворцев мудростью и стремлением заслужить нашу любовь, и твои труды принесут тебе славу».

Выслушав слова царя Ануширвана, Бузургмихр понял, как высоко тот его ценит и, совершив земной поклон, промолвил: «Да будет вечной твоя слава, о владыка! Да возвысит тебя бог надо всеми царями в земной жизни, а в загробном мире да пошлет он тебе удел блаженных! Ты оказал мне честь, навеки прославив мое имя».

Сказав это, Бузургмихр покинул царя и, возвратившись к себе во дворец принялся за дело. Он описал всю жизнь Бурзое, не забыв ни одного из его достоинств. И, рассказав о его мудрости, похвальном поведении, добром нраве и бескорыстии, составил главу наилучшим образом, словно нанизав на нить повествования жемчужины речи. И наконец Бузургмихр известил царя о том, что завершил свою работу.

И царь, собрав своих вельмож и придворных и самых достойных людей персидского царства, приказал Бузургмихру и Бурзое явиться в его покои. Они встали рядом, и вазир прочел с начала до конца жизнеописание этого достойного мужа, а владыка Ирана радовался и дивился, поняв, как велика мудрость и ученость его вазира Бузургмихра. Все стали восхвалять и благодарить вазира, и Ануширван щедро одарил его деньгами, драгоценной одеждой, сосудами и украшениями из серебра и злата.

Но Бузургмихр не принял этих подарков, взяв лишь одно из царских платьев, а Бурзое благодарил его и целовал ему голову и руки.

Потом, обратившись к Ануширвану, Бурзое промолвил: «Да пошлет тебе Аллах долгую жизнь, да будут вечными твое счастье и слава твоей державы, ты оказал мне и моему роду великую честь, приказав своему вазиру Бузургмихру составить мое жизнеописание в отдельной главе, дабы мое имя осталось в веках. Твое благодеяние не имеет равных, ни один владыка не почтил своего раба подобным даром. Живи вечно, и пусть слава твоя затмит повествования о твоих великих предках! Будь здрав и удачлив, и пусть счастье станет твоим неразлучным спутником и другом! Да воздастся добром мудрому Бузургмихру, сыну Бахтагана, превознесшему меня сверх меры. Но какие бы я ни вел долгие речи, язык мой не в силах выразить всю благодарность, и в этом уповаю я на всевышнего бога».

ПРЕДИСЛОВИЕ АБДАЛЛАХА ИБН АЛЬ-МУКАФФЫ

Это — книга «Калила и Димна», в которой собраны притчи и рассказы, созданные мудрецами земель индийских, вдохновленными стремлением найти самые красноречивые слова, дабы выразить наиважнейшие, по их мнению, мысли. Ученые люди и философы всех народов стремились к тому, чтобы их слова были понятны и доходчивы для людей всех сословий, и использовали для этой цели разные уловки и всевозможные средства. Одной из таких уловок было то, что книга, о которой здесь веду я речь, составлена в виде басен о животных и птицах, что умеют говорить, словно люди. Таким путем достигнуты две важные цели: философы и мудрецы получили возможность изъясняться иносказаниями и с большей свободой высказывать свои воззрения, а книга стала не только поучительной, но и забавной. Мужи разумные ценят ее за глубину, а глупцы и невежды — за веселые рассказы. Юноша, постигший основы наук, старающийся усвоить все, чему его учат, запоминает эту книгу, не понимая как следует ее смысла, — он повторяет, не задумываясь, то, что записано черным по белому, на пергаменте иль на бумаге. И лишь по прошествии многих лет станет ему понятно, что испил он из неиссякаемого источника мудрости и знаний и уподобился человеку, который, достигнув зрелости, увидел, что его родители накопили столько сокровищ и собрали столько добра, что избавили его на всю жизнь от необходимости зарабатывать себе на жизнь и трудиться ради куска хлеба. Поистине, тот, кто изучал в молодости книгу «Калила и Димна», став взрослым, уразумеет, что мудрые уроки жизни, содержащиеся в ней, заменяют все прочие науки.

Тому, кто читает эту книгу, следует знать ее цель — ведь не зря в ее притчах неразумные животные и бессловесные твари высказывают глубокие мысли. Читатель должен постигнуть то философское учение, что изложено в виде притч и басен, ибо иначе он никогда не догадается о подлинном смысле всех этих рассказов, и истина навеки останется для него запретным плодом и недостижимой мечтою. И тогда не помогут ему даже предисловия, которые предшествуют басням

«Калилы и Димны», а если он просматривает книгу, не желая вникнуть в прочитанное, стремясь лишь дойти до конца, то не получит никакой пользы и труды его будут напрасны.

Мудрецы говорят: кто изучал науки и прочел множество сочинений, но не удосужился поразмыслить о их сокровенном смысле, подобен человеку, о котором рассказывают такую притчу:

Однажды проходил тот человек по пустырю, и показалось ему, что в этом месте должен быть зарыт клад. Он стал копать землю и действительно нашел много серебра и золота. Он сказал себе: «Если я сам перенесу все это, то устану, и тогда моя удача не принесет мне радости. Найму-ка я носильщиков и отправлю их к себе домой, а сам пойду за ними. Уделю я малую толику от великого богатства и буду спокойно жить, избавившись от забот и тревоги». Приняв такое решение, он привел носильщиков, и, взвалив каждому на плечи по полному мешку, велел им идти к нему домой, а сам остался, чтобы подобрать все до последней монетки. Когда же тот неразумный пришел домой, то не нашел ни носильщиков, ни денег. Было у него несметное сокровище, а остались жалкие крохи, и пришлось ему печалиться и горевать о своей утрате. И все это случилось потому, что он не подумал о последствиях и не сумел довести до конца начатое дело.

Подобное может случиться с тем, кто прочтет книгу «Калила и Димна», не вникнув в ее смысл и не постигнув ее внешней и внутренней цели; он не поймает своего счастья, которое само давалось ему в руки, и упустит свою выгоду и пользу. Ибо взяв орех, следует разбить скорлупу и извлечь ядро, иначе не поймешь его вкуса. А поверхностный читатель уподобится человеку, о котором рассказывают такую притчу:

Один человек изучал риторику. Однажды пришел он к своему другу-ученому и попросил его записать все риторические фигуры[12]. И тот исполнил его просьбу, сделав запись на листке желтого пергамента. Взяв листок, любитель риторики отправился домой и принялся усердно читать запись, не вникая в смысл и не понимая значения. Однажды он, находясь в обществе образованных людей, пустился в разговор и неправильно употребил какое-то слово. Один из присутствующих заметил: «Ты ошибся, надо говорить вовсе не так». Тот человек воскликнул: «Как же я могу ошибаться, если я прочел

желтый листок, и он до сих пор у меня дома?» Эти слова были лишним доводом против него и еще яснее показали, как велико было его невежество и как ничтожны познания.

И если разумный муж поймет сокровенный смысл этой книги и до конца постигнет ее мудрость, то следует ему поступать сообразно тому, что он узнал, дабы извлечь пользу из своих знаний. Он должен сделать это сочинение своим образцом и примером, иначе уподобится некоему неразумному мужу, о котором рассказывают такую притчу:

Однажды ночью, когда тот человек спал, вор перелез через стену и пробрался в его покои. Хозяин дома понял, что случилось, но сказал себе: «Клянусь богом, я буду молчать, пока не увижу, что этот разбойник станет делать. Я не спугну его, пускай он и не ведает, что я вижу его и знаю о его присутствии. Когда же он захочет убраться, я встану, и ему придется худо!» Хозяин лежал тихо и не шевелился, притворяясь спящим, а вор начал ходить по дому. Он долго рыскал, выбирая вещи, что казались ему самыми дорогими, а тот человек тем временем не выдержал и снова уснул, побежденный дремотой. Вор отобрал самое ценное и спокойно ушел, а хозяин проснулся и увидел, что от его добра почти ничего не осталось. Тогда он стал осыпать себя упреками и бранью — ведь он, зная, что у него в доме вор, не смог предотвратить кражи. И его знание не принесло ему никакой пользы.

Наука и знание бесполезны, если неприменимы к жизни, ибо они — словно бесплодное древо, и расцветут, лишь когда обратятся в дело. Желающий вкусить от плода знания должен быть деятельным, если же он не в силах применить то, что ему ведомо, то не может назваться разумным. Путник, испытавший ужасы опасной дороги, не пойдет по ней снова, если же безрассудство повлечет его опять в пучины опасности, то его знание и опыт окажутся бесполезными и такого человека следует называть глупцом и невеждой.

О смертный, загляни себе в душу, и увидишь, что желания и страсти влекут тебя к тому, что разум считает вредоносным! Как похож ты на странника, что влачится по гибельному пути, не ведая, куда направляется! Не будь рабом необузданных страстей и низменных желаний, исполняй свой долг, как подсказывает тебе опыт, не отвергай советов мудреца, или уподобишься больному, которого чревоугодие и жадность заставляют предпочитать вредную и тяжелую пищу легкой и

полезной, хотя ему известны свойства всех кушаний и напитков и он знает, что усилит его болезнь и что избавит от недуга.

Немало таких, что словно опасаются творить благие дела, но не боятся совершать неподобающее, и менее всех достойны снисхождения те из них, кои умеют отличить добро от зла и понимают превосходство и преимущества добра. Ведь если упадут в пропасть зрячий и слепой, которых судьба свела в пути, то в этом виновен наделенный зрением, видящий дорогу, но не остерегшийся, слепец же не ведает, куда направляется.

Мудрый и ученый муж должен познать себя и владеть собой, и этому служит вся его мудрость и все знания. Лишь после этого он может обратить взор к ближним своим и давать им благие советы. В противном случае уподобится он источнику, щедро одаряющему своей водой, но не получающему взамен благодарности, или шелковичному червю, искусно сплетающему свое жилище, которое погубит его, ибо одеяние червя — кокон — будет погружен в кипящую воду, и размотается крепкая нить, из которой будет соткана драгоценная ткань.

Взыскующий мудрости должен прежде возжечь в себе ее свет, а затем уж озарять дорогу своим спутникам, ибо всякий живущий среди людей в этом мире обязан делиться с ними не только имуществом, но и знаниями, и это — величайшее благодеяние. Мудрец не станет упрекать ближнего за те пороки, которые свойственны и ему, ибо уподобится слепому, проклинающему незрячего за его слепоту.

Стремящийся добиться исполнения своих желаний должен поставить себе цель и наметить пределы своих притязаний, а потом уж и поступать сообразно тому, что задумал. В пословице говорится: «Кто спешит без дороги, у того верблюд поломает ноги». Самое верное — не стремиться к недостижимому, не надеяться на несбыточное, не горевать, если не получаешь того, что и другим не дается в руки, и не любить сей непостоянный мир больше будущей вечной жизни, ибо тот, кто не прилепился сердцем к мирским страстям и желаниям, меньше страдает, расставаясь с ними.

Проклят тот, кто добивается богатства и почестей любыми средствами, кто презрел честь и добронравие. Недаром говорится: два мужа украшают любое собрание — тот, кто не совершил ни одного дурного поступка, и тот, чье богатство праведно. И двое других заслуживают всяческого порицания — царь, уступающий свою власть

временщику — придворному, и муж, делящий свою жену с любовником.

Несокрушимая добродетель и праведное богатство — словно сухие дрова, что питают пламя мудрости; уступчивость и умаляющая честь трусость — подобны воде, что заливает пламя добродетели и открывает путь невежеству и мраку.

Разумный человек не изнуряет душу завистью и сожалением о том, что прошло и больше не вернется, не надеется, что судьба пошлет ему нежданную удачу и счастье. Рассказывают такую притчу:

Некий человек был нищ, голоден и наг. Нужда заставила его обратиться за помощью к родным и знакомым, но у них не оказалось ни еды, ни одежды, ни денег, которыми они могли бы с ним поделиться. Бедняк отправился к себе домой и лег спать на голодный желудок. Глубокой ночью он проснулся от еле слышного шороха и понял, что в дом залез вор. Хозяин дома хотел было схватить грабителя, но затем сказал себе: «Ей-богу, мне нечего опасаться, будь я проклят, если этот вор найдет в моем доме что-нибудь ценное». Но вор был не богаче хозяина. Он долго шарил и наконец нашел глиняный горшок, наполненный пшеницей. Он сказал себе: «Неужели все мои труды этой ночью окажутся напрасными? Ей-богу, скоро рассвет, и я не найду больше никакой добычи. Унесу-ка я эту пшеницу». Он тотчас же скинул рубаху и, разложив ее на полу, стал ссыпать в нее из горшка пшеницу. Тогда хозяин дома подумал: «Неужели я позволю этому негодному унести мою пшеницу, ведь у меня нет больше никаких запасов! Мало того, что мне нечем прикрыть тело, я еще останусь без куска хлеба! Тогда на меня навалятся вдвоем холод и голод, а перед такими врагами не устоит самый доблестный воин!» Взяв палку, стоявшую у него в головах, хозяин дома громко закричал, и грабитель бежал в страхе, бросив свою добычу. Он оставил не только пшеницу, но и свою рубаху, дабы не лишиться жизни. И бедняк прикрыл наготу, ибо ему досталась одежда того вора.

Разумному человеку не подобает надеяться на подобную сомнительную удачу и полагаться на случай, отбросив все заботы и попечения о хлебе насущном. Он должен быть деятельным и не обольщаться примером того, к кому благосклонна судьба без всяких усилий с его стороны, ибо это великая редкость, большая же часть рода человеческого состоит из людей, что в неустанных трудах и

заботах утомляют свой дух и тело, дабы получить хотя бы малость. Следует стремиться к таким вещам, которые дозволенными средствами приобретаются и с пользой расточаются, и сторониться того, что способно навлечь горе и несчастье.

Человек, наделенный рассудком, не уподобляйся голубке, что выводит в своем гнезде птенцов, которых у нее отнимают и убивают. Но их гибель не служит ей предостережением — она опять кладет яйца и выводит птенцов в том же гнезде, отдавая их на заклание. И знай, что всевышний бог всему установил свой предел. Не преступай же его, остановись вовремя, ибо и стрела не поразит то, что слишком далеко и недоступно.

Не пытайся достигнуть и благополучия в этом мире, и блаженства на том свете, ибо нельзя получить и то и другое. Праведник не будет богат, а богач не станет праведником, даже если постарается, ведь его жизнь будет свидетелем против него.

Мудрецы говорят, что человек должен прилагать все усердие для того, чтобы достойно поддержать свое существование, не обижать ближних своих и оставить по себе добрую память. Если ты деятелен, доброжелателен и совершаешь добрые дела, то в тебе сочетались три главные добродетели. Но есть три вредоносных свойства, и если они в ком соединились, ему ни в чем не будет удачи. Свойства эти — медлительность, нерасторопность и легковерие. Не верь всему, что говорят, — как часто люди приносят лживые вести!

Разумный муж управляет своими страстями, оставляет без внимания речи глупца и невежды, не упорствует в заблуждении, если видит, что ошибся, и принимается за дело, лишь когда постигнет его сущность. Он не уподобляется путнику, что сбился с пути, но продолжает брести без дороги, не ведая, что, выбиваясь из сил, он уходит все дальше от цели. Он не похож на нетерпеливого, который трет глаза изо всей силы, если их запорошило пылью, — от этого можно лишь повредить себе зрение и ослепнуть. Мудрец верит в судьбу и предопределение, но проявляет решимость в случае необходимости, он желает ближним того же, что и себе, и не домогается блага, нанося ущерб людям. Если же он совершит неподобающее, то заслуживает наказания, как судьба покарала купца, желавшего обмануть друга. Об этом рассказывают такую притчу:

У купца был друг, с которым они вместе торговали. Они сняли лавку и в ней сложили свои товары. Один из них жил поблизости и задумал украсть тюк, принадлежащий другому. Стал он прикидывать, как бы ему это сделать, и сказал себе: «Если проберусь я в лавку ночью, то могу унести в темноте один из собственных тюков. Тогда все мои труды и старания будут напрасны». Он взял свой плащ, набросил его на связку чужих товаров и отправился к себе домой.

Потом явился второй купец и увидел, что на одном из его тюков лежит плащ. Он сказал себе: «Ей-богу, это одежда моего товарища, которую он, видно, забыл. Не стоит оставлять здесь этот плащ, уберу-ка я его с моих товаров и положу на его тюк». Он так и сделал и, закрыв лавку, ушел домой.

Настала ночь, явился владелец плаща и привел человека, с которым сговорился ограбить лавку. Пробираясь в темноте на ощупь, купец стал искать свою одежду и наконец нашел плащ на одном из тюков. С большим трудом они вытащили тяжелый тюк на улицу и волочили его по земле, а когда донесли его до порога дома, где жил обманщик, то повалились на землю от усталости и изнеможения.

Наконец, наступило утро, и похититель стал разглядывать свою добычу. И велико было его удивление и смущение, когда он увидел, что перед ним — один из его собственных тюков. И он поспешил в лавку, раскаявшись в своем недостойном поступке от всего сердца.

А тем временем первый купец, опередив своего вероломного друга, открыл лавку и увидел, что одного тюка не хватает. Он опечалился и пал духом и стал говорить себе: «О горе, мой достойный друг доверился мне и оставил у меня все товары! Что он подумает, увидев, что они пропали! Я нисколько не сомневаюсь, что он заподозрит меня, но я твердо решил возместить ему убытки и уплатить за украденные вещи». Как раз в это время вошел его вероломный друг — похититель собственных товаров, и увидел, что купец вне себя от горя. Он спросил его, что случилось, и тот ему ответил: «Я стал проверять тюки и обнаружил, что одного твоего тюка не хватает, но не могу понять причину его пропажи. Я уверен, что ты меня обвинишь и заподозришь, но я обязательно возмещу тебе убытки!»

Но товарищ ответил ему: «О брат мой, не грусти и не печалься! Понял я, что предательство — худшее из того, что может прийти на ум человеку, а коварство и обман не приведут ко благу, и тот, кто

прибегает к ним, всегда слеп и безрассуден. Я хотел обмануть тебя, был низок и неблагодарен, и стал жертвой собственного вероломства».

Купец в удивлении спросил: «Как же так?» И неверный друг поведал о том, что задумал, и признался в своем поступке. Купец заметил: «Почти то же произошло между грабителем и торговцем». — «Что же с ними было?» — спросил обманщик.

«Рассказывают, — промолвил купец, — что у торговца было два больших глиняных сосуда — в одном хранилось золото, а в другом он держал пшеницу. Проведав о золоте, некий вор долго следил за торговцем, ожидая, когда наступит удобный случай. Однажды торговец по своим делам ушел из дома, а еще до его ухода грабитель незаметно прокрался к нему и притаился в укромном месте. Когда хозяин дома ушел, вор бросился к тому сосуду, где, как он думал, были золотые монеты, а на самом деле лежала пшеница. С большим трудом вытащил он сосуд из дома торговца и с великими мучениями донес его до своего порога. Открыв его, он увидел вместо золотых монет пшеничные зерна и раскаялся, пожалев, что потратил так много усилий на такое ничтожное дело».

Обманщик ответил: «Ты привел подходящий пример и сходный случай. Я признаю свою вину и свой грех, и тягостно мне, что со мной случилось такое. Поистине, порочная душа побуждает совершать скверные поступки!»

Купец принял его извинение и воздержался от упреков, но больше не доверял своему прежнему другу. Тот же предавался запоздалому раскаянию, поняв, какое совершил недостойное дело и как велики были его невежество и безрассудство.

О стремящийся к знанию, изучающий эту книгу! Не спеши насладиться красотами речи, просмотрев и перелистав ее страницы. Читай вдумчиво, так, чтобы, дойдя до конца книги, ты глубоко проник в смысл притч и басен. Задумывайся над каждым рассказом и каждым словом, не бойся напрягать разум! Будь рассудителен и помни такую притчу:

Жили некогда три брата. Отец, умирая, завещал им несметные богатства. После его кончины они разделили деньги между собою, и старший и средний братья расточили золото и серебро быстро и безо всякой пользы для себя и ближних. А младший брат, увидев, что после безудержных трат от наследства осталась лишь его доля, призадумался

и сказал себе: «Люди добывают деньги всевозможными средствами и различными путями для того, чтобы поддержать жизнь, улучшить свое положение в этом мире, добиться почета среди людей и быть избавленными от необходимости обращаться к кому-либо за помощью и поддержкой. Богатство нужно для того, чтобы помогать родным, расходовать деньги на воспитание детей, подарки друзьям и благодеяния ближним. Того, кто, имея деньги, не тратит их как подобает, можно считать бедняком несмотря на его богатство. Достойный муж, разумно распоряжающийся своим имуществом, не расточающий его напрасно, приобретет и все земные блага, и добрую славу, а тот, кто бросает деньги на ветер, скоро останется без гроша, и удел его — каяться и горевать до скончания века. Не буду я зря тратить отцовское наследство — бог поможет мне употребить его с пользой, помогая братьям, ведь мы ветви от одного корня. Долг каждого разумного человека — поддерживать своих родичей, даже дальних, что же говорить о родных братьях!» Так порешив, юноша позвал к себе среднего и старшего брата и разделил с ними поровну свою долю наследства.

О читающий книгу «Калила и Димна», изучай ее долго и терпеливо, не поддавайся утомлению и скуке, вылавливай перлы мудрости из океана речи. И не воображай, что книга сия составлена лишь для того, чтобы поведать о беседах быка со львом и о проделках неразумных животных, тогда впадешь ты в заблуждение, не постигнув подлинную цель книги, и уподобишься рыболову, о котором рассказывают такую притчу:

Каждый день выходил рыбак в море на своей лодке и забрасывал сети. Однажды ему попалась богатая добыча, и он уж собрался вытянуть улов, но в это время заметил на морском дне блестящую раковину и подумал, что в ней таится дорогая жемчужина. Рыбак бросился в воду, но, вынув раковину из воды, увидел, что она пуста. И он раскаялся в том, что неразумная алчность побудила его презреть добычу, которая была у него уже в руках, и стал горевать о том, что прошло безвозвратно. Назавтра он отъехал подальше от того места и, забросив сеть, стал ее тащить, хотя была в ней лишь одна рыбешка. В это время он заметил красивую раковину, но сказал себе: «В ней нет никакого прока», и уехал, оставив раковину на дне моря. А другой

рыбак заметил раковину, бросился в море и вытащил ее. Раскрыв створки, он нашел жемчужину, стоившую больших денег.

Уподобятся незадачливому рыбаку невежды, не пожелавшие размышлять над этой книгой, увидевшие лишь внешнее и упустившие глубокие тайны мудрости, что скрыты в ней, словно перлы в раковине. Кто устремляет свои помыслы лишь к веселью и шуткам, подобен земледельцу, о котором рассказывают такую притчу:

Досталась человеку в надел плодородная благодатная земля, орошенная и засеянная отборным зерном. Но когда настала пора снять добрый урожай, ибо колосья созрели и налились, тот земледелец стал выдергивать сорняки и срывать цветочки и таким легкомыслием погубил свое счастье и хлеб насущный.

Тому, кто начал читать книгу «Калила и Димна», следует помнить, что составитель ее преследовал четыре цели: поместить в ней как можно больше смешных и забавных рассказов о проделках животных, и рассказы эти занятны тем, что бессловесные твари изъясняются, словно люди, красноречивыми словами. Подобными занимательными притчами книга должна привлекать сердца юношей, любящих веселые шутки.

Вторая цель — как можно лучше описать облик этих животных и зверей, дабы живописцы могли изображать их в разных цветах и ярких красках в картинках, коими будет украшена эта книга, и тогда она станет излюбленным чтением вельмож и царей и прочих богатых и знатных людей, которые будут наслаждаться искусством мастера.

Третья цель — увековечить сочинение, ибо если книга будет достойно украшена, ее станут приобретать и царедворцы, и правители, и люди простого звания и низкого рода. Ее будут постоянно переписывать, и она не затеряется в чередовании дней и беге веков и до скончания времени даст заработок живописцам и переписчикам.

Четвертой же цели — наиважнейшей — суждено достигнуть лишь мудрецу и философу.

ГЛАВА О ЛЕКАРЕ БУРЗОЕ, СОСТАВЛЕННАЯ БУЗУРГМИХРОМ, СЫНОМ БАХТАГАНА, ВАЗИРОМ ЦАРЯ ПЕРСОВ АНУШИРВАНА, ОТ ИМЕНИ БУРЗОЕ

Говорит Бурзое, глава лекарей Фарса, что переписал книгу «Калила и Димна», добыв ее из сокровищниц царей индийских, и перевел на язык персов: «Отец мой — военачальник, а мать происходит из знатного рода жрецов, служителей храмов огня, и детство мое прошло в полном благоденствии и счастье. Был я любимым сыном своих родителей, и они берегли меня больше, чем всех других своих детей. Едва исполнилось мне семь лет, они наняли для меня воспитателя, и я превосходно научился письму и чтению и вознес благодарность своим наставникам и родителям. Затем принялся я изучать науки, начав с науки врачевания, к которой пристрастился, ибо понял ее пользу. И чем более я узнавал, тем сильнее становилось мое стремление сделаться искусным лекарем.

Когда же достиг я высоких степеней, исцелил множество недужных и больных и мои речи и деяния получили известность среди людей, восстало в душе моей тщеславие и возжелал я богатства и почестей. Но тотчас же опомнившись, я сказал себе: «О человек! Неужто ты не знаешь, в чем будет тебе пагуба? Брось пустые мечтания, не домогайся того, что не принесет тебе никакой пользы, а лишь горе и страдания! Ведь обладание мирскими благами порабощает тело и душу, и ты будешь еще более зависеть от них, когда вынужден будешь с ними расстаться, горюя в тяжких мучениях! О человек, не ослепляй себя помыслами о бренном мире, пусть тебя занимает лишь мысль о том, что с тобой станет после смерти! О человек, беги от общения с ничтожными глупцами, ослепленными блеском скоротечной жизни, ибо ее блага преходящи и тленны и ускользают из рук, словно гладкая пестрая змея или ночной призрак. Отринь алчность и сбрось с себя ее путы, обратись к добру всеми силами своей души и твори благо! Спеши совершать достойные дела и

не медли, помня о том, что тело твое подвержено соблазнам и наполнено, кроме полезных соков и смесей, дурными и вредоносными — ведь в нем кипят и борются слагающие его четыре элемента[13], равновесие которых составляет основу человеческой жизни, хрупкой, словно скрепленное стержнем изваяние. Вынь стержень — и оно рассыплется на тысячи осколков. О человек! Не обольщайся привязанностью друзей и любовью близких, ибо после радостей придут печали, а свидание завершится разлукой. Все подносят к устам, словно лобзают с любовью, новую деревянную ложку, зачерпнув горячей похлебки, когда же ложка от долгого употребления выщербится и треснет, ее без долгих размышлений и без жалости бросают в огонь, где она и сгорает. О человек, не слушай своих родных и близких, если побуждают они тебя к стяжанию, ибо это приведет к гибели, не стремись во имя родства угождать их безудержным страстям и желаниям, ибо уподобишься щепотке благовонного ладана, сгоришь в пламени алчности, а аромат развеется, усладив лишь твоих недругов.

О человек, не обольщайся богатством и знатностью, ибо их подобает ценить не больше, чем горсть праха. Чванливый богач и горделивый вельможа узрят тщету сокровищ и высокого сана, когда расстанутся с ними. Ведь пока волосы красуются на голове и не обрезаны, их расчесывают и холят, но если цирюльник коснется их своей бритвой, они падают в грязь и больше никому не надобны. О человек, не забывай о жизни будущей, склоняясь душой к преходящему, ибо променяешь многое на малое и уподобишься купцу, о котором рассказывают такую притчу:

Был у него полный дом сандалового дерева, и он сказал себе: «Если стану я продавать дерево на вес, будет это слишком долго». И спустил он свой товар охапками, не считая и не меряя, и получил самую ничтожную выручку.

Поистине, врачевание — самая благородная наука и самое полезное ремесло, призванное помогать людям. Кто занимается исцелением страждущих, облегчает страдания и спасает от смерти, тот становится верным помощником и добрым утешителем, прогоняя горе и возвращая спокойствие. Кто избавит от гибели даже одного человека, заслуживает награды и благодарности, что же говорить о лекаре, который вернул жизнь и здравие отчаявшимся, число коих так велико,

что ведомо лишь богу всевышнему. Подумай о том, что после великих мучений и страданий, которые лишили больных и недужных всех услад этого мира, радостей, которые дает питье и пища, общения с близкими и друзьями, удачи и счастья, они вновь становятся такими же, как были прежде, и не ведают боле ни страданий, ни страха!

Стал я размышлять о цели, к которой следует мне стремиться, и спросил себя: «Чего стану я добиваться, изучив науки? Что самое достойное и дорогое в этом мире? Люди от века желают четырех вещей: богатства, славы, наслаждений и блаженства в будущей жизни. Но я не раз читал в книгах об искусстве врачевания, что лучший лекарь тот, кто прилежно изучает свою науку, не желая в награду ничего, кроме воздаяния на том свете. И я твердо решил заняться исцелением недугов, оставив мечтания о накоплении сокровищ и взыскуя лишь праведной жизни, дабы получить награду в загробном мире. Я не хотел уподобиться тому купцу, о котором говорили, что променял он на дешевую бусину бесценный яхонт. Я прочел также в древних книгах, что лекарь, желающий заслужить своим искусством небесную награду, не теряет своей доли благ в земной жизни. В этом он уподобляется земледельцу, что возделывает и орошает поле не ради плевелов, с коими можем мы сравнить мирские блага, но ради благородных злаков. Ибо когда нальются зерном колосья, взрастут и созреют плевелы всевозможных видов.

После всех этих размышлений и раздумий принялся я за излечение больных и недужных, не думая о вознаграждении и плате, и был равно заботлив, когда надеялся добиться исцеления и когда терял надежду, пытаясь хоть немного облегчить страдания и муки. Усердие мое не имело себе равных, и когда я мог, то сам ходил за больными, и если это было невозможно, то прописывал полезные лекарства и давал целебные зелья, не требуя денег и подношений. Никогда не завидовал я собратьям по ремеслу, что были ниже меня по знаниям, но превосходили богатством и были окружены почестями, ибо это не прибавляло им чести и не делало их слова и поступки достойным примером.

Я никогда не домогался наград, но царь и его вельможи были всегда ко мне благосклонны. Когда же я вернулся, выполнив наказ царя Ануширвана, то был осыпан милостями сверх меры.

Долго занимался я врачеванием и уверился наконец, что нет зелья, которое давало бы исцеление от всех болезней, и нет лекаря, чье искусство дарило бы вечное здоровье. Кто может поручиться, что излеченный недуг не вернется, принося больному еще более тяжкие муки? И представилось мне, что лишь в стремлении к вечному блаженству — освобождение от страданий души и тела. И тогда я обратился всеми помыслами к делам веры.

Я усердно принялся читать всевозможные книги, дабы понять, какую веру предпочитают мудрые люди, но все мои поиски оказались тщетны. Постиг я лишь то, что все народы наследуют законы, обычаи и поверья от своих отцов и дедов. Иногда людей устрашают и принуждают, дабы веровали они, как им прикажут, и часто вера служит к приобретению благ земной жизни — ею добываются хлеб насущный, почести и богатства. Каждый утверждает, что лишь его убеждения правильны и разумны, а противники заблуждаются и совершают ошибку. И увидел я, как противоречат друг другу мнения, когда начинают толковать о творце и сотворенном, о начале существования мира и конце его[14]. И многом другом, что превосходит всяческое разумение, каждый имеет собственное мнение. Один другому возражает, порочит его, враждует с ним и осуждает, ссорясь, споря и не веря ни одному чужому слову.

Тогда решил я расспросить тех, кто считался среди людей своей веры самым ученым и мудрым, дабы познакомиться с его рассуждениями и доводами, отделить истину от лжи и затем уж избрать то учение, в правильности которого я буду уверен, поняв его и узнав его преимущества и пользу.

Так я и поступил. Я беседовал с разными людьми и расспрашивал священнослужителей и ученых, но каждый из них лишь поносил своих врагов и восхвалял собственную веру, так что я убедился, что все рассуждения и доводы их несправедливы и пристрастны. И никто из них так и не смог привести убедительного доказательства истинности своих слов, с которыми разумный человек мог бы сразу согласиться.

И оставил я мысль о том, чтобы примкнуть к одному из этих учений, поняв, что если поверю людям, о которых мне ничего не известно, то уподоблюсь легковерием обманутому вору, о котором рассказывают такую притчу:

Однажды этот человек вместе с несколькими своими собратьями по ремеслу забрались на крышу дома богача, чтобы его ограбить. Хозяин дома проснулся от шума, который они подняли, и разбудил жену, сказав ей: «Лежи тихо и не шевелись, мне кажется, грабители забрались к нам на крышу. Я сделаю вид, что сплю, а ты разбуди меня и скажи громко, так, чтобы слышали воры: «Эй, муженек, расскажи-ка мне, где ты добыл столько сокровищ и откуда взялись твои несметные богатства?» Я не отвечу на твой вопрос, а ты спрашивай, не отставая». Женщина, послушав мужа, сделала так, как он велел, и, притворившись, что будит его, принялась громко расспрашивать, откуда он взял свои великие богатства, а грабители прислушивались к их разговору. Наконец хозяин дома промолвил: «Женщина, судьба послала тебе завидную долю и не поскупилась на хлеб насущный. Ешь же его и молчи и не спрашивай меня о том, что тебе знать не подобает. Если я расскажу тебе, как добыл свои богатства, и нас подслушает кто-нибудь посторонний, не миновать нам беды и бесчестья». Но женщина, не отставая, просила: «Расскажи, муженек, клянусь своей жизнью, здесь нет никого, кто мог бы нас услышать». Будто покорившись ее просьбам, богач ответил: «Так знай, что я добыл свои богатства воровством и разбоем». Женщина воскликнула: «Как же тебе удалось это сделать? Ведь о тебе никто не сказал худого слова и все считают честным и почтенным человеком!» Богач промолвил: «Это потому, что я в совершенстве постиг воровскую науку и был уверен, что меня никогда не поймают и даже не заподозрят». Жена попросила: «Расскажи мне об этом». И богач начал: «Я выходил с другими грабителями в лунную ночь и забирался на крышу какого-нибудь богатого дома, вроде нашего, чтобы найти самую обильную добычу. Подойдя к отверстию в крыше, сквозь которое проникает свет, я семь раз произносил волшебное слово «шолом»[15]. Когда заклинание начинало действовать, лунный луч превращался в хрустальный столб, и по нему я спускался в дом так бесшумно, что не слышно было даже моего дыхания. Я брал все деньги, украшения и прочие дорогие вещи, что были в доме, произносил семь раз волшебное слово «шолом», и лунный луч поднимал меня на крышу со всей добычей, поддерживая и словно втягивая. Разделив с приятелями награбленное, я уходил подобру-поздорову без всякой помехи».

Услышав этот рассказ, воры несказанно обрадовались и стали говорить друг другу: «Сегодня ночью нам досталась добрая добыча! Мы добудем в этом доме несметные богатства, да еще узнали волшебное заклинание, которое навсегда избавит нас от страха перед стражей». Они сидели на крыше до тех пор, пока в доме все стихло, и они подумали, что хозяин и его жена уснули. Тогда предводитель подошел к отверстию в крыше, сквозь которое проходил лунный свет, и семь раз повторил услышанное им волшебное заклинание «шолом». Обхватив руками лунный луч, он понадеялся, что спустится по нему в дом, но упал кувырком с крыши на пол, а хозяин дома подбежал к нему и, подняв дубинку, крикнул: «Ты кто такой?» И грабитель ответил: «Я глупец, поверивший тому, чего не бывает, и гибель моя — от твоих волшебных заклинаний».

Дабы не уподобиться сему легковерному, не поверил я в то, чего не бывает, не пожелав быть ввергнутым в жестокие беды. С удвоенным усердием стал я изучать различные учения и толки в поисках справедливости и истины. Но с кем бы я ни завел беседу, я не слышал вразумительного ответа на вопросы, а если мне отвечали, то доводы и доказательства не убеждали меня и не казались мне достойными доверия, так что мой разум опровергал их и я не желал следовать этим учениям.

Не найдя достойного мужа, что стал бы моим наставником и другом, я сказал себе: «Вернее всего придерживаться веры отцов и дедов, в которой они пребывали от века». Я принялся выискивать доводы в пользу этого решения, но не было ни одной веской причины, что послужила бы к его оправданию, ибо нельзя признать истинной какую-либо веру только потому, что так веровали наши предки. Тогда сын колдуна должен непременно стать колдуном, а потомок мага — магом, и если бы его упрекнули в том, что избрал он неподобающую веру, он отговаривался бы тем, что это вера его предков. Однако такой ответ недостоин разумного человека, и сказавший так лишь уподобится невежде, которого упрекали за обжорство, на что он отвечал: «Так ели мои предки».

Непрестанно побуждала меня беспокойная душа, не желавшая покоряться древним обычаям, заняться поисками истины. И после долгих бесед и безуспешных расспросов проникла мне в сердце и разум мысль о скоротечности и тщете жизни и предстало видение

близкого конца, ибо гибнут без вины и причины обитатели дольнего мира, и жадный рок пожирает их жизни. И сказал я себе: «Мне неведом мой жребий. Быть может, смерть настигнет меня в сей миг, так что я не успею даже пошевельнуть пальцем. А может быть, она даст мне отсрочку, но и тогда все свершенные мною добрые дела не будут мне во благо, ибо они пропадут из-за моей нерешительности и непостоянства, ведь я желал то одного, то другого, то домогаясь мирской славы, то заботясь о своей участи в будущей жизни. Судьба может нанести мне неожиданный удар, когда душа еще не успокоилась и не достигла совершенства. Если буду я и дальше упорствовать и заблуждаться, то не смогу выйти на верную дорогу и уподоблюсь упрямцу, о котором рассказывают такую притчу:

Был человек в любовной связи с одной женщиной, муж которой отличался непомерной ревностью. Эта женщина велела прорыть подземный ход от колодца, который был у нее во дворе, к проезжей дороге. Дверь в подземелье она прикрыла дерюгой, заперла на замок, а ключ от него держала у себя под подушкой. Придумала она это потому, что боялась, как бы муж или кто-нибудь из домочадцев не застал ее с тем человеком. Однажды, когда к женщине явился ее любовник, прибежала служанка и сказала, что возвращается хозяин дома. Женщина, дав любовнику ключ, велела открыть дверь в подземелье, что находится у колодца, и выйти на дорогу, закрыв за собой дверь. Тот человек вышел во двор и нашел дверь в подземелье, прикрытую дерюгой, но колодец был в стороне, немного дальше. Вернувшись в дом, он воскликнул: «Я нашел вход в подземелье, но там нет никакого колодца!» Женщина возразила: «Глупец! Зачем тебе колодец? Я сказала тебе про колодец только для того, чтобы ты нашел дверь в подземелье — ведь колодец рядом с той дверью». Но упрямец стоял на своем: «Там, где дверь, нет никакого колодца! Откуда мне знать, может быть, ты сказала про колодец только для того, чтобы меня обмануть и выдать своему мужу? Как я могу быть уверен в тебе, если на том месте нет никакого колодца!» Женщина крикнула: «Спасайся, беги, несчастный, не то нам придется худо! Нас погубят твое упрямство и глупость!» Но тот человек ответил: «Куда же мне идти, раз ты меня обманула и сбила с толку!» И он повторял это, не двигаясь с места, пока не вошел хозяин дома. Увидев чужого мужчину, он схватил его, избил до полусмерти, а потом отдал в руки стражи.

Я долго размышлял, опасаясь, что меня не приведут к добру колебания и сомнения, и наконец решил сторониться того, что способно привести к беде, и поклялся творить по велению души благие дела, которые одобряет всякая вера. Я дал обет не убивать и не обижать, удерживаться от всего неподобающего: вероломства, бесчестия, лжи, хитрости и зависти, я дал клятву оберегать плоть от искушения, язык от лживых речей, сердце от кривды и несправедливости, затворил слух для насмешек, всяческой клеветы и сквернословия. Старался я никому не желать зла, не считать ложным и не отрицать божественное вдохновение пророка[16], Страшный суд и воскресение из мертвых, воздаяние в будущей жизни за добрые поступки и наказание за дурные.

Я отвратился сердцем от злонравных и прилагал все старания к тому, чтобы общаться лишь с достойными и праведными мужами, ибо понял, что нет лучшего друга и наперсника, чем добрый нрав и чистое сердце, — с божьей помощью дают они наибольший прибыток, словно рачительный родитель, искренним советом побуждают к свершению благих деяний, ведут по стезе добродетели и счастья. И увидел я, что добрый нрав не умаляется с течением времени, напротив, чем дольше в нем пребывают, тем прекраснее и совершеннее становится он. Его не страшит ни гнев повелителя, ни ярость водного потока, его не сожжет огонь и не похитит разбойник и грабитель, свирепый лев над ним не властен, и хищный стервятник не разорвет его на части.

И понял я, что беспечный и неразумный, предпочитающий малое счастье, что достается ему сегодня, великому и непреходящему блаженству, что мог бы получить завтра, подобен купцу, о котором рассказывают такую притчу:

Был у того купца драгоценный алмаз, и чтобы его отделать, нанял он ювелира, которому пообещал уплатить за день работы сотню динаров. Он отвел того человека к себе домой, тот принялся за дело и вдруг увидел в углу комнаты цимбалы. Заметив, что мастер смотрит на них, купец осведомился: «Разве ты умеешь играть на цимбалах?» Ювелир, который был знатоком этого искусства, ответил: «Умею». Тогда хозяин дома воскликнул: «Ну-ка, бери цимбалы, я посмотрю, как ты играешь!» Ювелир оставил начатую работу и целый день до самого вечера играл на цимбалах, показав свое поразительное умение и дивное искусство, а купец, слушая его игру, то взмахивал рукою, то

качал головой, восхищаясь и наслаждаясь. Когда зашло солнце, мастер сказал хозяину дома: «Вели выдать мне обещанную плату». Купец спросил: «Разве ты заслужил какую-нибудь плату?» И ювелир ответил: «Ты ведь нанял меня для того, чтобы я исполнял все, что ты мне прикажешь. Ты приказал мне играть — значит, такова была твоя воля, и я подчинился ей беспрекословно». И ювелир настойчиво требовал заплатить ему за работу, пока купец не отдал ему сотню динаров. Так алмаз его остался необработанным, и он зря истратил немалые деньги.

Чем усерднее размышлял я о суетных прельщениях дольнего мира, тем сильнее становилось мое желание сторониться их и бежать соблазнов, отрекшись от благ преходящей жизни, ибо увидел я, что лишь отречение и спокойствие души проторят стезю к успеху в день воскресения, как прокладывает любящий отец дорогу к земному счастью для своего сына. Отречением раскрываются врата вечного блаженства. Погружением в размышления достигается высшая степень наития и уничтожения в истине[17]. Отрекшийся от волнений мирской жизни спокойно созерцает свои деяния и преисполнен благости, он смиряется и, ограничиваясь малым, независим и ни в ком не нуждается, он всем доволен, и ничто не может нарушить его спокойствия. Он сбросил с себя одеяние тревог и забот — и спас свою жизнь от жестоких злодеев и всяческих зол, он стряхнул с себя страсти и желания — и блистает чистотой, он возненавидел зависть и возлюбил любовь и отдаст ближнему все свое достояние, возрадовавшись душой. Он избрал своим путеводителем разум и избавлен от раскаяния, ибо предвидит последствия своих дел, он не боится людей, но и не желает к ним подольститься, и они не задевают его.

И чем усерднее размышлял я об отречении от мира, тем желаннее представлялось оно моему взору, так что наконец решил я стать отшельником и благочестивцем. Но я сразу же стал опасаться, что не выдержу лишений, и подумал: если я откажусь от деятельной жизни, предаваясь лишь размышлениям о тщете преходящего мира, то могу проявить постыдную слабость, ибо каждый из нас — раб своих привычек, в которых он воспитан с детства. Тогда бесполезны окажутся благочестие и отречение, и не получу я тех выгод, на которые надеялся, свершая благие дела на этом свете. И я уподоблюсь собаке, о которой рассказывали такую притчу:

Однажды шла собака по берегу реки, держа во рту большую кость. Вдруг она увидела в реке свое отражение, подумала, что это другая собака, и бросилась в воду, чтобы отнять кость. При этом она выронила изо рта свою добычу и не нашла в воде ни другой собаки, ни кости.

И меня обуял нестерпимый ужас перед отречением от мира, ибо страшился я собственной суетности и слабодушия, и больше всего хотелось мне жить, как жил я прежде. Но потом я сказал себе: «Сравни невеликие беды и лишения отшельника, стерпеть которые, как ты думаешь, для тебя нет возможности, с теми страданиями, что выпадают на долю того, кто погружен в заботы мирской жизни! Ведь счастье в этом бренном мире кончается горем, а наслаждение сопряжено со страданием и грустью. Жизнь наша подобна соленой влаге моря — чем больше пьешь ее, тем сильнее чувствуешь жажду. Она словно острая кость, от которой пахнет мясом, но пес, подобравший эту кость, не насытится, а лишь раздерет себе пасть ее краями.

Человека, получившего малую толику земных благ, можно уподобить коршуну, которому достался кусок мяса. Но только намеревается он отобедать, как над его головой собираются огромные хищные птицы. Они вьются над ним и кружатся над его головой, так что он, утомившись и отчаявшись, бросает свою добычу.

Наш мир подобен кувшину, полному душистого меда, а на дне его — смертельная отрава. Вкушают люди скоротечную сладость, но ждет их верная гибель. Этот мир похож на сонные грезы, дарящие радость, но едва спящий проснется, овладевают им тяжкие заботы. Наша жизнь — словно молния: сверкнула во мраке, озарила робкого путника, но вот потух ее свет, и человек остался во власти темной ночи. Люди в тенетах жизни, как шелковичные черви, ткут себе мягкие темницы. И чем толще кокон, тем труднее спастись и выбраться наружу».

И я во власти этих мыслей снова решил отречься от мира и трепетал от желания осуществить свое намерение, но тут же принялся упрекать и порицать себя за непостоянство и нерешительность, ибо никак не мог остановиться ни на одном решении, словно судья, о котором рассказывают такую притчу:

Однажды судья выслушал слова одного из тяжущихся и, сочтя их правыми, приговорил к наказанию его обидчика, но когда явился

второй тяжущийся и стал оправдываться, судья отменил свой приговор и велел наказать первого.

Я сказал себе: «Не подобает достойному мужу помышлять об отречении от мира всякий раз, как столкнется он с жестокостью и неразумием жизни. И не следует прельщаться радостями и наслаждениями бренного мира, вспомнив о тяжкой доле отшельника и аскета». И вновь стал я размышлять о том, смогу ли я вынести все тяготы благочестивой жизни, и подумал: «Как ничтожны эти лишения по сравнению с вечным блаженством и покоем!» Потом стал я перебирать в уме все удовольствия и наслаждения, что есть на свете, и воскликнул: «Как вредоносны эти обольщения плоти, ибо их последствия — горечь и боль, и ведут они к ужасам вечных мук! Не лучше ли вкусить горечь, за которой следует долгая сладость, чем отведать сладость, за коей следует вечная горечь? Предложи человеку, чтобы сто лет подряд отсекали от него по куску и назавтра этот кусок снова прирастал бы к телу, и отрезали новый, и он согласится на это, если ему пообещают, что когда пройдет ровно сто лет, все его мучения кончатся и наступят для него мир и вечная радость. И прав будет он, коль сочтет эти сто лет ничтожным сроком! Неужто нельзя прожить краткий миг человеческой жизни в отречении от мирских вожделений? Потерпи немного — и дождешься великого блага!

Ведомо нам, что жизнь на этом свете — вечные терзания и муки, и человек обречен барахтаться в них со дня зачатия до самой смерти. Кто изучал книги по искусству врачевания, знает, что когда мужское семя, несущее в себе человеческий зародыш, попадает в материнскую утробу, оно смешивается с женским семенем, густеет и перестает быть жидким, ибо бродит и зреет, словно молоко, и образуется плод, в коем возникает тело младенца. Если дитя мужского пола, то помещается оно лицом к спине матери, а если женского пола — то лицом к ее животу. Руки зародыша притиснуты к бокам, подбородок прижат к коленям, со всех сторон окутан он оболочкой, будто завязан в узел. Все тело его стиснуто, дышит он с трудом, давят на него горячие внутренности, полные крови и нечистот, словно цепью прикован он пуповиной к тесной своей темнице, а едой и питьем служат ему процеженные остатки материнской пищи.

Так томится он до того часа, когда природа отверзает вспитавшую его утробу, и тогда, дав младенцу способность двигаться, гонит его

прочь из темного, но покойного убежища. Головой пробивает он себе дорогу, проходя сквозь узкие щели, и страдания его при этом можно уподобить мукам преступника, коего пытают, дробя ему кости.

Выйдя на свет божий, младенец вкушает еще более горькие муки, ибо прикосновение нежных рук матери или дуновение легкого ветерка причиняют ему такую боль, словно с него сдирают кожу. И нет конца его страданиям: когда он голоден, его не понимают и не дают поесть, когда почувствует жажду — не сможет напиться, когда заболеет — не в силах высказать свою жалобу. И к тому же его то возьмут на руки, то укладывают, то заворачивают в тугой свивальник, то обнажают, отдавая на милость холода или зноя, то натирают мазью, а если положат его на спину, то он не в состоянии ни повернуться, ни пошевелиться.

Вот что довелось испытать невинному младенцу. А когда его отнимают от груди и он становится старше, его передают в руки воспитателя, и тут-то начинаются подлинные терзания. Учитель бьет его, он томится на уроке, умирает от скуки, переписывая свои задания и упражнения. И отведает он немалую толику горьких лекарственных зелий во время своих недугов, и запретят ему самые любимые блюда и самые вкусные яства.

Когда же человек достигает зрелого возраста, приходится ему помышлять о том, как добыть денег и вырастить детей. При этом должен он приложить искусство и умение, хитрость и изворотливость и достанется ему все ценою всевозможных хлопот, волнений и тяжких трудов. И при этом постоянно будут грозить ему злые враги, те, что окружают его, и те, что угнездились в его собственном теле, — черная и желтая желчь, разливающаяся от беспокойства, ветры, раздувающие его живот, мокрота, способная задушить и погубить, и кровь, в коей возобладают дурные смеси. Ждет он погибели от смертоносного яда и змеиного жала, опасается хищного зверя, ядовитых насекомых и всякой зловредной твари, его палит зной, и стынет он от холода, его мочит дождь и гонит ветер, словно сухую былинку. А потом человек дряхлеет, и принесут ему несчетные страдания старческая беспомощность, дряхлость и бесчисленные болезни.

Но даже если не знать страха, быть уверенным в своем здоровье и безопасности и не задумываться над грозящими бедами, следует постоянно помнить о неизбежности смертного часа, когда придется

проститься с жизнью, и о том, что принесет с собой кончина: расставание с близкими и друзьями, разлуку со всем, что было дорого и заветно в этом мире, и великий ужас после смерти.

Забывший об этом заслуживает того, чтобы сочли его неразумным и не радеющим о собственном благе, склонным к низкому и недостойному и заслуживающим порицания. Кто же, обладая сим знанием, не станет заботиться, приложив все свое усердие о завтрашнем дне, кто не откажется от обольщений и страстей бренного мира, отвлекающих от горестных размышлений, и особенно в наше время, что по видимости спокойно и чисто, а на самом деле подобно мутной воде в стоячей луже, — тот погубит тело свое и душу.

И хотя наш повелитель решителен и могуч, доблестен и прозорлив, справедлив и надежен, правдив и признателен друзьям, щедр и заботлив, усерден и постоянен, разбирается в людских нравах и поступках, покровительствует наукам, привязан к добру и достойным мужам, сурово карает обидчиков, не боязлив и не покоряется чужой воле, милостив к подданным и стремится облегчить им получение желанного и отвратить от них ненавистное и избавить от мучений, но может случиться так, что судьба отвернется от него, и хотя это произойдет на наших глазах, мы не сможем помочь ему ничем и даже праведный царь не сумеет совладать со злом, царящим в мире.

Поистине, у людей словно бы отняли возможность творить добро, пропало то, что жаль было терять, и появилось то, что считалось зазорным приобрести; благо точно увяло, а зло расцвело, рассудок сбился с дороги; истина, потерпев поражение, обратилась в бегство, и ее преследует по пятам торжествующая ложь; смеется порок, и плачет добродетель; справедливость обессилела, и насилие берет верх; благородство погребено во прахе, а низость воскресла; попрано великодушие, и ликует скупость; слабеют узы любви и дружбы, и крепче становятся силки ненависти и злобы, унижают праведников и возвеличивают злодеев; пробуждается коварство, и заснула честность; обильно плодоносит ложь, и засыхает правда; униженно опустив голову, влачится справедливость, и горделиво шествует тиранство.

Мудрецы будто нарочно совершают деяния, далекие от мудрости, потворствуя своим страстям, подобно невеждам, обиженный кается в грехах, проявляя покорность и смирение, а обидчик буйствует, не зная преграды своим порокам. Отовсюду грозит нам широко раскрытый зев

алчности, что поглощает все близкое и далекое, люди забыли то время, когда довольствовались своей долей. Удачливый злодей превознесен выше неба, и добрые люди из страха перед ним желали бы укрыться в земные недра. Благородство швыряют с вершины горы на обочину дороги, и низость попирает его, опьяненная собственной силой. Ушла власть от мужей достойных, и ее подхватили разбойники и лиходеи. И мирская жизнь ликует, словно наглая блудница, говоря: «Ушли прочь добродетели, и встали на их место пороки!»

И я погрузился в раздумья о дивных делах этого мира. Как же так, человек — самое благородное и совершенное из земных созданий — всю жизнь свою влачит в печали и в заботах! Понимал я, что всякий разумный муж желал бы любыми средствами достигнуть спасения, но видел, что люди бездействуют, и не было конца моему удивлению. И после долгих размышлений стало мне ясно, что людям не дают отречься от мира ничтожные, презренные и самые низкие удовольствия, которые даруют нам осязание, обоняние, вкус, зрение и слух, и каждый смертный надеется получить хотя бы крохи и приобрести хотя бы ничтожную долю телесных наслаждений. Они-то и занимают человеческий ум, отвлекают его от заботы о спасении души. Стал я искать, чему бы уподобить человека, и нашел вот какую притчу:

Некий человек, спасаясь от бешеного слона, укрылся в глубоком заброшенном колодце и повис в нем, ухватившись за две толстые ветви, которые свисали с краев. В отчаянье стал он искать опоры и наконец встал на небольшой выступ, нащупав его ногами. И вдруг увидел он перед собой четыре змеиных норы, и из каждой высовывала голову ядовитая гадюка. Глянул человек вниз — а на дне огромный удав, раскрыв пасть, ожидает добычу. Тогда поднял он голову, чтобы посмотреть, прочны ли ветви, но заметил у их основания двух крыс — черную и белую, что усердно, не останавливаясь ни на мгновение, точили кору, подгрызая древесину.

Размышляя о том, как спасти жизнь и что делать, человек вдруг увидел совсем рядом с собой пчелиные соты, и захотелось ему отведать меда. Он стал есть мед и утешился его сладостью, которая отвлекла его от мыслей о грозившей ему опасности. И позабыл он о своем спасении, о том, что у ног его — змеиные норы, и гадюки могут ужалить его, о том, что крысы точат острыми зубами ветви, которые

стали его главной поддержкой, и о том, что если ветви оборвутся, то упадет он прямо в пасть удава. Так он наслаждался сладостью меда, не заботясь о том, какая постигнет его участь, и наконец сорвался и погиб в жадном зеве хищного гада.

Чтобы каждый мог понять смысл притчи, скажу я, что колодец — это наш мир, полный горестей, зла и обмана, опасностей и несчастий. Четыре ядовитые гадюки — четыре смеси, из которых состоит наше тело, ибо если восстанет хоть одна из них, она жалит словно тысяча змей и убивает быстрее смертельного яда. Две ветви, за которые цепляется человек, — это его жизненный срок, который непременно когда-нибудь оборвется, а черная и белая крысы — это ночь и день, что, чередуясь, без устали подтачивают человеческие жизни. Подстерегающий удав — это судьба, от которой никто не спасется, а мед — это та малая толика наслаждений, что достается человеку, — он услаждает свой вкус, слух, обоняние и осязание и, утешаясь этим, забывает о своей тяжкой доле и отвлекается от цели.

И задумавшись над этим, решил я довольствоваться малым и творить добро, насколько это в моих силах: может быть, в один из тех дней, что мне суждено еще прожить, найду я истинный путь или смогу совладать со своей мятежной душой. Так поступал я, а затем, отправившись в дальние страны, добыл и переписал множество сочинений, в том числе и эту книгу, что привез в родные земли.

ГЛАВА О ЛЬВЕ И БЫКЕ, С КОТОРОЙ НАЧИНАЕТСЯ КНИГА «КАЛИЛА И ДИМНА»

Сказал царь Дабшалим философу Байдабе, главе брахманов: «Поведай мне притчу о двух друзьях, которых разлучил хитрый обманщик, посеяв между ними вражду и ненависть друг к другу». И Байдаба ответил: «Если между двумя приятелями сможет затесаться хитрый обманщик, то не миновать им ссоры, и каждый из них примется строить козни, чтобы погубить своего прежнего друга. Об этом рассказывают такую притчу:

Жил в краях Даставанда[18] некий человек, и было у него три сына. Когда он состарился и дети его выросли, стали они без удержу тратить отцовские деньги и расточать его богатство, и никто из них не обучился какому-нибудь ремеслу, чтобы зарабатывать себе на жизнь и извлечь из него благо и пользу. Отец бранил их за безделье и расточительность и старался наставить на путь истинный, постоянно повторяя: «Дети мои, всякий, живущий в этом мире, желает добиться трех вещей, но достигнуть их можно лишь с помощью четырех: три заветных желания — это полный достаток, уважение окружающих и добрые дела, чтобы получить за них воздаяние в будущей жизни; что же касается четырех средств для выполнения этих желаний, то они таковы: человек должен зарабатывать себе на жизнь самым достойным образом, беречь заработанное и не расточать его без надобности, а использовать с выгодой, чтобы улучшить свою жизнь и помогать родным и друзьям, что зачтется и на том свете.

Каждый, кто упустит хоть что-нибудь, ничего не получит, ибо если он не будет зарабатывать, то и жить ему станет не на что; если он добьется своим трудом немалого достатка, но не сможет удержать деньги, то они скоро уплывут от него и он снова превратится в бедняка и неимущего; если же он отложит деньги и будет трястись над ними, боясь истратить хоть даник[19], то, как бы он ни берег свои динары[20] и дирхемы[21], они скоро разойдутся по мелочам, словно сурьма: ее набирают тонкой палочкой по пылинкам, чтобы подвести глаза, но несмотря на это, она очень скоро кончается. И не будет ему прока, если он истратит деньги безрассудно и легкомысленно, на лишнее для него и неподобающее; так поступает лишь нищий, что никогда не имел денег и не знает, как с ними обращаться. Бесполезное имущество и деньги, что лежат в кубышке, нельзя сберечь навеки — они, словно просочившись сквозь щели, уйдут на лечение болезней или на то, чтобы удалить разные беды, которые могут постигнуть их владельца. Полная сокровищница, из которой не черпают время от времени на необходимые нужды, подобна наполненному до краев водоему. И если воде нет выхода и она не убывает в той же мере, что пополняется, то начинает перехлестывать через края водоема во многих местах. А еще того хуже — стенка может прорваться, вода выльется целиком и уйдет в землю, никому не принеся пользы».

Наконец сыновья того старца вняли его увещаниям и решили последовать его советам, поняв, что они сулят им лишь благо. Старший его сын отправился в землю под названием Маюн, чтобы заняться там торговлей. На пути ему встретилось место, где река разлилась и образовалось целое озеро жидкой грязи. У того человека была повозка, которую везли два быка, одного из них звали Шатраба, а другого — Бандаба. Шатраба увяз в грязи, и как ни старались вытащить его хозяин и слуги, они не смогли сделать этого. Наконец они дошли до полного изнеможения, и купец решил двинуться дальше. Он оставил с быком одного из своих слуг, сказав ему: «Может быть, грязь высохнет, ты сможешь вытащить Шатрабу и приведешь его ко мне». Слуга, которому пришлось провести ночь одному в этом диком месте, был напуган, и ему надоело стеречь быка. Как только рассвело, он, оставив быка, поспешил вслед за хозяином и, догнав его, сказал, что бык задохся в грязи, добавив: «Если уж пресекается жизненный срок и настает время погибели, ее не миновать, как ни старайся. Хоть

опасайся за свою жизнь, хоть остерегайся всего и проявляй осторожность, — только это тебе ничем не поможет, и, может статься, осторожность твоя лишь повредит тебе и обернется бедою. Об этом рассказывают такую притчу:

Некий человек пустился в путь по степи, где было множество хищных зверей, что были грозой для путников. Тот человек знал, что дорога его полна опасностей, был настороже и всего опасался. Не прошел он и половины пути, как с вершины одного из ближних холмов на него бросился злобный и свирепый волк. Увидя, что зверь преследует его, человек тот несказанно испугался и стал поспешно оглядываться направо и налево в поисках места, где мог бы он найти защиту от волка. Вдалеке он увидел селение, от которого его отделял широкий водный поток. Путник побежал к селению, но, добежав до воды, не нашел моста через реку. Увидев, что волк догоняет его, человек, не раздумывая, бросился в воду, хотя почти не умел плавать. Он утонул бы, если бы несколько жителей селения не заметили его. Они бросились все вместе к нему на помощь и вытащили его из воды, когда он уже шел ко дну. Оказавшись на суше и поняв, что волк ему больше не угрожает, путник начал осматриваться и заметил неподалеку на том же берегу уединенное строение. Он сказал себе: «Войду-ка я в тот дом и немного отдохну там от пережитых страхов».

Но подойдя к дому и заглянув в него, путник обнаружил там шайку разбойников, что делили добро купца, которого только что ограбили на дороге и собрались убить.

Увидев такое, путник преисполнился ужаса и кинулся прочь к селению. Добежав до одного из строений, он прислонился спиной к стене, чтобы перевести дух от пережитого страха, и тут стена обрушилась на него, и он погиб под ее обломками».

Выслушав притчу, купец сказал своему слуге: «Да, ты прав, я тоже слышал об этом».

Что же касается быка Шатрабы, то он, когда грязь подсохла, выкарабкался и, отдохнув от смертного страха, стал пастись на цветущем лугу, где было множество свежих трав и полноводных ручьев. От обильной пищи и привольной жизни бык разжирел и, радуясь безопасности и отсутствию врагов, громко мычал.

Поблизости от луга, где поселился бык Шатраба, была роща, владение огромного льва, царя диких краев. В роще той водилось

множество подвластных ему зверей — волков, шакалов, лисиц, тигров и пантер. Лев был до крайности своеволен, не советовался со своими подданными и не желал прислушиваться к их мнению. В жизни своей он не видал ни одного быка и не слышал звуков, подобных мычанию, ибо никогда не покидал своих владений и не рыскал в поисках добычи, которую приносили ему его приближенные и воины.

Среди его подданных были два шакала. Одного из них звали Калила, а другого — Димна, и оба отличались хитроумием, большой ученостью и великими знаниями. И однажды Димна, что всегда замечал всякую малость, ибо был наблюдателен, зол и завистлив, сказал Калиле: «Послушай, братец, почему это лев вот уже долгое время не покидает своей рощи, словно боится даже прогуляться?» Калила ответил ему: «А тебе-то какое дело до льва и почему ты спрашиваешь об этом? Мы служим нашему царю и покорны его велению, делаем то, что ему нравится, и избегаем упоминания о вещах, ему неугодных. Мы не знатные вельможи, которым пристало толковать о царях и обсуждать их поступки. Оставь это и знай: если будешь говорить о том, что тебя не касается, и делать то, о чем тебя не просят, с тобой может случиться то же, что произошло между плотником и обезьяной». Димна спросил: «А что с ними было?» И Калила поведал ему такую притчу:

«Говорят, что однажды увидела обезьяна, как плотник, сидя на бревне, раскалывает его на козлах двумя клиньями, забивая один клин и вынимая другой. Обезьяне это очень понравилось, и, когда плотник ушел по какому-то делу, она решила заняться тем же, не ведая, что на каждую работу нужен мастер. Она забралась на козлы и уселась на бревно, не заметив, что хвост ее попал в щель. Когда она вытащила клин, то бревно защемило ей хвост и от боли обезьяна потеряла сознание. В это время пришел плотник и, увидев непрошеную гостью, схватил палку и избил обезьяну до полусмерти так, что прежняя боль показалась ей ничтожной».

Димна промолвил: «Я понял смысл твоей притчи и признаюсь, что до недавнего времени не стремился к общению с царями, не считая себя мастером в обхождении с ними. Но теперь повлекли меня помыслы к высшей доле. Знай, что близости к владыкам можно желать не только для того, чтобы набить себе утробу, но и чтобы посрамить врага и возвеличить друга. Среди людей немало таких, что не

обладают ни доблестью, ни мужеством, поэтому радуются всякой малости и довольствуются ничтожными подачками, словно псы, виляющие хвостом и стоящие на задних лапах ради обглоданной кости.

Но те, чьи сердца бьются желанием почестей и славы, не примирятся с низким положением и не остановятся на малом — они постоянно будут стремиться душой к тому, чего достойны и что им пристало. В этом они уподобляются льву — если царь зверей поймает зайца и вдруг видит пробегающую неподалеку антилопу, то он бросает ничтожную добычу ради той, что ему более подобает.

Всякий, обладающий силой и властью, любит, чтобы ему льстили и перед ним унижались. Разве ты не замечал, как долго пес виляет хвостом, прежде чем хозяин бросит ему корку хлеба? А могучий слон, прославленный своими достоинствами и мощью, не станет есть поднесенного ему корма, пока его не погладят и не обратятся со льстивыми и ласковыми словами. Кто богат и щедр к себе и другим, тот добродетелен, превознесен над всеми смертными и главенствует над своими друзьями и собратьями, и даже если он умрет молодым, считай, что прожил он долгую жизнь. Если же человек не стремится к большему, чем имеет, прижимист и скуп и не желает тратиться на себя и своих родичей, то жизнь его хуже смерти, а сам он подобен погребенному заживо. Недаром говорится: «Нужда и скупость убивают», а еще сказано: «Хуже скота тот человек, что хлопочет лишь для того, чтобы набить утробу, не заботясь о доблести и чести».

И Калила ответил: «Мне понятен смысл твоих слов, но я не могу с ними согласиться. Поразмысли хорошенько: разве тебе не ведомо, что человек должен знать свое место и не переоценивать свои способности и силу? И если он достойно вознагражден по мере своих заслуг, исполняя должность, то ему пристало быть довольным, не домогаясь невозможного. Что же касается нас, то я не вижу ничего унизительного в нашем теперешнем положении».

Димна возразил: «Люди борются за свое положение, и каждому оно достается сообразно честолюбию, ибо лишь честолюбие возвышает и выводит из ничтожества к высоким степеням. Тот же, кто не стремится к славе и равнодушен к своей чести, сам себя низводит в разряд ничтожных, даже если ранее был вознесен судьбою, ибо подняться к вершине трудно, а низвергнуться в бездну легче легкого.

Тяжко поднимать на плечи увесистый камень, но ничего не стоит сбросить его с плеч на землю. Где твоя доблесть, где твое честолюбие? Нам с тобой пристало стремиться к высокому положению, если мы в состоянии сменить нашу участь, а не мириться с нынешним прозябанием».

«Что же ты задумал?» — осведомился Калила, и Димна ответил: «Я хочу воспользоваться случаем и дать совет льву, нашему царю, ибо он в растерянности и не знает как быть. Если он прислушается к моим словам, то приблизит меня и сделает своим советником и другом».

«А откуда тебе ведомо, что лев в беспокойстве и тревоге?» — спросил Калила, и Димна ответил: «Об этом говорят мне мои чувства и разум — ведь проницательный муж всегда знает, что происходит и с его врагом, и с другом, ибо по виду и поведению способен понять самые сокровенные побуждения и мысли».

Калила осведомился: «Каким же образом надеешься ты заслужить милость царя — ведь у тебя нет ни власти, ни силы, ни привычки к царской службе?» Димна воскликнул: «Сильному и выносливому не покажется тяжкой любая ноша, даже если он никогда не был носильщиком, а слабый не удержит непосильной тяжести, хотя бы всю свою жизнь таскал на спине тюки». Калила возразил на это: «Но ведь правители редко проявляют благосклонность к лучшим из своих придворных и подданных, предпочитая того, кто хоть низок, да близок. Недаром говорится, что царь похож на дикий виноград, что оплетает ближайшее дерево. Нет у тебя надежды добиться милостей от нашего царя, пока ты далек от него и никому не ведом».

Димна промолвил: «Я понял твои слова, проник в твои мысли и полагаю, что ты прав. Однако знай, Калила, что вельможе, которого царь приблизил к себе ради его знатности и высокого рода, хотя тот недостоин ни своего места, ни высокого сана, не сравниться с тем, кто был далек от царского двора, но поднялся к высоким степеням по праву, силою своего разума и прозорливости. Я твердо решил добиться самого высокого положения и не пожалею для этого никаких трудов. Недаром говорится: «Служить царям может лишь тот, кто отбросил гордость, терпеливо выносит обиды и поношения, сдерживая гнев, кто льстив и учтив и не разглашает доверенные ему тайны. Если научишься всему этому — добьешься цели».

«А если ты получишь доступ к царю, какие ты припас уловки, которыми надеешься заслужить благосклонность повелителя и добиться успеха?» — спросил Калила, и Димна начал: «Если мне удастся проникнуть к царю, я первым делом постараюсь познакомиться с его нравом, а затем буду всюду следовать за ним, осыпать лестью и остерегусь противоречить хотя бы единым словом. Стоит льву пожелать чего-либо достойного, и я стану превозносить его решение, представляя его в самом прекрасном виде, внушая ему стойкость и решимость в исполнении задуманного, буду твердить о содержащемся в его намерениях благе и пользе, дабы всячески поощрить и обрадовать повелителя. Если же задумает лев совершить нечто опасное и вредоносное, ведущее к стыду и позору для него и его подданных, я постараюсь открыть ему глаза и убедить любыми средствами, что оставить подобные замыслы гораздо полезнее и приличнее для него, чем исполнить их. Я надеюсь, что лев, видя мою преданность, прозорливость и усердие, которыми превзойду я всех других царедворцев, превознесет меня, преисполнившись благодарности, я же стану властелином его помыслов, ибо муж хитроумный и мягкий в обращении может удачным словом, если пожелает, обратить ложь в истину и истину представить ложью, словно искусный живописец, создающий изображения, которые кажутся выпуклыми или вогнутыми, на самом же деле они плоские, ибо нарисованы на стене».

«Что бы ты ни говорил, — возразил Калила, — но мне страшно за тебя, ибо близость к царю и каждому, облеченному властью, — опасна. Недаром мудрецы говорили: «Бойтесь совершить три поступка, на которые отваживаются лишь безрассудные и после которых остаются невредимыми лишь немногие: не пытайтесь завести дружбу с владыками, не вверяйте свои тайны женщинам, не пейте яд, чтобы испытать его силу». Мудрецы и ученые люди сравнивали царский двор с горной вершиной, куда трудно добраться по тайным тропам. На той вершине растут деревья, усыпанные дивными плодами, меж камнями вкраплены драгоценные каменья, там произрастают травы, из которых изготавливают целебные зелья, способные вернуть волшебство. Но за каждым древом таится там могучий лев, свирепая пантера или кровожадный волк, а в пещерах и расселинах свили гнезда ядовитые змеи, и норовят эти звери и гады растерзать или ужалить путника,

стоит ему ступить ногой в их владения. Подняться на эту вершину трудно, но еще труднее остаться там в живых хотя бы ненадолго».

«Ты сказал сущую правду! — воскликнул Димна. — Но ведь говорят: «Кто боится рисковать, тому удачи не видать». Если есть хоть малая надежда, незачем бросать задуманное дело, страшась опасностей, которые могут оказаться воображаемыми. Робкому не по плечу великое дело! Сказано: «Великая доблесть и презрение к опасностям нужны более всего троим: придворному, что служит царю, купцу, отправляющему за море свои корабли, и воину, сражающемуся с могущественным врагом». Мудрецы утверждают, что достойному и добродетельному мужу место либо в царском совете, либо в божьем храме, подобает ему либо вершить государственные дела, окруженному почетом, либо пребывать с аскетами, отрекшись от мирской жизни. Его можно уподобить благородному слону, вся краса и величие которого видны только в двух случаях: когда он шествует по девственному лесу или когда несет на себе царя в сиянии славы, золота и драгоценных украшений». И Калила ответил: «Да пошлет тебе Аллах всяческих благ, раз уж ты решился на опасное дело».

Набравшись смелости, Димна отправился в царские покои. Войдя ко льву, он приветствовал его, и царь спросил своих приближенных: «Кто это?» Те ответили: «Это шакал по имени Димна, а отца его звали так-то». Лев промолвил: «Да, имя его родителя мне известно». Потом, обратившись к Димне, он спросил: «Кому ты служишь?» Димна ответствовал царю: «Я с самой юности постоянно пребываю у врат повелителя, надеясь, что наступит день, когда я смогу пригодиться царю в каком-нибудь деле, и готов ради этого изнурять свой разум и губить душу и тело. Ведь у могучих владык бывает немало случаев, когда надобно им воспользоваться преданными услугами тех, кого, казалось бы, стоит презреть из-за их ничтожества. Но как бы ни были ничтожны малые мира сего, каждый из них может быть полезен по мере своих слабых сил. Ведь даже палка, что валяется на земле, может обогреть, став добычей огня, либо защитить от врага».

Выслушал лев слова Димны, и они ему понравились, и подумал он, что перед ним муж разумный и красноречивый, от которого можно ожидать помощи и совета. Обратившись к присутствующим, он промолвил: «Бывает так, что ученый и доблестный пребывает в забвении и пренебрежении, но рано или поздно он выбьется из

ничтожества и возвысится. Он подобен пламени разгорающегося костра, который тщетно пытаются затоптать».

Понял Димна, что царь проникся к нему расположением, и повел речь дальше: «О повелитель, да будет тебе ведомо, что многие твои подданные, не обладающие высоким саном, пребывают у царских врат, надеясь, что владыка обратит на них благосклонный взор и отличит тех из них, кто отмечен выдающимся разумом, обширными познаниями и чистосердечием. Немало и таких, что, будучи приближены к тебе, остерегаются открывать свои мысли, хотя близости к царю достоин лишь откровенный и верный советчик. Если же тайные побуждения твоих приближенных скрыты от тебя, тебе неизвестны их достоинства и недостатки. Так путник, взирающий на засеянное поле, не знает, какие зерна кроются в земных недрах, и лишь пройдя мимо него снова, когда покажутся всходы, поймет, овес ли взошел, или пшеница. О повелитель, одаряй своей благосклонностью подданных сообразно их разуму и проницательности, верности и преданности, пользе, приносимой ими, и чистосердечности. Пусть каждый займет место, подобающее ему по праву, ведь сказано: «На главу не возлагают ножные браслеты, а венец не надевают на ноги». Если для драгоценного жемчуга либо сверкающего яхонта мастер изготовит свинцовую оправу, они не потеряют своей цены, но всякий станет насмехаться над глупым и незадачливым ювелиром. В пословице говорится: «Не водись с неразумным, что не знает, где право, а где лево».

Искусный военачальник умело применяет доблесть своих воинов, улемы и богословы извлекают всю возможную выгоду из исполнения обрядов веры и толкования священных книг, а мудрый повелитель державы должен не оставлять в небрежении ни одного из достоинств, коими обладает каждый из его подданных. Ни в одном звании и положении нет равных: воин может превзойти всех других силой и храбростью, ученый возвышается над собратьями глубиной познаний и мудростью. Не следует стремиться к обилию приближенных и помощников: если они не отобраны со всем тщанием, то чем больше их, тем сильнее от них урон. Следует полагаться не на тех, кто опрометью бросается среди многих других, выражая намерение исполнить дело, а на того, кто может в одиночку справиться с этим делом. Правитель, отягощающий себя множеством приближенных,

подобен человеку, взвалившему себе на плечи по собственной воле тяжелый камень, который не принесет ему никакой пользы. Лучше немного, да надежно — ведь если тебе нужны бревна для постройки, ты не заменишь их тростником, хотя бы его было великое множество.

Тебе же, о повелитель, не следует презирать доблесть, даже если ты увидишь, что обладатель ее — человек низкого звания и положения, ведь малый часто становится великим. Он подобен крепкой жиле, которую извлекают из убитой дичи, чтобы изготовить тетиву лука — самого благородного оружия, что служит царям в жестокой битве и во время веселой охоты, для развлечения и защиты жизни».

Захотел Димна доказать присутствующим, что лев благосклонен к нему только благодаря проявленному шакалом красноречию, уму и доблести, а вовсе не потому, что знал его отца, как было известно всем придворным, и добавил: «Наш повелитель приближает своих подданных не по заслугам их предков, а сообразно их собственным достоинствам, когда нуждается в исправлении своих дел новыми силами. И отдаляет он своих прежних приближенных вовсе не из-за того, что гневался на их предков, а потому, что они проявили леность и небрежение. Поистине, что ближе для каждого, чем собственное тело! Но бывает, что какая-нибудь часть тела подвергнется злому недугу, так что причиняет нестерпимое страдание, и тогда приходится привозить издалека лекарство, дабы излечить болезнь и изгнать ее из тела».

Выслушав речи Димны, лев преисполнился еще большего восхищения, обласкал его и осыпал почестями, усадив его подле своего престола. Потом он сказал своим приближенным: «Правитель обязан воздавать по праву тому, кто достоин чести, и не притеснять достойных, лишая их заслуженной награды. Среди обойденных могут оказаться мужи разного нрава; одни по самой своей природе злобны и коварны, подобно угнездившимся средь камней ядовитым змеям. Если обидеть такого один раз, он может стерпеть — ведь если наступить на змею, она, возможно, не сразу ужалит, а лишь еще больше затаится. Но пусть не обманывается тот, кто потревожил змеиное гнездо, — если он ступит на него снова, то непременно будет ужален. Другие же отличаются мирным нравом и по природе своей добродушны, но если их долго обижать, они вспыхивают, словно холодное сандаловое дерево, которое от трения делается горячим и больно обжигает. И те и другие представляют опасность для правителя».

После той беседы приблизил лев Димну и часто проводил время с ним наедине, восхищаясь его умом и красноречием. И однажды Димна сказал царю: «Вижу я, что наш повелитель не покидает стен своего дворца вот уже долгое время и даже не выходит за пределы рощи. Может быть, его что-нибудь тревожит?» Лев промолчал, не желая говорить о своих страхах, но как раз в это время Шатраба замычал так громко, что, казалось, земля содрогнулась. Услышав мычание быка, лев вздрогнул, и Димна сразу понял, что тревожит и пугает царя и почему он боится покинуть свое убежище. Он спросил: «Не этот ли звук внушает царю опасение?» — «Да, — ответил лев, — этот громовой рев меня и пугает. И страшнее всего то, что я никогда не слышал подобного голоса и не знаю, кому он принадлежит. Судя по его мощи, обладатель голоса огромен и наделен непомерной силой. Если в этих местах завелось подобное чудовище, то нам всем лучше оставить наши родные земли».

«Может быть, еще что-нибудь беспокоит царя?» — осведомился Димна, и лев ответил: «Нет, больше ничего меня не беспокоит». И Димна сказал: «Пристало ли великому повелителю оставлять свои владения из-за неведомого звука? Ведь мудрые люди говорили: «Быстрая вода прорывает плотину, если в ней есть щели; тщеславие вредит, если не хватает ума; слухи наносят ущерб, если честь небезупречна; крик пугает, коли сердце трусливо». Не всякий громкий звук заслуживает внимания, недаром гласит пословица: «Трус из-за дальнего грома боится высунуть нос из дома».

«А не можешь ли ты поведать мне какую-нибудь притчу на этот случай?» — спросил лев. «Могу», — ответствовал Димна и начал:

«Говорят, что однажды лис забрался в рощу, где на одном из деревьев висел большой барабан, забытый неким путником. В это время задул ветер, и с каждым его порывом ветви того дерева качались, ударяя по барабану, который гремел не переставая. Услышав этот звук, лис направился к дереву, чтобы посмотреть, какой это диковинный зверь издает такие громкие звуки. Подойдя к барабану и увидев, что он большой и круглый, лис подумал: «Без сомнения, это тварь мясистая, упитанная и жирная». Он долго прыгал, пока ему не удалось достать барабан и разорвать кожу. Увидев, что барабан пуст и в нем нет ни мяса, ни жира, лис промолвил: «Кто знает, может быть,

самые пустые создания — это те, что велики ростом и имеют зычный голос».

Я рассказал тебе эту притчу, чтобы ты не тревожился: если мы увидим ту тварь, что издает этот ужасающий громовой рев, то наверняка она окажется вовсе не так велика и опасна, как нам представлялось. Если царь желает, то он может остаться в своем дворце, а я пойду туда и принесу ему правдивые вести».

Лев, согласившись на это, велел шакалу отправиться к тому месту, откуда раздавался страшный голос, и Димна помчался со всех ног на луг, где пасся бык Шатраба, который мычал, наслаждаясь зеленой травой, прохладой и свежестью.

Но как только Димна вышел от царя, тот стал размышлять о том, правильно ли он поступил, отправив шакала с этим поручением, и пожалел, что отдал ему в руки столь важное дело. Лев говорил себе: «Я был неразумен, доверившись тому, кто долгое время пребывал в небрежении у наших врат. А ведь повелителю не следует спешить в выборе своих посланцев и верить первому попавшемуся на глаза из его приближенных. Быть может, найдутся среди них такие, что долго служили царю, но ими пренебрегали безо всякого их греха и вины, или те, что были обижены царем. Случайный выбор сможет пасть на того, кто алчен, жаден и злобен, кто, пребывая в бедности и стесненном положении, попросил царя о помощи, но тот не помог ему, либо на того, кто совершил проступок и боится наказания, кто ожидает себе выгоды от вещей, что повредят повелителю, либо урона от того, что полезно царю. Поспешив, можешь сделать своим доверенным друга своих противников либо врага своих друзей; того, кто прежде был богат и властен, но лишился власти и богатства по приказу царя либо его вазира, злодея, погрязшего в грехе, кому само добро ненавистно, затаившего злобу против всех ближних; либо достойного и доблестного, что доказал владыке свою преданность и верность, но был обойден наградой, в то время как ничтожные отличены высоким саном. Что же касается Димны, то он хитер и умен, но долго пребывал у наших врат в забвении и пренебрежении. Быть может, в душе его таится ненависть, которая побудит его предать меня и помочь моему врагу, умалив перед ним мои достоинства. А вдруг ему покажется, что зверь, что ревет там в отдалении, сильнее меня, и он, настроив его против меня, нападет на мой дворец вместе с тем зверем!»

Не в силах усидеть на месте от волнения и тревоги, лев встал и отправился вслед за Димной. Но не успел он сделать несколько шагов, как увидел, что Димна возвращается. Тогда лев успокоился и вернулся в свои покои, не желая, чтобы шакал видел его, ибо тогда он поймет, что царь покинул свой дворец из страха и беспокойства.

Войдя в царские покои, Димна поклонился, а лев спросил его: «Что же ты видел и что сделал?» И шакал ответил: «Видел я того, кто ревел и рычал, издавая такие громкие звуки. Это зверь, которого называют «бык», и славится он своим зычным голосом». — «А силен ли этот зверь?» — спросил лев, и Димна промолвил: «Вряд ли наделен он большой силой, ибо подошел я к нему совсем близко и говорил с ним как равный, а он не разгневался и ничего мне не сделал». Лев возразил: «Не обольщайся, это вовсе не служит признаком слабости и не является недостатком силы — могучий ветер лишь ласкает малые травинки, но рвет с корнем высокие пальмы и столетние кедры. Тот зверь пренебрег тобой — ведь не станет он меряться силами с шакалом!»

«Ничего не опасайся, о царь, — сказал Димна, — все это пустяки, не стоящие внимания. Если хочешь, я приведу к тебе этого зверя, и он будет твоим послушным рабом, а ты — его господином». — «Ну что же, пусть будет так, — воскликнул лев, — и поскорее берись за дело!»

И шакал отправился на луг и, подойдя к быку, без страха и робости сказал ему: «Мой повелитель лев послал меня к тебе и велел передать, что ежели ты послушно явишься к нему сей же час и без промедления, он простит тебе твою провинность — ведь ты уже много дней находишься в его владениях, но до сих пор не явился к нему, чтобы выразить покорность и послушание. Но коли ты проявишь упрямство и будешь медлить с выполнением его повеления, я поспешу в его дворец и поведаю о твоем недостойном и дерзком поведении».

Шатраба осведомился: «А кто такой этот лев, который послал тебя ко мне, где он находится и чем занимается?» — «Лев — царь зверей, — воскликнул Димна, — и живет в ближайшей роще. Лев правит нашим царством, и ему покорно все свирепое звериное воинство, чье оружие — отточенные когти и острые зубы!» Услышав про царя зверей и воинство, Шатраба испугался и промолвил: «Если ты обещаешь мне безопасность, я пойду с тобой». Димна дал быку

клятву, что с ним не случится ничего дурного, и они вместе отправились к царю зверей.

Представ пред царские очи, бык поклонился, а лев оказал ему наилучший прием и, усадив подле себя, начал расспрашивать, как попал он в его владения и какое время находится на лугу. Шатраба рассказал царю зверей все, что с ним приключилось, и лев промолвил: «Оставайся у меня и будь моим другом, а я обещаю почитать тебя и относиться к тебе со всем уважением». И бык в ответ на эти слова стал восхвалять царя зверей и призывать на него благословение.

Остался бык Шатраба при царском дворе, и лев приблизил его, сдружился с ним и требовал, чтобы он не покидал царя ни на миг, и полюбил Шатрабу, ибо он отличался благоразумием и добродушием. Потом царь стал поверять быку свои тайны и советовался во всяком деле, и с каждым днем он все больше любил, отличал и приближал его, так что стал Шатраба одним из высших придворных сановников.

И когда Димна увидел, что бык затмил в глазах льва всех его прежних приближенных, друзей и советников, отправляясь с ним в диван, сопровождая его на охоте и на ристалище, разделяя с ним часы веселья и уединения, он позавидовал ему жгучей завистью, и не было предела его гневу и ярости. Стал он жаловаться другу своему Калиле, говоря: «Ты, брат мой, несомненно удивляешься тому, как глуп я оказался и какую беду навлек на себя своей недальновидностью! Думал я лишь о том, как бы угодить нашему царю, забыв о собственной выгоде. Вот и случилось, что привел я этого быка, который затмил меня и стал другом льва, заняв то место, к которому я стремился!»

И промолвил Калила: «С тобой случилось то же, что с отшельником, о котором рассказывают забавную притчу». — «Что же было с отшельником?» — спросил Димна, и Калила начал:

«Рассказывают, что этот отшельник получил от своего царя в подарок дорогую одежду. Некий вор, увидев на отшельнике эту одежду, загорелся желанием ее похитить. Явившись к отшельнику, он сказал ему: «Я хочу стать твоим послушным учеником, отрекшись от мира, отринув от себя его обольщения и соблазны, и проникнуть в высшую мудрость». Отшельник согласился сделать вора своим учеником, и тот, стараясь показать свое благочестие и послушание, был кроток и услужлив. Так он вел себя до тех пор, пока ему не

представилась возможность похитить одежду. Взяв ее, он удрал, а отшельник, не найдя на месте своей одежды, понял, что украл ее новый ученик-благочестивец. Отправился он на поиски того ученика. На обочине увидел он двух баранов, которые сшибались рогами и бились так жестоко, что нанесли друг другу глубокие раны. Мимо пробегала лисица и, учуяв запах крови, приблизилась к тому месту, где дрались бараны, и стала лизать кровь, что текла из их ран на землю. Она была так занята этим, что не заметила, как бараны налетели на нее и растоптали в пылу драки.

Продолжая свой путь, отшельник прибыл в столицу, когда уже зашло солнце. Он долго блуждал по улицам в поисках пристанища, но нигде не нашел ночлега и вынужден был остановиться в доме некой блудницы. У той женщины была рабыня, которую она заставляла распутничать и забирала вырученные деньги. Рабыня эта любила одного бедняка и принимала его у себя вопреки воле своей госпожи, а та злобствовала и решилась извести его, чтобы невольница не проводила с ним время бесплатно и не лишала ее своего заработка. И как раз в ту ночь, когда в столицу прибыл отшельник, блудница задумала убить любовника своей рабыни. Она подала им неразбавленное вино, так что, выпив его, они опьянели и крепко уснули. А та женщина взяла яд и, положив его в выдолбленную тростинку, вставила ее конец в задний проход спящего, чтобы вдуть смертельный яд и погубить его. Но в то время, как она взяла другой конец тростинки себе в рот и намеревалась дунуть, спящий испустил ветры, так что яд попал ей в рот и она тотчас же скончалась. А отшельник, который так и не уснул, видел все это.

Рано поутру отшельник покинул злосчастный дом и снова принялся за поиски вора и бродил по улицам до самого вечера. На ночь он нашел приют у башмачника. Когда стемнело, хозяин дома стал собираться в гости к одному из своих приятелей, который пригласил его на пирушку. Уходя из дому, он сказал своей жене: «Позаботься о нашем госте — благочестивом отшельнике. Я ухожу к своему другу, а ты накорми старца и ухаживай за ним как подобает».

Сказав это, он ушел, а жена его тотчас же послала служанку и велела ей привести жену соседа-цирюльника. А надо сказать, что у хозяйки дома был любовник, который навещал ее в отсутствие мужа, а жена цирюльника была их доверенной и посредницей. Когда она

пришла к жене башмачника, та попросила ее сходить к тому человеку и сказать ему, что он может посетить ее и они насладятся без всякой помехи, потому что муж пошел в гости и явится, без сомнения, пьяным поздно ночью.

Он тотчас же вышел из дома и, подойдя туда, где жил башмачник, сел у ворот, поджидая свою любовницу. Но случилось так, что пирушка, на которую был приглашен башмачник, кончилась раньше, и он, выпив немалую толику вина, направился домой. Увидев у ворот мужчину, которого он давно уже подозревал в связи со своей женой, башмачник в гневе ворвался в дом, до полусмерти избил жену, привязал ее к столбу, что был у дверей, и, повалившись на пол, крепко уснул. Когда все стихло и люди в домах опочили, в комнаты заглянула сводня, жена цирюльника, и прошептала: «Твой друг давно сидит у ворот, чего же ты ожидаешь?» Хозяйка дома ответила: «Ты видишь, что со мной случилось! Если хочешь сделать доброе дело, отвяжи меня и становись на мое место, а я привяжу тебя, чтобы муж, если он случайно проснется, не заметил моего отсутствия. Я только расскажу все своему другу и тотчас же вернусь».

Жена цирюльника решила помочь ей, отвязала подругу и встала у столба на ее место. Башмачница привязала ее к столбу и отправилась к своему любовнику. Не успела она выйти из дома, как проснулся башмачник. Он окликнул жену, но сводня не ответила ему, опасаясь, что он узнает ее голос. Он еще раз позвал жену, но опять не получил ответа. Вне себя от гнева, башмачник схватил нож и, подскочив к сводне, которую счел он своей женой, отрезал ей нос и бросил его на землю, крикнув: «Возьми свой нос и отнеси его в подарок любовнику!»

Тут вернулась домой башмачница. Первым делом бросилась она отвязывать свою подругу, и та, горько плача, подобрала с пола свой нос и отправилась домой, обливаясь кровью и проклиная свою участь, а башмачница вновь привязалась к столбу. И все это происходило на глазах отшельника.

Видя, что муж ее крепко спит и не заметил подмены, башмачница стала громко рыдать и молиться, а потом крикнула: «О господи, накажи злодея, который изувечил меня безо всякого греха и вины! О господи, клянусь, я не совершила ничего дурного и муж мой несправедливо меня обидел! О господи, если слова мои правдивы, то

сделай так, чтобы мой нос, отрезанный этим негодяем, прирос к моему лицу и чтобы не осталось никакого следа и шрама».

«Что ты там мелешь, распутница?» — вскричал башмачник, и жена ответила: «Иди сюда, злодей, погляди, как господь карает жестокость и несправедливость, как он милосерд к обиженным и невинным! Ты подозревал меня в недостойном и поднял на меня руку, но бог восстановил справедливость. Взгляни — ты отрезал мне нос, а он невредим, и на лице моем нет никакого следа или шрама!» Вскочив с пола, башмачник зажег светильник, и, подойдя к жене, увидел, что она и в самом деле невредима. Он пал ниц и стал молить господа о прощении и просил жену извинить его и не сердиться.

Что же касается жены цирюльника, то она, вернувшись домой, стала раздумывать, как бы ей объяснить свое увечье, чтобы не быть опозоренной перед людьми и собственным мужем, и наконец нашла одно средство. Утром, когда было еще темно, цирюльник проснулся и, позвав жену, сказал ей: «Подай-ка мне все, что нужно для бритья, один вельможа велел мне явиться к нему как можно раньше». Но жена подала ему только бритву. Цирюльник, рассердившись, бросил в нее бритвой, ничего не различая во мраке, а женщина бросилась на землю и завопила: «Мой нос, мой нос! Ах злодей, ты отрезал мне нос своей бритвой!» Она кричала до тех пор, пока на ее крик не сбежалась ее родня, и они все, схватив цирюльника, отправились к судье. Судья спросил незадачливого мужа: «Почему ты отрезал нос своей жене?» Тот не смог ответить ничего вразумительного, и его приговорили к наказанию палками. Но когда начали наказывать цирюльника, к судье подошел отшельник, который проследил за сводней, и промолвил: «Отмени наказание, судья, ты ведь не знаешь подлинных обстоятельств этого дела. Я скажу тебе: не вор виновен в том, что пропала моя одежда, бараны не виновны в том, что была убита лисица, не яд погубил злую распутницу, и не цирюльник отрезал нос своей жене — нет, виноват был тот, кто пострадал, и наказан каждый за свою вину». — «Как понять твои слова?» — спросил судья, и отшельник рассказал ему все как было и поведал то, что видел он собственными глазами. Вот какая притча сложена на этот случай, и ты, Димна, сам виновен в своем несчастье и паденье».

Димна промолвил: «Я выслушал твою притчу со всем вниманием и нахожу, что она очень подходит к моему положению. Клянусь

жизнью, я сам себе навредил и понес заслуженное наказание. Но скажи, что же мне теперь делать?» — «Я хочу знать, что ты думаешь предпринять и на что решился?» — промолвил Калила, и Димна ответил: «Сейчас я уж не мечтаю занять более высокое положение — мне бы хоть вернуть прежнюю благосклонность льва — нашего повелителя. Разумный должен размышлять о том, что произошло в прошлом, происходит ныне и произойдет в будущем, и особое старание приложит к тому, чтобы, во-первых, хорошо знать, что принесло ему пользу или нанесло урон в прошлом, дабы остерегаться вредоносного и не повторять подобного и, напротив, стараться вновь совершить полезное. Во-вторых, следует прозорливому знать, что полезно ему в настоящем, и держаться этого, а что вредоносно — того избегать. В-третьих, следует ему предвидеть, от чего получит он выгоду в будущем и какого вреда и ущерба должно ему опасаться, и тогда уж приложить все старание к достижению желаемого и стеречься того, чего может он опасаться. И когда я думаю о том, как мне вернуть мое прежнее положение, которое ныне занимает бык — мой соперник и победитель на этом поприще, я не нахожу иного способа и выхода, кроме смерти этого травоядного, и приложу все усилия, чтобы погубить его, ибо когда лев останется в одиночестве, ему придется вновь приблизить меня и сделать своим другом и наперсником. Быть может, это будет лучше и для царя — ведь его чрезмерная, неестественная любовь и близость к быку могут повредить ему и опозорить его».

Калила возразил своему другу: «Я не вижу ничего дурного и позорного в том, что лев высоко ценит быка и сделал его своим приближенным». Но Димна возразил: «Но ведь лев в своей губительной страсти к быку забыл обо всех добродетелях, коими украшается правитель, и пренебрегает другими своими верными подданными, что может иметь пагубные последствия. Ведь известно, что шесть вещей подтачивают опоры власти и отнимают у правителя силы: лишения, смута, необузданные страсти, грубость, злая судьба и дурной нрав. Под лишениями разумею я такое положение, когда царь лишен добродетельных, прозорливых, верных и надежных помощников, советников и сановников и даже не пытается найти таких, что обладали бы добродетелями. Что касается смуты, то это постоянные войны, мятежи и усобицы, губящие людей и разделяющие

царство. К необузданным страстям я причисляю любовь к женщинам, к пирам и застольным беседам, к вину и охоте и тому подобное. Грубость отличает часто тех, кто обладает неистраченной силой и несдержанностью, так, что он не к месту распускает язык и руки, осыпает приближенных и слуг бранью и раздает пощечины направо и налево. Злая судьба — это бедствия, поражающие людей и не зависящие от их воли, как засуха, моровая язва, неурожай и тому подобное. Дурной нрав понимаю я как применение силы тогда, когда потребна мягкость, и мягкости, когда необходима сила. И та непомерная и ни с чем не сообразная страсть, которую лев питает к быку, способна, как я тебе говорил, опозорить льва и повредить ему в делах».

И Калила осведомился: «Как же ты совладаешь с быком — ведь он сильнее тебя, царь почитает его несравненно больше и он приобрел множество друзей и приятелей». Димна воскликнул: «Не гляди, что я мал ростом и слаб! Дело вовсе не в силе или слабости, успех в делах зависит не от того, кто тощ, а кто дороден телом! Сколько раз видели мы, как ничтожный по виду, но хитрый, ловкий и прозорливый добивался того, на что оказывались неспособны силачи и великаны! Разве не слышал ты притчу о том, как обделенный силой ворон погубил ядовитую черную гадюку?» Калила спросил: «Как это было и что это за притча?»

И Димна начал:

«Говорят, что ворон свил себе гнездо среди ветвей дерева, что росло на горном склоне. Неподалеку была нора огромной черной гадюки. И всякий раз, как ворон выводил птенцов, гадюка заползала на дерево и пожирала их. И ворон, вне себя от горя, поведал о своей беде одному из своих друзей, шакалу, а потом добавил: «Я хочу посоветоваться с тобой относительно дела, на которое я решился». — «Что это за дело?» — спросил шакал, и ворон ответил: «Вот что я решил: когда черная гадюка уснет, я проникну в ее нору и буду клевать ее в глаза, пока она не ослепнет. Может быть, тогда я избавлюсь от нее и спасу своих деток». Но шакал ответил: «Это никуда не годится. Ищи средства, с помощью которого ты смог бы погубить гадюку, не ввергая себя в опасность. Будь осторожен и не уподобляйся цапле, которая пожелала убить рака, но сама погибла». Ворон спросил: «Как это было и что это за притча?» И шакал начал: «Говорят, что одна цапля

поселилась на болоте, где было много рыбы, и спокойно жила там долгое время. Когда цапля одряхлела, ей стало трудно добывать себе пропитание и она познала голод и все тяготы старости. Как-то раз она стояла, пригорюнившись, и размышляла, что ей делать. Мимо проползал рак. Увидев, что цапля понурилась и грустит, рак, приблизившись к ней, промолвил: «Почему ты, большая птица, такая грустная и понурая?» Цапля ответила: «Как же мне не печалиться и не грустить? Всю жизнь я прожила в этом болоте и питалась рыбой, которую здесь ловила. Но сегодня я увидала двух рыбаков, которые проходили мимо этого болота. Один из них сказал своему спутнику: «Здесь много рыбы, почему бы нам не начать с этого места?» Но второй возразил: «Рядом рыбы еще больше. Лучше начнем с того края, а когда выловим там всю рыбу, придем сюда и не оставим здесь ни одной рыбешки». И я поняла, что если эти рыбаки с соседнего болота переберутся сюда, то придет мне конец, и ждет меня верная гибель от голода и истощения». Услышав слова цапли, рак, нисколько не сомневаясь в том, что она сказала правду, тотчас же отправился к рыбам и рассказал им историю, придуманную цаплей. И рыбы, собравшись целой стаей, приплыли к своей губительнице, чтобы спросить у нее совета. Они сказали ей: «Мы явились к тебе, чтобы ты посоветовала, что нам делать, ибо разумный не презирает и мнений, высказанных его врагами. Ты умна и дальновидна и понимаешь, что если мы погибнем, то и тебе придется туго». Цапля ответила: «Я не могу бороться с рыбаками, которые превосходят меня ростом и силой, и думаю, что у вас нет иного выхода, кроме переселения в соседний пруд. Он полноводен, окружен густыми камышами, и в нем водится множество рыбы. Если вы сможете перебраться туда, то спасете свои жизни и получите вволю корму». Рыбы в один голос воскликнули: «Кто же окажет нам такую милость, как не ты?» — «Это дело трудное и долгое, — ответила цапля, — но я постараюсь помочь вам. Может быть, я переправлю вас всех еще до того, как те рыбаки подберутся к нашему болоту». И цапля со всем рвением взялась за дело. Каждый день она брала в клюв двух рыб, относила их на соседний холм и там поедала без всякой помехи. Так шло дело некоторое время, и рыбы, ни о чем не ведая, благословляли цаплю. Но однажды утром цапля, как обычно, явилась на болото, чтобы спасти еще двух несчастных. Не успела она раскрыть клюв, как к ней подошел рак и промолвил: «Мне

тоже страшно, и я боюсь, как бы не погибнуть в этом проклятом месте! Отнеси меня на тот пруд, сделай милость!» Цапля взяла его в клюв и понесла над болотами и холмами. Случилось так, что они пролетали над тем холмом, куда цапля относила спасенную рыбу и пировала. Увидев множество разбросанных рыбьих костей, рак понял, что это — дело их спасительницы цапли и что его ожидает такая же участь, если он не попытается освободиться. Он сказал себе: «Коли встретишься с врагом там, где ждет тебя верная гибель, будешь ли ты бороться, или отдашься на его волю, — сражайся, защищая свою жизнь, честь и гордость!» И он, протянув клешни, схватил цаплю за горло, так что она задохнулась и упала на землю. Рак тоже упал, но, покрытый твердым панцирем, не разбился. Он вернулся к себе на болото и обо всем поведал оставшимся в живых рыбам.

Я рассказал эту притчу для того, — добавил шакал, — чтобы тебе было известно: когда слишком много хитришь и измышляешь, можешь перехитрить самого себя и погибнуть. Я укажу тебе способ погубить черную гадюку, и если ты выполнишь в точности мои указания, останешься цел и невредим, не подвергая свою жизнь ни малейшей опасности». — «Что же это за способ?» — спросил ворон, и шакал ответил: «Летай над селениями и городами и смотри внимательно: если увидишь блестящее и дорогое украшение, которыми увешивают себя женщины, хватай его и лети низко над землей, то поднимаясь, то опускаясь, будто у тебя повреждено крыло, либо ты несешь непосильную тяжесть, так чтобы люди не потеряли тебя из вида. Лети прямо туда, где находится нора черной гадюки, и брось украшение у самого входа. За ним прибегут люди, чтобы достать его, убьют гадюку, и ты избавишься от нее навеки».

Выслушав совет шакала, ворон решил последовать ему и, покинув его, стал кружить в небе, высматривая украшение, которое мог бы похитить. Пролетая над городом, он увидел на крыше высокого дома молодую женщину, дочь богатого вельможи, которая мылась, сняв одежды и украшения и отложив их в сторону. Ворон камнем пал на крышу, схватил блестящее драгоценное ожерелье и взлетел, но старался не подниматься высоко, чтобы его видели люди. Слуги вельможи с криком побежали за птицей, стараясь не терять ее из вида, а ворон все летел, то поднимаясь, то опускаясь, пока не достиг норы, в которой скрывалась черная гадюка, и бросил ожерелье у самого входа.

Видя, что ворон выронил ожерелье, слуги побежали к тому месту и, увидев нору, разрыли ее палками и убили гадюку, а потом взяли ожерелье и удалились».

«Я рассказал эту притчу, — добавил Димна, — для того, чтобы тебе было известно: хитростью можно добиться того, чего не добьешься силой».

Калила возразил: «Если бы твой противник бык был силен, но безрассуден и глуп, я счел бы тебя правым. Но ведь кроме зычного голоса и мощного тела он обладает еще и добродетелью, умом и прозорливостью, как же ты сможешь повредить ему?»

Димна заметил: «Да, бык точно такой, как ты говоришь, — он силен и умен, но он понимает и признает мое превосходство, и я могу одолеть его, как слабый заяц одолел свирепого льва». — «Как это было и что это за притча?» — спросил Калила, и Димна начал:

«Говорят, что жил некогда лев на плодородных землях, где было множество чистых ручьев, полноводных прудов и зеленых лугов. Водилось в тех широких лугах и на берегах водоемов множество разных зверей, но не могли они наслаждаться привольем и обильной едой из страха перед тем львом. И вот однажды звери собрались, пришли к логову льва и сказали ему: тебе ежедневно приходится охотиться, и ты ловишь кого-нибудь из нас после великих мучений и тяжких трудов. И мы приняли решение, которое будет полезно тебе, а нам принесет спокойствие и безопасность. Если ты обещаешь нам не пугать и не тревожить нас, то мы обязуемся каждый день в обеденный час присылать тебе какого-нибудь зверя, выбранного нами по жребию». Согласившись на такие условия, лев заключил с ними перемирие, и они соблюдали свой договор. Наконец выпал черед зайцу отправляться ко льву на съедение, но он сказал: «Братья, если вы окажете мне милость, которая не повредит вам, я, быть может, погублю льва и избавлю вас от страха». Звери спросили: «Чего ты просишь?» Заяц ответил: «Я хочу, чтобы мой провожатый, который поведет меня к логову льва, не торопился и дал мне срок, потому что я хочу немного задержаться». Звери ответили зайцу: «Пусть будет так». И заяц не спеша отправился в путь, а провожатый шел за ним следом. Они шли так медленно, что пропустили то время, когда лев привык обедать. Проголодавшись, лев в сильном гневе вышел из логова и отправился по дороге. Встретив зайца, который шел первым, лев спросил его:

«Откуда ты идешь и почему задержался?» Заяц промолвил: «О могучий лев, я — только посланный от зверей к твоей милости. Они отправили со мной еще одного зайца, на которого пал жребий, но по пути встретился мне другой лев. Он отобрал того зайца и крикнул: «У меня больше прав на эти земли и на всю дичь, которая в ней водится!» Я пытался противиться ему, говоря: «Этого зайца мы послали на обед нашему царю, как ты смеешь покушаться на его долю!» Но тот, второй, начал ругать и поносить тебя, и я поспешил к твоей милости, чтобы рассказать об этом прискорбном событии». Лев в бешенстве зарычал: «Иди со мной и покажи мне, где находится мой соперник!» И заяц подвел льва к глубокому колодцу, вода в котором была чиста и прозрачна, заглянул в него и промолвил: «Похититель находится в этом месте». Тут и лев заглянул в колодец и, увидев в воде свое отражение рядом с отражением зайца, поверил обманщику и ни на минуту не усомнился, что перед ним — его соперник. Он прыгнул в воду, чтобы сразиться с похитителем его обеда, и утонул в колодце. А заяц отправился к зверям и рассказал им, как расправился со злодеем».

Калила промолвил: «Если ты можешь погубить быка так, чтобы не причинять вреда льву — нашему повелителю, то берись за дело, ибо этот бык нанес ущерб и тебе, и мне, и всему львиному воинству, оттеснив от царя верных подданных. Но ежели падение быка грозит бедою нашему царю, оставь мысли об этом, ибо негоже ни мне, ни тебе предавать того, кому мы служим».

После этой беседы Димна долго не показывался царю на глаза, а потом пришел к нему, когда тот был в одиночестве. Лев спросил его: «Что мешало тебе посещать нас? Я не видел тебя вот уже долгое время. Надеюсь, что твое отсутствие не принесло никому урона и было во благо»? — «Если бы так!» — воскликнул Димна. «Разве что-нибудь случилось?» — спросил царь, и Димна ответил: «Случилось то, что вряд ли желательно царю или кому-нибудь из его воинства». — «Да что же случилось?» — воскликнул лев. И Димна ответил: «Страшно молвить». — «Говори все, что знаешь», — настаивал лев, и Димна начал: «Поистине, это — речь, что неприятно слышать и еще неприятнее произносить. Но если намерения говорящего похвальны, то он должен высказать свои мысли, даже если это покажется дерзостью царю и господину. И если тот, к кому обращены подобные речи, обладает мудростью и сдержанностью, то у него достанет

терпения выслушать, не гневаясь и не прерывая, ибо он получит от тех речей немалую пользу, а советчик может лишь поплатиться за свою искреннюю любовь и верность. Ты, о царь, мудр и обладаешь всеми достоинствами, и твой разум подсказывает тебе, что мне больно говорить тебе неприятные вещи. Я верю, что ты будешь признателен мне за совет, ибо тебе известно, что твое благо мне дороже собственной жизни. Я допускаю, что ты не поверишь мне, но когда я размышляю о нашей судьбе, помня о том, что жизнь всего звериного воинства зависит от твоего благополучия и здравия, я нахожу лишь один выход — исполнить свой долг и свою обязанность, хотя ты и не просишь меня об этом, и я боюсь, что ты не примешь мой совет и не откликнешься на мои речи. Но я постоянно твержу себе пословицу: «Сам себе враг тот, кто скрывает свои болезни от лекаря, нужду от друзей и полезный совет от царя».

«В чем же дело?» — воскликнул лев, и Димна начал: «Один мой друг, которому я верю как самому себе, сообщил мне, что бык Шатраба собрал у себя предводителей твоего войска и сказал им: «Много слышал я о льве — нашем царе, но, испытав его, убедился, что он не так уж умен, хитер и силен, а скорее бессилен и слаб. Вы еще увидите, что у меня будет с ним». И когда до меня дошли речи Шатрабы, я тотчас же понял, что этот бык — предатель и изменник. Ты оказал ему наивысший почет и обходился с ним как с равным, и он возомнил, что подобен тебе и что, свергнув тебя с престола, овладеет твоим царством, поэтому он делает все возможное, чтобы повредить тебе, и не упустит ни одного случая. Мудрые люди говорили: «Если царь увидит, что кто-либо сравнялся с ним мощью, умом, богатством и влиятельностью, — пусть нанесет удар и разобьет соперника, не то сам будет разбит и свергнут». Ныне Шатраба лучше тебя осведомлен во всех делах твоего царства и достигнет чего пожелает. Истинно разумен тот, кто сумеет избежать опасности не только до того, как она угрожает жизни, но еще прежде, чем она появилась. А кто поручится, что ты сможешь отразить натиск Шатрабы, если он ударит первым? Ведь сказано: «Правители и прочие мужи бывают по природе различного нрава: муж решительный, муж решительный и прозорливый и муж нерешительный и слабый. К решительным можно причислить того, кто стойко выносит постигшее его несчастье, не слабея сердцем, и находит всевозможные и разнообразные средства,

дабы выйти из испытания с честью. Муж решительный и прозорливый предвидит все, что может приключиться, не стараясь успокоить себя, а, напротив, преувеличивая опасность, чтобы постоянно быть к ней готовым, и принимает неотложные меры, будто несчастье уже на пороге. Он отсекает одним взмахом то, что поражено недугом и прогнило, предотвращая грозящий ему урон и препятствуя возникновению смуты. Муж нерешительный и слабый не знает, что ему предпринять, — он надеется и желает, но медлит и колеблется, так что до времени погибает. Это напоминает мне притчу о трех рыбах».

«Что это за притча?» — спросил лев, и Димна начал:

«Рассказывают, что в одном пруду жили три рыбы, и были они разного нрава. Одна была прозорлива, вторая — решительна и третья — нерешительна. Пруд этот находился на пустынном плоскогорье, а рядом с ним протекала полноводная река, от которой он был отделен узкой протокой. Однажды по берегу реки проходили два рыбака. Увидев пруд, они сговорились друг с другом на обратном пути закинуть сети в этом пруду, надеясь на богатый улов. Все три рыбы услыхали этот разговор. Прозорливая рыба, испугавшись, что попадет в сети, думала только о том, как бы ей спастись, не помышляя ни о чем ином, и наконец, найдя протоку, через которую речная вода вливалась в пруд, пробралась через нее и уплыла. Решительная рыба оставалась в пруду до тех пор, пока не явились рыбаки, которые закинули в воду свою сеть. Заметив это и поняв их намерения, эта рыба поплыла изо всех сил к протоке, чтобы укрыться в речных водах. Подплыв к ней, рыба увидела, что она также затянута сетью. Тогда она сказала себе: «Я проявила легкомыслие, и вот его последствия. Как же мне быть? Надо поразмыслить — ведь смятение и поспешность не доведут до добра. Тот, кто обладает истинной решимостью и доблестью, не будет пренебрегать теми преимуществами, какие дают размышление и разум, не отчаивается ни при каких обстоятельствах и борется до конца». Поразмыслив, она притворилась мертвой и, всплыв на поверхность пруда, поворачивалась то вверх спиной, то вверх брюхом. Один из рыбаков, вынув ее из воды, бросил на землю у самого берега реки. И тогда она, собрав все силы, сделала прыжок, упала в реку и уплыла. Что же касается третьей, нерешительной рыбы, то она не переставая металась взад и вперед, пока не попала в сеть».

«Я понял смысл твоей притчи, — промолвил лев, — но не могу поверить, что Шатраба хочет предать меня и желает мне дурного. Он ведь не видел от меня ничего, кроме добра, и я выполнял любое его желание! Неужели Шатраба способен на подобное вероломство?» — «Твоя доброта и благородство повредили тебе, повелитель! — ответил Димна, — побудив этого негодного домогаться того, чего он недостоин. Ведь тот, кто вышел из подлого и низкого звания, приносит пользу и верно служит лишь до тех пор, пока его не возвысят до степеней, коих он недостоин. А поднявшись высоко, он желает забраться еще выше. Особливо же отличаются этим подлые и злонравные, что служат правителю и сохраняют ему верность лишь из страха. Когда же они почувствуют себя независимыми и потеряют страх, тут-то и сказывается их истинная природа. Так, если привязать к палке свернутый кольцом собачий хвост, чтобы его выпрямить, он будет прям только до той поры, пока привязан, но стоит развязать веревку и убрать палку, как хвост снова свернется в колечко. О повелитель, трудно назвать разумным того, кто не слушает советы своих истинных друзей, даже если они говорят о тяжких и неприятных вещах. Он словно больной, что не принимает лекарств, прописанных лекарем, ибо они горьки, и ест то, что сладко, но вредоносно для его недуга. Долг того, кто приближен к правителю, — не жалеть сил, побуждая своего господина совершать добрые дела, что украсят его и увеличат его силу, и удерживать от поступков, что могут повредить ему и опорочить его. Известно, что лучший друг и помощник — тот, кто не льстит и говорит правду, не смягчая своих слов, лучшие из дел те, что не имеют пагубных последствий, а ведут ко благу; лучшая из женщин — та, что покорна своему мужу; лучшая похвала — та, которую слышишь из уст достойных; благороднейший из царей — тот, кто ценит и судит по справедливости своих подданных, а лучший нрав — тот, что побуждает к добродетели.

Нельзя спокойно почивать, когда грозит опасность. Сказано: «Трудно уснуть, коли ложе сплетено из гадюк, а подушка соткана из огня». Если чувствуешь, что друг твой задумал недоброе и стал врагом, не доверяйся ему! Поистине, самый бессильный и нерешительный из царей — тот, кто медлит и откладывает, кто мечется, не думая о том, как обернется дело, кто, словно бешеный слон, несется без дороги, не видя ничего перед собою. Такой

правитель, узнав о важном деле, оставит его без внимания, а если его постигнет неудача, обвиняет в ней своих приближенных и подданных».

«Ты был груб и невежлив, — промолвил лев, — но искренний совет следует принять, несмотря на его грубость. Однако, если Шатраба и стал моим врагом, как ты утверждаешь, то вряд ли сможет нанести мне ущерб и сделать что-нибудь дурное. Как это может случиться, если он питается травой, а я — мясом? Он предназначен мне в пищу самой природой, зачем же я стану его опасаться? И как он может предать меня после того, как я был к нему великодушен и обещал безопасность? Как может изменить, если я оказал ему наивысший почет и осыпал похвалами? И если нынче я изменю свое отношение к нему и обращу благосклонность в немилость, то выкажу себя клятвопреступником, глупцом и невеждой».

«Не успокаивай себя словами; дескать, он предназначен мне в пищу самой природой, и мне не следует его опасаться, — возразил Димна, — даже если Шатраба сам не сможет с тобой справиться, он настроит против тебя твое войско и подданных. Мудрые люди говорили: «Если приютишь путника, ничего не ведая о его нраве, гляди за ним хорошенько — ведь он может навредить и скроется, и тебе не найти на него управу». Гляди, царь, как бы с тобой не случилось того же, что с вошью, приютившей блоху». Лев спросил: «Какая же беда постигла вошь, и что это за притча?»

И Димна начал: «Говорят, что в постели одного богача долгое время проживала вошь. Ночью она выходила из своего убежища и тихонько ползала по его телу и пила его кровь так, что он этого и не чувствовал. Так продолжалось до той злосчастной ночи, когда к ней попросилась на ночлег бродяжка-блоха. Добросердечная вошь сказала ей: «Остановись у нас на эту ночь, мы угостим тебя доброй кровью, и ты поспишь на мягкой постели». Блоха забралась в постель, а когда тот богач отошел ко сну, блоха прыгнула на него и так укусила, что он тут же проснулся и от боли не мог больше сомкнуть глаз. Он встал и приказал слугам осмотреть постель. Когда подняли одеяло, то увидали лишь невинную вошь, которую тут же раздавили, а блоха тем временем упрыгала прочь и скрылась!» Я рассказал тебе эту притчу для того, чтобы ты понял, что никому не уберечься от зла жестокого лиходея, а если он слаб и сам не может нанести обиду, то служит

причиной беды и несчастья. Если ты не боишься самого Шатрабы, бойся храбрецов из своего воинства, которых он настроил против тебя, побудив враждовать с тобой».

Глубоко запали в душу царя слова Димны, и он спросил у шакала: «Но тогда как же мне быть и что ты посоветуешь?» Димна ответил: «От испорченного зуба болит рот, пока этот зуб не удалишь, от испорченной еды болит живот, пока ее не извергнешь, а от заклятого врага не избавишься, пока его не убьешь». Лев воскликнул: «Ты сделал для меня ненавистным присутствие Шатрабы в моих владениях! Я тотчас же пошлю к нему одного из своих придворных и велю ему высказать быку мою немилость, пусть незваный гость отправляется куда хочет, покинув пределы моего царства!»

Очень неприятно было шакалу слышать эти слова, ибо он понимал, что если лев хотя бы через своего посланца будет говорить с Шатрабой и тот даст ему разумный ответ, опровергнув все наговоры, царь тотчас же проникнет в намерения Димны, ему станет ясно, что все обвинения против быка ложны, а шакал — изменник, лжец и предатель.

И он сказал царю: «Благоразумно ли отправлять кого-либо к Шатрабе? Не будет ли подобный поступок опрометчивым? Подумай, о повелитель: когда Шатраба узнает о том, что ты осведомлен о его заговоре, он ускорит свои приготовления и вступит в борьбу во всеоружии, а если расстанется с тобой, то предварительно причинит тебе множество хлопот и волнений, может навредить и опозорить твое доброе имя. К тому же самые разумные и предусмотрительные цари открыто наказывают лишь тех, о чьей вине объявили во всеуслышание. Они карают сообразно проступкам: за явную вину — всенародное наказание, за тайный грех — наказание тайное».

Лев промолвил: «Когда царь карает кого-нибудь по наговору и подозрению, не убедившись в вине наказуемого, то совершает смертный грех и сам себя наказывает». Димна ответил: «Если царь так полагает и нуждается в доказательствах, то пусть пригласит Шатрабу к себе и заранее подготовится к его приходу, чтобы он не застал его врасплох и не обманул снова. Я не сомневаюсь, что когда бык войдет к нашему повелителю, тот сразу же поймет, что гость его решился на нешуточное дело. А если царю нужны доказательства, то вот они: бык изменится в лице, задрожит, будет озираться во все стороны, не смея

поднять глаза на царя, опустит голову и наставит рога на царя, словно для того, чтобы биться и бодаться». — «Я буду настороже! — воскликнул лев. — И если увижу те признаки, о которых ты мне сказал, то больше не стану сомневаться в том, что бык виновен».

Так Димна добился своей цели, настроив льва против быка Шатрабы. И убедившись в том, что царь, поверив ему, будет остерегаться своего прежнего друга и приготовится к его приходу, Димна решил отправиться к быку, дабы обмануть и его. Но ему не хотелось идти к Шатрабе без ведома льва, так как он боялся, что, узнав о его посещении, царь заподозрит его и обман раскроется. И он обратился к царю: «О повелитель, не прикажешь ли ты мне навестить этого предателя, чтобы я увидел, как он ведет себя и кто находится вместе с ним? Я заведу с быком беседу, может быть, мне удастся проникнуть в его тайну, и я расскажу царю о том, что увидел и услышал».

Лев дал ему позволение, и Димна, покинув царские покои, вошел к Шатрабе с печальным и удрученным видом. Увидев шакала, бык приветствовал его и спросил: «Почему ты так долго не навещал меня? Я ведь не видел тебя уже много дней. Надеюсь, ты в добром здравии?» Коварный шакал отвечал ему: «Я в полном здравии, если можно назвать здоровым того, кто не властен над собой, чья жизнь в руках сильных мира сего, которым нельзя доверяться, кто вечно опасается грозящей ему беды, так что ни на мгновение не может поручиться за свою безопасность». — «Что случилось?» — воскликнул бык, и Димна промолвил: «Свершилось то, что было суждено. Кто в этом мире может одолеть судьбу? Кто в этой жизни достиг великого, не лишившись малого? Кто получил желаемое, не поддавшись обольщению? Кто следовал своим страстям и не потерпел урона? Кто просил у скупцов и не услышал отказа? Кто, общаясь со злодеями, остался цел и невредим? Кто служил царю и долго вкушал его благодеяния и спокойствие души? Недаром говорят мудрые люди, что цари так же способны сохранять верность тем, кто находится при них и так же быстро предают отсутствующих, как блудницы: лишь уйдет от нее один гость, как она принимает другого».

Шатраба заметил: «Я слышу речи, указывающие на то, что наш царь чем-то смутил и испугал тебя, так что ты встревожен и взволнован». — «Да, — ответил Димна, — я тревожусь, но не за

себя». — «За кого же?» — спросил бык, и шакал промолвил: «Тебе известно, как велика наша дружба, и ты знаешь, как я к тебе привязан и что я сделал для тебя в тот день, когда лев отправил меня к тебе. И я считаю своим долгом предостеречь тебя и рассказать о том, что я узнал, и почему тебе следует опасаться льва». — «Что же ты узнал?» — спросил Шатраба, и Димна ответил: «Мне рассказал один надежный человек, которому я верю как самому себе, ибо в его словах никогда нет ни капли лжи, что лев сказал одному из своих друзей и наперсников: «Как чудесно разжирел наш бык! От него нет никакого толку, пока он жив, лучше я убью его и устрою пир для своих приближенных — мы досыта наедимся его мясом!» Услышав это, я понял, что наш царь — вероломный предатель, и тотчас же отправился к тебе, соблюдая верность нашей дружбе, чтобы ты подумал о своем спасении».

Услышав слова Димны, Шатраба вспомнил, какую услугу оказал ему шакал, как доброжелательно принял и как помогал советом и делом. А потом он начал размышлять о нраве царя — и ни на минуту не усомнился, что Димна сказал ему правду и что дело обстоит именно так, как он утверждает. Озабоченный и опечаленный, он промолвил: «Почему царь задумал предательство и измену? Ведь я не сделал ему ничего дурного и не обидел никого из его войска с тех пор, как поселился в его владениях. Я думаю, что царя настроили против меня завистники, представившие мои поступки пред ним в ложном свете. Среди приближенных царя есть злодеи, от которых он видел немало зла и лжи и которые совершали такие дела, что он может поверить всему, что ему расскажут: ведь тот, кто привык иметь дело с бесчестными, станет подозревать и достойных. И то зло, что он испытал от своих придворных, было причиной его ошибки. Он уподобился в этом утке, о которой рассказывают такую притчу:

«Однажды ночью, плавая по реке, увидала она в воде серебристое отражение лунного света и подумала, что это рыба. Она долго пыталась поймать отблеск и несколько раз безуспешно хватала клювом воду. Попробовав несколько раз, она убедилась, что там нечего ловить, и оставила бесплодные попытки. Наутро она заметила серебристую рыбу, но даже не подумала хватать ее, полагая, что перед нею снова лишь отражение».

Если меня оболгали, и лев благосклонно выслушал эту ложь и поверил ей, то, значит, со мной случилось то же, что издавна приключалось и с другими. Если же ему не говорили ничего, и он желает мне зла без всякой причины, то, поистине, это — удивительное дело! Недаром говорится: «Странно, если твой друг недоволен, когда ты хочешь угодить ему, но еще более странно, если твой друг гневается на тебя, когда все твои помыслы направлены к его благу». Коли есть причина гневу, можно надеяться, что на смену ему придет прощение и благоволение, ибо гнев возникает по какой-то причине, но и утихает, когда она исчезнет, а коли раздражение беспричинно, то следует оставить всякую надежду.

Я поразмыслил и не вижу за собой никакого греха и никакой вины, ни великой, ни малой. Клянусь жизнью, невозможно при долгой дружбе постоянно следить за собой и остерегаться, дабы не совершить чего-либо неприятного для друга, если его может рассердить всякая малость. Но разумный и верный друг должен прощать упущение или небрежение, особенно если они произошли по ошибке, а не намеренно, и можно не бояться, что они приведут к ущербу или умалению чести; он не взыщет за то, что можно предать забвению.

Может статься, лев полагает, что я виновен пред ним, но я не знаю за собой никакого греха, разве что я иногда высказывал собственное мнение, не соглашаясь с ним, ибо желал ему добра. Может быть, он счел это упрямством и преступлением, но я не нахожу в своем поведении ничего предосудительного — ведь я спорил с ним весьма редко, не одобряя вещи, что несовместны с благоразумием, пользой или чистотой веры. К тому же я никогда не осмеливался возражать ему в присутствии его воинов или приближенных, а говорил с ним наедине и тайно, с полным почтением, уважением и страхом перед величием его сана. Хорошо известно: кто не желает выслушать откровенного мнения и ждет лишь утешения от друзей, советуясь с ними, от лекаря, надеясь исцелиться, и от судьи в запутанном споре, не получит от беседы с ними никакой пользы и ошибется, впав в еще большее замешательство и тревогу и взвалив на себя тяжкое бремя.

А может быть, дело вовсе не в этом и лев попросту бушует, опьяненный властью. В таком состоянии царь рассыпает милости недостойным и карает добродетельных без всякой причины. Древние мудрецы говорили: «Опасно пускаться в дальний путь по морю,

отдаваясь на волю ветра, но во сто крат опаснее быть приближенным к властителю и вручить свою судьбу в его руки, ибо как бы искрения ни была твоя дружба, преданность и верность, когда-нибудь ты можешь случайно поскользнуться, и падение твое неизбежно. И коли поднимешься ты после того, то ненадолго, вскоре тебя снова низвергнут, и ты погибнешь навеки».

И я полагаю, что сами мои скромные достоинства, коими я наделен от природы, могли послужить залогом моей гибели. Так древо, усыпанное зрелыми плодами, погибнет от алчных рук любителей легкой поживы, пригибающих ветви и ломающих их без жалости и милосердия, так павлин становится жертвой преследователей, стремящихся лишить его украшения — многоцветных перьев, мешающих ему взлететь и избавиться от гибели, так быстроногий выносливый конь падает бездыханным, ибо всадника прельстили его сила и выносливость и он заставляет скакуна бежать без отдыха. Совершенства и достоинства словно притягивают к себе врагов — злодеев и завистников, ибо имя им легион, и их всегда больше, чем достойных и доброжелательных, и эти враги язвят, злословят и клевещут, пока не погубят, добившись своей цели.

А если царская немилость не вызвана какой-либо из этих причин, то, значит, на меня обрушилась злая судьба и постиг неотвратимый рок, ведь и могучего льва судьба лишает силы и сводит его в могилу. Волею судьбы слабый человек вознесен в седло, отягчающее спину разъяренного слона; судьба дает власть над ядовитой коброй укротителю змей, что вырывает у нее зубы и заставляет ее проделывать различные штуки на радость зевакам; судьба придает силы слабому и колеблющемуся, лишает воли решительного, посылает богатство бедняку, делает труса храбрецом, а храбреца трусом, и все это случается, когда приходят в движение силы, на которых основаны законы судьбы и рока».

Терпеливо выслушав долгую речь Шатрабы, молвил Димна: «Нет, то, что хочет сделать с тобою лев, вызвано вовсе не наговором злодеев, это также не буйство, происходящее из-за опьянения властью, и ничего в этом роде, а предательство и измена, причина коих — его собственное коварство, ибо он изменник и клятвопреступник, он подносит своим друзьям сладкое питье, но на дне кубка — смертельный яд».

Шатраба ответил: «Вижу я, что до конца насладился той сладостью, что привелось мне отведать, и настал черед горьких остатков, которые будут причиной моей смерти. Если бы мне не было суждено погибнуть, я не остался бы у льва — ведь известно мне, мирному поедателю травы, что царь зверей питается мясом! Я попал в беду, уподобившись пчеле, опьяненной страстью к водяной лилее, — она садится на цветок и наслаждается дивным ароматом и сладким нектаром, и наслаждение сковывает ей крылья, так что она остается внутри цветка до той поры, пока не сгустится мрак и не наступит ночь, и тогда лепестки смыкаются над головой пчелы, так что становится она пленницей и бьется, пока не погибнет.

Поистине, тот, кто не довольствуется в жизни самым необходимым, чье алчное око устремится к большему, кто не опасается последствий своей дерзости, уподобляется мухе, которой мало свежей росы деревьев и трав, и желает она испить воды, что вытекает из уха слона после его купания, так что рассерженный слон убивает докучную, взмахнув головой и хлопнув ушами.

Кто расточает советы и любовь перед неблагодарными, тот словно сеятель, рассыпающий зерна на бесплодном солончаке, кто поучает кичливого и самодовольного, уподобляется беседующему с мертвецом или поверяющему тайну глухому».

Димна воскликнул: «Брось эти пустые слова, придумай что-нибудь и позаботься о спасении своей жизни!» И Шатраба ответил: «Что я могу придумать, если лев задумал съесть меня? Ведь ты сам говорил, какого он мнения обо мне и как он злонравен! И знай, что даже если бы лев желал мне всяческого блага, а его приближенные затаили зло, решив погубить меня, ибо они жестокие и коварные лиходеи, то они одержали бы верх, ибо если несколько коварных предателей задумают погубить невиновного и достойного, они покончат с ним, даже если он силен, а они слабы. Так волк, ворон и шакал одолели верблюда с помощью хитрости, предательства и обмана». — «Как это было и что это за притча?» — спросил Димна, и Шатраба начал:

«Говорят, что жил некий лев в роще, что была неподалеку от дороги, по которой ходили люди. И было у него три друга — волк, шакал и ворон. Как-то по той дороге проходили пастухи, которые гнали верблюдов. Один из верблюдов отстал от стада и забрел в рощу.

Увидев его, лев спросил: «Кто ты такой и откуда взялся?» Верблюд ответил: «Я проходил по дороге». Лев продолжал: «Что тебе здесь надо и чем ты занимаешься?» — «Чем прикажет царь», — ответил верблюд, и лев промолвил: «Ты останешься у нас и будешь жить в довольстве, безопасности и богатстве». И стали жить верблюд и лев в одной роще и провели в мире и согласии долгое время. Но однажды лев отправился на охоту. Он встретил огромного слона, и вступил с ним в жестокую битву, и вернулся в рощу, спасшись чудом, волоча ноги. Слон изранил его своими бивнями, и лев истекал кровью. С трудом добравшись до своего логова, лев упал и лежал без движения, не в силах сделать ни шага. Он лежал долго и не мог даже помышлять о том, чтобы снова выйти на охоту.

Несколько дней прихлебатели льва — волк, ворон и шакал, питавшиеся остатками с львиного стола, оставались без еды и от голода страшно исхудали. Увидев это, лев сказал им: «Вам надо добыть себе какую-нибудь еду, так как вы истомились и иссохли». Но они ответили в один голос: «О себе мы не помышляем, но скорбим, видя великую тяготу нашего повелителя, и надеемся, что нам удастся найти какую-нибудь пищу и помочь его выздоровлению». Лев промолвил: «Я никогда не сомневался в вашей верности. А теперь разойдитесь в разные стороны и начинайте охоту и ловлю — если попадется вам добыча, несите ее сюда, и мы вместе утолим голод».

Выйдя от льва, волк, ворон и шакал отошли в сторонку и стали совещаться. Они говорили друг другу: «Не съесть ли нам этого пожирателя травы — верблюда? Ведь он не нашего рода и не разделяет наших взглядов! Нам нужно облачить эту мысль в красивые слова и внушить ее льву — он убьет верблюда, насытится сам и накормит нас остатками верблюжьего мяса». Но потом шакал сказал: «Об этом льву даже не стоит говорить — он обещал верблюду пощаду, безопасность и защиту, дав в этом торжественную клятву». Но ворон промолвил: «Успокойтесь, я беру на себя это дело». Сказав это, он оставил приятелей и отправился в рощу. Лишь ворон показался, лев спросил его: «Удачной была охота»? И ворон ответил: «Охота бывает удачной у того, кто быстро бегает и далеко видит. Мы же не в силах бегать, и у нас мутится в глазах от нестерпимого голода и истощения. Но нам пришла в голову одна мысль, и если царь прикажет, то мы исполним его повеление». — «Что же это за мысль?» — осведомился лев, и

ворон промолвил: «Не лучшая ли добыча — этот верблюд, пожиратель травы, что живет, пользуясь всеми благами в нашей роще, а нам от него ни пользы, ни выгод?» Разгневался царь, услышав эти слова, и воскликнул: «Горе тебе, что за нелепая мысль, что за недостойные речи! Где твое милосердие и где твердость? Как дерзнул ты обратиться ко мне с подобной бессмыслицей и произнести ее в моем присутствии! Разве ты не знаешь, что я обещал верблюду безопасность, пощаду и покровительство и дал в том торжественную клятву? Разве не ведомо тебе, что нет более угодной богу милостыни, чем дать надежный приют устрашенному и не допустить кровопролития? Я поклялся верблюду защищать его и никогда не унижусь до обмана и предательства!»

Ворон ответил: «Мне хорошо известно все, что говорит наш повелитель, но я знаю также, что иногда, пожертвовав одним из домочадцев, можно спасти всю семью, ценой несчастья одной семьи нередко спасается племя, одного племени — многолюдный город, а жизни всех жителей города могут послужить выкупом за царя и владыку. Ныне царь в нужде, и я обещаю, что смогу снять с него данную им клятву. Пусть только царь не думает об этом и поручит мне исполнение дела, ничего не приказывает и не запрещает. Мы же придумаем что-нибудь полезное, поможем царю и одолеем противников».

Лев смолчал и ничего не ответил ворону на его речи, а ворон, поняв, что царь не прочь поживиться мясом верблюда, но боится прослыть клятвопреступником и злодеем, сказал волку и шакалу: «Я говорил со львом о том, что нужно нам съесть верблюда, и царь наш ничего не приказывает, но и не запрещает. И решил я, что следует нам сделать вот что: мы все, вместе с верблюдом, явимся ко льву и станем говорить о том, что с ним случилось, и сочувствовать ему, будто только и помышляем о его здравии и благе. Каждый из нас троих поочередно выразит желание, чтобы царь съел его, ибо не может стерпеть, видя, как повелитель умирает с голоду. Но всякий раз двое из нас будут возражать третьему, будто бы желающему принести себя в жертву, говоря, что он глуп и недостоин подобной чести и к тому же мясо его невкусно и вредно. Когда же наступит черед верблюда, мы поступим с ним так, как нам нужно. Если мы сумеем выполнить это, то и сами

останемся невредимы, и насытимся, и заслужим благоволение льва — нашего повелителя и кормильца».

Так они и порешили и, позвав верблюда, отправились в царскую рощу. И ворон, выступив вперед, начал: «Поистине, наш царь всегда был к нам щедр и великодушен и осыпал нас благодеяниями. О братья, ныне он изранен и слаб и нуждается в сочувствии и помощи. Если мы не пожертвуем для него всем, что имеем, он угаснет во цвете лет и, умирая, обвинит нас в жестокости и неблагодарности». Затем, обратившись к льву, ворон промолвил: «О царь, если тебе нужна пища, чтобы подкрепить твои угасающие силы, то мы, более, чем кто-либо иной, достойны чести стать твоей жертвой, ибо живем мы лишь тобой и для тебя, и если дни твои пресекутся, то и нам не остаться в живых после твоей гибели, и нет в жизни после твоей кончины никакой радости. Начни с меня, о царь, ибо я уже приготовился к сией славной кончине!»

Но волк и шакал воскликнули в один голос: «Молчи, ничтожный! Если царь съест тебя, он даже не почувствует, не то что насытится!» И шакал, выступив вперед, промолвил: «Во мне больше мяса, чем в вороне, и царь, съев меня, насытится. Я приготовился к смерти и согласен стать его жертвой». Но ворон и волк воскликнули в один голос: «Ты грязен, и мясо твое зловонно! Если царь отведает его, он может заболеть и погибнуть!» Тогда выступил вперед волк и промолвил: «Я чист, и мясо мое не имеет дурного запаха, пусть же царь съест меня, я приготовился к смерти и согласен стать его жертвой!» Но ворон и шакал возразили: «Лекари говорят: кто хочет покончить с собой, пусть поест волчьего мяса — он тотчас задохнется».

Слыша все это, верблюд решил предложить себя в жертву льву, полагая, что, если он сделает это, ворон, волк и шакал найдут какую-нибудь отговорку, как они находили отговорки друг для друга, и таким образом он заслужит благоволение царя, останется невредимым и спасется от смерти. После недолгого раздумья он выступил вперед и промолвил: «О царь, прими мою жертву, ведь во мне много превосходного и полезного мяса, которым повелитель насытится и накормит своих слуг и помощников. К тому же отведавший моего мяса не нуждается в питье и никогда не заболеет, ибо ем я только чистую пищу. Я уже приготовился к смерти и согласен послужить царю

пищей». И не успел верблюд закончить, как волк, ворон и шакал вскричали в один голос: «Верблюд сказал о себе сущую правду! Это все известные вещи! Как он великодушен и благороден!» И, набросившись на верблюда, растерзали его и съели.

Я рассказал тебе эту притчу, чтобы ты понял: если приближенные нашего царя сговорились погубить меня, то я не могу ничем помешать им и не в моих силах остеречься от их козней. И даже если сам царь иного мнения обо мне и не разделяет их ненависти, то и тогда нет никакой надежды и ничего не поможет. Поистине, даже лучший из правителей подобен орлу в высоком гнезде, окруженном нечистотами. И если вообразить, что сердце царя полно любви ко мне, кротости и милосердия, он не устоял бы против наветов и наговоров, ведь если их слышать постоянно, становишься грубым и жестокосердным. Разве не знаешь ты, что вода мягче слов, а камень тверже, чем сердце, но капли воды, что долго падают на камень, точат его, оставляя глубокие следы. Такое же воздействие оказывает слово на душу».

Димна осведомился: «Что же ты хочешь предпринять?» И Шатраба ответил: «Мне остается только одно средство — сразиться и биться до конца, защищая свою жизнь и честь, ибо борец за правое дело более достоин славы и награды, чем благочестивый за свои молитвы, доброхот за милостыню и отшельник за отречение от мира. Тот, кто храбро сражался, защищая свою жизнь, не уронит своей чести и сохранит доброе имя, даже если будет убит и повержен».

Димна возразил: «Не следует бросаться на битву сломя голову, если можно избежать столкновения, сражение для разумного — последнее средство. Того, кто первым начинает спор и ссору, не пытаясь уладить дело кротостью и терпением, назовут легкомысленным и безрассудным. Нельзя также проявлять поспешность и сражаться неподготовленным, ибо тогда противник наверняка одолеет, а побежденного сочтут глупцом и он ни в ком не вызовет жалости и сочувствия. Мудрые люди говорили: «Не презирай врага, даже слабого и ничтожного, особенно если он наделен хитростью и имеет множество друзей и помощников». Что же говорить о льве — ведь с ним трудно справиться, он обладает доблестью и непомерной силой! С тем, кто обижает слабого, надеясь на свою силу, может случиться то же, что произошло между птицей титави и

хозяином моря[22]». — «Как это было и что это за притча?» — спросил Шатраба, и Димна начал:

«Говорят, что пара морских птиц, которых называют титави, поселилась на самом берегу моря. Когда пришло время выводить птенцов, самка сказала своему супругу: «Поищем для нашего гнезда безопасное место, где мы могли бы без страха вырастить птенцов. Я боюсь, что море расплеснет волны и похитит наших деток». Но муж ответил ей: «Будем выводить птенцов здесь, это удобное место, и поблизости много воды и пищи». Она возразила: «Ты неразумен и неосторожен! Хорошо бы, чтоб ты оказался прав, но я все же боюсь, что море унесет наших деток!» — «Мы будем выводить птенцов здесь, — настаивал муж. — Хозяин моря не нанесет нам вреда!» — «Как ты упрям! — воскликнула супруга. — Ты забыл, как хозяин моря поносил тебя и угрожал тебе! Или ты забыл свое ничтожество и не знаешь своего места?» Но титави не слушал слов своей супруги, и когда она исчерпала все свои доводы и отчаялась, то сказала: «С тем, кто не прислушивается к разумному совету, будет то же, что с черепахой, не желавшей послушать уток». — «Как это было и что это за притча?» — спросил титави, и его супруга начала свой рассказ:

«Говорят, что в одном пруду, окруженном густой травой, жили две утки и черепаха, и между ними завязалась крепкая дружба. Но случилось так, что вода в пруду иссякла, и утки решили перелететь туда, где воды было больше. Они пришли к черепахе, чтобы проститься, и сказали: «Оставайся с миром, а мы собираемся улететь отсюда, потому что вода в пруду иссякла». Но черепаха возразила: «Когда воды становится мало, это чувствуют прежде всего мои сородичи, ибо мы — словно корабли, что не могут существовать без воды. Вы же, утки, способны прожить где угодно. Возьмите меня с собой туда, куда вы направляетесь». Утки согласились, и черепаха спросила: «А как же вы понесете меня»? Утки ответили: «Каждая из нас возьмет в клюв один конец палки, а ты будешь крепко держаться челюстями за ее середину, и таким образом мы поднимем тебя в воздух, и ты полетишь вместе с нами. Но помни: если люди увидят тебя и станут судачить, не разжимай челюстей и не произноси ни слова, иначе упадешь на землю и разобьешься». Сказав это, утки взяли в клювы палку, черепаха уцепилась челюстями посредине, и они полетели. Когда они пролетали над селением, люди увидели их и

закричали: «Вот так диво! Утки несут на палке черепаху!» Услышав это, черепаха хотела крикнуть им: «Чтоб у вас лопнули глаза!» Но едва она разжала челюсти, чтобы произнести эти слова, как выпустила изо рта палку, упала на землю и разбилась».

Выслушав слова своей жены, титави сказал: «Я понял смысл твоей притчи и снова говорю тебе: «Не бойся хозяина моря». Она устроила гнездо в том месте, отложила яйца и вывела птенцов, но когда пришла большая вода, море унесло ее деток. И она, увидев это, закричала: «Я с самого начала знала, что так будет!» Титави ответил: «Я отомщу хозяину моря!» Собрав птиц своего племени, он сказал им: «Вы — мои братья и единственная надежда, помогите мне в моем горе!» — «Чего ты хочешь от нас?» — спросили птицы, и титави ответил: «Соберемся всем племенем, отправимся к другим птицам и пожалуемся им на обиду, которую нанес мне хозяин моря. Скажем им: «Вы ведь птицы, как и мы, окажите же нам помощь!»

Птицы ответили ему: «Аль-Анка[23] — наша повелительница и госпожа. Отправимся к ней, позовем ее и, когда она откликнется, пожалуемся ей на обиду, которую нанес тебе хозяин моря, и попросим ее отомстить ему, применив всю силу ее царской власти». Взяв с собой титави, птицы полетели к своей царице и стали взывать о помощи. Когда она вышла к птицам, те рассказали ей о том, что приключилось с птенцами титави, и попросили ее полететь с ними и отомстить хозяину моря, сразившись с ним. Аль-Анка согласилась на их просьбу, и когда хозяин моря услыхал о том, что аль-Анка решила сразиться с ним во главе птичьего воинства, он испугался, ибо знал, что ему не одолеть царицу и, вернув титави его деток, помирился с ним, и тогда аль-Анка вернулась в свои владения».

Я рассказал тебе эту притчу для того, чтобы ты знал, что тебе не следует сражаться со львом».

Шатраба промолвил: «Я не стану сражаться со львом и не буду питать к нему вражды, ни тайной, ни явной, и не изменю своей любви к нему до тех пор, пока не увижу каких-либо зловещих знаков, говорящих о его дурных намерениях, и лишь тогда решусь помериться с ним силой».

Димне не понравились эти слова, ибо он понимал, что если лев не заметит в поведении быка ничего подозрительного и не увидит тех признаков, о которых он говорил ему, то обвинит шакала во лжи и

заподозрит его самого. Поэтому он сказал Шатрабе: «Иди к царю, ты сразу поймешь его намерения, лишь только поглядишь на него». — «А каким образом я пойму их?» — спросил Шатраба, и Димна ответил: «Ты увидишь, что он припал к земле, пристально смотрит на тебя, не отводя взгляда, насторожил уши и бьет по бокам хвостом, приготовившись к прыжку». И бык промолвил: «Если я увижу все эти признаки, то пойму, что он замыслил измену и ты говоришь правду».

И Димна, посеяв в сердце льва подозрения против быка и заставив быка поверить в предательство льва, направился к Калиле, и тот осведомился: «Чем кончилось твое дело»? Димна ответил: «Близок конец, и сбудется то, чего мы с тобой оба желаем». И оба шакала отправились в покои льва, чтобы посмотреть, как сразятся бык и лев и чем кончится этот бой.

Тут явился Шатраба и, войдя в покои царя, увидел, что тот припал к земле и бьет хвостом, как говорил ему Димна. И он воскликнул: «Поистине, близость к правителю, непостоянному и переменчивому, недостойному доверия и верности, окруженному низкими лжецами и изменниками, хуже, чем соседство с логовом ядовитой гадюки, ибо как змея может ужалить без всякой причины, так и царь таит в душе своей злобу и гнев его обрушивается на невинного в любое время. Быть другом царя опаснее, чем приближаться к бешеному зверю или переплывать реку, где множество крокодилов».

Сказав это, бык нагнул голову, угрожая льву своими острыми рогами, ибо приготовился к битве. И лев, видя эти зловещие признаки бычьей ярости, о которых говорил ему Димна, ни на мгновение не усомнился, что Шатраба явился к нему, чтобы сразить его и свергнуть с престола. Он бросился на быка, и между ними завязалась жестокая битва. Они сражались долго, прилагая все свои силы, и потекли потоки крови.

И видя, что царь утомлен битвой и изранен, Калила обратился к Димне с такой речью: «Подлый изменник, как отвратительно твое коварство и как тягостны последствия твоих козней!» Димна спросил: «О каких последствиях ты говоришь?» И Калила ответил: «Лев изранен, а бык вот-вот будет сражен и погибнет. Поистине, величайшую подлость и глупость совершает тот, кто, не думая о последствиях, подстрекает ближних на дурные поступки, толкает на обман, предательство и битву, когда еще есть надежда на примирение.

Разумный муж, прежде чем возьмется за какое-либо дело, заранее рассчитает, к чему может оно привести и каковы будут его последствия. Он начинает лишь то, что надеется довести до конца, и избегает того, что может оказаться трудным или недостижимым. Если вазир побуждает царя воевать там, где можно добиться цели миром, он больший его враг, чем неприятель, с которым он сражается, а язык его вредоноснее, чем вражеские мечи и копья, ибо нечистые помыслы ведут язык к обману и подстрекательству, так же, как неверное решение губит и отвагу, и благоразумие. Знай, что разум и доблесть — неразлучные друзья, и доблесть бессильна без разума. Говорили мудрецы: «Во многих делах можно обойтись без силы и храбрости, но ни в одном деле не обойдешься без разумного решения». Ты задумал страшное дело, не взвесив всех последствий и не зная, чем оно кончится, и поступил опрометчиво и безрассудно. Я знал, что так случится, еще когда ты обольщал меня хитросплетениями своей коварной речи, и подозревал, что твое самомнение навлечет на нас беду. Я молчал и не упрекал тебя, понимая, что мои упреки будут бесполезны. Я не мог открыть твои замыслы разумному и надежному мужу, ибо нуждался в доказательствах против тебя, а не имея их, показался бы лжецом и предателем. И к тому же знал я, что слово мое не обратит тебя к добру и не отвратит от зла. Теперь я окончательно уверился, что ты глуп и недальновиден, и я не могу удержаться от того, чтобы указать тебе на твои худшие пороки. Ты хитер и коварен, но боюсь я, что коварство твое обернется против тебя. Ты расточал хорошие слова, но дела твои были не хороши, а ведь говорится: «Нет на свете ничего вредоноснее сладкоречивого злодея». Ты обещал мне, что твои козни не повредят льву, — как выполнил ты свое обещание? Сказано: «Не верь красивому слову, если за ним не последует дело, не прельщайся ученостью факиха[24], если он не будет благочестивым, не хвали за милостыню, если она подается не от чистого сердца». Говорят также: «Нет блага в богатстве, если недостает щедрости, и в правдивости, если она не сопровождается верностью, нет блага в жизни, если нет здоровья, и в безопасности, если нет радости». Ты не рассчитал своих сил и затеял такое дело, которое уже никому не под силу уладить, разве что вмешается мудрый. Так лишь искусный лекарь может исцелить больного, которого знахари лечили разными зельями и заклинаниями.

Знай, что обширные знания и красноречие подобны яркому свету дня. Они помогают разумному избавиться от легкомыслия и своеволия, а у невежд увеличивают их, так летучие мыши от солнечных лучей слепнут. Только сильный и достойный может с честью нести бремя образованности и науки, и ему не повредят ни высокий сан, ни почести, ни слава, а слабый и ничтожный кичится, поднявшись на ступеньку выше, — ведь гранитная скала стойко выносит натиск урагана, а трава трепещет при малейшем дуновении ветра.

То, что случилось с нами из-за тебя, напомнило мне слова, которые слышал я от одного разумного мужа: «Если правитель справедлив и добр, но придворные и вазиры его злодеи, то они не дают царю совершать благие дела и никто не осмеливается приблизиться к нему. Он словно река с чистой водой, где водятся крокодилы, и никто не может набрать воды из этой реки, хотя бы умирал от жажды». Нет лучшего украшения для правителя, чем доброта и справедливость, если его придворные и вазиры подобны ему и во всем ему подражают, так что царь приближает к себе достойных и отсылает прочь обманщиков и злодеев.

Ты же, о Димна, желал быть единственным царским наперсником и приближенным, а такое желание неразумно и еще никогда не сбывалось. Послушай, какую пословицу сложили мудрые люди: «Царь играет своими приближенными и друзьями, как морские волны кораблями». Глуп тот, кто пытается приобрести верных друзей, не зная, что такое верность, неразумен тот, кто хочет заслужить лицемерным благочестием блаженство в будущей жизни, или тот, кто, нанося урон своим ближним, ищет себе выгоду и пользу, либо тот, кто пытается завоевать женщину грубостью или жестокостью, или тот, кто жаждет достигнуть вершин учености или власти без трудов и беспокойства.

Не знаю, принесут ли пользу все мои увещания и наставления, или мне придется сказать то же, что молвил некий человек, обращаясь к птице: «Не пытайся исправить то, что не поддается исправлению, и не пытайся убедить тех, которые не поддаются убеждению». — «Как это было и что это за притча?» — спросил Димна, и Калила начал:

«Говорят, что стая обезьян поселилась на вершине горы, где дули сильные ветры. В одну из холодных и дождливых ночей обезьяны захотели согреться, но нигде не могли найти огня или головни. Вдруг

они увидели светлячка, подобного летучей искре, и подумали, что смогут с его помощью разжечь костер. Собрав кучу хвороста, они положили светляка поверх дров и стали дуть изо всей силы, ожидая, что костер вот-вот разгорится и им станет теплее. Неподалеку от них на дереве сидела птица. Обезьяны все время поглядывали на нее, а она смотрела на них. Увидев, что делают обезьяны, она, окликнув их, сказала: «Перестаньте дуть, это ведь не огонь, а светлячок!» Она несколько раз повторяла свои слова, но, видя, что обезьяны не обращают на нее внимания, расправила крылья, чтобы подлететь к ним и разогнать их, но в это время мимо проходил человек. Увидев, что происходит, и поняв намерения птицы, он промолвил: «Не пытайся исправить то, что не поддается исправлению, и не пытайся убедить тех, которые не поддаются убеждению! Кто сделает это — будет наказан и раскается. Не пробуют остроту меча на твердом граните, от которого не отколешь ни кусочка; из негнущегося железного дерева не делают луков! Не трудись, ибо труды твои окажутся бесполезны!» Но птица, не слушая его, подлетела к обезьянам, чтобы убедить их в том, что они хотят разжечь костер не огнем, а светлячком. Но тут одна из обезьян, схватив птицу, ударила ее оземь, так что та испустила дух.

Ты так же мало слушал мои советы, как птица — человека, а обезьяны — птицу, к тому же в душе твоей одержали верх злейшие пороки — коварство и невоздержанность, худшие спутники в жизни. Нет ничего опаснее коварства, и об этом я знаю одну притчу». — «Что же это за притча?» — спросил Димна, и Калила начал:

«Рассказывают, что два купца вместе вели торговлю. Один из них был по натуре коварным, а второй доверчивым и легковерным. Отправились они как-то раз по торговым делам, и доверчивый задержался в дороге. Вдруг увидел он кошель и, подняв его, нашел в нем тысячу динаров. Об этом узнал его товарищ и замыслил отнять все эти деньги. Покончив дела, они отправились в обратную дорогу и добрались до столицы. Но, прежде чем войти в город, они сделали привал, чтобы отдохнуть и разделить выручку. Доверчивый купец, вынув найденный им кошель, сказал коварному: «Я нашел этот кошелек. В нем тысяча динаров, давай разделим их пополам». Но коварный, который решил получить все деньги, возразил: «Не будем ничего делить, ведь мы вместе ведем торговлю и обо всем советуемся. Пусть эти деньги будут нашим общим достоянием — это больше

соответствует тому искреннему доверию, которое мы питаем друг к другу. Я возьму сколько мне нужно на расходы, и ты возьмешь такую же сумму, а то, что останется после этого, закопаем под этим деревом — это надежное и уединенное место. А когда нам будут нужны деньги, каждый из нас может прийти сюда и взять, сколько захочет, и никто, кроме нас, не узнает о нашем кладе».

Так они и порешили. Каждый взял понемногу, а остальное они зарыли под корнями дерева, которое можно было легко найти, так как оно было самым высоким и могучим, и отправились по домам. Дождавшись наступления ночи, коварный отправился к тому дереву, взял деньги и разровнял землю, так что ничего не было заметно. Через несколько месяцев второму купцу понадобилось заплатить за товары, и он сказал своему товарищу: «Мне предстоят большие расходы, да и ты наверняка нуждаешься в деньгах, пойдем к тому дереву и возьмем, сколько нам нужно». Они вместе отправились к дереву и стали копать, но ничего не нашли под корнями. И коварный стал изо всей силы бить себя по лицу, восклицая: «Так тебе и следует! Не верь вероломной дружбе!» Затем, обратившись к своему товарищу, промолвил: «Ты обманул меня и тайком взял деньги!» Легковерный стал отпираться и клялся, что не брал денег, проклиная вора, но коварный рвал на себе волосы и еще сильнее бил себя по лицу и голове, не переставая кричать: «Это ты украл деньги, ведь никто, кроме тебя, не знал, где они спрятаны!»

Он долго кричал, а другой все отпирался, и наконец они отправились к судье, чтобы он решил их дело. Судья велел им рассказать все как было, и коварный пожаловался, что его товарищ украл деньги, принадлежащие им обоим. Тот утверждал, что невиновен, и тогда судья спросил обвинителя: «А есть ли у тебя доказательство или свидетель, который мог бы подтвердить твои слова?» — «Да, — ответил обманщик, — мое обвинение может подтвердить дерево, у корней которого мы зарыли деньги, похищенные этим человеком».

Судья удивился, и в душу его закралось недоверие к обвинителю. Он приказал привести четырех свидетелей, полагающихся по обычаю, и сказал им: «Завтра вы отправитесь со мной вместе с этими людьми и засвидетельствуете все, что увидите».

Покинув судью, коварный отправился к себе домой и, рассказав все своему отцу, промолвил: «Отец, я недаром назвал то дерево своим свидетелем — оно поможет нам оставить все деньги, которые я взял, и мы получим столько же от этого простофили, если ты поможешь мне в этом деле». — «Чего же ты хочешь от меня?» — спросил старик, и сын его ответил: «В том дереве есть большое дупло, где можно спрятаться так, что никто не увидит. Когда стемнеет, отправляйся к тому дереву и спрячься в дупло, а когда придет судья с обвиняемым и свидетелями и спросит у дерева, верно ли мое обвинение, скажи: «Да, я видело это собственными глазами!» Старик ответил: «Сын мой! То, что ты задумал — опасно. Как бы тебе не попасть в беду, как попала в беду болотная утка». Купец спросил: «Как это было и что это за притча?» — и старик начал:

«Говорят, что на болоте жила утка по соседству с гадюкой. Утка страдала от этого соседства, потому что змея воровала яйца, а если не успевала их украсть, то похищала птенцов. Утка была в постоянном горе и печали, но не хотела оставить это место, к которому привыкла с детства. Однажды, когда утка сидела у разоренного гнезда, к ней подошел рак, с которым она была давно знакома. Увидев, что утка плачет, он спросил ее: «Что опечалило тебя, соседка?» И утка рассказала ему, что приходится ей терпеть от гадюки. «Я скажу тебе, как избавиться от гадюки», — промолвил рак, и несчастная спросила: «Как же?» Рак, вытянув клешню, указал на нору, которая была поблизости, и сказал: «Видишь эту нору? В ней живет ласка, заклятый враг гадюки. Эта ласка очень любит рыбу. Налови рыбы и положи через каждые несколько шагов по одной рыбине от норы ласки до самого логова гадюки. Ласка будет есть рыбу и, дойдя до жилища гадюки, нападет на нее и покончит с ней. Так кончится и твое горе». Утка поступила по совету рака и, избавившись от гадюки, спокойно отложила яйца и вывела птенцов. Но ласка, которой пришлась по вкусу рыба, постоянно приходила на то место в поисках добычи. Однажды она напала на гнездо утки и пожрала ее вместе со всеми птенцами». Я рассказал тебе эту притчу для того, чтобы ты понял: тот, кто строит козни против ближнего своего, сам может стать их жертвой».

Сын сказал: «Я понял смысл твоей притчи. Не бойся, все будет хорошо, это ведь легкое дело». И старик, послушав его, отправился с обманщиком к тому дереву под покровом ночи и, притаившись в

дупле, так, что его не было видно, стал дожидаться утра. Как только рассвело, явился судья с четырьмя свидетелями, обвиняемый и обвинитель. Подойдя к дереву, судья обратился к нему и спросил: «Обоснованно ли обвинение этого человека, и правда ли, что его товарищ взял себе их общие деньги, закопанные под твоими корнями?» И старик ответил: «Клянусь, это истинная правда». Услышав человеческий голос, судья еще больше удивился и понял, что дело нечисто. Он обошел вокруг дерева, внимательно вглядываясь, и увидел большое дупло. Но, заглянув туда, он никого не заметил, так как старик притаился в темном месте. Тогда судья приказал принести сухого хворосту, обложить со всех сторон дерево и поджечь его. Запылал огонь, и старик громко закричал, взывая о помощи. И его вытащили из дупла полумертвым, так как он наглотался дыма и едва не задохнулся. Судья допросил его, и старик во всем признался. И судья приказал побить обманщика палками, а отцу его надавать пощечин, а потом провезти их по городу на осле лицом к хвосту для вящего посрамления. Что же касается денег, то судья велел отдать их простодушному.

Я рассказал тебе эту притчу для того, чтобы ты понял: коварный обманщик часто терпит урон от собственных козней. Ты же, о Димна, отличаешься не только лживостью и коварством, но и легкомыслием, и я боюсь, что ты пожнешь плоды своего злодейства и не уйдешь от наказания. Ты двуличен и лицемерен, словно у тебя два языка, неверен и ненадежен. Говорят мудрые люди: «Речная вода сладка до тех пор, пока не попадет в море; семья крепка до тех пор, пока в ней не появится гуляка и расточитель; дружба искренняя до той поры, пока ее не отравит двуличие и неверность». Больше всего ты похож на ядовитую змею с раздвоенным жалом, ибо язык твой источает смертельный яд, что разит быстрее яда болотной гадюки. Я всегда с опаской внимал твоим речам, отравленным злобой, ожидая, что тебя настигнет неизбежная кара, и помнил совет мудрых людей держаться подальше от порочных, ибо порочный среди своих ближних и собратьев подобен змее — лелей ее, корми, ласкай и почитай — дождешься от нее лишь того, что она исподтишка ужалит.

Прав будет тот, кто скажет: «Возьми себе в друзья разумного и благородного и поверяй ему все свои помыслы и никогда не разлучайся. Дорожи дружбой и того, кто наделен разумом и

благородством, и того, кто разумен, но лишен благородства, и того, кто неразумен, но отличается благородным нравом. Разумный и благородный муж может считаться совершенным, подражай ему и наслаждайся общением с ним. Если разумный не благороден и не отличается добрым нравом, остерегайся его пороков и извлекай пользу из его ума. Благородный, но неразумный достоин любви и преданности. Если он не может похвалиться большим умом, то привлекает благородством. Не покидай его и удели ему частицу собственного разумения. Но беги подальше от недостойного и неразумного».

Итак, мне остается лишь бежать от тебя. Как могут твои друзья надеяться, что ты будешь им верен и не обманешь, если ты предал своего повелителя, который приблизил тебя и оказал тебе честь, осыпав почестями? О твоем обмане можно сказать словами притчи: «Там, где крысы грызут железо, сокол может утащить слона». — «Что это за притча?» — осведомился Димна, и Калила начал:

«Говорят, что в дальних краях жил некий купец. Как-то решил он отправиться в соседнюю страну по торговым делам. Он оставил все свое имущество — сто маннов железа в слитках — у одного из своих друзей и пустился в путь. Тот человек вскоре продал железо и истратил деньги. Через некоторое время купец вернулся и пришел к другу, чтобы взять у него железо, но тот сказал: «Твое железо съели крысы». Купец, не задумываясь, ответил: «Да, я слыхал, что самое губительное для железа — это крысиные зубы». И обманщик обрадовался, думая, что купец поверил его лжи. По дороге домой купец встретил маленького сына своего неверного друга. Взяв его на руки, он понес его к себе и запер в комнате.

На следующий день к нему явился отец мальчика и сказал: «У меня пропал сын, может быть, тебе известно, где он?» И купец ответил: «Вчера, когда я выходил из твоего дома, я видел, как сокол унес какого-то мальчика, наверное, это и был твой сын». Тот человек стал бить себя по лицу и кричать: «Добрые люди! Слыхано ли, видано ли, чтобы соколы хватали детей?» Но его приятель ответил: «Там, где крысы грызут железо, сокол может утащить даже слона». Тогда обманщик сказал: «Я сам съел твое железо, возьми за него деньги и верни мне моего сына».

Рассказал я эту притчу для того, чтобы показать тебе, что если ты мог предать своего господина, то по отношению к другим ты окажешься еще худшим предателем. Более того, если ты близок с кем-либо и предаешь третьего, твой друг, видя твое коварство, понимает, что ты не достоин ни любви, ни доверия, ибо нет у тебя ни благородства, ни чести. Есть поступки, что не имеют смысла и никому не приносят пользы. Нельзя любить непостоянного, делать добро неблагодарному, обучать тупого и упрямого, что не слушает твоих слов и не поддается обучению, и поверять тайну болтливому.

Я не питаю надежды изменить твою природу, ибо ведомо мне, что дерево, приносящее горькие плоды, не изменится и не даст плодов сладких, даже если умастить ствол и ветви маслом и медом. И боюсь я, что общение с тобой окажется для меня вредоносным, ибо близость к достойным людям приводит к благу, а дружба со злонравными порождает лишь зло. Так ветер, пролетая над мускусом, напоен ароматом, а если на пути его свалка, он несет с собой лишь зловоние. Я долго говорил с тобой, и мне тяжко продолжать речи».

И как раз в то время, когда Калила умолк, бык Шатраба испустил дух, ибо лев набросился на него, повалил и перегрыз ему горло. Но, убив своего противника, лев долго стоял понурившись, погруженный в горестные думы, и его покинули гнев и ярость. Он говорил себе: «Великое несчастье для меня — смерть Шатрабы, верного друга, разумного и надежного советчика и наперсника. Кто знает, может, его оболгали и был он невиновен в обмане и предательстве». Царь горевал и жалел о своем необдуманном поступке и не смел поднять глаза от стыда и раскаяния.

Увидев это, Димна оставил беседу со своим приятелем Калилой и, подойдя к царю, промолвил: «Да будет тебе во здравие, о царь, твоя победа, и да погубит бог всех твоих врагов и противников! Что тебя печалит?»

Лев ответил: «Я печален потому, что вспомнил Шатрабу. Как он был рассудителен, умен и образован!» — «Не жалей о нем, о царь, — возразил Димна, — разумный не жалеет о смерти того, кого опасался при жизни. Он может приблизить ненавистного, но обладающего способностями и полезного ему в делах, как глотают горькое лекарство, чтобы исцелиться. И он может отослать и даже погубить того, кто ему приятен и дорог, боясь, что тот причинит ему урон. Так

укушенный ядовитой гадюкой отрубает себе палец, где видны следы змеиных зубов, чтобы яд не разошелся по всему телу». И царь умолк, согласившись со словами Димны».

Вот что рассказал Байдаба-философ царю Дабшалиму о двух друзьях, что любили друг друга, но были разлучены коварным злодеем, которому мешала их дружба.

ГЛАВА О ТОМ, КАК ОБНАРУЖИЛОСЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДИМНЫ

Выслушав рассказ Байдабы о смерти быка Шатрабы и кознях Димны, царь Дабшалим промолвил: «Ты поведал мне о том, как хитрый и искусный доносчик клеветой разбил верную дружбу. А теперь я хочу, чтобы ты рассказал мне во всех подробностях о том, что случилось с обманщиком Димной после смерти Шатрабы и чем кончилось это дело. Расскажи мне об увертках шакала, о том, как оправдывался он перед царем и его приближенными и какие находил доводы, когда лев после долгих размышлений понял, что его покойный друг был невиновен и пал жертвой злобной клеветы шакала».

Байдаба ответил: «Я прочел в книге о деяниях Димны, что лев, убив Шатрабу, раскаялся, и стал вспоминать, как долго Шатраба с ним дружил и как верно ему служил, без корысти и без обмана, не из честолюбия, а лишь из чести, не оставляя советом, не домогаясь высоких степеней, так что стал царю самым близким и дорогим, затмив всех его прежних приближенных и друзей.

После гибели быка Шатрабы самым близким другом царя стал тигр, который находился при нем неотлучно. Случилось так, что тигр засиделся однажды в царских покоях до поздней ночи, ибо лев, чтобы отогнать тоску, каждый вечер собирал у себя своих приближенных и вел с ними долгие беседы. В полночь царь отпустил своих придворных, и тигр отправился домой, сонный и усталый. По дороге, проходя мимо дома своих приятелей Калилы и Димны, он решил зайти к ним, чтобы взять у них горящую головню и развести огонь. Но дойдя до дверей дома шакалов, тигр услышал голоса и остановился, а тем

временем Калила упрекал Димну за предательство и коварство, называя его злонравным клеветником, оболгавшим того, кто был царю близок и дорог.

Он говорил: «Нет обмана, который бы не раскрылся, нет клеветы, которая не была бы опровергнута рано или поздно. Ты настроил царя против мирного и благородного нравом Шатрабы, говоря, что он набирает себе сторонников в его войске. Но когда царь начнет расспросы, обнаружится ложь и откроется правда. И тебе придется испытать смертный страх и тяжкие муки, так что ты пожалеешь, что родился на свет, и будешь желать себе скорой смерти. Вначале плоды вероломства сладки и приятны, но вскоре они становятся горькими, и предатель, раз поскользнувшись, все быстрее катится в пропасть. Благоразумие велит мне покинуть тебя и оставить бесполезные увещания и наставления, коими помышлял я исправить твой нрав и изменить твою природу, ибо коварство и злонравие заразны, словно моровая язва. Недаром гласит пословица: «Дружба с коварным завистником хуже сглаза, общение с клеветником опаснее, чем чума и проказа».

Услышав эти слова, тигр понял, что Димна был неверным слугой и лукавым рабом и оклеветал Шатрабу. Он стоял, притаившись, желая узнать, что будет дальше, а Калила тем временем продолжал: «Ты не рассчитал свои силы, словно неопытный всадник, оседлавший норовистого коня, будто неразумный путник, заблудившийся в узком ущелье. Ты сам наказал себя, совершив это преступление, и когда все откроется и царь узнает о твоем предательстве и обмане, тебя постигнет страшная кара. Ты не найдешь ни помощника, ни заступника, и нет тебе исхода, кроме унижения и гибели. Тебя раздавят, как ядовитую гадюку, боясь твоей злобы и опасаясь твоего яда. Я отрекаюсь от тебя и с нынешнего дня не считаю тебя больше своим другом и не доверю ни одной тайны, ибо мудрые люди сказали: «Сторонись того, кто не заслуживает доверия». Я должен покинуть тебя, чтобы спасти свою жизнь, ибо царь, узнав правду, будет беспощаден».

И Димна ответил: «Что случилось, того не вернуть. Не мучь себя и не тревожь меня, попытайся лучше заставить льва предать забвению этот прискорбный случай. Я признаюсь, что причиной всего были мои легкомыслие и зависть».

Выслушав слова шакалов, тигр без промедления вернулся в царский дворец и вошел в покои матери царя. Приветствовав царицу, он взял с нее клятву, что она не разгласит доверенную ей тайну. Львица поклялась своим царским саном и честью, и тигр рассказал ей, какой разговор произошел между Калилой и Димной.

Наутро львица пришла к сыну и увидела, что он печален, грустен и задумчив, ибо он скорбел о том, что погубил Шатрабу, своего лучшего друга. Царица спросила: «О чем ты грустишь, отчего печален и какие думы тобой овладели?» И лев ответил: «Грущу я оттого, что меня не оставляют мысли о Шатрабе, которого погубил я собственными руками. Я вспоминаю, каким он был преданным другом, как верно служил и какие разумные давал советы, как я наслаждался беседой с ним и как бескорыстна была его помощь».

Царица сказала: «Худшее, в чем можно признаться, — это обвинить себя в жестоком и необдуманном поступке. Как ты мог совершить такую ошибку, как осмелился растерзать самого верного своего друга по злому наговору, ничего не зная наверняка и безо всяких доказательств? А теперь ты раскаиваешься и тоскуешь, но это не исправит дела и не принесет тебе пользы. Долгие думы лишь растравляют горе, ослабляют сердце, изнуряют тело и истощают душевные силы. Ты умен и проницателен, и тебе не занимать опыта, ибо довелось в жизни испытать многое. И долгое молчание также бесполезно. Поделись с нами своим горем, возложи на каждого из своих близких и родных долю скорби — и, может быть, ноша покажется тебе легче. И когда ты поймешь, что твоя скорбь бесцельна, ибо ею не вернешь и не оживишь друга, ты займешься полезным делом и велишь разузнать, верны ли те слухи, из-за которых ты казнил Шатрабу, сочтя его предателем и изменником. Не думаю, чтобы тебе было трудно узнать всю правду».

«Как же мне узнать правду?» — воскликнул лев, и царица ответила: «Мудрецы говорили: «Если хочешь узнать, кто тебя любит и кто ненавидит, кто твой враг и кого ты можешь считать другом, — спроси себя и загляни в свое сердце, ибо в нем, как в зеркале, отражается и вражда, и любовь». И если ты совершил недостойный поступок, то сердце твое выступит против тебя как свидетель и будет казнить тебя твоя совесть. Печаль твоя вызвана тем, что сердце подсказывает тебе: твой друг был невиновен и погиб из-за твоего

легковерия и гневливости, а эти пороки ведут к самым тяжким грехам и непоправимым ошибкам. Когда стали говорить про Шатрабу дурное, тебе следовало бы сдержать гнев и хорошенько подумать, соответствуют ли слухи о предательстве верного друга тому чувству, которое ты к нему питаешь и которое, как тебе казалось, он разделяет. И сердце сказало бы тебе, что речи доносчиков — злая ложь и наглый обман, ибо сердцу видны самые сокровенные помыслы, и оно проникает в неведомые глубины души. А теперь еще раз подумай, какой грех мог совершить Шатраба, — ведь не зря так мучат тебя угрызения совести!»

И лев ответил матери: «После смерти Шатрабы я долго раздумывал, какое обвинение я мог бы ему предъявить, но не нашел в его поведении и речах ничего подозрительного, что послужило бы причиной гнева или говорило о его предательстве и неверности. И чем дольше я размышлял, тем больше находил в нем добродетелей и достоинств, так что моя любовь к нему и сожаление о том, что его не вернуть, все возрастали. И не мог я, как ни старался, припомнить о нем чего-нибудь дурного или найти в его натуре какой-нибудь порок, который побудил бы его к зависти, соперничеству со мной или вероломству. Потом я стал перебирать все свои поступки, но не нашел причины, из-за которой Шатраба стал бы моим врагом и замыслил лишить меня власти.

И после долгих и тяжких размышлений я решил расследовать это дело со всем тщанием, дабы мне стало ясно, был ли я прав, казнив Шатрабу, или совершил тяжкую ошибку. И я выполню свое решение, чего бы мне это ни стоило, хотя знаю, что теперь уже ничего не вернуть и не исправить. Из твоих слов я понял, что тебе известно больше, чем ты сказала. Если ты можешь дать мне какой-нибудь совет или один из моих приближенных поведал тебе важную тайну — откройся мне, расскажи все без утайки!»

Львица ответила сыну: «Если бы мудрецы не предостерегали нас от расточения доверенных денег, разглашения тайны и нарушения клятвы, считая это тяжким грехом и несмываемым позором, я открыла бы тебе все, что мне известно». — «Речи мудрецов можно истолковать по-всякому и понять как угодно, — воскликнул лев. — Я признаю, что ты права и слова твои разумны, но для тебя не секрет, что не всякую клятву соблюдают и не каждое данное слово свято. Всему есть свое

время и место. Уместное и своевременное дело всегда полезно, а несвоевременное и неуместное — вредоносно и опасно. И опаснее всего обнаружить то, что следует скрыть, и скрывать то, о чем нужно объявить во всеуслышание, открыто. По моему мнению, тебе нельзя скрыть то, что тебе стало известно, ибо умолчание в этом случае неуместно и чревато опасностями. И кажется мне, что тот, кто поверил тебе эту тайну и взял с тебя клятву не разглашать ее, хитроумен и слабодушен, ибо, избавившись от опасного груза, он взвалил это бремя на твои плечи, предоставив тебе выбор: нести его в одиночестве либо обременить кого-нибудь из своих близких, и прежде всего меня. Я вижу, что ты тяготишься этой тайной и тебе хотелось бы поделиться с тем, кто тебе дорог и близок. Сбрось же со своих плеч тяжкое бремя, открой мне все, что тебе известно!»

И царица сказала: «Да, ты прав, мне доверена тайна, скрывать которую было бы неразумно. Но я должна была подготовить тебя, чтобы мои слова не вызвали твоего необузданного гнева. Однако я вижу, что твои намерения тверды, ты решил наказать клеветников и обманщиков и не боишься взглянуть в лицо правде. А теперь скажи по совести: не вызвали ли в тебе мои слова каких-либо сомнений?» Лев ответил: «Я согласен выслушать правду, как бы мне ни было больно. Что же касается твоих слов, то я убежден в их искренности и у меня нет ни сомнений, ни подозрений. Расскажи мне все, что знаешь, это не причинит тебе никакого урона».

Львица возразила: «Если я сделаю это, то нанесу обиду тому, кто доверил мне тайну, и нарушу клятву, подкрепленную словом чести. Мне перестанут доверять те, кто были искренни со мной, и я больше от них ничего не узнаю».

«Поступай как хочешь! — воскликнул лев. — Но дело не терпит отлагательства, и я желаю знать правду. Ты можешь не называть имени того, кто сообщил тебе те вещи, которые ты хочешь сохранить в тайне, — но я должен наконец узнать правду!»

И царица поведала сыну обо всем, что услышал и рассказал ей тигр, не называя его, и продолжала: «Тот, кто наделен силой и властью, не должен щадить вероломных обманщиков и нечестивых злодеев, сеющих смуту среди добродетельных и благочестивых. Кому как не правителю надлежит избавлять своих подданных от коварных клеветников, очищая от них землю, и окружать себя достойными

мужами? Накажи Димну — он вдвойне опасен, ибо не только коварен, но красноречив и хитроумен и умеет ложь представить правдой, и поверив ему, ты убил Шатрабу, добродетельного помощника и достойного вазира, своего лучшего друга. Теперь ты узнал, что его обвинения были ложью, и найдешь покой, лишь когда до конца расследуешь это дело и удостоверишься в том, что не было никакого заговора против тебя в твоем войске. Убей шакала — ведь такие, как он, неисправимы, и даже если каются на словах, то натура их остается порочной и они всегда вероломны и ненадежны. Казни Димну за его преступление, только так можно избавиться от зла, которое он принес и принесет тебе, твоему войску и всем твоим подданным. Если же ты склонен простить его, вспомнив изречения, призывающие к милосердию, то знай, что грех Димны слишком тяжек, чтобы его можно было простить, и вина слишком велика, ибо обратил он свое коварство против достойного мужа, непорочного и чистосердечного, который к тому же был лучшим другом царя, его помощником и советником, но пал жертвой львиного царского гнева и несдержанности и шакальей зависти и подлости».

И видя, что лев молчит, царица добавила: «Не думай, что мне неизвестны изречения мудрецов о соразмерности проступка и наказания или я не знаю, как опозорен бывает тот, кто разглашает доверенную ему тайну. Я рассказала тебе все, что мне сообщили, ради твоей пользы, ибо если все это дело — твоя ошибка, казнь невинного по ложному наговору, предательство шакала и его безнаказанность — дойдет до ушей простонародья, то дурные последствия неотвратимы и не избежать возмущения и смуты. Тебе ведь известно, что простонародье только и помышляет о том, чтобы предать царя, и каждое упущение правителя служит доводом и причиной неповиновения буйных глупцов, поступки которых одобряет простонародье, ведь вожаки его прежде всего ополчаются против решительных и разумных».

Едва царица умолкла, лев приказал позвать к нему предводителей войска, вельмож и приближенных, и когда они собрались в его покоях, он велел привести Димну. Представ пред царские очи, шакал увидел, что повелитель нахмурился и глаза его грозно сверкают. Обратившись к одному из придворных, Димна спросил: «Что случилось? Почему наш царь гневен и печален?» Услышав слова Димны, царица

повернулась к нему и сказала: «Царя печалит то, что ты еще жив. Но сегодня это кончится, и тебе не прожить даже мгновения после вынесения приговора!»

«Ни слова не прибавишь к изречениям древних! — воскликнул Димна. — Недаром они говорили: «Кто больше всех бережется беды, того она быстрее постигает». О царь, негоже, чтобы ты, твои приближенные и твое воинство становились примером несправедливости и насилия! Я могу привести известную поговорку: «Сам себя наказал тот, кто, зная нравы злодеев, навязался к ним в приятели». Поистине, правы отшельники, что, отрекшись от мирской жизни, предпочли одиночество общению с себе подобными, а любовь к богу — любви к его созданиям! Кто, кроме бога, воздаст добром за добро и благодеянием за благодеяние? Если попросишь о помощи — не получишь ответа, если совершил благодеяние — не жди благодарности, и заблуждается тот, кто ждет воздаяния от смертных, а не от Всевышнего. Подданные царя поступают по-разному и часто заблуждаются, но цари не должны быть рабами своих заблуждений. Царь вправе требовать от подданных добронравия, разумных поступков и похвального поведения, они же могут просить у него лишь справедливости и достойной награды за преданность. Наилучшим проявлением преданности издавна считались искренние советы, и я старался в этом услужить нашему повелителю. Всем известно, что между мной и Шатрабой не было ни вражды, ни соперничества, и я не желал ему зла, ибо не было в этом для меня ни малейшей выгоды. Я лишь осведомил царя о своих подозрениях и предостерег его, дабы не застали его врасплох вражеские козни и приготовления, и царь убедился в истинности моих слов, заметив некоторые признаки, на которые я указал ему. Я был честен и прямодушен, и это пришлось не по вкусу моим врагам и соперникам, так что они сговорились погубить меня. Я и не помышлял, что царь наш когда-нибудь будет печалиться из-за того, что я еще жив, и что это и станет моим воздаянием».

Выслушав слова Димны, лев промолвил: «Отведите его к судье, и пусть он хорошенько рассмотрит это дело, ибо я не могу вынести решения ни против него, ни в его пользу, пока не узнаю всей правды».

И Димна, поклонившись царю, произнес: «О повелитель, лишь после долгих трудов обнаруживается свет правды, делающий слепого

зрячим и рассеивающий тьму лжи. Так огниво и кремень таят в себе жаркое пламя, но огонь не вспыхнет до тех пор, пока не приложишь старание. Пусть судья будет прилежен — я не страшусь того, что раскроется истина, а ведь если бы я чувствовал себя виновным, то сердце мое наполнилось бы ужасом и трепетал бы я пред правосудием. Чем лучше узнают обстоятельства дела, тем явственнее становится чистота помыслов невинного и виновность злодея. Так с каждым дуновением ветра все шире разносится аромат мускуса или вонь разложившейся падали. Если бы знал я за собой вину или даже какой-либо ничтожный проступок, разве осмелился бы я оставаться у царских врат, ожидая жестокой казни?

Я прошу, чтобы царь велел судье, коего он приставит к рассмотрению моего дела, каждый день докладывать ему о том, какие доводы привел я в свою пользу и какие доказательства моей невиновности удалось ему обнаружить, дабы повелитель составил себе верное представление обо мне и о моих противниках, чтобы ему были ведомы все мои поступки по свидетельству мужей благородных и достойных, а не по словам моих врагов и недоброжелателей. Поистине, для моего оправдания достаточно того, что царь убедился во враждебных намерениях быка, воочию увидев те признаки, о которых я ему говорил, и этого же хватило бы для того, чтобы назвать предателями и изменниками моих обвинителей. Негоже царю наказывать того, кто помышлял лишь о его благе и безопасности, а ведь все знают, как велика моя любовь и забота о повелителе.

Я ничтожный раб царя и не помышляю об иной доле, служить справедливому и доблестному властителю — высшая награда и наслаждение, хотя многие, которых царь приблизил к себе, желали бы еще более возвыситься. Но мне достаточно быть покорным и униженным слугой, ибо в таком положении я могу надеяться, что царь снизойдет к моему ничтожеству и одарит своей благосклонностью и пока я жив, и если мне суждено вскорости покончить свои дни. И если милостивый царь решил отречься от меня и вручить мою судьбу служителям правосудия, то пусть он по крайней мере прикажет им не выказывать небрежения, быть беспристрастными и каждый день докладывать ему о том, какие доводы привел я в свое оправдание. Если же по воле несправедливой судьбы и жестокого рока я не смогу отвратить от себя незаслуженного наказания, если царь не проявит ко

мне сочувствия, а его слуги — должного рвения в расследовании моего дела, если одержат верх мои враги и недоброжелатели, коварные завистники, желающие предать меня жестокой каре без всякой моей вины или упущения, тогда не будет у меня иного помощника и иного защитника, кроме Всевышнего, милостивого и милосердного, заступника слабых и обиженных, утешителя печалящихся. Древние мудрецы говорили: «Кто верит тому, что следовало бы опровергнуть, и опровергает истинное, не может считаться разумным и достоин лишь осмеяния и презрения». С ним может случиться то же, что с женщиной, одарившей благосклонностью собственного раба, который овладел ею с помощью хитрости и обмана».

«Что это за притча и как это было?» — спросил лев, и Димна начал:

«Говорят, что в землях Кашмира, в городе Тасирун[25] жил купец по имени Хабаль, который часто отлучался по торговым делам, и была у того купца жена, отличавшаяся редкой красотой. По соседству с купцом жил молодой живописец, который был любовником той женщины и часто навещал ее в отсутствие мужа. Однажды, когда живописец пришел к ней, она сказала: «Ты являешься ночью, не предупреждая меня о своем приходе, громко произносишь мое имя, бросаешь в окно камешки или подаешь другие знаки, которые могут привлечь внимание соседей, так что они расскажут об этом моему мужу и нам придется худо. Не можешь ли ты придумать что-нибудь другое, удобное и для меня, и для тебя, чтобы не возбуждать подозрений?» Живописец, немного подумав, ответил: «Я нашел отличное средство. Каждый раз, как твоего мужа не будет дома, ровно в полночь смотри в окно, выходящее в этот переулок. У меня есть черный плащ на белой подкладке. Если будет лунная ночь, я накину плащ черной стороной кверху, и он будет выделяться при ярком лунном свете. Если же ночь будет безлунной и темной, я надену плащ вверх подкладкой, и он будет виден, словно светлое пятно во мраке ночи. Я всегда стану надевать этот плащ, когда задумаю посетить тебя, и ты, заметив человека в такой одежде у ворот своего дома, не сомневайся, что это я, открывай дверь и впускай меня без расспросов». В то время когда они беседовали, вошел невольник той женщины и все услышал.

На следующий день невольник отправился к своей приятельнице, рабыне живописца, и, описав плащ ее хозяина, попросил рабыню дать ему этот плащ на одну ночь, говоря, что хочет показать его своему другу-портному, чтобы он сделал ему точно такой же. Невольница дала ему плащ, он надел его и отправился в тот переулок, где должен был прогуливаться в полночь живописец. Увидев знакомый плащ, жена купца впустила невольника без всяких расспросов и, не зажигая огня, привела его в свои покои, думая, что это ее любовник. Она провела с невольником ночь, и рано утром, когда еще не рассвело, он ее оставил, отправился к рабыне живописца и отдал ей плащ, сказав, что тот больше не нужен. На рассвете после дружеской пирушки вернулся живописец. Надев плащ, он пошел к жене купца и постучался в двери. Удивленная женщина, увидев, что любовник стучится к ней во второй раз, спросила: «Почему ты вернулся? Ты ведь уже был у меня сегодня!» Услышав это, он смутился и, поняв, что его провели, вернулся домой и, позвав рабыню, стал расспрашивать ее, пригрозив плетью. В страхе девушка рассказала ему все как было, и живописец сжег плащ, ибо понял, что выдумка его неразумна и опасна.

Я рассказал эту притчу царю, дабы помнил он, что обман может обернуться против самого лжеца, нанеся урон его доброму имени и покрыв позором. Нельзя наказывать невинного и добродетельного за слово, сказанное им против бунтовщика и смутьяна, недостойно великого владыки карать по навету клеветников и вероломных, не следует спешить и обвинять по недоказанному подозрению! Я говорю все это вовсе не потому, что боюсь смерти — как бы ни была она страшна и ненавистна, но от нее никому не спастись, ибо каждый из нас смертен. Если бы у меня было сто жизней и я знал бы, что благосклонность царя можно заслужить, отдав их, я согласился бы на это. Если же повелителю угодна моя гибель и смерть моя принесет ему удовлетворение и успокоение, то я готов принять ее, помня слова мудрецов: «Невинно убиенный получит прощение и блаженство в будущей жизни». И хотя мне известно, что царь наш полон милосердия, кроток и справедлив, что он изгнал насильников и злодеев из своих владений, я обращаюсь к нему еще раз со смиренной просьбой: не спешить с вынесением приговора, ибо сказано: «Если ты силен и облечен властью, но неопытен и неразумен, слушай советов достойного мужа, хотя бы он был слаб и низкого звания, тогда

избавишься от ошибок и пороков и приобретешь опыт, какого не добудешь и в старости».

Тут один из приближенных воинов царя молвил: «Все, что сказал этот шакал, вызвано не любовью к царю и не желанием возвеличить его. Он желает лишь найти оправдание своему предательству и спасти свою жизнь!» — «Горе тебе! Да разве можно порицать того, кто желает спасти свою жизнь? — воскликнул Димна. — Кто ближе мне, чем я сам, кто будет меня оправдывать, коли я сам не оправдаюсь, кто спасет меня, если я сам не позабочусь о своем спасении? Кто полюбит меня больше, чем я люблю самого себя, и кого должен я любить сильнее? Древние мудрецы говорили: «Злобный ненавистник, не любящий себя, не полюбит и другого, не жалеющий себя — жесток к ближним». Ты не понимаешь смысла своих слов, а они указывают на то, что ты и есть злобный ненавистник, враг себе и другим, полный черной зависти, которую ты даже не можешь сдержать или скрыть. И кто слышал твои слова, поймет, что ты никому не желаешь добра. Таким, как ты, не подобает стоять у врат царя и тем паче находиться в царских покоях, ибо ты не годишься в товарищи даже бессловесной скотине из простонародья».

Услышав дерзкий ответ Димны, воин, пристыженный, молча вышел, опустив голову, а львица воскликнула, обратившись к шакалу: «Я дивлюсь твоему бесстыдству и наглости, негодный предатель! Ты отвечаешь не задумываясь, будто не знаешь за собой вины, чтобы отвести глаза и снова обмануть!» — «Ты предубеждена против меня, — возразил Димна, — и пристрастна, будто смотришь на меня одним глазом и слушаешь одним ухом. Вам будто не давало покоя то, что предки мои были в немилости, а я долго прозябал в бедности, так что вы все наконец решили донести царю на меня, сообщив о моей мнимой провинности. И сдается мне, что приближенные и родственники царя, пользуясь его долгим благоволением и обольщенные своим богатством и беззаботной жизнью под сенью его милостивого царствования, стали пренебрегать царской службой и позабыли, когда следует им вести речь, а когда молчать».

«Посмотрите на этого бессовестного! — воскликнула львица. — Совершив такое тяжкое преступление, он выставляет себя невинным и безгрешным!» Димна ответил: «Бессовестный тот, кто берется за то, что ему незнакомо, и делает все не так, как следует, например, тот, кто

посыпает письмо пеплом вместо песка или сушит чернила навозом, или муж, жеманящийся и наряжающийся в женское платье, или женщина, сидящая в совете мужей в мужской одежде, или гость, утверждающий, что он — хозяин дома, либо поверяющий чужие тайны вместо того, чтобы хранить их, либо тот, кто говорит в присутствии царя, когда его не просят об этом. Бессовестный — это тот, кто, ничего не зная о чьих-либо поступках, берется судить о них и не в состоянии отвратить зло ни от себя, ни от другого».

Львица сказала: «Молчи, злодей! Разве ты не понимаешь, что твои оправдания лишь ухудшают твое положение, ибо говорят о том, что ты упорствуешь и не раскаялся?» Димна ответил: «Злодей — тот, кто желает невинному зла и правому не делает добра».

И царица воскликнула: «Неужели ты думаешь, вероломный предатель, что обманешь царя своими хитрыми речами и он простит тебя и не бросит в темницу?» Димна промолвил: «Вероломный предатель — тот, кто старается погубить своего врага обманом и всяческими кознями, и если тот попадется к нему в руки, губит его, хотя бы он был невиновен».

«Ничтожный болтун, — сказала львица, — удивительнее всего, что у тебя еще достает бесстыдства заставлять нас выслушивать твои поучения и притчи, хотя всем уже стало ясно, что ты клеветник и изменник». Димна возразил: «Ничтожный болтун — это тот, кто не умеет приводить притчи и поучения мудрых, когда они к месту».

«Если бы у тебя была хоть капля разума и совести, ты бы не осмелился на подобные речи, совершив столь тяжкое преступление!» — промолвила львица, и Димна ответил: «Разума и совести лишен тот, кто карает своих доброжелателей, указывающих на происки врагов, и поощряет смутьянов и заговорщиков».

«Наглый лжец! — крикнула царица. — Неужели ты думаешь ускользнуть от наказания за свою ложь? Или ты полагаешь, что твои речи помогут тебе сохранить жизнь?» Димна ответил: «Лжец тот, кто пытается обелить дурное и очернить благое, кто платит злом за добро и воздает угрозами за искренние советы. Я же всегда соблюдал верность своему государю и свято хранил обеты».

Львица спросила: «Что это за обеты ты хранил и как смеешь ты заявлять, что соблюдал верность государю?» И Димна ответил: «Об

этом знает мой повелитель, я никогда не лгал ему, и речи мои всегда были правдивы».

Увидев, что лев в замешательстве и готов помиловать шакала, царица поняла, что хитрые речи Димны смягчили его сердце и он поверил в его невиновность. Она сказала сыну: «Молчание в подобных случаях неуместно, ибо оно подтверждает слова твоего противника. В пословице говорится: «Кто молчит — соглашается». Она встала и, разгневанная, вышла, а лев приказал надеть на Димну тяжкие оковы и, заключив его в темницу, начать строгий розыск.

Вечером царица снова явилась к сыну и завела с ним беседу, боясь, что царь помилует Димну: «О сын мой, до меня постоянно доходят разговоры о предательстве и вероломстве этого шакала, и мои подозрения усилились, когда я услышала его дерзкие намеки и неубедительные оправдания. Знай, что речи его соблазнительны и опасны, ибо он вносит смуту в сердца и умы твоих приближенных и подданных. И если ты и впредь позволишь ему разглагольствовать, то он наконец убедит тебя в своей невиновности, так как ты кроток и мягок нравом. Убей его — и избавишься от опасности, казни его поскорей — и освободишься от тягостных дум и сомнений. Все твое воинство от мала до велика наслышано о злонравии и кознях шакала, и никого не обманули ни на мгновение его лицемерные сетования и напоминания о верной службе. И самый скверный из его поступков это то, что он погубил Шатрабу — верного друга, разумного вазира и умелого помощника. Каждый день я слышу новые вести о злодействах Димны, и истинность их не вызывает у меня ни малейших сомнений. И тебе, сын мой, также следует отрешиться от колебаний и не приклонять слух к лживым речам шакала, ибо с каждым днем он, спасая свою жизнь, будет все более красноречив и дерзок, сплетая одну ложь с другой и нагромождая обман на обман — ведь лживость присуща ему от природы. Не слушай его больше, предай казни за его преступления, и наступит и для тебя, и для твоего воинства время покоя и отдохновения».

Лев промолвил: «Всем известно, что придворные и приближенные царя ненавидят друг друга и между ними издавна существует соперничество и зависть. Каждый из них домогается благосклонности правителя и высокого сана, и тот, кто заслужил их, становится мишенью клеветы и доносов, особенно, если он умен и

благороден. Я вижу, что моя благосклонность к Димне не по вкусу моим родичам и приближенным, и подозреваю, что они сговорились погубить его именно по этой причине. Я не хочу спешить и накажу Димну, только если мне представят убедительные доказательства после тщательного расследования. И прежде всего я желаю знать, кто рассказал тебе о подслушанном им разговоре между Калилой и Димной».

Львица ответила: «Мне рассказал об этом тот, кому мы оба доверяем, правдивый и надежный, в словах которого я не сомневаюсь. Это тигр, твой давний приятель и наперсник». Услышав это, царь промолвил: «Оставь тревогу и беспокойство. Я придумал средство, с помощью которого мы узнаем всю правду». И львица, оставив сына в его опочивальне, отправилась в свои покои.

Что же касается Калилы, то он не мог найти себе места, опасаясь за жизнь своего друга. В полночь к нему явился один из тех, кто присутствовал на царском совете, и рассказал, что Димну заключили в темницу, закованного в железные цепи. Калила, помня давнюю дружбу, стал горевать, оплакивая участь Димны, и тайком отправился в темницу. И когда Калила увидел каменные стены и тяжкие оковы, глаза его наполнились слезами, и он промолвил: «Эта беда постигла тебя потому, что ты решился на предательство и измену и не слушал моих советов и увещаний. Вспомни — я предостерегал и предупреждал тебя, советовал отказаться от козней и как можно скорее очистить сердце от злых помышлений, и это было моим долгом, ибо если бы я проявил небрежение, то мог бы считаться соучастником твоего преступления. Но теперь поздно говорить об этом, ибо все хорошо в свое время и на своем месте. Ты презрел мои предостережения в дни благоденствия, оказавшись во власти честолюбия и самомнения, которые лишили тебя разума и помутили твой рассудок. Я рассказывал тебе множество притч и хочу напомнить одно из высказываний древних мудрецов, которые говорили: «Изменник мертв до своей смерти». Это не значит, что он умрет раньше назначенного срока, а означает, что жизнь его становится горше смерти из-за его предательства, как это и случилось с тобой, так что смерть может показаться избавлением и отдохновением».

Димна ответил другу: «Я помню, какие ты давал мне советы и как старался удержать меня от обмана, но честолюбие и зависть были

сильнее твоих поучений, которые казались мне следствием твоей трусости и слабоволия. Я уподобился больному, страдающему от голода, которому было предписано воздерживаться от пищи для излечения недуга. Зная, что пища повредит ему, этот больной жадно набросился на еду и умер; я же, понимая, что предательство вредоносно и опасно, не сумел пересилить себя и теперь пожинаю то, что сам посеял, ибо пришел срок жатвы. И горе мое еще сильнее оттого, что я боюсь: тебе повредит наша прежняя дружба и близость и тебя накажут вместе со мной, если проведают о том, что ты знал о моих намерениях и не донес царю или его приближенным. Если тебя спросят, не признавайся ни в чем, и ты не вызовешь ничьих подозрений. Так, по моему мнению, следует тебе поступить, а что же делать мне?»

И Калила промолвил: «Мудрецы говорили: «Приложи все старания, чтобы отвратить наказание, — если выхода не найдешь, пойдут в ход и правда, и ложь». Но мне кажется, что наилучший выход для тебя, если уж постигла тебя беда, — признаться в содеянном, дабы избежать возмездия в будущей жизни».

«Ты прав, — ответил Димна. — Я вспоминаю изречение праведников: «Не страшись мучений, если совершил преступление и оно раскрыто: лучше быть наказанным за свой поступок в земной жизни, чем вечно подвергаться мукам в геенне огненной за то, что ты не признался». Но лев необуздан и жесток, а судьи неразумны и не смогут проникнуть в мои тайны. Я не скажу им ни слова и ни в чем не признаюсь». И Калила, печальный и удрученный, отправился домой, оплакивая тяжкую участь своего друга.

Поблизости от Димны в той же темнице находился гепард. Друзья не заметили его, а он слышал весь их разговор от слова до слова и понял, что Калила упрекает Димну за недостойный и скверный поступок, а тот признает свое преступление и великую вину, но отказывается признаться в ней перед судом. Гепард постарался запомнить, о чем они говорили, но смолчал и никому не поведал об услышанном, чтобы засвидетельствовать виновность Димны, если его спросят.

Наутро львица отправилась к сыну и сказала: «О великий царь зверей! Не дай бог тебе забыть, что ты говорил вчера! Вспомни дерзкие речи и увертки Димны, которого ты велел заковать в тяжкие

оковы и заточить в темницу. Твой приказ был ко времени, и им исполнил ты волю нашего господа. Не зря мудрецы говорили: «Не следует медлить в делах благочестия, как не следует предавать забвению вину грешника». Оставлять безнаказанными виновных — все равно что карать невинных; кто правдив, должен помогать правдивым, а кто прощает предательство — сам в душе предатель».

Выслушав слова своей матери, царь приказал явиться верховному судье тигру и своему дяде льву, что был помощником судьи, и сказал им: «Займите свои места и начинайте суд над Димной. Прикажите собраться моему воинству и всем моим подданным от мала до велика, чтобы без промедления и малейшего небрежения рассмотреть это дело и установить вину шакала. Все его речи, слова свидетелей, обвинения и оправдания Димны со всем тщанием заносите в ваши судейские книги и потом читайте мне, и поступайте так до тех пор, пока не будет доказана вина Димны или его невиновность».

Судья и его помощник, дядя царя, ответили: «Слушаем и повинуемся приказу повелителя». Выйдя из покоев льва, они отправились сзывать царское воинство и всех подданных и через три часа, закончив все приготовления, послали за Димной. Когда его привели и поставили перед собравшимися, глашатай крикнул громким голосом: «О доблестные воины и верные подданные! Всем вам ведомо, что после смерти быка Шатрабы ваш царь грустен и печален, сокрушаясь душою о том, что Шатраба казнен безвинно, по ложному доносу и наговору Димны. Верховному судье приказано созвать суд, дабы рассмотреть это дело. Если кто-нибудь из вас знает что-либо о Димне, хорошее или дурное, пусть расскажет об этом при свидетелях и во всеуслышание, чтобы приговор был вынесен согласно их показаниям. Если Димна виновен и заслуживает смертной казни, то нам необходимо удостовериться полностью в его виновности, ибо поспешность в подобных делах является самовластием и беззаконием, а преследование по ложному обвинению — унижением правосудия».

Затем поднялся судья и промолвил: «О доблестные воины и верные подданные! Слушайте, что вам сказали, и откройте все, что вам известно о речах и поступках Димны! И берегитесь трех вещей. Первая и самая главная: не считайте ложный донос и клевету делом обычным и маловажным. Поистине, величайший грех — убить безгрешного и невинного по ложному доносу, и если кто-нибудь из вас

посвящен в дела этого предателя, доносчика и изменника, который оговорил невинного, и не откроет суду все, что ему известно, то мы будем считать укрывателя соучастником преступления, заслуживающим равного с преступником возмездия. Второе: не отрицайте явную вину, ибо если виновный признается в своем преступлении, это пойдет ему на пользу, так как царь и его воинство более склонны в этом случае простить вину и избавить от наказания. И третье: не будьте склонны к излишнему мягкосердечию, ибо если мы избавимся от недостойных и смутьянов, которые пытаются добиться доверия и заслужить любовь знатных и простонародья, то это послужит лишь ко благу державы. Пусть же всякий, кто знает хоть что-нибудь об этом коварном обманщике, выйдет и скажет перед всеми присутствующими свое слово, чтобы стало оно доказательством его вины, ибо сказано: «Уста того, кто не выступит свидетелем за невинно убиенного, будут замкнуты огненным кляпом в день Воскресения». Еще раз призываю доблестное воинство и верных подданных выступить свидетелями, дабы суд мог вынести свое решение по справедливости».

Судья кончил свою речь, но все присутствующие продолжали хранить молчание, ибо никто не знал ничего наверняка и каждый боялся прослыть лжецом либо пустословом. Увидев их замешательство, Димна промолвил: «Что же вы молчите и не приводите свои доказательства? Всем ясно, что если бы я был виновен, то радовался бы вашему молчанию. Я заранее знал, что так и будет, — ведь нельзя доказать того, что не существует, и каждый, чья вина не доказана, может считаться невиновным. Говорите же, что знаете, но помните, что ваши речи будут иметь для меня важные последствия: либо я буду оправдан, либо приговорен к заключению или казни. Поэтому прежде чем сказать, хорошенько поразмыслите и знайте, что на всякое слово можно ответить. Мудрецы говорили: «Не свидетельствуй о том, чего не видел, не говори о том, чего не знаешь, иначе с тобой случится то же, что с мнимым лекарем, которого погубило невежество и легкомыслие».

«Что же с ним случилось и какая это притча?» — спросил судья, и Димна начал:

«Говорят, что в одном из городов Синда[26] был знающий и умелый лекарь, жалостливый и заботливый, умеющий, как никто до

него, составлять разные лекарственные зелья. Он прожил долгую жизнь, и к старости у него ослабело зрение. А у царя того города была дочь, которую он выдал замуж за одного из своих племянников. Она забеременела, и у нее начались недомогания, обычные при беременности. Послали за тем лекарем, и когда он пришел к царской дочери, то стал расспрашивать, на что она жалуется, и она рассказала о своем недомогании. Старик, поняв причину ее болезни и зная способы лечения, сказал ей: «Если бы я не был слеп, то составил бы целебное зелье, но я никому не доверяю и не могу поручить это дело другому». Сказав это, он ушел, но слова его стали известны, и многие желали узнать, как составляется это зелье, но старик никому не открывал секрета. О словах лекаря узнал и некий глупец, что жил в том городе. Он пришел к царю и заявил, что он — искусный лекарь, умеет исцелять разные недуги и изготовлять чудодейственные зелья, ибо ему ведомы свойства простых и сложных лекарств, составленных из растертых камней, корней и всевозможных трав. Царь велел привести этого человека в свою сокровищницу, где хранились самые драгоценные лекарства и благовония, чтобы он взял все, что ему нужно. И когда мнимый лекарь увидел, как много там трав и кореньев, он растерялся, так как не имел никакого представления, что ему нужно, и взял то, что ему попалось под руку. Среди прочего он взял также небольшой узелок, в котором был смертельный яд. Не зная, для чего служит каждая трава и каждый корень, тот глупец смешал все, что вынес из сокровищницы, дал дочери царя лекарство, и она тотчас скончалась. Узнав об этом, царь велел привести к нему невежду и заставил его проглотить полную ложку составленной им смеси, и тот упал бездыханным.

Я рассказал вам эту притчу, чтобы вы поняли, как легко оступиться и совершить ошибку словом и делом тому, кто выдает себя за знатока, не зная своего места. И если вы забудете об этом, с вами может произойти то же, что и с тем невеждой, и пенять вам нужно будет лишь на себя, а не винить кого-либо иного. Мудрецы сказали: «Говорящему воздастся по его словам». Я жду ваших слов, говорите и будьте правдивы!»

Тут встал кабан, предводитель царских свиней, что ведал дворцовой кухней, чванный и высокомерный, ибо был он ближайшим другом и любимцем царя, и сказал: «Послушайте мои слова,

высокородные и почтенные господа, и не упустите ни единого звука, ибо в речах моих великая польза. Еще древние мудрецы говорили, что праведников можно отличить по их облику и виду. Вам же, высокочтимые, по неизреченной милости бога ниспослан дар узнавать по внешности не только праведников, но и злодеев, по отдельному и как бы ничтожному признаку судить о целом. Поглядите на этого проклятого Димну, и вы увидите не один, а множество признаков, говорящих о том, что он злодей и коварный предатель. Всмотритесь в него — и вы согласитесь со мной и убедитесь в этом».

Судья сказал кабану: «И я, и все присутствующие поняли, что ты — великий мастер определять по внешности признаки злодейства. Объясни нам, что ты имеешь в виду и какие признаки ты усмотрел в облике этого шакала».

И предводитель царских свиней стал поносить Димну, называя обманщиком и негодным предателем, а потом сказал: «В книгах, что составили древние мудрецы, написано: «Если у кого-нибудь бегают глаза и левый глаз меньше правого, если держит он нос по ветру, если ходит, опустив голову, и постоянно озирается, то он, без сомнения, злонравен, лукав и вероломен». И все эти признаки видим мы у Димны, посягнувшего на друга царя, праведного и достойного вазира».

«Ну и диво! — воскликнул Димна. — И ты, грязный и уродливый, еще говоришь о каких-то признаках, когда среди всех нас не найти более скверного облика, чем у тебя! И еще более удивительно, что ты осмеливаешься находиться при царской особе и даже подавать царю пищу при всей своей неряшливости и уродстве и при всех пороках, которые известны и тебе, и твоим родичам, и царским приближенным. Ты указываешь на меня, хотя я благообразен и тело мое чисто и без всяких уродств и пороков. И не только я знаю, что ты безобразен видом и порочен нравом, это может подтвердить всякий, кто здесь присутствует. Раньше я не говорил об этом, так как мы были друзьями, но теперь я скажу лишь о твоих явных пороках, не касаясь тайных, ибо ты оклеветал меня, обвинив во лжи и предательстве, бросив в лицо незаслуженные оскорбления, и доказал свою враждебность, сказав во всеуслышание то, о чем не имеешь ни малейшего представления.

Тот, кто узнал тебя по-настоящему, должен посоветовать царю отказаться от твоих услуг и по крайней мере отставить от кухни, и если бы ты стал пахарем или землекопом, то не справился бы как

должно и с этим делом, хотя у тебя для этого есть рыло. Лучше тебе не касаться никакого ремесла, ибо ты не можешь быть даже дубильщиком или цирюльником, что у дороги пускает кровь простонародью, не говоря уже о том, чтобы служить знатным людям или самому владыке.

Что же касается упомянутых тобою признаков, то ни один разумный и справедливый судья не станет руководствоваться подобными нелепостями, ибо для того, чтобы доказать виновность или невиновность, существуют свидетели и доказательства. И если бы судили по внешности, то награждали бы за красоту и карали за уродство, и ты заслужил бы самую жестокую кару. И каждый злодей мог бы оправдываться тем, что не виновен в своем преступлении, ибо имеет от рождения те признаки, о которых ты говорил, и ему на роду написано и предопределено быть преступником. Тогда и меня нельзя судить: коль у меня все признаки вероломного предателя и я оклеветал Шатрабу, — упаси меня боже от этого! — то куда мне деваться от этих признаков? Ты спутал суд с судьбой и не понимаешь, что судьба — это божий суд, или предопределение. И если дело обстоит так, как ты говоришь, то никого нельзя карать за проступки, ибо каждый может сослаться на те самые признаки, что сотворены вместе с их обладателем и рождаются с его рождением и от которых нельзя избавиться. Значит, тот, кто сотворил эти качества и их обладателя, знает в точности, в какой день совершится благое дело или преступление, и заранее предусмотрел награду и меру возмездия, а это вопиющая ошибка и непомерная глупость, в чем, кроме тебя, никто не усомнится. Ты слышал кое-что и пустился в рассуждения, но коль скоро ты не понял сути, то и рассуждения твои ничего не стоят.

Я не считаю себя самым разумным и образованным в этом высоком собрании, но сдается мне, что на тебя не стоит тратить слов, ибо я ответил всем, тебе подобным, приведя притчу о невежде, что выдавал себя за лекаря и погиб от собственного лекарства. К тому же из слов твоих вытекает противное тому, что ты хотел доказать: вместо того чтобы обвинять меня, ты произнес слова оправдания, ибо если добро и зло предопределены какими-либо признаками, нельзя ни восхвалять добродетельного, ни осуждать злодея.

Ты, не разобравшись в деле, разглагольствуешь о моих пороках, забыв о том, что твои пороки во сто крат хуже. Недаром крестьянин

сказал своей жене: «Погляди сначала на себя, а потом уж осуждай других».

«Что это за притча и как было дело?» — спросил судья, и Димна начал: «Рассказывают, что на одно селение напали враги. Они перебили множество жителей, а остальных увели в плен, отобрав у них все достояние, и сорвали с них всю одежду. В числе пленных были крестьянин и его две жены, которых хозяин заставлял собирать хворост. Однажды отправились они нагишом на гору, и одна из женщин нашла лоскут материи и повязалась им, чтобы хоть немного прикрыться. Увидев это, другая женщина сказала мужу: «Посмотри-ка, она ведь голая, а повязалась тряпкой!» Но крестьянин ответил: «Погляди сначала на себя, а потом уж осуждай других!» Что же касается тебя, свинья, то я перечислю сейчас лишь немногие из твоих пороков, о которых тебе надо подумать, прежде чем судить о невинных и беспорочных».

«Ты осмеливаешься обращаться ко мне с подобными речами и бросать мне в лицо такие обвинения?» — воскликнул в гневе предводитель свиней, и Димна ответил: «Да, и скажу о тебе сущую правду. О тебе буду я говорить и тебя позорить, о зловонный, избравший грязь своим ложем, кривоногий, с разрезанными ступнями, обжорливый, с раздутым брюхом, плосконосый, с раздвоенными губами, скверный видом и нравом, кому сопутствует дурная слава!»

Услышав слова Димны, предводитель свиней изменился в лице, заплакал от горя и стыда, колени его ослабели и язык замер, ибо он был посрамлен и унижен, а Димна, видя, что его противник повержен, сказал: «Тебе еще долго придется плакать, и еще горше ты зарыдаешь, когда царь, проведав про все твои пороки, отставит тебя от твоей должности и, запретив являться к нему на глаза, вовсе отстранит от службы».

А на суде присутствовал некий шакал по имени Раузаба, которому царь поручил, втайне от царицы и судьи, доносить обо всем, что происходит, ибо испытал его и питал к нему полное доверие. Услышав речи Димны, тот шакал отправился в царские покои и слово в слово передал, что сказал Димна о начальнике царской кухни, и царь тотчас же приказал отстранить предводителя свиней от его должности и запретил являться на глаза царю и входить в царский дворец. Что же касается Димны, то лев велел отвести его снова в темницу. К тому

времени прошла большая часть дня, и судья позволил собравшимся разойтись, а писцам было велено записать все, что было сказано. Судья, просмотрев записи, поставил свою печать, и все отправились по домам.

А этот Раузаба, доверенный царя, был давним другом Калилы. И случилось так, что Калила, терзаемый страхом, беспокоясь о судьбе Димны и думая, что, если откроется их близость, могут заподозрить и его, внезапно занемог и вскорости умер. И тогда Раузаба отправился в темницу, где был заключен Димна, и рассказал ему о смерти Калилы. Не было предела горю Димны, и он, проливая слезы, промолвил: «Зачем жить мне после смерти верного друга? Что у меня осталось в этом мире? Я лишь благодарю всевышнего бога за то, что он послал мне такого заступника, как, ты, о Раузаба, возлюбленный брат и помощник. И видя твое внимание и заботу обо мне, я верю, что всевышний милостив ко мне и пошлет мне спасение. Знай, о Раузаба, что в тебе вижу я свою единственную надежду и опору в это трудное время и прошу исполнить одну мою просьбу. Я прошу тебя найти место, которое я тебе опишу, и взять оттуда наши с Калилой сбережения, которые нам удалось собрать по воле Всевышнего ценой великих трудов и всяческих ухищрений. Взяв эти деньги, принеси их ко мне в темницу».

Раузаба, найдя место, которое описал ему Димна, принес деньги в темницу, и Димна, отдав ему половину, сказал: «Ты, как никто другой, пользуешься доверием царя и без спроса входишь к нему в покои, и слышишь, о чем беседует царь со своей матерью и приближенными. Внимательно прислушивайся к их речам, запоминай, насколько верно передают они царю то, что происходит в суде, и правильно ли записывают обвинения моих противников и мои ответы, что скажет обо мне царица, в чем лев будет соглашаться с ней и когда станет противоречить и спорить».

Раузаба, взяв деньги, согласился выполнить просьбу Димны и, вернувшись к себе домой, спрятал их в укромное место. А лев, рано поднявшись на следующее утро, находился в своих покоях, ожидая прихода судьи, который должен был прочесть ему все, что сказали на суде противники Димны и что он им ответил. Наконец привратник возвестил о том, что судья явился, и царь велел ему войти в царские покои и читать судейскую книгу. Узнав, что сказали противники

шакала и что он им ответил, лев велел позвать царицу, приказал судье положить перед собой книгу и снова прочесть запись, скрепленную судейской печатью. И когда судья кончил чтение, царица вскричала громким голосом: «Не сочти мои слова за грубость, но ты не различаешь, что хорошо и что дурно, и не видишь, в чем тебе вред и в чем польза. Разве не от этого я тебя предостерегала, разве я не запретила тебе слушать речи этого злодея и преступника, проклятого предателя, обманувшего наше доверие?» Сказав это, царица вышла в сильном гневе, и все это слышал Раузаба.

Он вышел вслед за ней и, отправившись в темницу, рассказал об этом Димне. И в то время как они беседовали, явился посланец от судьи, чтобы снова привести шакала для дальнейшего рассмотрения дела.

Когда Димна предстал перед судьей, тот сказал ему: «О Димна, нам рассказал о твоем предательстве и обмане правдивый муж, стоит ли дальше слушать обвинения твоих противников и твои оправдания? Ученые и мудрые говорили: «Всевышний сделал бренный мир преддверием будущей жизни, ибо в этом мире жили божьи посланцы и пророки, что призывали к свершению благих дел и указали стезю к райским чертогам путем познания бога и изречения истины». И мы взыскуем здесь лишь истины, дабы избежать возмездия за несправедливость. Твоя вина, по нашему мнению, доказана, ибо тебя обвинил муж правдивый и надежный. Однако наш повелитель приказал нам пересмотреть твое дело, хотя для нас оно совершенно ясно».

Димна ответил: «Я вижу, судья, что ты не привык судить по справедливости, а ведь справедливые цари обычно не поручают неправедным судьям осуждать безвинно обиженных, не давая им сказать ни слова в свою защиту. Или ты решил, что я дам себя казнить и не буду защищаться? Или, может быть, ты желаешь ускорить вынесение приговора, считаясь только со своими желаниями и привычками, хотя еще не прошло и трех дней с тех пор, как начался суд? Прав был тот, кто сказал: «Кто привык совершать благодеяния, для того это пустяковое дело». Мне не нужно твоих благодеяний и советов, ибо они могут только повредить мне».

Судья возразил: «Советы еще никому не повредили. К тому же мы читаем в книгах древних мудрецов: «Судья должен отличать поступки

добродетельных от деяний злонравных, дабы покарать злонравие и вознаградить добродетель. И если он поступит согласно сему завету, то добронравные будут с еще большим усердием творить благие дела, а злодеи, убоявшись наказания, воздержатся от новых преступлений». Тебе же, Димна, следует, по моему мнению, еще раз обдумать то положение, в котором ты оказался. Признайся в своем грехе, скажи, что ты оговорил Шатрабу по злобе и из зависти, покайся в совершенном преступлении!»

«Праведные судьи не выносят приговора, пока обвинение не доказано! — возразил Димна. — Они внимательно выслушивают и знатных, и низкорожденных, ибо знают, что следует выяснить истину, а не основываться на чьих-то подозрениях. И если вы подозреваете, что я преступник, то я ведь лучше знаю себя, и знание мое несомненно, в отличие от вашего, весьма сомнительного. Вся низость моего поступка, по вашему мнению, заключается в том, что я оклеветал другого, как же я смогу оправдаться перед самим собой и перед вами, если буду клеветать на самого себя, признавшись в преступлении, которого я не совершал, и предам себя мучениям и казни, зная, что я невиновен и безгрешен? Моя жизнь для меня дороже всего на свете и достойна того, чтобы я защищал ее со всем старанием и пылом, а не убивал себя собственными руками. И если бы я пожелал перебить вас всех, и ближних, и дальних, то это было бы несовместно ни с мирскими, ни с божескими законами, я не имел бы на это права и вы справедливо покарали, бы меня за одно только намерение, как же я могу и какое имею право замышлять собственное убийство?

Поэтому прошу тебя, судья, оставить эти речи, ибо если ты советуешь мне от всего сердца и честно, то ты ошибся и совет твой неуместен, а если ты задумал обмануть меня, то худший из обманов тот, о котором заранее известно, что он не достигнет цели. К тому же предательство и коварство недостойны праведных судей и справедливых правителей. И знай, что средства, к которым ты прибегаешь, уже давно взяли себе за обычай злодеи и невежды и твоим поступкам будут подражать недостойные притеснители, ибо добродетельных вдохновляет пример подлинного правосудия, а лжецы и заблудшие, не знающие, что такое добродетель и прямодушие, подхватывают ошибки и несправедливости, совершаемые судьями. Я боюсь, о судья, что твои речи навлекут на тебя величайшие несчастья и

бедствия. И беда не в том, что в глазах царя, его войска и подданных — и знатных, и простолюдинов — ты все еще считаешься разумным, справедливым, достойным и богобоязненным, беда в том, что тебя спросят, почему ты забыл об этом, когда рассматривал мое дело».

Выслушав слова Димны, судья отправился к царю и показал ему полную запись того, что говорилось в суде. Царь, внимательно прочитав эту запись, позвал царицу и велел писцу прочесть ей речи Димны. Поразмыслив над словами шакала, львица сказала сыну: «Раньше меня заботило, как бы наказать предателя и изменника, из-за доноса которого ты убил своего лучшего друга. Теперь же я больше всего опасаюсь, как бы Димна своей хитростью и коварством не погубил тебя и не лишил царского престола, настроив против тебя войско и простонародье».

Слова царицы запали в душу льва, и он сказал ей: «Расскажи мне все, что ты узнала о Димне, чтобы мне иметь доказательство и причину для казни этого шакала». Царица ответила: «Не хочу я раскрывать доверенную мне тайну и не обрадует меня казнь Димны, когда вспомню, что из-за него решилась на запретное и выдала чужую тайну. Я полагаю, что мне следует попросить того, кто поведал мне о подслушанной им беседе двух шакалов, разрешить мою клятву и самому рассказать тебе обо всем, что он слышал».

Покинув царские покои, львица отправилась к себе и послала за тигром. Когда он явился к ней, она поведала ему все, что случилось, и напомнила, что ему, как верному слуге царя, надлежит помочь своему повелителю, представив неопровержимое свидетельство и раскрыв истину, которую не должен скрывать достойный муж, подобный тигру. К тому же ему как судье следует защищать невинно убиенных, каким был Шатраба, и способствовать торжеству правосудия и в жизни и после смерти. Царица добавила: «Кто не замолвит слово за неправедно убиенного, чтобы обелить его память, тот лишится защиты в день Страшного суда», — так говорили наши мудрые предки».

И царица не оставляла тигра до тех пор, пока он не вошел к царю и не засвидетельствовал перед ним, что слышал беседу двух шакалов, во время которой Димна сознался в совершенном им злодействе. Известие о признании тигра разнеслось повсюду, и тогда гепард, что находился в темнице рядом с Димной, и слышал его беседу с Калилой, и запомнил ее слово в слово, послал к царю тюремщика, сообщая, что

он также желает выступить свидетелем против шакала. Его вывели из темницы и привели к царю, и он рассказал все, что слышал, подтвердив свидетельство тигра о том, что Димна признал свое злодейство.

И лев, обратившись к обоим свидетелям, спросил их: «Что мешало вам засвидетельствовать вину Димны раньше, ведь вам известно, как заботило нас его дело и какие усилия прилагали мы для того, чтобы раскрыть истину». И оба свидетеля сказали в один голос: «Мы знали, что одного свидетельства будет недостаточно для вынесения приговора, и никто из нас не хотел выступать первым. Мы ожидали или признания Димны, или какого-нибудь неопровержимого доказательства, чтобы Димна не был оправдан. И когда выступил один свидетель, за ним последовал второй».

И лев, приняв их оправдания, приказал казнить Димну в темнице, и тот умер страшной и мучительной смертью».

И всякий, кто читает рассказ о суде над Димной, пусть знает, что если пожелает добиться высокого сана и богатства хитростью и обманом, нанося ущерб своим ближним, то будет наказан так же, как был наказан обманщик Димна.

ГЛАВА О ГОЛУБЕ АТЛАСНОЕ ГОРЛО, ВОРОНЕ, КРЫСЕ, ЧЕРЕПАХЕ И ГАЗЕЛИ

И царь Дабшалим сказал Байдабе-философу: «Я выслушал историю о двух друзьях, разлученных коварным клеветником и обманщиком, и узнал, как был он наказан за это. А теперь расскажи мне, если можешь, о верных друзьях и поведай о том, как началась их дружба и как они помогали друг другу». Философ ответил: «Разумный не променяет своих друзей ни на какие богатства, ибо друзья — источник блага и помощники в день испытания и несчастья. Я могу рассказать тебе притчу о голубе, крысе, газели и вороне». — «Что же это за притча?» — спросил царь, и Байдаба начал:

«Рассказывают, что в землях Сакаванджина близ города Дахара[27] лежала долина, где было много дичи, куда часто наведывались охотники и птицеловы. В том месте росло могучее дерево, среди листвы которого устроил себе гнездо ворон. Однажды, сидя в гнезде, ворон увидал, что к дереву направляется птицелов дикого и свирепого вида, держа на плече большую сеть для ловли птиц, а в руке палку. Ворон, испугавшись, сказал себе: «Этого человека привело сюда желание погубить меня или моих ближних. Останусь-ка я в своем гнезде и посмотрю, что он будет делать». Тем временем птицелов раскинул сеть на дереве, насыпал на ветвях пшеничные зерна и притаился поблизости от дерева. Не прошло и часа, как прилетела стая голубей, которой правил голубь, получивший имя Атласное горло, ибо перья у него на шее переливались, словно драгоценное ожерелье. Не заметив ловушки, голуби уселись на ветвях, принялись клевать пшеничные зерна и все как один запутались в тенетах. Птицелов,

выйдя из укрытия, подбежал к ним, радуясь богатой добыче, и голуби стали биться в сетях, надеясь порвать веревки. Но голубь Атласное горло сказал им: «Не бейтесь и не старайтесь понапрасну, пусть каждый из вас помышляет не только о себе, но и обо всей стае. Взлетим все вместе, может быть, нам удастся вырвать сеть из рук птицелова, и тогда каждый из нас спасет и свою жизнь, и своих друзей и товарищей». И голуби все вместе взмахнули крылами и, вырвав сеть, поднялись в небо.

Птицелов, думая, что голуби не пролетят далеко, а запутавшись в веревках, упадут на землю, побежал за ними, рассчитывая вернуть свою сеть и добычу, а ворон сказал себе: «Полечу-ка я за ними и посмотрю, что будет». Голубь Атласное горло, оглянувшись, увидел, что птицелов не перестает их преследовать, и сказал голубям: «Этот человек упорно гонится за нами, и если мы полетим к полю, он легко найдет нас. Повернем к селению, где множество деревьев и строений, тогда он потеряет нас из виду и уйдет, потеряв надежду поймать нас. В одном из селений живет крыса, моя давняя подруга, и если нам посчастливится добраться до нее, она перегрызет эти сети и мы будем свободны».

Голуби, послушав своего вожака, повернули к селению, а птицелов потерял их из вида и ушел восвояси, оставив всякую надежду поймать их. А ворон, не отставая, следовал за стаей, желая узнать, что будет дальше. Долетев до того места, где жила крыса, голубь Атласное горло приказал своей стае опуститься у одного из входов в крысиную нору, которых была ровно сотня. Потом Атласное горло стал звать свою подругу крысу, имя которой было Зирак. Крыса откликнулась из своей норы и спросила: «Кто ты такой и чего тебе надо?» Голубь ответил: «Я твой друг — Атласное горло». Услышав это, крыса выбежала из норы и, увидев голубя в сетях и тенетах, спросила: «Что с тобой? Кто сделал с тобой это страшное дело?» Но голубь возразил: «Разве ты не знаешь, что нет ничего — ни хорошего, ни дурного, — над чем бы не властвовали судьбы? Моя судьба ввергла меня в беду, ведь с ней не в силах бороться и тот, кто намного сильнее и могущественнее меня, и когда судьба велит — затмеваются солнце и луна».

Крыса тотчас же принялась грызть веревки, что спутывали ноги Атласного горла. Он попросил оставить его и начать с других голубей,

а затем уж переходить к нему. Но крыса не обратила на его слова никакого внимания и продолжала перегрызать его путы. Голубь несколько раз повторил свою просьбу, и крыса сказала: «Ты затвердил одно и то же, словно тебе не хочется жить и ты не чувствуешь к самому себе никакой жалости!» Голубь ответил: «Мне хочется жить, но я боюсь, что если ты начнешь с меня и перегрызешь все веревки и путы, ты устанешь и у тебя не останется сил на то, чтобы освободить всю стаю. Но если ты начнешь с моих товарищей и я останусь последним, ты преодолеешь свою усталость и не оставишь меня в тенетах». Крыса воскликнула: «Я еще больше люблю тебя за твою доброту и благородство!» Она стала перегрызать одну веревку за другой и вскоре освободила всю стаю, и Атласное горло, поблагодарив свою подругу, улетел вместе с другими голубями.

Увидев все это, ворон тоже захотел подружиться с крысой, думая, что неплохо было бы иметь такую подругу на случай несчастья. Он подошел к норе и стал звать крысу: «Эй, Зирак!» И она, высунув голову из норы, спросила: «Кто ты такой и что тебе нужно?» Ворон промолвил: «Я хочу подружиться с тобой, потому что видел, как ты верна своим друзьям и благородна». — «Между нами не может быть никакой дружбы, — возразила крыса, — разумный не только не домогается того, что невозможно, но даже и не помышляет о подобном. Ведь не станешь по суше передвигаться на лодке, а по морю — на повозке. Как мы можем стать друзьями, если ты поедаешь моих ближних и я — твоя природная пища?» Ворон ответил: «Ты моя природная пища, но если я съем тебя, то не стану ни удачливее, ни богаче и даже не наемся. Гораздо полезнее мне, чтобы ты была жива и стала моей верной подругой. И если уж я пришел к тебе, домогаясь твоей близости, ты не должна отвергать меня, презрев мою дружбу. Ведь я пожелал сделать тебя своей подругой только потому, что узнал о твоем достойном нраве. Но знай, что разумный не скрывает своих достоинств, а если и желает утаить их, то они ведь словно мускус, благоухания которого не скроешь».

Крыса промолвила: «Нет ничего сильнее природной вражды, и бывает она двух видов: первый вид — это вражда равных, как соперничество между львом и слоном: бывает, что слон побеждает льва, а бывает, что лев убивает слона. Второй вид — это вражда между хищниками и теми, кто служит им пищей, как вражда между мною и

тобой или между мной и кошкой. В этом случае побежден всегда бывает слабый: тебе не повредит моя ненависть, но я могу пасть жертвой твоей злобы. Вражда эта непримирима, ибо никто не может пойти против своей природы. Если долго нагревать воду и потом залить горячей водой костер, она все же потушит его, хоть и получила часть огненной природы. Тот, кто примиряется с врагом и делает его своим другом, подобен укротителю змей, носящему их за пазухой.

«Я понял твои слова, — ответил ворон, — но ты слишком умна и благородна, чтобы усомниться в искренности моих намерений и поставить меня в трудное положение, повторяя: «Между нами не может быть никакой дружбы!» Мудрые и благородные не ищут воздаяния за добрый поступок, понимая, что лучшая награда — дружба и привязанность, которая быстро возникает между достойными и которую трудно разрушить. Она подобна золотому кувшину, прочному и небьющемуся, который легко исправить, если он согнется. Если же подружатся злодеи, то их дружба — словно сосуд из грубой глины: раскалывается от самого легкого удара и ее не починить вовеки. Благородный бескорыстно тянется к благородному, а низкий никого не любит и желает близости лишь с тем, кого боится или от кого надеется получить пользу. Я желаю, чтобы ты стала мне сестрой и подругой, потому что ты благородна и великодушна. Я буду стоять у твоих дверей, откажусь от питья и пищи, пока мы с тобой не побратаемся и ты не пообещаешь мне свою дружбу».

И крыса ответила: «Хорошо, будь моим другом и братом, я еще никому не отказывала в просьбе, а говорила с тобой так для того, чтобы испытать тебя и удостовериться в твоих намерениях. И если ты обманешь меня, не говори: «Как быстро мне удалось обмануть эту крысу!»

Потом крыса вышла из норы и остановилась у самой двери, и ворон спросил ее: «Почему ты не хочешь подойти поближе и побеседовать со мной? Неужели у тебя еще остались относительно меня какие-нибудь сомнения?» Крыса промолвила: «В этом мире дарят друг другу либо богатства душевные, либо блага осязаемые. Те, кто обмениваются сокровищами душевными, — искренние друзья, и дружба их чиста и бескорыстна. Те же, которые желают извлечь из дружбы блага осязаемые, — не друзья, а союзники, и цель общения — взаимные выгоды. Тот, кто совершает доброе дело, чтобы

облагодетельствованный был ему вечно обязан, дает несравненно меньше, чем получает, он подобен птицелову, рассыпающему для птиц зерна, — ведь он делает это вовсе не для того, чтобы накормить их, а для своей пользы. Душевная дружба намного выше корыстной, и если ты хочешь быть моим истинным другом, то я, доверившись тебе, вручаю в твои руки свою жизнь и свою душу. И мне мешает подойти к тебе поближе вовсе не подозрительность и недоверие, просто я знаю, что у тебя множество друзей из твоего рода и племени, и они могут не разделять твоих добрых намерений».

И ворон сказал: «Один из признаков истинного друга — это то, что ему дорог приятель его друга и он враждует с его врагом. Каждый ворон будет относиться к тебе с должным почтением, а если найдется среди них недостойный, то я с легкостью вырву его из сердца, как вырывает посеявший благовонный рейхан[28] сорную траву с грядок».

Услышав это, крыса подошла к ворону, приветствовала его, и они стали часто встречаться и вести дружеские беседы, находя в них величайшее наслаждение. Через несколько дней ворон сказал крысе: «Ты вырыла свою нору неподалеку от дороги, по которой ходят люди, и я боюсь, что какой-нибудь мальчишка может бросить в тебя камнем. Я знаю укромное место, где живет моя подруга — черепаха. В том месте полным-полно рыбы, так что мы всегда найдем себе пропитание. Хотелось бы мне отнести тебя туда, и мы все вместе заживем в полном благоденствии и процветании». Крыса ответила ворону: «Я согласна, делай как хочешь. И когда ты принесешь меня в то укромное место, я поведаю вам множество забавных рассказов и увлекательных историй и вам станет ясно, почему я согласилась отправиться с тобою». И ворон, взяв крысу за хвост, поднялся в небо и понес ее к тому ручью, где жила его подруга — черепаха.

Когда ворон подлетел к ручью, черепаха, увидев ворона с крысой в клюве, испугалась, так как не знала, что это — ее друг, и спряталась в тине. А ворон, опустившись на землю и отпустив крысу, позвал черепаху. Она тотчас же вышла и спросила: «Откуда ты и что с тобой было?» И ворон рассказал ей всю историю с начала до конца о том, как птицелов поймал голубя Атласное горло и как крыса перегрызла тенета и освободила всю стаю. Услышав это, черепаха подивилась уму и верности крысы и сказала: «Добро пожаловать! Поведай нам, что привело тебя в наши земли». И ворон добавил: «И мы послушаем те

забавные рассказы и увлекательные истории, которые ты обещала рассказать, и ими же ты ответишь на вопрос черепахи. И знай, что она такой же искренний твой друг, как и я». И крыса начала свой рассказ:

«Сначала я жила в городе Маруте[29] у одного благочестивого аскета. У него не было ни жены, ни детей, ни родственников. Каждый день ему приносили корзинку с едой, он съедал сколько хотел, а остальное подвешивал на столб в той же корзине. Я же не переставая следила за ним, и когда он выходил из дома, я высоко подпрыгивала, попадала прямо в корзинку и съедала сколько могла, а все остальное бросала другим крысам. Хозяин дома много раз пытался подвесить корзинку повыше, чтобы я до нее не достала, но ему это никак не удавалось.

Однажды ночью к аскету постучался путник, и хозяин принял его, как пристало благочестивым людям. Они поели и стали вести беседу. Аскет спросил своего гостя: «Откуда ты пришел и куда направляешься?» А тот человек побывал в разных землях и повидал множество диковинок и чудес. Он начал рассказывать о них аскету, а тот внимательно слушал, но время от времени хлопал в ладоши, чтобы спугнуть меня и не дать забраться в корзинку. Наконец гость рассердился и крикнул: «Я обращаюсь к тебе, а ты издеваешься надо мной и хлопаешь в ладоши! Зачем же тогда ты просил меня рассказывать?» Хозяин извинился перед путником и сказал ему: «Я хлопаю в ладоши только для того, чтобы спугнуть крысу, с которой не знаю что и делать! Я не могу оставить в доме ничего съестного, потому что она тут же все поедает». Гость спросил: «И все это делает одна крыса или их много?» — «Крыс много, — ответил аскет, — но меня одолела особенно одна из них, против которой я не могу найти никакого средства». Гость заметил: «Что-то тут не так, твои слова напоминают мне притчу, в которой говорится: «Не зря эта женщина обменяла кунжут очищенный на неочищенный!» — «А как это было и что это за притча?» — спросил аскет, и путник начал:

«Как-то остановился я во время своих странствий на ночлег у одного человека. Мы поужинали, он велел постелить мне, и я улегся. Тот человек все ворочался на своей постели, не давая мне спать, и я услышал в конце ночи, как он сказал своей жене: «Я хочу завтра созвать на обед своих родичей, приготовь нам чего-нибудь повкуснее». Жена ответила ему: «Как ты можешь звать гостей, если в доме едва

хватает еды твоим детям? Ты ведь человек легкомысленный и не умеешь ни сберечь, ни запасти впрок!» Но муж возразил: «Будем угощать и тратить не жалея, ведь нередко скупость губит людей, как погубила жадного волка». — «А что случилось с волком и какая это притча?» — спросила женщина, и муж ее рассказал вот что:

«Рассказывают, что некий человек отправился на охоту, взяв с собой лук и стрелы. Неподалеку от селения встретилась ему газель. Он выстрелил в нее, убил и, взвалив на плечи, отправился домой. Вдруг он увидел огромного вепря и, натянув лук, пустил в него стрелу, которая пронзила его сердце. Но вепрь успел добежать до охотника и так ударил его клыками, что выбил лук у него из рук и распорол живот, так что и вепрь, и охотник повалились рядом бездыханные. В это время мимо проходил волк. Увидев такую богатую добычу, которая досталась ему без труда, он сказал себе: «Этого человека, газели и вепря мне хватит надолго. Но не надо быть расточительным — начну-ка я с этой жилы и я буду сыт сегодня!» Ухватив зубами тетиву, волк принялся грызть ее, и когда порвалась тетива, лук распрямился и один его конец пропорол волку горло, так что он испустил дух в то же мгновение.

Я привел тебе эту притчу для того, чтобы показать, как вредоносна бывает скупость».

Жена ответила: «Ты хорошо сказал! У нас хватит риса и кунжута на шесть или семь человек. Завтра рано утром я приготовлю угощение, а ты зови кого хочешь». Как только рассвело, женщина взяла кунжут, очистила его и положила на солнце, чтобы высушить, сказав мальчику-слуге: «Отгоняй от зерна птиц и собак». Потом женщина занялась своими делами, а слуга отправился играть с мальчишками. В это время пришла собака, разрыла кунжут и нагадила на него. Когда хозяйка пришла и увидела, что зерно испорчено, ей стало противно и она не захотела готовить из этого кунжута. Она отправилась на рынок и обменяла свой очищенный кунжут на неочищенный, мера за меру. Я же был при этом и слышал, как один из покупателей сказал соседу: «Что-то тут не так, не зря женщина обменяла кунжут очищенный на неочищенный!»

И когда ты рассказал мне про крысу, я тотчас же вспомнил эту притчу, потому что крысы не умеют высоко прыгать, и тут должна быть какая-нибудь причина. Достань-ка мне мотыгу, я разрою крысиную нору и, может быть, пойму, в чем тут дело». Хозяин дома

взял мотыгу у одного из своих соседей и принес ее своему гостю. Я находилась тогда в чужой норе и слышала весь их разговор. А в моей норе лежал кошель с сотней динаров, спрятанный неизвестно кем с давнего времени. Тот человек начал копать и наконец нашел этот кошель. Взяв его, он сказал аскету: «Твоя крыса не смогла бы так высоко прыгать, если бы не эти деньги, ибо динары и дирхемы слабому прибавляют силы, а дурака делают рассудительным и разумным. Я беру эти деньги, и ты увидишь, что крыса уже не допрыгнет до твоей корзинки».

Я, слыша его слова, сильно горевала, потому что золотые динары были моей отрадой и утехой — я часто вынимала их из кошелька и наслаждалась их блеском. И к тому же я понимала, что утрата денег повредит мне в глазах крыс — моих товарок. Наутро к той норе, где я находилась, собрались крысы, которые жили в доме аскета, и сказали мне: «Мы сильно проголодались, и ты — наша единственная надежда». Я пошла вместе с ними туда, где висела корзинка, и попыталась до нее допрыгнуть, как я это делала обычно, но не сумела. Я повторяла это несколько раз, но все старания мои были безуспешны, и крысы поняли, что пришел конец моей удаче и силе. И я услыхала, как они говорили друг другу: «Оставим ее, от нее нам уже нечего ждать, она сейчас в таком состоянии, что скоро нам придется кормить ее как недужную и нуждающуюся». И они покинули меня, перекинувшись на сторону моих врагов, стали мне грубить в глаза и порочить в мое отсутствие перед моими врагами и завистниками.

И я сказала себе: «Кто лишился денег — потерял друзей, помощников и братьев. Неимущему бедность не дает сдвинуться с места и взяться за какое-нибудь дело. Он словно лужа, оставшаяся в низине после зимних дождей, которую поглощает земля, ибо вода не может пробить себе путь и излиться в речные просторы. У бедняка нет ни родичей, ни семьи, ни детей, ни доброй славы. Без денег не прослывешь разумным, не добудешь счастья в этом мире и блаженства в будущей жизни. Бедняк, что зависит от подаяний и подачек богачей, — словно плодовое дерево при дороге, всякий норовит оборвать его и сломать ветки. Бедность — мать всех бед и кладезь всяческих несчастий, она навлекает на свою жертву отвращение и злобу.

Вижу я, когда потеряешь достаток, тебя станет обвинять тот, кто был твоим защитником, о тебе дурно подумает тот, кто был полон благожелательности, и, если согрешит кто-нибудь на тебя, хоть ты и невиновен, падет подозрение. Бедность похищает рассудок и доблесть, губит знания и образованность, гонит совесть и стыд и приводит с собой беззакония и злодейство. Просителя-бедняка сочтут бесстыдным попрошайкой и встретят неласково, а он обидится и обозлится, а тот, кого постоянно обижают, — забывает радость, всегда печален и наконец теряет и память, и разум. Образованный бедняк становится невеждой, а красноречивый — косноязычным и не может сказать ни слова в свою пользу, так что ты слышишь от него лишь жалобы и бессвязные речи.

И нет свойства, что называют у богача добродетелью, которое в бедняке не сочли бы пороком: если он доблестен, скажут, что он безрассуден, если щедр — ославят расточительным, если сдержан — слабым, если молчалив — тупицей. Лучше смерть, чем нужда, заставляющая просить о помощи, особенно когда приходится обращаться к низким скрягам. Благородному и гордому легче и приятнее сунуть руку в зев ядовитой гадюки, выжать яд из ее зубов и проглотить его, чем становиться должником бесчестного и скупого. Недаром мудрецы говорили: «Если страдаешь мучительным недугом, не веря в исцеление, или скитаешься на чужбине, не находя приюта ни днем, ни ночью и не надеясь на возвращение, либо нужда заставила тебя просить подаяния — тогда жизнь хуже смерти, и лишь в смерти найдешь ты покой и спасение».

А бывает и так, что гордость не позволяет бедняку просить, и он становится разбойником, но это еще хуже, чем попрошайничество. Ибо он, сохраняя собственное достоинство, отнимает чужую жизнь. Еще в старину говорили: «Лучше онеметь, чем солгать, лучше обмануть, чем убить, лучше жить в нужде и бедности, чем наслаждаться богатством, отнимая чужое достояние».

И вспомнила я, что гость разделил деньги, которые он нашел у меня в норе, и половину отдал хозяину, а тот завернул их в кусок ткани и, когда наступила ночь, спрятал сверток у себя в изголовье. И я задумала забрать хотя бы часть денег и положить их снова в свою нору, надеясь, что после этого я снова стану сильной и ко мне вернутся мои друзья крысы. Когда хозяин дома уснул, я выбежала из норы и

подкралась к его подушке. Но гость не спал и держал в руке палку. Увидев меня, он сильно ударил меня палкой по голове, и, едва не потеряв сознание от боли, я бросилась обратно в свою нору. Когда боль немного утихла, я снова вышла, побуждаемая алчностью и желанием вернуть деньги. Но гость был настороже, и едва я показалась, он снова ударил меня так, что нанес рану. Потекла кровь, и я кубарем покатилась в нору и свалилась там без чувств, и боль моя была так сильна, что навеки стали для меня ненавистными деньги. И с тех пор едва при мне кто-нибудь заговорит о деньгах, как на меня нападает дрожь и охватывает нестерпимый ужас.

И после долгих раздумий я поняла, что все беды и несчастья бренного мира происходят только из-за жадности и страсти к деньгам и что алчность ввергает смертных в неустанные труды и заботы. Поистине, мне легче выносить тяготы долгого путешествия, чем протянуть руку за подаянием даже к щедрому, а самое достойное и разумное — довольствоваться малым. И решив отказаться от стремления к лучшей доле и ограничить свои потребности, я покинула дом аскета и перебралась в степь, где вырыла себе скромную нору.

У меня был один друг — голубь, но дружба с ним принесла мне новую дружбу с вороном, а он поведал мне о вашей дружбе и попросил меня отправиться с ним в это место. Я согласилась и полетела с ним, так как мне надоело одиночество, ибо нет большей радости в мире, чем общение с верными друзьями, и нет большего горя, чем разлука с ними.

Я испытала многое и знаю этот мир и скажу вам: разумный не должен желать большего, чем потребно для поддержания жизни. Ему нужно немного пищи и питья, а если к этому прибавить телесное здоровье и спокойствие духа, то это все, что могу я пожелать себе и своему другу. И даже если бы подарили тебе целый мир со всем его великолепием — ты смог бы насладиться лишь ничтожной долей его благ в течение всей своей жизни.

Вот что я думаю о бедности, богатстве, необходимости довольствоваться малым и верной дружбе. Я прилетела к тебе со своим другом вороном. Я — твой друг, и хотелось бы мне, чтобы и ты считала меня своим другом».

И когда крыса умолкла, черепаха ответила ей дружелюбно и мягко: «Я выслушала твой рассказ. Как ты была красноречива! Но

сдается мне, что в душе твоей таится еще не высказанная обида и сожаление о пропавших деньгах, хотя ты заявила, что презираешь богатство. Как бы слова твои не разошлись с делом — ведь всем ведомо, что всякому слову можно верить лишь тогда, когда оно подкреплено делом. Если больной знает, каким зельем исцелить свой недуг, но не лечится, его знание оказывается бесполезным, нисколько не утишит боль и не облегчит страданий. Будь благоразумна и не печалься о своей бедности — ведь достойного почитают не за богатство! Перед доблестным мужем преклоняются, даже если он беден — так лев внушает страх, даже когда дремлет. А того, кто труслив и низок нравом, пусть даже обладает он несметными богатствами, все презирают, словно пса, украшенного ошейником с золотыми бубенчиками. Не горюй о том, что ты на чужбине, ведь разумный всюду у себя дома: вот так и могучий лев, где бы он ни был, его сила всегда при нем. Будь верен своей природе и не проявляй в делах небрежения — и благо само найдет к тебе дорогу, как вода с возвышенности находит дорогу к низинам. Будь решителен и прозорлив — и станешь обладателем всех достоинств, которыми никогда не будет отмечен ленивый и постоянно колеблющийся. Счастье не придет к нерешительному, как девица не полюбит седого старца.

Нет беды в том, что ты, как мы слышали, была богатой и стала бедной. Деньги, как и прочие мирские блага, уходят быстрее, чем приходят, заработать их труднее, чем забросить мяч на самые небеса, а тают они быстрее, чем падает на землю камень, выпущенный из рук. Мудрецы говорили: «Непостоянны и скоротечны тень облака в летний день, дружба с недостойными, любовь женщины, каменный дом на песке и большие деньги». Поэтому разумный не оплакивает свою бедность, ибо его богатство — это его разум и свершенные им добрые поступки, и он уверен, что у него никто не отнимет его деяний и не взыщет за то, в чем он неповинен. Всякий должен помышлять о том, чем встретит он свой последний день, ибо смерть подкрадывается бесшумно и поражает внезапно, и нет у нее определенного времени и часа.

Ты — крыса ученая и образованная и не нуждаешься в моих увещаниях, но мне хотелось выполнить свой долг перед тобой как

перед нашим другом, для которого мы не пожалеем ни помощи, ни советов».

Услышав эти слова, ворон понял, что черепаха готова быть другом крысе, и сказал черепахе, возвеселясь душой: «Ты обрадовала меня и оказала мне великую милость, и я желаю, чтобы жизнь твоя была всегда радостной и спокойной. И знай, что больше всех достоин радости в этом мире тот, кого не оставляют достойные друзья и верные братья, готовые прийти к нему на помощь, и если он оступится, они подадут ему руку. Благородного может выручить из беды лишь благородный — ведь только слоны в состоянии помочь одному из своей стаи, если он увяз в болоте».

Не успел ворон вымолвить эти слова, как к берегу прибежала газель, будто спасаясь от кого-то. Увидев ее, черепаха испугалась и нырнула под воду, крыса скрылась в норе, а ворон, поднявшись в воздух, уселся на высокой ветке. Но затем он снова взлетел и стал описывать круги в небе, чтобы узнать, не гонится ли за газелью охотник, но никого не увидел. Ворон сел на землю и позвал черепаху и крысу, и, когда они вышли, черепаха сказала газели, которая не отрываясь смотрела на воду: «Пей, если чувствуешь жажду, и не бойся, тебе здесь нечего бояться». Газель подошла к черепахе, и та приветствовала ее и спросила: «Откуда ты и что привело тебя в эти края?» Газель ответила: «Я наслаждалась свежим пастбищем, и вдруг откуда ни возьмись появились всадники и погнались за мной. Они гнали меня не переставая с места на место несколько дней, и я так напугана, что бегущая тень от облака кажется мне охотником». — «Ничего не опасайся! — воскликнула черепаха. — Здесь никогда не бывало ни одного зверолова! Мы примем тебя с любовью и дадим тебе убежище. У нас вдоволь свежей травы и чистой воды. Живи с нами и будь нашей подругой». И газель, поблагодарив черепаху, осталась с друзьями, наслаждаясь свободой и привольем. Они набрали веток, построили шалаш и часто сидели там, рассказывая друг другу поучительные и забавные истории.

Однажды в шалаше собрались крыса, черепаха и ворон. Обеспокоенные отсутствием газели, друзья ждали ее некоторое время и наконец уверились в том, что с ней случилось какое-то несчастье. Черепаха и крыса сказали ворону: «Поднимись в воздух, посмотри, не увидишь ли газель по соседству». Ворон взлетел высоко в небо и

осмотрелся и вдруг увидел, что газель бьется в силках, расставленных охотником. Быстро опустившись на землю, он рассказал об этом своим подругам. Черепаха промолвила: «Сейчас может помочь только крыса, никто другой не спасет нашу подругу». Крыса не раздумывая со всех ног пустилась к газели и, подбежав к ней, спросила: «Как же ты, такая разумная и предусмотрительная, попала в тенета?» Но газель ответила: «Если судьба и злая доля настигнут разом, не помогут ни предусмотрительность, ни разум».

И в то время как они вели этот разговор, приползла черепаха, и газель воскликнула: «Не вовремя ты явилась сюда! Если крыса успеет перегрызть путы и веревки до того, как придет охотник, я легко убегу от него, крыса спрячется в одну из своих многочисленных норок, и ворон улетит. Но ты ведь тяжела, не умеешь бегать или летать, и у тебя нет никакого укрытия. Я боюсь, как бы тебе не попасть в руки охотника». — «Не могу я жить без друзей, — возразила черепаха. — Если я расстанусь с вами, то у меня разорвется сердце и я ослепну и навеки лишусь радости». Не успела черепаха закончить свои слова, как пришел охотник. Как раз в этот миг крыса перегрызла тенета, и газель убежала. Ворон тотчас же улетел, а крыса юркнула в нору, и осталась одна черепаха.

Подойдя к ловушке, охотник увидел, что добыча исчезла и веревки порваны. Он стал оглядываться, но не увидел никого, кроме уползающей изо всех сил черепахи. Он схватил ее, закутал в обрывки сетей и отправился восвояси. А ворон, газель и крыса, оправившись от испуга, вскоре собрались неподалеку от того места и видели, как охотник унес черепаху. Они заплакали, полные горя, и крыса сказала: «Не успели мы спасти одного друга, как потеряли другого. Долго наслаждались мы безопасностью и привольной жизнью, а теперь к нам чередой приходят несчастья. Правы были древние мудрецы, когда говорили: «Успех сопутствует тебе до тех пор, пока ты не оступился, а потом пойдешь спотыкаться и на ровном месте». О горе! Злой судьбе мало было лишить меня родины и богатства, она хочет отнять у меня мою подругу! О, как жаль мне черепаху, чья дружба верна, крепка и бескорыстна! На подобную дружбу способен лишь достойный и благородный, ибо она крепче уз, что связывают отца с сыном, и разорвать их может лишь смерть. О, горе этому бренному телу, подверженному гибели и тлению, бедам, превратностям и несчастьям,

чье бытие недолго и скоротечно! Но что сетовать на переменчивость судьбы, если постоянства не знают и небесные светила: восходящие звезды скоро заходят, а заходящие стремятся к восходу, так что трудно различить, какая из них клонится к закату, а какая — накануне восхода. Утрата подруги бередит едва зажившие раны моей души, и они кровоточат, вновь открываясь».

Тут газель и ворон сказали крысе: «Наше горе велико, но словами не поможешь черепахе. Недаром говорится: «Трудное положение — лучшее испытание. Честность должника узнаешь, когда придет время отдавать долг, храбрость воина — во время битвы, любовь детей и домочадцев испытаешь в болезни, а верность друзей — в беде и несчастье». Поразмыслив, крыса промолвила: «Я нашла средство освободить нашу подругу. Пусть газель ляжет, чтобы ее заметил охотник, сделав вид, что ранена и не может подняться, ворон должен сесть на нее и сделать вид, что терзает ее своим клювом, а я побегу поближе и стану наблюдать за охотником: может быть, он положит тяжелые сети, в которые закутана черепаха, и побежит за газелью в надежде получить богатую добычу. Когда он приблизится к газели, пусть она поднимется и побежит, но не очень быстро, чтобы он не переставал надеяться, что ему удастся догнать ее. Пусть ему кажется, что он вот-вот поймает газель, но каждый раз она будет ускользать от него. Когда он отойдет от черепахи на достаточное расстояние, газель убежит от охотника, а я надеюсь, что за это время смогу перегрызть сети, которыми он опутал мою подругу, и мы обе успеем унести ноги».

Ворон и газель сделали так, как им велела крыса, и обманутый охотник последовал за ними, бросив черепаху. Газель заманила охотника, и когда он удалился на большое расстояние, подбежала крыса и стала грызть сети. Освободив черепаху, она повела ее в заросли кустарника, и обе они скрылись. А тем временем вернулся охотник, которому не удалось поймать газель, усталый и запыхавшийся, но увидел, что сети порваны и пленница его скрылась. Вспомнив, что вытворяла газель и как она притворялась раненой, охотник подумал, что помешался. Потом он вдобавок припомнил, что на газели сидел ворон и делал вид, что терзает ее клювом. Глядя на испорченные сети, он сказал себе: «Надо бежать отсюда прочь, не иначе, как в месте этом живут джинны или волшебники». Оставив мысли об охоте, он поспешил домой не оглядываясь.

А ворон, газель, крыса и черепаха снова собрались в своем шалаше, радуясь избавлению от беды и наслаждаясь покоем и безопасностью».

«Я рассказал тебе, о царь, притчу о верных друзьях, выручающих друг друга, — завершил свой рассказ мудрый Байдаба. — И если эти малые и слабые твари смогли вырваться из когтей гибели, подстерегавшей их на каждом шагу, соблюдая обеты дружбы и верности, встречая удары рока с твердым сердцем и непоколебимой решимостью, то человек, одаренный разумом и пониманием различия между добром и злом, умудренный воспитанием и наукой, тем более должен быть верен дружбе и помогать ближним».

ГЛАВА О ВОРОНАХ И СОВАХ

Царь Дабшалим сказал Байдабе-философу: «Ты поведал мне притчу о верных друзьях, выручающих друг друга, а теперь я хочу услышать о том, как следует остерегаться коварного и льстивого врага, надевшего личину друга». Философ ответил: «С тем, кто не остерегается врага, лелеющего в сердце вечную и непримиримую вражду, случится то же, что с совами, не остерегшимися воронов». — «А как это было и что это за притча?» — спросил царь Дабшалим, и Байдаба начал:

«Рассказывают, что на вершине горы росло могучее дерево, на ветвях которого угнездилось десять сотен ворон, избравших своим предводителем одного ворона. А поблизости от того дерева находилась большая пещера, где жили тысяча сов, и одна из них была над ними царицей. Однажды ночью царица сов со своим войском совершила набег на предводителя ворон, ибо она питала к нему ненависть и вражду, и он отвечал ей тем же. Совы налетели на дерево, разорили вороньи гнезда, перебили великое множество ворон и увели в плен жен и детей. Когда рассвело, вороны собрались вокруг своего предводителя и сказали ему: «Тебе известно, что сделала с нами царица сов со своим войском сегодня ночью, так что наутро мы недосчитались многих, которые были убиты. Иные уведены в плен, иные покрыты ранами и у них сломаны крылья, оторван хвост или выщипаны перья. Но хуже всего то, что совы теперь знают, где мы построили наши гнезда, не оставят нас в покое и раз за разом будут совершать на нас набеги, пока не уничтожат весь наш род и всю стаю.

Мы в твоей власти, о царь и предводитель, решай нашу и свою судьбу и говори, как нам быть».

А в той стае было пятеро старых воронов, известных своим благоразумием и мудростью, надежных и прозорливых, к которым вороны обращались, когда их постигало несчастье, и сам предводитель ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ними. Предводитель спросил первого: «Как, по твоему мнению, следует нам поступить в этом деле?» Старый ворон ответил: «Мудрые люди решили это до нас и сказали: «От злобного и непримиримого врага нет иного средства, кроме бегства». Тогда предводитель ворон спросил второго: «А ты что посоветуешь нам, о мудрый старец?» Тот ответил: «Я не согласен с ним. Негоже храбрым воронам покидать родные земли и оставлять их врагам при первой неудаче, которая нас постигла. Я не счел бы бегство единственным выходом и не склонен прислушиваться к подобным советам. Напротив, нам следует объединиться и приготовиться к сражению, чтобы ярче разжечь огонь битвы между воронами и совами — нашими противниками. Расставим часовых, будем осторожны и бдительны, и если враг снова нападет на нас, встретим его во всеоружии и будем биться до последнего вздоха, не проявляя слабости перед ним и не уступая. Мы вступим в схватку, а если окажемся слабее, то укроемся в наших крепостях и продолжим войну, то нападая, то отступая. А когда настанет благоприятное время, мы улучим удобный случай, нападем на войско сов и оттесним его от наших границ, нанеся сокрушительное поражение».

Потом царь спросил третьего мудреца: «А что скажешь нам ты?» И старый ворон промолвил: «Они оба не правы, и их советы нам не подходят. По моему мнению, нам следует разослать во все стороны отряды разведчиков, отправить к врагу соглядатаев, чтобы они рыскали вокруг пещеры и узнали, что там происходит. Тогда мы поймем, хотят враги войны или мира или, может быть, удовольствуются выкупом и данью. Если нам станет ясно, что они желают только получить побольше добра и денег, то можем заключить с ними мир и каждый год будем платить им харадж[30]. Таким путем мы откупимся от врагов и станем спокойно жить на своих землях. К такому средству издавна прибегали цари: когда враг становится опасен и силен и правитель начинает опасаться за свою жизнь и свои

владения, он жертвует своим достоянием, дабы спасти царство и подданных».

Тогда предводитель ворон спросил четвертого мудреца: «Что ты скажешь о заключении мира с совами на таких условиях?» И старый ворон ответил: «Я считаю, что заключение мира на подобных условиях было бы неверным и неразумным. Лучше покинуть родину, лучше терпеть тяготы скитаний на чужбине, чем умалить свою честь и склониться перед ничтожным врагом, которого мы превосходим доблестью, благородством и древностью рода. К тому же если мы предложим совам такие условия, то они не ограничатся требованием уплаты хараджа, а запросят столько, что мы лишимся пищи и одежды и последнего нашего достояния. Сложено немало пословиц о том, что не следует доверяться врагу. Недаром сказано: «Уступай врагу лишь для того, чтобы получить от него то, что тебе нужно, и не превышай меру, не то он одолеет тебя, разобьет твое войско и унизит, умалив твою честь и гордость». Не преступай пределов, стараясь утихомирить противника, — вспомни, как уменьшается тень от деревянного столба, если чрезмерно наклонить его, домогаясь большей тени. Враг не удовольствуется малыми уступками, и нам всем следует сражаться и быть стойкими».

И предводитель ворон спросил пятого мудреца: «Ну, а ты что скажешь? Как нам быть: воевать, заключить мир или покинуть родину?» Старый ворон ответил: «Нельзя сражаться с тем, кто сильнее. Сказано ведь: «Не измерив свою силу, не бросайся в бой против того, с кем не совладаешь, не то сам навлечешь на себя погибель». К тому же разумный никогда не презирает своего врага, ибо тот, кто считает слабым противника, чванится и кичится своей силой, будет разбит и повержен. Совы — наши страшные враги, и даже если бы они не напали на нас, их следовало бы опасаться, и я всегда боялся их хитрости и жестокости. Разумный и осторожный никогда не доверяется противнику: если тот далеко, он остерегается набега, если близко — нападения, а когда враги немногочисленны, то надо бояться их коварства и хитрости. Самый разумный и сдержанный муж — это тот, кто избегает войны, опасаясь трат и расходов, ибо если в прочих делах тратят деньги, речи и силы, то цена успеха в сражении — тела и души. О царь, не приказывай биться с совами — они сильнее нас, а кто вступает в бой, не рассчитав своих сил, терпит поражение».

«Я понял из твоих слов, что ты не желаешь войны и не советуешь заключить мир с совами и платить им харадж, — заметил царь. — Что же мне делать?»

И старый ворон ответил: «Всякое решение должно быть принято лишь после долгих размышлений. Тебе следует посоветоваться с мудрыми мужами и выслушать их наставления, и польза от советов мудрецов будет больше, чем от сильного войска, острых копий и мечей и успешного сражения. Царь, окруженный мудрыми вазирами, черпает силу в их советах и всегда останется победителем, как море, окруженное впадающими в него реками, всегда будет обильным и полноводным. Мудрые советники царя постоянно осведомлены о том, что может предпринять враг и как расстроить его козни, куда неприятель намеревается направить свое войско и когда наступит удобное время для того, чтобы отразить его натиск. Дальновидный правитель духовными очами узрит ход событий, рассчитает их последствия и узнает, как будут поступать его противники, словно умелый игрок в шатрандж, если же царь и сам не умен и не имеет разумных вазиров, то он погубит любое дело, даже если судьба пошлет ему удачу. Счастье не дается в руки самонадеянным глупцам и невеждам, оно сопутствует лишь тому, кто прозорлив и прислушивается к советам мудрых и опытных мужей. Тебя же, о повелитель, я могу назвать разумным и прозорливым, ибо ты пожелал выслушать наши советы. И коль скоро ты спросил меня, я отвечу как могу, и ответ мой будет состоять из двух частей: одну я поведаю тебе на людях, а другую хотел бы сообщить наедине и тайно. Я скажу перед всеми вот что: я считаю, что нам не следует начинать войну с совами, но нельзя также предлагать им мир и уплату дани: мы и не избавимся от опасности, и будем навеки унижены. Доблестному мужу пристойнее умереть в сражении, чем жить в позоре и бесславии. И не успокаивай себя тем, что совы более не нападут на нас, — ведь враги наши хитры и коварны и могут воспользоваться нашей беспечностью. Поэтому тебе не следует откладывать принятие решения и отвлекаться другими делами, которые могут показаться тебе более значительными, ибо медлительность и беспечность — признаки слабости. Вторая часть моего ответа до поры останется тайной, ибо нет ничего вредоноснее, чем раньше времени разгласить тайну. Древние мудрецы говорили: «Самое надежное оружие царей — их разум, украшенный

решимостью, изощренный советами мудрецов и размышлениями о причинах и последствиях совершенных поступков, а самый крепкий щит — осторожность и умение хранить тайны». Молчаливый непременно получит то, чего желает, если же потерпит неудачу, то по крайней мере не понесет ущерба. Если задумал совершить важное дело, ищи себе верного помощника, с которым ты мог бы советоваться, и поверяй ему свои мысли, даже если превосходишь его разумом и прозорливостью, ибо его советы прибавят тебе решимости, как огонь сильнее разгорается, когда в него подольешь масла. Советнику же следует быть учтивым и красноречивым, приводить убедительные доказательства того, что его мнение правильно, и мягко указывать на допущенные ошибки. Он должен проявить всю силу и гибкость своего разума, дабы убедить царя в своей правоте и искренности, иначе с ним случится то же, что с неким волшебником, который пытался напустить на своего врага злого духа, но не сумел правильно прочесть заклинания, и дух утащил его самого в преисподнюю.

Если царь свято хранит тайны, выбирает себе разумных советников и вазиров, не поддается наущениям коварных злодеев, не скуп и не расточителен, если ни один тайный враг не ускользнет от его взора и если его любит народ, то никто не сможет отнять его законных владений и лишить его власти. И все эти достоинства я вижу в тебе, о повелитель.

А теперь наступил черед поведать тебе мою тайну. И знай, что тайны делятся на несколько степеней сообразно их важности. Есть такие, о которых могут знать все домочадцы и родственники, такие, что известны лишь близким друзьям и помощникам, а бывают тайны, в которые посвящены лишь двое, так что произнести их могут лишь два языка, а слышать — лишь четыре уха».

Царь тотчас же отослал всех своих советников и приближенных, и, когда они остались вдвоем, первое, что он спросил, было вот что: «О мудрец, известна ли тебе причина вражды между нами и совами?» Старый ворон ответил: «Да, мне известна причина — это слова, которые произнес некий ворон». — «Как же это было?» — спросил предводитель, и старый ворон начал:

«Рассказывают, что однажды собрались журавли, у которых не было царя, и единодушно решили избрать своим царем и предводителем сову. В то время как они совещались, мимо них

пролетел ворон. Журавли стали говорить друг другу: «Если бы он подлетел к нам поближе, мы посоветовались бы с ним об этом деле». Не успели они вымолвить эти слова, как ворон повернул и сел возле них на землю. Они обратились к нему за советом, и ворон ответил: «Если бы вдруг пропали все птицы и не стало бы ни голубей, ни уток, ни страусов, ни павлинов, никто не сделал бы царем сову — птицу скверного вида и еще более скверного нрава. Сова — самая вздорная из птиц, самая злобная и жестокая, к тому же она слепа и днем ничего не видит. Но хуже слепоты ее глупость, жадность и свирепость. Зачем вам сова? Вы превосходно можете решать ваши дела без нее и жить своим разумом. Пусть вам послужит примером заяц, который объявил, что луна — его повелитель, дабы отвлечь от себя беду». — «А как это было?» — спросили журавли, и ворон начал:

«Рассказывают, что в земле, где жили слоны, несколько лет подряд не было дождей. Все реки высохли, источники иссякли, выгорела трава и опали листья у деревьев, так что слоны терпели сильный голод и невыносимую жажду. Слоны явились к своему царю и стали жаловаться ему на постигшую их беду. И царь слонов разослал во все страны своих гонцов в поисках колодцев и источников воды. Наконец один из гонцов возвратился к царю и сообщил ему, что в одном месте нашел обильный источник, который называют «Лунным», и повелитель слонов повел своих подданных к тому источнику, чтобы могли они утолить жажду. А Лунный источник находился в стране зайцев, и когда слоны двинулись к воде, они наступали на заячьи норы и многих зайцев раздавили.

Собравшись у своего царя, зайцы стали громко жаловаться и кричать: «О царь, ведомо ли тебе, какой урон нанесли слоны твоему народу?» И царь ответил: «Я хочу, чтобы самые разумные из вас посоветовали мне, что делать». Тут выступил один из его подданных, по имени Фируз[31], заяц разумный и образованный, и промолвил: «Я прошу царя отправить меня послом к этим злодеям, и пусть со мной отправится доверенный царя, который увидит, что произойдет, и услышит мои слова, а потом обо всем доложит царю». — «Я верю тебе, — перебил его царь зайцев, — и мне не нужно посылать с тобой никого из моих подданных. Отправляйся к слонам и говори им от моего имени что хочешь. Но помни, что об уме, благородстве и прочих достоинствах повелителя судят по поведению его слуг, поэтому

держись достойно, будь сдержан, вежлив, мягок в обращении, ибо лишь искусный и разумный посланец может смягчить сердце того, к кому он послан, если же он несдержан и невоспитан, то своей глупостью и грубым обращением лишь испортит дело».

И когда наступила ночь и взошла луна, заяц собрался в путь и наконец дошел до того места, где остановился царь слонов со своими подданными. Но заяц не подошел к ним, боясь, что они, не заметив его, нечаянно наступят на него и убьют. Взобравшись на высокий холм, у подножья которого был шатер царя, заяц крикнул громким голосом: «О царь слонов! Меня послала к тебе моя царица и повелительница — луна, и я должен передать тебе ее слова. Помни, что послы неприкосновенны, даже если то, что они скажут, будет невежливо и грубо!» — «Что же велела передать твоя царица — луна?» — спросил повелитель слонов, и заяц ответил: «Она приказала мне сказать тебе вот что: «Кто постоянно имел дело со слабыми, того ослепляет его сила, и он гибнет, пытаясь тягаться с сильными. Вы, слоны, сильнее всех зверей, и в своей гордыне отправились к источнику, носящему мое имя, пили из него и замутили в нем воду. Я отправила к вам своего посланца Фируза, дабы предостеречь и предупредить вас: если вы сделаете это еще раз, я ослеплю тебя и всех твоих подданных, а потом лишу вас жизни. Если ты сомневаешься в том, верно ли передано мое послание, отправляйся к источнику и увидишь меня во гневе».

Услышав слова Фируза, царь слонов несказанно удивился и отправился вместе с ним к Лунному источнику. Подойдя поближе и увидев в воде отражение лунного света, слон испугался, а Фируз молвил, обращаясь к нему: «Набери своим хоботом немного воды, омой лицо и соверши земной поклон перед царицей — луной». Но когда слон опустил хобот в воду, по ней пошли волны и отражение разбилось, и царю слонов показалось, что луна содрогнулась. Он спросил зайца: «Почему луна неспокойна? Может быть, она разгневалась из-за того, что я замутил хоботом воду?» — «Да, она гневается, — воскликнул заяц. — Поклонись ей в знак покорности и не води больше к этому источнику своих подданных».

И слон, совершив земной поклон перед царицей-луной, поклялся, что ни он, ни кто иной из слонов более не придет в эту землю и не замутит своим хоботом Лунный источник».

«Вот что рассказывают о царе слонов и зайце, — продолжал ворон. — И говоря о совах, я хочу еще прибавить, что они коварны, вероломны и жестоки. Худший из царей — бессовестный обманщик, и с тем, кто доверился подобному правителю, случится то же, что случилось с трусливой птицей сифрид[32] и зайцем, когда они доверились коту-благочестивцу». — «Как это было и что это за притча?» — спросили журавли, и ворон начал:

«У меня был сосед — птица сифрид, которая жила в норе под тем деревом, где я устроил свое гнездо. Мы часто беседовали с ней и были дружны, но потом она вдруг пропала, и я долго не видел ее и не знал, куда она делась. Ее нора пустовала, и наконец там поселился заяц. Мне не хотелось с ним спорить, и заяц прожил в норе сифрида долгое время, но вдруг птица вернулась. Войдя к себе в нору, она увидела там зайца и сказала ему: «Это мой дом! Уходи отсюда!» — «Нет, этот дом принадлежит мне! — возразил заяц. — Это пустые слова! Если ты имеешь на дом какие-нибудь права — приготовься, тебе придется доказать их». Сифрид воскликнул: «За судьей не надо ходить далеко, пойдем сейчас же к нему!» — «А кто наш судья?» — спросил заяц, и сифрид ответил: «На берегу моря живет кот-благочестивец, он постится днем, а ночью стоит на молитве. Он не обидел ни одной живой твари и не пролил в своей жизни ни капли крови, ибо питается плодами и травами и пробавляется теми водорослями, что выбрасывают на песок морские волны. Если хочешь, пойдем к нему и беспрекословно примем его приговор, когда он нас рассудит». Заяц промолвил: «Если этот кот действительно таков, то нельзя пожелать судьи лучше».

И вот заяц и птица сифрид отправились на берег моря, а я последовал за ними, чтобы посмотреть, как рассудит их этот благочестивый молельник и постник. Когда благочестивый кот увидел, что к нему приближаются сифрид и заяц, он встал на колени и стал молиться с самым набожным видом, словно аскет, отказавшийся от мира, а тяжущиеся, преисполнившись восхищения, страха и благоговения, подошли к нему, произнесли слова привета и попросили святого мужа рассудить их дело. Кот велел им изложить их тяжбу и, выслушав их рассказ, сказал им: «Я уже очень стар и туг на ухо. Подойдите ко мне поближе и повторите то, что вы мне сказали». Птица сифрид и заяц подошли к благочестивцу поближе и, повторив свой

рассказ, попросили вынести приговор и рассудить их. И кот ответил: «Теперь я все услышал и понял то, что вы мне сказали. Но прежде чем рассудить ваш спор, я хочу дать вам полезный совет: я призываю вас быть богобоязненными и благочестивыми и домогаться лишь того, что принадлежит вам по праву, ибо взыскующему истины будет даровано вечное блаженство, даже если приговор мирского судьи неблагоприятен, а желающий получить чужое осужден божьим судом, даже если мирской судья вынес приговор в его пользу. Поистине, всякий живущий в этом бренном мире не имеет другого имущества и иного друга, кроме совершенного им благого дела. Разумный стремится к тому, что пребудет вечно и принесет ему пользу завтра, когда вострубят трубы. И должно ему возненавидеть все прочее в мирских делах, ибо достойный муж женщин сторонится, словно ядовитых змей, ценит золото не выше грязи и желает ближнему своему сподобиться добра и быть избавленным от всяческого зла, как он пожелал бы себе самому».

И кот вел подобные речи, так что сифрид и заяц в умилении подошли к нему совсем близко, чтобы облобызать руки святому мужу, и тогда он набросился на неразумных, задушил их и съел».

Рассказав эту притчу, ворон продолжал: «Сова не только зловещая птица, появление которой — уже дурная примета, в ней сочетается еще и множество других пороков. Не вздумайте же избрать ее своей царицей!»

Выслушав слова ворона, журавли раздумали делать сову своей царицей. А одна из придворных сов находилась там и слышала все, что говорилось, и, обратившись к ворону, сказала: «Ты нанес нам злейшую обиду, хотя мы не сделали тебе ничего дурного, и вселил в мое сердце величайшую ненависть. Знай: топор срубает ветвь дерева, но она снова может вырасти, меч режет живую плоть, но она зарубцовывается. А рана, нанесенная злым языком, не зарастает и не поддается исцелению. Стальное острие, даже если оно глубоко вонзилось в тело, можно вытащить, но слово, что острее стрелы, попадает прямо в сердце и его нельзя извлечь оттуда несмотря на все старания. Все, что жжет, можно смягчить или потушить: огонь — водой, яд — целебным зельем, любовь — свиданием, а печаль — терпением. Лишь пламя ненависти не утишить ничем, и пылает оно вечно. Знай, что ты посадил между

совами и вороньим племенем древо вражды, ненависти и презрения, и будет оно произрастать во веки веков».

Сказав это, придворная сова улетела в сильном гневе и, войдя к своей царице, рассказала ей все что было и что сказал ворон. А тот, поразмыслив, раскаялся в своих словах и промолвил: «Клянусь жизнью, я поступил необдуманно, когда вел речи, которыми навлек вражду и ненависть на себя и на свое племя! Лучше бы я не говорил журавлям то, что мне известно о совах, и не вмешивался в это дело! Может быть, другие птицы знают о совах, вестниках несчастья, вдвое больше, чем я, и думают о них то же, но не говорят об этом, опасаясь их злобной мести, которой я не побоялся, не думая о последствиях своих слов, которые у меня не хватило ума предвидеть.

И хуже всего то, что речь моя была резкой и грубой, а ведь подобные речи, что пристало бы назвать смертельным ядом, пробуждают необоримую ненависть между сказавшим и тем, против кого они направлены. Всякий разумный, даже уверенный в своей силе и превосходстве, не должен, обольщаясь ими, навлекать на себя вражду и ненависть, ведь если он случайно добудет противоядие, то не станет нарочно принимать яд, чтобы испытать силу целебного зелья. Если не обладаешь даром слова, но творишь добрые дела, твои достоинства станут ясны впоследствии, когда тебя узнают и испытают, а красноречивый болтун лишь ослепляет слушателей описанием своих дел, но никто его не похвалит, когда увидят, что его слова не сопровождаются делом. Я же не только не совершил никакого похвального дела, но и сказал слово, от которого нельзя ждать добра ни мне, ни всему моему вороньему роду. Как я был глуп и самонадеян, когда осмелился вмешаться, не подумав хорошенько и ни с кем не посоветовавшись, в такое важное дело! Если не спросишь мнение у опытных и разумных и не прислушаешься к их совету, если будешь поступать как тебе вздумается, не рассмотрев хорошенько дело со всех сторон, не обрадуешься тому, чем обернется твое своеволие. К чему мне было вмешиваться сегодня, зачем я навлек на себя эти горестные думы!»

Долго раскаивался ворон и порицал себя за неразумие подобными речами, а потом оставил журавлиный стан и улетел восвояси. Вот что могу я тебе рассказать о том, как началась вражда между совами и вороньим родом.

Что же касается сражения, то тебе известно мое мнение — я всей душой хочу избежать его. И я придумал такое средство, с помощью которого, если пожелает всевышний, мы одержим над врагами верх без сражения и боя. Ведь часто удается хитростью достигнуть того, чего не добьешься силой, так мошенники, обманув отшельника, отобрали у него козленка». Предводитель ворон спросил: «Как же это было?», и старый ворон начал:

«Рассказывают, что старец отшельник купил жирного козленка, чтобы принести его в жертву на праздник. Он повел его домой, но по дороге его увидели базарные мошенники и сговорились отнять козленка. Один из мошенников подошел к старику и спросил его: «Скажи, почтенный, зачем ты ведешь с собой собаку?» Второй мошенник осведомился: «Что, собрался на охоту?» Потом подошел третий и, посмотрев на козленка, воскликнул: «Этот человек вовсе не благочестивый отшельник! Зачем благочестивому собака?» И мошенники друг за другом подходили к несчастному и насмехались над ним, говоря, что он ведет с собой собаку. Они довели старика до того, что он уже не сомневался, что ведет пса, а не козленка, и уверился в том, что продавший ему собаку вместо козленка был колдуном и отвел ему глаза. Он бросил козленка и ушел, а мошенники увели свою добычу.

Я рассказал эту притчу, желая показать, что и мы сможем одолеть наших врагов хитростью, и предлагаю такое средство: царь должен выказать мне свое недовольство перед всем войском, наброситься на меня и нанести раны своим клювом, выщипать хвост и крылья и бросить утопающим в крови у подножья нашего большого дерева. А все наше воинство и все жители должны покинуть на время эти края и поселиться поблизости. Я надеюсь, что мне удастся стерпеть все страдания и мучения и я все разузнаю о совах — наших противниках: где находятся их крепости, где расположены ворота, как можно проникнуть в них и в каком месте коварные враги устроили свои засады. А потом я найду способ рассказать вам обо всем этом, и мы нападем на сов и, покончив с ними, добьемся нашей цели, если пожелает Всевышний».

«И ты согласен на все это?» — осведомился предводитель, и старый ворон ответил: «Да! Как же мне не согласиться, если в этом —

залог победы и избавления от страшной опасности для царя, его войска и всего нашего рода?»

И предводитель сделал так, как велел ему мудрый ворон, а потом увел всех жителей вороньего града и все свое войско. А старый ворон, лежа под деревом с ощипанными перьями, истекая кровью, не переставая стонал и охал. Тут прилетели совы-разведчики и увидели, что дерево опустело и лишь у подножья лежит старый израненный ворон и жалобно стонет. Возвратившись к своей царице, они рассказали ей об увиденном, и тогда она сама прилетела к вороньему дереву и, увидев лежащего, приказала своим приближенным расспросить его. И они спросили: «Кто ты такой и где все вороны?» Ворон ответил: «Имя мое вам известно, и был я вазиром и советником предводителя. Что же касается того, куда улетели все вороны, то сдается мне, что по моему виду можно судить о том, что я не из тех, кому ведомы их тайны». Когда царице сов передали слова старого ворона, она приказала спросить его: «Если он вазир и советник предводителя, то узнайте, за какой грех или проступок тот расправился с ним с подобной жестокостью, изранив и выщипав перья». И когда ворону задали этот вопрос, он промолвил: «Наш царь созвал своих советников и приближенных, чтобы посоветоваться с ними, и спросил: «Что вы думаете о совах?» Я же, будучи хорошо осведомлен о том, как обстоят дела, ответил: «О повелитель, нам не под силу сражаться с совами, потому что они отважнее и сильнее, нам следует запросить мира и уплатить выкуп, если совы согласятся на это, если же они не примут наших условий, то нам не остается ничего иного, как спасаться бегством. Если между нами разгорится война, то это будет для нас злом, а для них благом, ибо для слабых худой мир лучше доброй ссоры. Я заклинал их отказаться от мысли о сражении, приводил различные притчи и пословицы и наконец сказал: «Ничто не смягчит гнев могучего врага лучше смирения и покорности — разве вы не видите, как склоняется слабая трава под порывами бурного ветра туда, куда он дует?» Но они не послушали меня и решили объявить вам войну, а меня заподозрили за мои советы и сказали: «Ты сговорился с совами против нас, мы не будем слушать твоих лживых слов и не примем предательских советов». Потом они стали клевать меня своими острыми клювами и, выщипав перья, чтобы я не мог полететь

к вам, оставили под этим деревом и улетели, и я не знаю, куда они направились и что с ними сталось».

Услышав рассказ ворона, царица сов спросила своих приближенных: «Ну, что вы скажете об этом вороне? Что нам с ним делать, по вашему мнению?» И один из вазиров царицы ответил: «Я считаю, что нам немедля следует убить его, ибо он — надежда всех воронов и самый мудрый из них, и, покончив с ним, мы избавимся от его коварства и козней, и для наших врагов его смерть будет невосполнимой утратой. Ведь недаром говорится: «Если хочешь добиться успеха — не упускай удобного часа, иначе тебя назовут неразумным». Кто решился на великое дело и может его исполнить, должен спешить, не то погубит это дело, ибо вряд ли ему снова представится счастливый случай. Если враг попался тебе в руки, ослабев и обессилев, и ты не убил его, то раскаешься, когда он снова усилится и будет для тебя недоступен».

Выслушав совет, царица сов спросила второго вазира: «А ты что скажешь об этом вороне?» И вазир ответил: «По моему разумению, его не следует убивать, ибо слабый и униженный противник, у которого нет ни друзей, ни родни, ни помощников, не опасен, и его следует не только оставить в живых, но пожалеть и простить, особенно если он устрашен и испуган и просит убежища и защиты. А иногда бывает и так, что помилуешь врага из-за того, что он, сам не ведая, окажет тебе услугу, как было с вором, заставившим жену обнять постылого мужа». — «А как это было?» — спросила царица, и второй вазир начал:

«Рассказывают, что некогда жил богатый купец, и был он стар и уродлив. Он взял в жены молодую и красивую женщину, воспылав к ней страстью, но она чувствовала к нему лишь отвращение и, не допуская до себя, не позволяла даже обнять. Купец знал о ее чувствах, но любил ее еще больше. Как-то ночью, когда купец уже спал, к ним в дом забрался грабитель. А женщина, тоскуя, никак не могла уснуть, и, увидев вора, она от страха прижалась к мужу и обхватила его руками. Купец проснулся и, удивившись, спросил: «Как это бог послал мне такую милость?» Но, заметив какого-то человека, который напрасно пытался скрыться, он понял, кто это такой, и ему стало ясно, что жена прижалась к нему, испугавшись вора. Тогда он крикнул: «Эй, выходи и ничего не бойся, я разрешаю взять, что тебе угодно из моего добра и

пожитков, — ведь только благодаря тебе моя супруга снизошла до объятий!»

Выслушав эту притчу, царица сов спросила третьего вазира: «А ты что скажешь?» И вазир ответил: «По моему разумению, его следует оставить в живых и обращаться как можно лучше — он может дать нам немало полезных советов, ведь разумный считает величайшей удачей спор и соперничество между его врагами, а их взаимную вражду — радостью и спасением, как спасся отшельник, когда поспорили из-за него разбойник с шайтаном[33]». — «А как это было?» — спросила царица, и вазир начал:

«Рассказывают, что некий отшельник получил в подарок от крестьянина дойную корову и повел ее к себе домой. По дороге ему встретился вор. Увидев корову, он захотел отнять ее у отшельника и пошел за ним следом. Их увидел шайтан, которому давно уже докучало благочестие отшельника, и он задумал похитить его. Шайтан подошел к вору и спросил его: «Кто ты такой и зачем преследуешь этого отшельника?» Тот, испугавшись, ответил: «Я вор, и когда он уснет, я хочу украсть у него корову. А ты кто такой?» — «А я черт, — ответил нечистый, — и когда этот благочестивей уснет, я хочу похитить его и унести прямо в ад».

Тем временем отшельник приблизился к своему дому, вошел и, заведя во двор корову, привязал ее в углу, а вор и черт последовали за ним и притаились у двери. Отшельник поужинал и уснул, и тогда черт и разбойник прокрались в дом и стали спорить, кто первый займется своим делом. Черт сказал вору: «Если ты уведешь корову, отшельник может пробудиться и закричать. Тогда проснутся и все соседи и сбегутся к его дому, и я не смогу его похитить. Погоди, сначала я схвачу его, а потом делай что хочешь». Но вор, боясь, что отшельник проснется, если черт схватит его, и тогда уже нельзя будет увести корову, возразил: «Нет, лучше ты подожди, пока я заберу свою добычу, и тогда делай что хочешь!» Они стали спорить, и никто из них не хотел уступить другому, так что наконец грабитель крикнул: «Эй, отшельник, просыпайся! Черт хочет тебя похитить!» Тогда и черт крикнул: «Эй, отшельник, просыпайся, вор хочет украсть твою корову!» Они так громко кричали, что проснулся и отшельник, и все соседи, и обоим злодеям пришлось уносить ноги».

Услышав эту притчу, первый вазир, что советовал убить ворона без промедления, воскликнул: «Вижу я, что этот ворон обманул вас, и его слова запали в душу некоторым глупцам, которых немало и среди нас, так что вы, не слушая доводов рассудка, хотите пощадить злейшего врага, не понимая, какая в этом таится для всех нас страшная опасность. Но не спешите принять решение, прислушайтесь к совету разумных и опытных и откажитесь от вашего намерения, не уподобляйтесь легковерным глупцам, доверяющим более уху, чем глазу, как тот столяр, что был введен в заблуждение лживыми речами, хотя видел все, как было, собственными глазами». — «А что с ним случилось и какая это притча?» — спросила царица, и вазир начал:

«Рассказывают, что некий столяр очень любил свою жену, а у той был любовник, с которым она часто встречалась, когда мужа не было дома. Кто-то из знакомых мастера сообщил ему об этом, но тот не поверил и пожелал удостовериться в неверности жены собственными глазами. Однажды он сказал ей: «Я собираюсь отправиться в дальний город, правитель которого велел мне выполнить для него работу, и пробуду там до тех пор, пока не кончу. Собери мне все, что нужно в дорогу». Жена, обрадовавшись, что сможет принять любовника, приготовила столяру еду и одежду, а вечером он, взяв сумку, вышел из дому и наказал жене крепко запереть дверь и следить за домом, чтобы ничего не случилось до его возвращения. Жена проводила его до ворот, а он, пройдя по улице, завернул за угол, перелез через забор своего дома и притаился. Улучив время, когда женщина была занята чем-то во дворе, он прокрался в спальню и забрался под кровать, желая уличить неверную в измене.

А тем временем его жена послала служанку к своему любовнику и велела передать, что муж ее уехал и вернется через несколько дней, поэтому он может приходить. Она приготовила множество разных блюд, и когда пришел тот человек, они поужинали, а потом легли в постель, под которой лежал столяр. Хотел он тотчас же выбраться из-под кровати, но замешкался, а тем временем любовники наслаждались. А столяр от тесноты и духоты утомился и не заметил, как уснул. Во сне он распрямился, и ноги его высунулись из-под кровати. Заметив это, женщина сразу же поняла в чем дело и сильно испугалась. Она шепнула любовнику: «Спроси меня погромче, кого я люблю больше — тебя или моего мужа». И он спросил ее громким голосом: «Скажи,

услада очей моих, кого ты любишь больше — меня или своего мужа?» И обманщица ответила: «Радость моя, зачем ты задаешь подобные вопросы? Разве тебе не известно, что женщины заводят любовников лишь для того, чтобы удовлетворить самые низменные потребности тела? Нам нет дела до того, кто они такие, — богачи или бедняки, умные или глупые, красивые или безобразные, и после того, как наша страсть остынет, все они становятся нам противны, как и прочие мужчины. Совсем другое дело — муж, он для женщины словно брат либо отец, и пусть покарает бог ту женщину, для которой ее муж не дороже жизни. Делай же свое дело и не говори мне больше о муже, дабы твои уста не оскверняли мои мысли о нем!»

Услышав это, столяр заплакал от умиления, лежа под кроватью, и простил жену, уверившись в том, что она любит только мужа, а с любовником удовлетворяет низменные потребности тела. Он больше не мог уснуть и лежал молча без движения, чтобы не испугать жену, и так пролежал до рассвета. Утром любовник ушел, а жена, делая вид, что спит, осталась на кровати. А столяр вылез, посмотрел на кровать и, увидев, что женщина спит, сел у ее изголовья и стал отгонять от нее мух. Тогда она открыла глаза, будто только что проснулась, а муж промолвил: «Спи, любимая, услада очей моих, ведь ночью тебе не пришлось спать! Клянусь жизнью, я показал бы этому негодяю, если бы не боялся побеспокоить тебя!»

Я привел тебе эту притчу, чтобы ты, царица, не уподобилась этому столяру, который не поверил собственным глазам, приняв за истину слова неверной жены. Не верьте ворону, ибо его слова лживы, и помните о том, что даже самый сильный враг не может причинить вреда до тех пор, пока далек, и самый слабый опасен, если проникнет в ваши ряды. Я всегда опасался ворон, но лишь увидев этого старого ворона и услышав его речи, я понял, как велико их коварство».

Так говорил вазир, но ни царица, ни ее придворные не обратили внимания на его речи. Царица приказала своим воинам перенести ворона в пещеру, ухаживать за ним, кормить отборными яствами и обходиться наилучшим образом. Но вазир, как и прежде, не доверял ворону и постоянно повторял, обращаясь к царице: «Если уж мы пощадили этого обманщика, то нам следует по крайней мере остерегаться его и постоянно следить за ним, как за тайным врагом, ибо ворон хитер и коварен и, без сомнения, попал к нам с неведомой

нам целью, и от его пребывания будет нам урон, а врагам нашим — выгода».

Но никто не прислушивался к словам мудрого вазира, и ворон был у сов дорогим гостем. Они оказывали ему почет, а он льстил царице, ее приближенным, воинам и простонародью, так что они привыкли к ворону, подружились с ним и преисполнились к нему доверия.

И вот однажды, когда в покоях царицы собралось множество сановников, и среди них тот вазир, что был врагом ворона, предатель промолвил: «О царица, тебе ведомо, как жестоко расправились со мной мои соплеменники, и я не успокоюсь сердцем до тех пор, пока не накажу их и не отомщу им. Я долго размышлял об этом и убедился в том, что мое желание невыполнимо, потому что я ворон. Но слышал я, что мудрецы говорили: кто согласен живым взойти на костер и сгореть в огне, принеся этим богу великую жертву, получит от бога все, что пожелает, если попросит в то время, когда пламя охватит его тело. Если царица позволит и сочтет нужным, я взойду на костер и попрошу бога сделать меня в ином рождении совой, дабы стать мне сильнее и почувствовать еще большую ненависть к воронам, — может быть, тогда я смогу покарать их и утолить жажду мести!»

И вазир, что советовал царице убить ворона, промолвил: «Как прекрасны твои слова и зловещи помыслы! Как похож ты на благоуханное золотистое вино, в котором растворен смертельный яд! Неужто ты полагаешь, что даже если тело твое сгорит в жарком пламени, то твой нрав и твоя природа изменятся? Нет, они будут следовать за тобой, где бы ты ни был, так что вернешься ты к своей природе и своему племени, словно мышь, которой предлагали выйти замуж за солнце, облако, ветер и гору, но она предпочла крысу». Вазира спросили: «Как это было и что это за притча?» И он начал:

«Рассказывают, что некогда жил благочестивый человек, чья молитва была угодна богу. Однажды он сидел на берегу моря, и случилось так, что над ним пролетал сокол, который нес в когтях мышонка. Увидев человека, сокол испугался и выронил свою добычу, и мышонок упал к ногам благочестивца. Тот пожалел мышонка, завернул его в зеленый листок и решил понести к себе домой. Но потом он подумал, что вряд ли его домочадцы согласятся кормить мышь, и, помолившись богу, попросил придать ей человеческий облик. Молитва его была услышана, и мышонок тотчас превратился в красивую

девочку. Взяв девочку за руку, он повел ее к себе домой и сказал жене: «Она будет нашей дочкой, люби же ее и обходись с ней как с нашими родными детьми».

Когда приемная дочь благочестивца выросла, он сказал ей: «Доченька, выбирай себе в мужья кого хочешь, и я выдам тебя замуж». Девушка ответила: «Если ты разрешил мне выбирать, то я хотела бы, чтобы моим мужем стал тот, кто на свете всех сильнее». Угодник спросил: «Может быть, станешь женою солнца?» И отправившись к солнцу, он промолвил: «О великое и пресветлое, у меня есть дочь-невеста, и она пожелала, чтобы ее мужем стал тот, кто на свете всех сильнее». Но солнце возразило: «Я скажу тебе, кто сильнее меня и самый сильный на свете: это облако, что закрывает мой лик, гасит жар моих лучей и ломает стрелы моего света». Тогда тот достойный муж отправился к облаку и сказал ему: «О могучее, закрывающее лик солнца, у меня есть дочь-невеста, и она пожелала, чтобы ее мужем стал тот, кто всех сильнее на свете». Но облако ответило: «Я скажу тебе, кто сильнее меня и самый сильный на свете: иди к ветру, что гонит меня куда пожелает, то к западу, то к востоку». И отправился благочестивец к ветру и сказал ему: «О самовластный, разгоняющий тучи, у меня есть дочь-невеста, и она пожелала, чтобы ее мужем стал тот, кто всех сильнее на свете». И ветер промолвил: «Я скажу тебе, кто сильнее меня и самый сильный на свете: это утес, который даже мне не под силу сдвинуть с места». И старик, подойдя к подножью утеса, крикнул: «О вечный, не поддающийся урагану, у меня есть дочь-невеста, и она пожелала, чтобы ее мужем стал тот, кто всех сильнее на свете». Но утес промолвил: «Я скажу тебе, кто сильнее меня и самый сильный на свете: это крыса, что грызет даже камень и копает норы, чтобы там поселиться, и перед ней я бессилен». Тогда благочестивей, обратившись к крысе, спросил ее: «Не хочешь ли взять в жены мою дочь — она молода и красива». — «Да как же я могу взять в жены дитя человеческое? — возразила крыса. — Ведь мой дом так мал и тесен. Я женюсь только на крысе или на мыши». Тогда угодник спросил свою приемную дочь, согласна ли она снова стать мышью, и та согласилась. Он помолился и воззвал к господу своему, чтобы тот вернул девушке ее прежний облик, и она, превратившись в мышь, юркнула вместе с крысой в ее нору, вернувшись к своему корню и к своей природе. Так будет и с тобой, негодный предатель!»

Так сказал вазир, но ни царица сов, ни ее приближенные и придворные не обратили на его слова никакого внимания. Они пуще прежнего холили и почитали коварного ворона, и он поправился, и исцелился, и снова покрылся перьями, и летал среди сов свободно, так что проник в их тайны, употребив на это все свое коварство и хитрость.

И тогда он, улучив оплошность своих врагов, покинул их и, вернувшись к воронам, поджидавшим его в условленном месте, рассказал им о том, что видел и слышал во вражеском стане, и прибавил: «Я выполнил все, что хотел, а вам остается лишь выслушать мой совет и повиноваться». И предводитель ворон ответил: «Я и все мое войско в твоей власти, приказывай что хочешь — мы будем покорны твоей воле».

И старый ворон промолвил: «Пещера, где живут совы, находится на склоне горы, заросшей лесом, где много кустарника и сухих веток. В лесу есть лужайка, где пастух пасет своих овец и ночью постоянно разжигает костер, откуда нам нетрудно будет выхватить горящую головню. Нам нужно будет набрать как можно больше хворосту и разложить его у входа в пещеру, где обитают совы. Потом мы достанем из костра, разожженного пастухом, горящих углей и, бросив их на хворост, будем махать над ним крыльями изо всех сил, чтобы огонь как следует разгорелся. Те совы, которые попытаются вылететь из пещеры, сгорят, а те, что останутся, задохнутся в дыму и погибнут». И вороны, сделав так, как им приказывал старый ворон, разожгли огонь у входа в пещеру, и все совы погибли, так что от них не осталось никого на продолжение рода. А вороны вернулись на свое дерево и стали жить, наслаждаясь безопасностью и миром.

И однажды предводитель ворон спросил у мудреца, который принес им победу и освобождение от врага: «Как мог ты стерпеть и так долго прожить среди сов — ведь достойным трудно терпеть общество злодеев?» Ворон ответил: «Ты сказал правду, повелитель, однако разумный запасается терпением, если ему предстоит совершить великое дело, от которого зависит его собственная жизнь и благоденствие его племени, ибо знает, что, если не вынесет трудностей, его самого и его род постигнет страшное бедствие, а если будет стоек — добьется успеха и блага. Поэтому он не чувствует боли и не страдает, когда ему приходится унизиться перед низшими и

недостойными, чтобы достигнуть поставленной цели. А когда дело завершилось, он ликует и радуется, вкушая плоды своего терпения».

Предводитель ворон попросил мудреца: «Скажи нам, так ли разумны совы, как о них говорят?» И тот ответил: «Не видел я среди них ни одного разумного, кроме вазира, который побуждал их убить меня. Он несколько раз требовал от них этого, но никто не прислушался к его речам, ибо совы были легковерны и неразумны и не взяли на себя труда поразмыслить над тем, что я пользуюсь славой мудреца среди ворон и занимаю высокое положение при дворе царя и предводителя. Они не подумали о том, что им следует опасаться моего коварства и моей хитрости, не прислушались к совету того, кто желал им лишь блага, и не скрыли от меня ни одной своей тайны. А ведь еще древние мудрецы говорили: «Царю следует скрывать свои дела от любопытных и соглядатаев и никого не посвящать в свои тайны». Правителю надлежит следить, чтобы никто, вызывающий подозрение, не приближался к таким важным местам, как хранилище записей, водоемы, предназначенные для царского питья и омовения, к стойлам, где находятся царские кони, к оружию царя, его питью и пище, украшениям и благовониям».

«По моему мнению, — промолвил предводитель, — царицу сов погубило ее своеволие, недальновидность и доверие к льстивым и неразумным царедворцам». И старый ворон ответил: «Богатому редко оказывают непослушание, распутник редко избегает срама, обжорливый редко бывает здоровым, а царь, что доверяется неразумным вазирам и льстивым царедворцам, редко живет спокойно и не попадает в пучины гибели. Издавна говорили: «Кичливый не дождется искренней похвалы, у обманщика не будет верных друзей, невежда не увидит от ближних чести, а скупец — жалости, алчный стяжатель не будет избавлен от тяжких грехов, а правитель, занятый лишь мелкими кознями, но пренебрегающий важными делами, окруживший себя неразумными вазирами, никогда не добьется устойчивой власти и благосостояния своих подданных».

Предводитель заметил: «Как тяжко, должно быть, унижаться перед ненавистным врагом, прикидываясь его другом!» — «На подобное дело можно решиться, только если ждешь от него большой выгоды и пользы, — ответил мудрый ворон. — И тогда уж следует отбросить всякую гордость, дабы исполнить задуманное, как терпела

черная гадюка, носившая на спине царя лягушек, — благодаря этому унижению, которому она подвергла себя, она нашла свою долю в старости и спасла себя от голодной смерти». — «Как это было и что это за притча?» — спросил предводитель ворон, и старый ворон начал:

«Рассказывают, что большая черная гадюка к старости стала полуслепой и лишилась прежней силы, так что уже больше не могла охотиться и добывать себе пропитание. Как-то утром она отправилась на ловлю, чтобы найти хоть какую-нибудь добычу, так как была еле жива от голода и слабости. Наконец она доползла до источника, возле которого находилось болото, изобиловавшее лягушками, которое она посещала и раньше и где всегда находила достаточно пищи. Достигнув берега болота, змея свернулась в клубок и лежала неподвижно, будто убитая грустью и отчаянием. Увидев ее, одна из лягушек крикнула из болота: «Эй, черная, почему ты так печальна?» И змея ответила: «Как же мне не грустить? Всю жизнь я пробавлялась лишь лягушками, а теперь со мной случилась великая беда, и теперь лягушки для меня запретны, так что даже если я поймаю лягушку, то должна буду отпустить ее». Узнав это, лягушка тотчас же поскакала к своему царю и сообщила ему радостную весть, передав слова черной гадюки. Тогда царь лягушек вышел на берег болота, туда, где лежала змея, и спросил ее: «Что с тобой случилось?» И черная гадюка сказала: «Однажды под вечер я, как обычно, охотилась на лягушек, и одна из них ускакала в дом благочестивого угодника. Я вынуждена была проникнуть за ней в комнату, где спал благочестивец, его жена и дети. В темноте я наткнулась на руку одного из его сыновей и, подумав, что это лягушка, ужалила его за палец, и он тут же умер. Увидев это, я быстро уползла, а тот человек побежал за мной. Ему не удалось поймать меня, и он произнес такое проклятие: «Ты злодейски погубила моего невинного младенца, и я проклинаю тебя и прошу бога послать тебе самое тяжкое унижение — ты будешь возить на себе царя лягушек и не сможешь поймать и съесть ни одной лягушки, кроме тех, которых пожалует тебе из милости их царь и предводитель». И я, покорствуя этому заклятию, явилась к тебе, хотя и не по своей воле, чтобы ты стал моим господином».

Царю лягушек показалось лестным, что его будет возить черная гадюка, и он счел это великой честью. Он сел верхом на змею, и она повезла его, веселого и радостного. Потом гадюка сказала: «О царь,

тебе известно, что я бедна и несчастна, назначь мне какую-нибудь плату, чтобы я могла прожить на нее, поддержать свои силы и быть достойной великого царя». И царь лягушек после недолгого раздумья промолвил: «Клянусь жизнью, я непременно должен назначить тебе плату, раз ты верно исполняешь свою службу». Он тотчас же велел выдавать гадюке на пропитание по две лягушки ежедневно, чтобы у нее не иссякла сила и она могла бы исполнять свою службу, и гадюка прожила еще долго и возила на спине царя лягушек. И ей нисколько не повредило то, что она унизилась перед презренным и ничтожным врагом, а напротив, она извлекла из своего унижения великую пользу и обильное пропитание. Так и я терпел в предвидении великого свершения, которое принесло нам победу и избавление».

Предводитель ворон заметил: «Вижу я, что скромный и терпеливый быстрее и успешнее поразит врага, чем кичащийся своей силой. Свирепый лесной пожар, охватывая дерево своим пламенем, сжигает лишь ствол, ветки и листья, но прохладная и ласковая вода уничтожает и подземные корни. Не презирай малого, ведь недаром говорится: «Есть четыре вещи, малая доля коих — великое бедствие. Это пожар, болезнь, долг и вражда».

«Мы одержали великую победу благодаря мудрости и удачливости нашего повелителя, — промолвил старый ворон. — Ведь сказано: «Если соперничают двое, то удача достается на долю того, кто отличается большей доблестью, если оба одинаково доблестны, то победит более решительный, а если они сравнялись решительностью, то победа суждена более счастливому». И говорят также: «Кто хочет помериться силами с царем решительным, могущественным и осторожным, коего не ослепит радость и не смутит печаль, навлекает на свою голову гибель, и особливо когда желает сразиться с таким царем, как ты, о повелитель, знающим, как приступить к делу, понимающим, где уместна жестокость и мягкость, гнев и благоволение, поспешность и медлительность, размышляющим о том, что нужно предпринять в настоящем и в будущем и каковы будут последствия».

Но царь возразил: «Нет, мы победили благодаря твоему разуму, смелости и прозорливости и счастливому жребию, ибо часто совет одного мудреца способен погубить больше врагов, чем сильные воины, стальные мечи и острые копья. Но удивительнее всего, по моему

мнению, то, что ты смог так долго оставаться с совами, выслушивать их дерзкие речи и не выдать себя ни единым словом!» — «О царь, — ответил старый ворон. — Я во всем следовал твоим советам: я старался подружиться с близким и дальним, был мягок и любезен и старался ко всем подольститься».

И предводитель промолвил: «Ты прав, недаром древние мудрецы говорили: «Кто сблизился с врагом, желая нанести ему урон, должен усыпить подозрения кротостью и смирением». Что же до тебя, то ты делом доказал правильность своих слов, а остальные мои вазиры лишь говорили пустые слова, от которых не было толка. Благодаря тебе бог оказал нам великую милость и избавил от врага, из-за которого мы не знали покоя и не рады были вкусной еде, прохладной воде и сладкому сну. Издавна говорили: «Больной не насытится и не выспится, пока не выздоровеет; алчный не успокоится, пока не добудет деньги, добро и должности, которые пообещал ему правитель. Так же не знает покоя и тот, кому угрожают злые враги, кто днем и ночью ожидает их нападения. Кто исцелился от лихорадки — избавился от дрожи, кто скинул с плеч тяжкое бремя — дал отдых своему телу, а кто избавился от заклятого врага — успокоился сердцем».

Тогда заговорил мудрый ворон: «Я прошу бога, что обрек твоих врагов позорной смерти, продлить твою власть и упрочить твое царство на благо и на пользу народа, дабы он радовался успеху своего повелителя, ибо царь, от которого подданным нет ни пользы, ни радости, похож на козлиную бороду, что висит вроде вымени, — как ее ни соси, не дождешься молока и не насытишься».

«О достойный вазир! — воскликнул предводитель. — Поведай мне, как вели себя во время сражений и в прочих обстоятельствах совы и их царица?» Мудрец ответил: «Совы были заносчивы и хвастливы, а их царица — своевольна, жестока, бессильна при выполнении важных дел и при этом высокомерна. И ее подданные, царедворцы и вазиры обладали всеми ее пороками, кроме того вазира, который советовал убить меня, — это был муж праведный, мудрый философ, решительный и благоразумный, кому не было равных в доблести, высоте помыслов, совершенстве разума и прозорливости».

«Какие же его поступки, по твоему мнению, более всего говорили о его мудрости?» — осведомился царь, и старый ворон ответил: «Об этом говорило в особенности то, что, во-первых, он счел необходимым

убить меня, и, во-вторых, то, что он открыто высказал царице свое мнение, хотя никто не разделял его. И слова его были не резкими и грубыми, а, напротив, учтивыми и мягкими, так что, когда он указывал царице на какие-то ее пороки, то не упоминал о них прямо, а приводил различные иносказания и притчи, и, слыша рассказы о чужих пороках, царица видела свои недостатки, но не могла найти повода для того, чтобы открыто показать свой гнев и недовольство словами вазира. И среди прочих его речей, обращенных к царице, мне запомнились такие слова: «Царь должен быть всегда настороже, дорожа властью, ибо власть — великое дело, дается она немногим и получить ее можно лишь великими трудами. Царская власть — великое сокровище, и кто овладел ею, должен хорошенько хранить и крепко беречь ее, ибо сказано: «Власть скоротечна, словно тень от быстро вянущего лепестка кувшинки, вот ты ухватил власть обеими руками, а вот она вырвалась, словно порыв ветра, она так же непрочна, как дружба праведника со злодеями, она может пасть, как падает горный поток, и рассыпаться на мелкие брызги, она может лопнуть, как лопаются дождевые пузыри в лужах. Она желанна и благодетельна, но коварна и губительна, словно ядовитая гадюка. Она неблагодарна и вызывает зависть и ненависть, а радости от нее не больше, чем от обманного сновидения».

Вот притча о врагах, притворной любовью и дружбой которых не следует обольщаться».

ГЛАВА О ЧЕРЕПАХЕ И ОБЕЗЬЯНЕ

Сказал царь Дабшалим философу Байдабе: «Я выслушал твою притчу о неразумном, поверившем коварному врагу, скрывшему свою ненависть под личиной искренней дружбы, и понял, что не следует доверяться тому, кто прежде был твоим недругом и соперником. А теперь поведай мне притчу о нерешительном, который, получив то, что долго искал, утратил заветное из-за своей нерешительности». И Байдаба промолвил: «Легче найти, чем сохранить. А с тем, кому удача сама давалась в руки, но он упустил ее, может случиться то же, что с предводителем черепах». — «Как это было и что это за притча?» — спросил царь Дабшалим, и Байдаба начал:

«Рассказывают, что некий муж из рода обезьян, по имени Махир[34], был царем обезьяньей стаи. Когда он состарился и одряхлел, на него напал один из его родичей, что был моложе и сильнее его, сверг его с престола и сам сел на царство, а старый царь бежал и еле успел унести ноги. Он брел без дороги, пока не дошел до берега моря. Найдя там высокую смоковницу, он решил сделать это дерево своим жилищем. Однажды он сидел на дереве и ел смоквы, и один из плодов упал в воду, так что раздался громкий всплеск и по воде пошли круги. Это позабавило царя обезьян, и он не столько ел плоды, сколько бросал их в морские волны.

А под этим деревом, у самой воды, лежал предводитель черепах, и всякий раз, как смоква падала в воду, он подбирал плод и съедал его. Когда смоквы стали падать с дерева одна за другой, предводитель черепах подумал, что царь обезьян бросает плоды для него, и захотел подружиться с ним. Окликнув его, он поблагодарил и стал

расспрашивать, что привело царя к этому дереву, и тот поведал всю свою историю.

Предводитель черепах часто приходил к тому дереву и долго беседовал с царем обезьян, так что жена предводителя стала скучать и пожаловалась одной из своих соседок на долгое отсутствие мужа, сказав ей: «Я боюсь, что с ним случилось несчастье и его уже нет в живых». Но соседка ответила ей: «Твой супруг находится на берегу моря. Он подружился с тамошней обезьяной, так что они дня не могут прожить друг без друга, едят и пьют вместе и он не в силах ее оставить. Ты вернешь его к себе, только если найдешь способ погубить эту обезьяну». Жена предводителя черепах спросила: «Что же мне делать?» И соседка дала ей такой совет: «Когда твой муж вернется, притворись больной и недужной, а если он спросит тебя, что с тобой, скажи, что лекари прописали тебе как лекарство сердце обезьяны и никакое иное зелье не поможет». И послушав подругу, жена предводителя черепах стала поститься и сильно похудела.

Через некоторое время предводитель черепах сказал царю обезьян: «Давненько я не был дома и не видел свою жену и домочадцев. Я схожу повидаю их и скоро приду обратно». Он собрался в путь и пришел к себе домой. Жена вместе с соседкой вышла ему навстречу, и он увидел, что она истомлена тоской и сильно исхудала. Предводитель черепах спросил: «Почему ты так исхудала?» Жена не ответила ему, и он снова задал тот же вопрос, и тогда соседка сказала: «Твоя несчастная жена поражена тяжким недугом и, без сомнения, скоро умрет, если ты не добудешь ей лекарство, — а такую болезнь не исцелить каким-нибудь простым средством!» — «Скажи мне, какое лекарство тебе нужно, и я добуду его из-под земли!» И соседка промолвила: «Лекари прописали твоей жене сердце обезьяны, только оно может излечить ее от болезни».

Предводитель черепах ответил: «Это трудное дело! Откуда нам взять сердце обезьяны, если мы живем в воде, а они — высоко на деревьях! Однако я отправлюсь на поиски и постараюсь что-нибудь сделать». Но потом он сказал себе: «Я могу достать только сердце царя обезьян. Это будет предательством, но если я оставлю без помощи жену, мне не будет оправдания!» Он стал размышлять и наконец подумал так: «Если для свершения великого дела приходится немного поступиться совестью, то это небольшая плата за большой успех. Она

— моя жена, подруга и помощница, она рядом со мной в бренном мире и станет моей спутницей в будущей жизни, поэтому я должен отдать ей предпочтение, не оставив ее без помощи».

Приняв такое решение, предводитель черепах отправился к морскому берегу, чтобы добыть обезьянье сердце. Он был задумчив и грустен и твердил себе: «Неужели я должен убить верного друга и щедрого помощника, одарившего меня своей искренней привязанностью? Поистине, это страшное дело, и от него нельзя ожидать ничего хорошего!» Подойдя к дереву, предводитель черепах приветствовал своего друга, а тот спросил его: «Почему тебя так долго не было, брат мой? Скажи мне, что тебя задержало?» — «Я медлил лишь потому, что было мне стыдно перед тобой, — отвечал предводитель черепах. — Ибо я не знал, чем я могу вознаградить тебя за твои благодеяния и милость. И хоть я знаю, что ты был добр ко мне вовсе не для того, чтобы получить от меня награду, но считаю нужным отплатить тебе за твое гостеприимство. Я понял, как ты щедр и благороден, ибо ты не из тех, чьи благодеяния корыстны, — ведь я не оказал тебе никакой услуги, когда ты насытил меня от своих щедрот, и ты не ждешь от меня никакой награды. Ты не кичишься своими благодеяниями, будто забыв о них и не считая их чем-то значительным, и не порабощаешь того, кто отведал твоих даров».

«Ни к чему твои похвалы и напрасен твой стыд, — ответил царь обезьян. — Ведь это ты положил начало нашей верной дружбе, за что я должен быть тебе навеки благодарным. Разве я, бесприютный скиталец, изгнанный своим народом, не нашел крова на твоей земле? Разве не твоя дружба была мне надежной опорой? Разве не беседы с тобой изгнали печаль и заботы из моего сердца?» И тогда предводитель черепах промолвил: «О брат мой, друзья становятся еще ближе и преисполняются еще большего доверия, во-первых, когда посещают друг друга, во-вторых, когда знакомят со своими домочадцами, и, в-третьих, когда вместе вкушают трапезу. Но я, к стыду своему, не пригласил тебя посетить мой дом, не познакомил со своей семьей и не угостил как подобает».

«Это все пустяки, — возразил царь обезьян. — Друзья дороги из-за их душевной склонности к нам. Что же касается трех вещей, о которых ты упомянул, то они не обязательны для друзей, ибо чаще всего посещают чужие дома воры и грабители, больше всего знакомых

среди домочадцев у свадебных музыкантов и скоморохов, а совместную трапезу вкушают мулы и ослы в своих стойлах, но ни воры, ни скоморохи, ни тем более ослы и мулы не становятся друзьями».

«Ты прав, клянусь жизнью, — воскликнул предводитель черепах. — От того, к кому мы прилепились сердцем, нам не нужно ничего, кроме искренней привязанности, а кто взыскует блага бренного мира, должен отказаться от дружбы и искать близости к сильным и богатым. Недаром говорится: «Не обременяй заботами о себе тех, с кем дружишь, ибо можешь наскучить им и утомить их, ведь даже корова гонит теленка, если он слишком часто припадает к ее вымени!» Я же завел этот разговор, зная твою щедрость и благородство и желая, чтобы ты завершил свои благодеяния, посетив меня в моем доме, — ведь я живу на острове, который славится своими дивными плодами. Садись мне на спину, и я переправлю тебя на этот остров. Будь милостив как прежде и не откажи мне в моей просьбе».

Услышав о дивных плодах, царь обезьян захотел их отведать. Он не раздумывая спустился с дерева и сел на спину своему другу, чтобы тот отвез его на остров. Но войдя в воду, предводитель черепах остановился в раздумье, ибо вдруг предстало пред ним его вероломство во всей своей тяжести и мерзости. И он потупил голову, говоря себе: «Как мог я решиться на такой подлый обман и губить своего лучшего друга? Женщины не стоят того, чтобы из-за них предавать дружбу, ибо они ненадежны, лживы и непостоянны. Недаром говорится: «Чистоту золота можно испытать в горниле, честность — своевременным возвращением долга, силу верблюда — тяжестью ноши, но женщину ничем не проверишь и мысли ее всегда останутся для тебя тайной».

А тем временем царь обезьян, видя, что его друг остановился и не плывет к острову, сказал себе: «Что-то тут неладно! Предводитель черепах ждет чего-то, и, конечно, не без причины. Откуда мне знать, может быть, он заподозрил меня в предательстве и затеял против меня недоброе? Ведь сердце непостоянно и переменчиво, и даже самые близкие друзья, домочадцы и дети могут стать врагами, поэтому разумному следует постоянно наблюдать за их поведением, дабы заметить перемену вовремя». И он спросил: «Почему ты остановился и

словно задумался и загрустил?» Предводитель черепах ответил: «Я задумался потому, что супруга моя тяжело больна и поэтому я не смогу принять тебя так, как мне хотелось бы, со всем почетом и пышностью». — «Не беда, — ответил царь обезьян. — Я знаю, что ты хочешь оказать мне честь, но между друзьями не может быть никаких церемоний».

Предводитель черепах ответил: «Ты прав», — и двинулся дальше, но пройдя несколько шагов, снова остановился. Опасения царя обезьян усилились, и он подумал: «Нет никаких сомнений, что он задумал дурное, об этом говорит его странное поведение, и мне следует остерегаться его. Древние мудрецы говорили: «Если в сердце закралось подозрение в коварстве и неверности друга, будь решителен и осмотрителен — берегись его и старайся проследить и истолковать его слова и поступки. Если твои подозрения оправдаются, — наградой тебе будет собственная жизнь, если же они окажутся ложными, при тебе останется твое благоразумие, и это тебе нисколько не повредит». Подумав так, царь обезьян спросил друга: «Почему ты остановился и не несешь меня на твой остров? Я вижу, что ты печален и задумчив, словно спрашиваешь себя еще раз, нужно ли тебе делать это?»

Предводитель черепах ответил: «Меня огорчает, что когда ты придешь ко мне домой, я не смогу встретить тебя так, как бы мне хотелось, потому что моя супруга поражена тяжким недугом». — «Не печалься, — промолвил царь обезьян. — Печаль и грусть бесполезны. Лучше постарайся найти такие кушанья и лекарства, которые могли бы помочь твоей супруге, ибо говорится: «Богатый должен тратить свое добро, подавая милостыню, выручая из беды, воспитывая детей и поддерживая здоровье супруги». Предводитель черепах сказал тогда: «Да, ты прав, но все лекари говорят, что мою жену сможет исцелить единственное лекарство — сердце обезьяны».

«Горе мне! — подумал царь обезьян. — Вот к чему приводит жадность! На старости лет захотелось мне отведать чудесных плодов, и я попал в самую злую беду и худшее несчастье! Не зря говорится: «Кто довольствуется малым, живет спокойно и без всяких тревог, а тот, кого пожирает алчность, находится в вечном беспокойстве и трудах». А сейчас надо мне приложить весь свой ум, чтобы найти выход из этой беды». И он сказал предводителю черепах: «Что бы тебе стоило сказать мне об этом раньше, когда я еще не спустился, чтобы я взял с

собой свое сердце! У нас, обезьян, такой обычай: когда один из нас идет в гости к другу, он оставляет свое сердце дома или поручает его кому-нибудь из своих близких. И делаем мы это для того, чтобы не почувствовать греховной страсти к супруге хозяина дома. Ведь у меня нет с собой сердца!» — «А где сейчас твое сердце?» — спросил предводитель черепах, и царь обезьян ответил: «Я оставил его на этом дереве. Если хочешь, я снова влезу на дерево, возьму сердце тотчас и принесу его, раз оно тебе нужно».

Обрадовавшись, предводитель черепах, который за это время отплыл от берега на несколько локтей, сказал себе: «Мой верный друг согласен отдать мне свое сердце, и мне не нужно его обманывать!» Он тотчас повернул к берегу и отнес царя обезьян к подножью дерева, а тот немедля спрыгнул с него и во мгновение ока вскарабкался на дерево. Предводитель черепах долго ждал его и наконец окликнул: «Друг мой, где же ты? Бери свое сердце и спускайся, мы так задержались!» Но царь обезьян отозвался, сидя на высокой ветке: «Ни за что я не спущусь! Или ты полагаешь, что я так же глуп, как осел, у которого, по словам шакала, не было сердца и ушей?» — «А как это было и что это за притча?» — спросил предводитель черепах, и царь обезьян начал:

«Рассказывают, что некогда в густом лесу жил лев, а при нем был его приближенный шакал, который кормился остатками его добычи. Как-то раз на льва напала короста, от которой он сильно ослабел и не мог ходить на охоту. И шакал спросил его: «Что с тобой случилось, царь зверей, почему ты так изменился?» — «Меня измучила и изнурила эта короста, — ответил лев. — А вылечить ее можно только ослиным сердцем и ушами». Шакал воскликнул: «Нет ничего легче! У одного мастера, который занимается отбеливанием тканей, есть осел. Нагрузив осла тканью, тот человек приводит его на берег ручья, где расстилает свои ткани, а осла отпускает на пастбище. Этого-то осла я приведу тебе». Днем, когда осел пасся, шакал тихонько подошел к нему, боясь, что его заметит мастер, приветствовал осла и сказал ему: «Я вижу, что ты сильно исхудал и спина твоя вся в ранах». — «Мой хозяин морит меня голодом и заставляет таскать тяжелые тюки», — пожаловался осел. «Как же ты терпишь такое обращение?» — воскликнул шакал, и осел ответил: «Что же мне делать и куда бежать от него? Куда бы я ни пошел, всюду найдется человек, который

поймает меня, заставит работать на себя, а есть будет давать только самую малость». — «Я укажу тебе дивное место, — промолвил шакал. — Туда не найдет пути ни один человек, в той земле прекрасные пастбища, а живут там лишь тучные и прекрасные ослицы, которые не находят себе покоя и мечутся в поисках подходящего супруга». И осел в сильном волнении крикнул: «Так что же нам мешает отправиться в ту землю? Пойдем туда скорее! Я буду счастлив очутиться там ради дружбы с тобой, не говоря уже об ослицах!»

И шакал повел осла в ту рощу, где жил лев. Немного опередив своего спутника, он побежал к своему повелителю и предупредил его, что обещанный осел приближается. Лев выбежал навстречу ослу и прыгнул, но промахнулся, и осел, испуганный его нападением, скрылся. Увидев, что лев не смог справиться с ослом, шакал сказал: «О царь зверей, неужто ты ослабел до такой степени?» Раздосадованный тем, что шакал был свидетелем его слабости и беспомощности, лев промолвил: «Если ты сумеешь еще раз привести этого осла ко мне, то я не промахнусь и он не ускользнет от меня». — «На этот раз дело будет потруднее, — заметил шакал. — Ведь после твоего прыжка осел, как он ни глуп, может мне не поверить». Но он вновь отправился на поиски осла и, увидев его, осторожно подошел к нему и спросил: «Что с тобой приключилось?» — «Чего тебе нужно? — воскликнул осел. — Я вижу, что ты хочешь погубить меня». Но шакал сказал: «Клянусь, что я хочу тебе только добра. Известно тебе, кто бросился на тебя в роще?» Осел, который до этого никогда не видел льва, ответил: «Нет, не известно». И шакал промолвил: «Ты напрасно испугался и ошибся, думая, что на тебя было совершено нападение. К тебе помчалась одна из тех прекрасных ослиц, о которых я упомянул, в пылу любовной страсти. И если бы ты не был так труслив и не бросился бежать, она была бы теперь в твоих объятьях и ты познал бы величайшее наслаждение».

Услышав слова шакала, похотливый осел, забыв о своих страхах и подозрениях, изо всех ног побежал за шакалом, а тот, опередив его, сказал льву, что осел следует за ним, и прибавил: «Хорошенько приготовься, мне снова удалось обмануть этого осла. Но если и на этот раз на тебя нападет слабость и ты упустишь добычу, то этот осел потерян для нас, потому что в третий раз я не смогу заманить его и он больше никогда не вернется». И лев, пристыженный и возбужденный

словами шакала, подкрался к ослу и, набросившись на него, перегрыз ему горло. Стоя над своей добычей, он сказал шакалу: «Лекари велели мне перед тем, как принять лекарство, хорошенько помыться, чтобы избавиться от всякой скверны. Постереги тушу осла, пока я буду мыться, а когда я вернусь, то съем его сердце и уши, а остальное оставлю про запас и часть подарю тебе за твою помощь».

Сказав это, лев ушел, а шакал тотчас же бросился к туше и съел ослиное сердце и уши, надеясь, что лев сочтет это плохой приметой, побрезгует и не тронет остального мяса. Когда царь зверей вернулся, он первым делом стал искать свое лекарство и, не найдя его, крикнул: «Эй, шакал, где же сердце и уши?» И хитрец ответил: «У этого осла не было ни ушей, ни сердца потому, что если бы у него было сердце, он почувствовал бы опасность, а если бы были уши, то он услышал бы львиный рык и никогда бы не вернулся к тебе после того, как ему удалось ускользнуть от твоих когтей и клыков и избежать смерти!»

«Я рассказал тебе эту притчу, — продолжал царь обезьян, — для того, чтобы ты понял: я не похож на осла, у которого нет ни ушей, ни сердца. Ты предал и обманул меня, и я прибег к такому же обману, исправив свою прежнюю оплошность. Я был слишком доверчив и благодушен, а ведь еще в старину говорили: «Что испортит доверчивый, исправит опытный».

«Ты прав, и я виноват перед тобой, — ответил ему предводитель черепах, — И достойный муж может оступиться, но он признается в этом, и если совершил грех, то не стыдится выслушать назидание, ибо привык говорить правду и поступать по совести. Что же касается тебя, то ты едва не попал в беду, но сумел спастись благодаря прозорливости и острому разуму, одолев чужую хитрость своей хитростью и уподобившись человеку, который упал, споткнувшись о кочку, и поднялся, опираясь на ту же кочку».

И кончив свой рассказ, мудрый Байдаба промолвил: «Вот притча о неразумном, потерявшем то, что после долгих трудов попало к нему в руки».

ГЛАВА О БЛАГОЧЕСТИВЦЕ И МАНГУСТЕ

И сказал царь Дабшалим философу Байдабе: «Я понял твою притчу. А теперь поведай мне о том, кто действует поспешно, не подумав и не заботясь о последствиях своих поступков». И мудрец промолвил: «Если поступишь необдуманно — раскаешься и уподобишься благочестивому человеку, убившему ручного мангуста в порыве гнева, хотя любил зверька и тот был ему дорог». — «А как это было и что это за притча?» — спросил царь Дабшалим, и Байдаба начал:

«Говорят, что в Джурджане[35] некогда жил благочестивый и добрый человек, у которого была молодая и красивая жена. Долгое время у них не было детей, так что они отчаялись, но наконец женщина понесла, и они оба этому очень обрадовались и, восхваляя всевышнего, просили, чтобы он послал им мальчика. И тот человек сказал своей жене: «Радуйся и веселись, у меня предчувствие, что ты родишь мне доброго сына, который будет нам утешением и усладой очей. Я подыщу для него подходящую кормилицу, выберу самое красивое имя и найду искусных воспитателей, что научат его всевозможным наукам».

Жена ответила ему: «Зачем говорить о том, что еще неизвестно! Смотри, как бы с тобой не случилось то же, что с мечтателем, разбившим свой кувшин и погубившим масло и мед». — «А как это случилось и что это за притча?» — спросил муж, и женщина начала:

«Рассказывают, что жил некий богобоязненный бедняк, которому его сосед, богатый купец, посылал как милостыню каждый день немного меда и масла, которых ему хватало, чтобы утолить голод, а то,

что оставалось, он смешивал и сливал в кувшин, а кувшин подвешивал над своей постелью на колышек в углу дома. И делал он это долгое время, так что кувшин наполнился почти до краев. Однажды бедняк лежал на своем жалком ложе, держа в руке посох, и глядел на кувшин, висящий у него над головой. Раздумывая о том, что масло и мед сильно подорожали, он сказал себе: «Я продам смесь, которая находится в этом кувшине, за динар и куплю на этот динар десяток коз. Они будут давать молоко и каждые пять месяцев приносить потомство, так что я стану владельцем большого стада, потому что их потомство тоже будет размножаться». И бедняк, рассчитав приплод десяти коз, нашел, что он составляет более четырехсот козлят. Потом он сказал себе: «Я продам этих коз и куплю на вырученные деньги сотню коров и быков: за каждые четыре козы — одну корову или быка. Коровы станут телиться и давать молоко, и на вырученные от молока и масла деньги я куплю пахотную землю и зерно для посева, найму работников и начну обрабатывать землю на собственных быках. Я буду получать огромные доходы от своих посевов, торговать молоком и маслом, и не пройдет и пяти лет, как я стану самым богатым человеком в округе. Я построю для себя роскошный дом, куплю рабов и рабынь и возьму себе в жены самую красивую и благонравную девицу. Она родит мне красивого и здорового сына, и я выберу для него самое благозвучное и счастливое имя. А когда он вырастет, я стану воспитывать его и дам ему наилучшее воспитание и проявлю в этом величайшее прилежание, а с сыном буду строг, чтобы он слушал меня беспрекословно. Если же он проявит непослушание, я побью его вот этой палкой!»

С этими словами бедняк взмахнул рукой, в которой держал палку, палка попала по кувшину и разбила его вдребезги, а масло и мед потекли несчастному на голову.

Я рассказала тебе эту притчу, — добавила женщина, — чтобы ты не говорил о том, что не следует, ибо мы не знаем, сбудется наше желание или не сбудется». И муж ее умолк, поняв, что она права.

Когда пришел ее час, женщина родила красивого мальчика, и отец его несказанно обрадовался. Через несколько дней она захотела вымыться и сказала мужу: «Посиди с ребенком, а я схожу в баню, вымоюсь и скоро вернусь». Собравшись, она отправилась в баню, а с младенцем оставила мужа. Только она ушла, как явился посланец от царя, и тот человек должен был уйти. В спешке он не мог найти

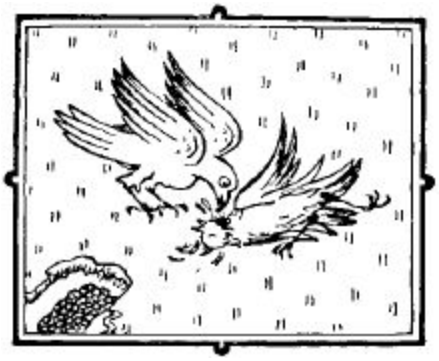
никого, кто посидел бы с младенцем, и ушел, оставив в доме только ручного мангуста, которого он вырастил и любил как собственное дитя. Закрыв за собой дверь, тот человек ушел вместе с посланцем царя.

Когда люди ушли, из норы, что была в одной из комнат дома, выползла черная гадюка и приблизилась к младенцу, но мангуст бросился на нее и убил, а потом стал терзать и весь выпачкался ее кровью. И когда вернулся хозяин дома, мангуст бросился к нему, словно желая похвастаться, что убил страшного врага, и принести радостную весть о спасении сына. Но человек, видя, что мангуст возбужден и измазан кровью, подумал, что он загрыз ребенка. Не удостоверившись в том, правильно ли его предположение, и даже не взглянув на сына, что мирно спал в своей колыбели, он набросился на мангуста и так ударил его по голове палкой, которая была у него в руках, что убил его на месте.

И когда он подбежал к младенцу и увидел, что тот невредим, а на полу лежит убитая черная гадюка, он понял, что случилось. И, охваченный безутешным горем, оплакивая мангуста, которому он отплатил смертью за верность, он стал бить себя по голове, приговаривая: «Лучше бы мне совсем не иметь сына, тогда бы я не убил бы, как подлый предатель, своего лучшего друга». В это время вошла его жена и, увидя своего мужа в таком состоянии, спросила его: «Что с тобой случилось?» И он поведал ей о подвиге, совершенном зверьком, и о том, как отплатил он ему за его благодеяние. И женщина сказала: «Это плоды неразумной поспешности!»

Вот что бывает, когда действуют поспешно, не подумав и не удостоверившись в том, что поступают правильно».

ГЛАВА ОБ ИЛАДЕ, ШАДИРАМЕ И ИРАХТ



И царь Дабшалим сказал мудрому Байдабе: «Я понял твою притчу о том, как вредоносна поспешность и как опасны необдуманные поступки. А теперь поведай мне, какими свойствами должен обладать правитель, дабы упрочить свою власть и сохранить царство. Что должно служить основой его правления — кротость и сдержанность, доблесть и мужество либо великодушие и щедрость к подданным?» И Байдаба ответил:

«Без сомнения, самое верное и достойное средство сохранить царство — проявлять кротость и сдержанность, и эти свойства должны быть основой и сущностью правления, ибо они лучшие из достоинств, коими должен быть украшен правитель. Царь сможет достигнуть вершин сдержанности, только если найдет разумного, искреннего и сведущего советника, который станет его верным другом. Ничто не приносит таких обильных и сладостных плодов, как кротость и сдержанность, и вкусить этих плодов приятно и знатным, и простонародью, и особенно правителю, ибо он взрастил их собственными стараниями. Даже человек простого звания, у которого нет возможности найти советника и помощника, стремится отыскать себе жену добродетельную и разумную, что смогла бы помочь ему словом и делом. Что же сказать о знатном муже, полководце или правителе, коему подвластно обширное царство либо многолюдное войско! Даже если он наделен острым разумом и недюжинной доблестью, но не имеет разумного советника, приходится ему поверять свои замыслы и намерения тому, кто недостоин этого, так что самое незначительное дело ему трудно исполнить, ибо помощники его беспомощны и слабы, и он совершает множество ошибок. И даже если

судьба пошлет ему вначале победу и удачу, то последствия его поступков будут плачевны, и он раскается в своем неразумии. Если же и сам царь сдержан и разумен, и есть у него мудрый вазир и советник, то звезда его высоко взойдет на небосводе, он одержит победу над всеми врагами, и одолеет противников и соперников, и пребудет вечно в радости, не зная горя и печали. Говорят, что так было с Шадирамом, царем Синда, его супругой Ирахт и его вазиром и советником Иладом». — «А кто такой Шадирам и что это за притча?» — спросил царь Дабшалим, и мудрец начал:

«Рассказывают, что жил некогда царь Синда по имени Шадирам. У него была жена, которую звали Ирахт, и вазир и советник Илад, муж праведный, достойный и благочестивый, сдержанный и благоразумный. Однажды ночью царь Шадирам уснул и явилось ему восемь зловещих видений, так что проснулся он в великом страхе. Наутро он созвал брахманов, как индийцы называют жрецов и благочестивцев, чтобы они растолковали его сон. И когда брахманы предстали перед ним, он поведал им о своих мрачных и устрашающих видениях. И они сказали в один голос: «То, что приснилось царю, — великое диво, и если он даст нам срок в семь дней, мы растолкуем эти сновидения». Царь отпустил брахманов, приказав им хорошенько поразмыслить, и они удалились.

Собравшись в доме одного из брахманов, они стали совещаться, как им поступить. И старший из них промолвил: «Нам представился удобный случай жестоко отомстить нашему заклятому врагу и недоброжелателю. Вам хорошо известно, что только вчера он перебил двенадцать тысяч брахманов и, может быть, захочет всех нас уничтожить, ибо эти зловещие сновидения раскрывают его мысли, что были глубоко укрыты в сердце. Теперь мы узнали его тайны, и он велел нам истолковать его сновидение. Напугаем же его, устрашим жестокими словами, тогда страх и растерянность заставят его выполнить то, чего мы желаем, и подчиниться нашей воле и нашему приказу. Мы скажем ему: «Выдай нам тех, кто тебе дорог, и мы перебьем их, ибо мы прочитали все наши книги и не видим иного средства избежать зла, которое тебе угрожает и чье отражение ты видел во сне, кроме смерти тех людей, которых мы тебе назовем». Если царь спросит, кого мы желаем подвергнуть казни, мы укажем на царицу Ирахт, мать царевича Джувайра, его любимую жену, Джувайра,

самого доблестного из царских сыновей, который дорог царю больше всех, племянника царя Шадирама, которого ценит он превыше всех своих родичей, и вазира Илада, советника и помощника, что ведает всеми его делами, и Каля, царского писца, посвященного в его сокровенные тайны. Мы потребуем у царя также отдать нам его меч, не имеющий равных в мире, белого слона, которого не догонит самый быстрый скакун, царского боевого коня, двух самых больших слоних, подруг белого слона, и самых выносливых походных верблюдов. И мы потребуем выдать нам лекаря Кабариона, настроившего царя Шадирама против брахманов, чтобы отомстить ему за то, что он сделал с нами. А потом мы скажем: «О царь, тебе следует зарезать тех, кого мы назвали, кровью их наполнить водоем в твоих покоях, и ты должен омыться этой кровью. Мы же велим собраться брахманам со всех сторон света, и, когда ты выйдешь из водоема, омывшись кровью, мы обойдем вокруг тебя, произнесем страшные и могущественные заклинания, вытрем кровь с твоего тела, омоем тебя водой и умастим благовониями. И ты без страха вернешься в свои роскошные покои. Только так ты спасешься от беды, что предвещает твой сон и которой мы опасаемся. О царь, если у тебя достанет стойкости и силы духа пожертвовать теми, кого ты больше всех любишь, и ценою их жизни откупиться от судьбы, тебя минует страшная беда и несчастье, твое царство и власть будут по-прежнему крепки, и бог пошлет тебе других жен, сыновей и вазира, что станут тебе дороже погибших. Если же ты не сделаешь так, как мы велели, то боимся мы, что ты лишишься своего царства и погибнешь лютой смертью!» Когда же царь исполнит нашу волю и лишится верных друзей, мы отомстим ему и убьем, подвергнув жестоким мукам».

Порешив на этом, брахманы разошлись по домам, а на седьмой день, как было условлено, явились к царю Шадираму и сказали: «О царь, мы все это время искали в наших книгах истолкование твоих сновидений и старались найти наилучшее решение. О достойнейший повелитель, окажи нам милость и отошли всех своих царедворцев, ибо в их присутствии мы не можем тебе ответить». Царь Шадирам тотчас же отослал своих придворных и остался с брахманами, а те велели ему, как сговорились, убить жену, сына и вазира и выдать им лекаря Кабариона. Царь Шадирам воскликнул: «Мне легче умереть, чем послать на смерть тех, кто мне дороже жизни, и если я это сделаю, то и

сам тотчас же умру! Жизнь коротка, и не вечно мне быть царем, но я знаю, что разлука с любимыми — это смерть и гибель!»

Но брахманы возразили: «Ты не прав, царь, утверждая, что чужая жизнь тебе дороже своей! Сохрани ее, сбереги свою власть и царство, сделай то, в чем твоя единственная надежда и верный успех, и радуйся величию своей державы пред лицом твоих приближенных, коими ты вознесен и возвеличен! Не пренебрегай великим, предпочитая малое, не губи себя, чтобы спасти других, ибо человек любит, дабы наслаждаться своей любовью и общением с любимым, пока он жив, а если он умрет, то с ним погибнет и его любовь. Ты же любишь более всего — конечно, после всевышнего бога — свою царскую власть, которая досталась тебе ценою великих трудов в течение многих месяцев и долгих лет, и тебе не следует отбрасывать ее и пренебрегать тем, что для тебя дороже всего на свете. Послушай же нас, сохрани самое дорогое и отбрось, словно пустую кожуру, все остальное, ибо оно незначительно и неважно».

Увидев, что брахманы осмелели и ведут дерзкие речи, царь Шадирам стал горевать еще больше. Оставив брахманов, он удалился в свои покои и, пав лицом на землю, зарыдал и забился, как бьется выброшенная на берег рыба. Он говорил себе: «Не знаю, что страшнее и ужаснее для меня — потерять царство или тех, кто мне дорог! Ведь если я убью свою жену, сына и друга, то не буду знать покоя и радости до могилы! Не было еще царя, что правил бы вечно, и не только власть и богатство нужны человеку, да и к чему мне жизнь, если Ирахт не будет со мною? Как смогу я управлять, если погибнет Каль, мой писец, и Илад, мой друг, вазир и советник? Кто унаследует мои земли, если не станет моего любимого сына, и как я выеду на бой с врагами, если отдам своего непобедимого белого слона и коня, что быстрее всех скакунов на свете? Разве смогу я называться царем, если убью всех, кто мне дорог, по приказу брахманов, и зачем мне этот мир, если не будет у меня ни одного близкого человека?» И царь томился и горевал и долгое время не покидал своих покоев, так что по землям Синда разнеслась весть о том, что Шадирам повержен неведомым несчастьем либо недугом.

Заметил мудрый Илад, что царь Шадирам несказанно тоскует, и стал размышлять о причине его тоски и грусти. Он хотел было спросить царя, но потом сказал себе: «Не подобает мне прямо

обращаться к царю и спрашивать, что с ним случилось, если он до сих пор не позвал меня». Придя к царице Ирахт, он сказал ей: «С тех пор как я начал служить царю и до сего дня он ничего не сделал, не посоветовавшись со мной и не спросив моего мнения, но сейчас он скрытен, и я не знаю, что его тревожит, ибо он не сказал мне ни слова. Меня тревожит его состояние — ведь прежде, когда постигала его беда, он был терпелив и стоек, спрашивал у меня совета и утешался в дружеской беседе. Несколько дней назад я видел, что он уединился в своих покоях с несколькими брахманами, отослав всех своих придворных. Боюсь я, что он открыл им какую-то тайну, и нельзя поручиться, что они не посоветуют ему совершить что-нибудь опасное и вредоносное, о чем он потом горько пожалеет. Иди к нему, царица, и спроси, почему он тоскует и не покидает своих покоев, а потом передай мне его ответ, ибо сам я не могу войти к нему без приказания и зова. Может быть, эти брахманы, выдавая зло за добро, подбили его на какой-нибудь скверный и недостойный поступок или подговорили против своих врагов, а ведь нрав царя таков, что, разгневавшись, он никого не спросит и даст волю своему гневу, ибо в его глазах равны великое и малое дела. Брахманы же ненавидят царя, но не выказывают открыто своей злобы, затаив ее в сердце. И если они получат хоть малейшую возможность повредить ему, то погубят его и ввергнут в пучины смерти».

«Я тоже не могу говорить с царем, — возразила Ирахт. — Между нами недавно случился спор и ссора. Как я войду к нему без позволения?» Но Илад промолвил: «Не сердись на него и не думай об этом, лишь ты можешь войти к нему в час гнева и скорби. Не раз слышал я, как царь Шадирам говорил: «Бываю я грустен и озабочен, но лишь войдет ко мне Ирахт — и приходит конец моей печали». Забудь же свою обиду, иди к царю и веди с ним такие речи, которые, как ты ранее убедилась, будут приятны ему и развеют его горе. А потом в точности скажи мне, что он тебе ответит, ибо для нас, как и для всех подданных, нет ничего дороже, чем доброе здоровье царя и его душевное спокойствие».

Согласившись с Иладом, Ирахт тотчас же отправилась к царю. Увидев, что он неподвижно лежит на своей постели, она села у его изголовья и спросила: «Что с тобой, о достойный царь? Какие слова сказали тебе брахманы, что ты озабочен? Откройся мне, ведь я должна

быть твоей спутницей и в радости, и в печали. Если ты задумал совершить поступок, который избавит тебя от забот, то приступай к делу, и даже если ты захочешь погубить всех нас, кто дорог тебе, мы пойдем на смерть с охотой и повинуемся твоему приказу».

И царь Шадирам ответил: «О благородная госпожа, не спрашивай меня, что случилось, ибо этим ты лишь увеличиваешь мое горе. Тебе не подобает спрашивать об этом деле». — «Я не заслуживаю такого обращения, — возразила царица Ирахт. — Или я пала в глазах твоих так низко, что ты говоришь мне такие слова? Разве тебе не ведомо, что истинно разумным можно назвать лишь того, кто умеет сдержаться и терпеть, если его постигнет несчастье, кто прислушивается к совету истинного друга и выходит невредимым из тяжкого испытания, применив все силы своего разума, хитрости и решительности, и никогда не падает духом. Даже великий грех бывает прощен милостью бога, поэтому не давай воли над собой горестным думам — они не отвратят то, что предначертано роком, а лишь обрадуют твоих врагов и истощат твою душу и тело. Всякий, обладающий разумом и жизненным опытом, должен понять это и не поддаваться гневу и скорби, если не достигнет того, к чему стремился, или если его постигнет какое-нибудь несчастье».

«Ни о чем не спрашивай меня! — воскликнул царь. — Своими расспросами ты терзаешь мне сердце! То, о чем ты говоришь — великое зло, что увенчается моей смертью, твоей гибелью, утратой нашего сына и многих наших приближенных, которые для меня дороже жизни. Я видел зловещий сон и рассказал его брахманам, а они велели мне убить тебя, царевича, Илада и других моих друзей, моих царедворцев, чтобы омыться в крови и отвратить зло. Зачем мне жить, если вас всех не будет на свете? И кто бы не потерял разум от горя, услышав такие вести?»

Когда царица Ирахт услышала это, ее охватил ужас, но, обладая сильной волей и острым разумом, она не показала вида, что испугана до смерти, и промолвила: «Не горюй, о великий царь, мы будем твоим выкупом от злой судьбы. Ты найдешь мне замену среди своих невольниц и наложниц, и она станет усладой твоих очей. Я лишь прошу тебя, о славный царь, сделать одну вещь, и побуждает меня к этому то, что я люблю тебя и ты мне дороже жизни. Я хочу, чтобы ты исполнил мой совет». — «Какой же это совет?» — спросил царь, и

супруга его ответила: «Я прошу тебя, даже если ты казнишь всех нас, больше никогда не верить никому из брахманов, не держать с ними совета и не совершать ничего, не удостоверившись в необходимости этого поступка. Советуйся с тем, кому ты доверяешь, если кто-нибудь из верных друзей останется в живых после казни. Ведь убить человека — немалое дело, и его уж больше не воскресить. Древние мудрецы говорили: «Если найдешь камешек, который покажется тебе не стоящим внимания, не выпускай его из рук и не бросай, пока не покажешь знатоку, — может быть, камешек окажется драгоценным». А тебя, о великий царь, нельзя назвать знатоком людского нрава, и ты не знаешь своих злейших врагов. Неужели ты думаешь, что они могут любить тебя и быть твоими друзьями после того, как ты погубил двенадцать тысяч брахманов? Не думай, что между теми брахманами и твоими советчиками есть какое-нибудь различие, — и те и другие ненавидят тебя лютой ненавистью. Клянусь жизнью, тебе не следовало рассказывать им свой сон и просить истолковать его: они дали твоему сну толкование, какое им было нужно, и их слова были порождением злобы и предательства, ибо они надеются погубить тебя и несомненно достигнут своей цели, предав смерти твоих родных и близких, друзей и мудрых вазиров. И я полагаю, что если ты послушаешь их и убьешь тех, кого они назвали, то они полностью овладеют твоими помыслами, подчинят тебя своей воле, а потом захватят власть и лишат тебя царского сана, который достанется одному из брахманов, и он станет править, как это и было раньше. О царь, иди к мудрому Кабариону, ибо ему нет равных в учености и проницательности, расскажи ему свой сон и попроси его высказать свое мнение и истолковать твое сновидение».

Выслушав слова царицы Ирахт, царь Шадирам почувствовал радость и облегчение, и горестные думы оставили его. Он приказал немедля оседлать коня и отправился к мудрому Кабариону. Прибыв к нему, он спешился и, остановившись перед мудрецом, совершил земной поклон, а потом встал, опустив голову. Мудрец спросил его: «Что с тобой, о царь? Почему ты изменился в лице, будто тобой овладела грусть, которая истощила твое тело?» И царь Шадирам ответил: «О мудрец, случилась со мной великая беда, и я не вижу исхода. Однажды ночью я спал в своих покоях и восемь раз меня будили дивные голоса и страшные крики, от которых содрогалось мое

сердце. И я пробуждался в страшном испуге, а потом снова засыпал, побежденный дремотой, отяготившей мне веки. И я увидел восемь сновидений, от которых у меня помутился разум. Я боюсь, что мне грозит непоправимое бедствие, и мое предположение подтвердили брахманы, которым я поведал о своих сновидениях. И сердце говорит мне, что я буду убит в сражении, либо враги одолеют меня и отнимут у меня мое царство».

«Успокойся и не печалься, — промолвил мудрый Кабарион. — Смерть тебе не грозит, пока ты молод и полон сил, никто не отнимет у тебя твоего царства, как ты опасаешься, и никакие беды не омрачат твоей жизни. Расскажи мне, что ты видел во сне, и я растолкую эти восемь сновидений». И царь Шадирам начал:

«В первый раз мне приснилось, что я стою у берега моря, волны которого плещут, доходя до моих ног. И вдруг из моря вышли две огромные красные рыбы, глаза которых горели, словно яхонт. Они встали передо мной, опираясь на хвост и плавники, потом раздался громкий крик, и я проснулся. Во второй раз мне приснилось, что я остановился после охоты на цветущем лугу, полном благоуханных цветов. Вдруг из-за моей спины с шумом вылетели две утки, перья которых блестели, словно шкура чистокровного коня, и опустились у моих ног. Потом раздался шум, подобный громовому ржанию гигантского коня, и я в страхе проснулся. Я снова уснул, и мне приснилось в третий раз, что я лежу в своих покоях на мягком ложе. И вдруг, откуда ни возьмись, появилась большая белая змея, гладкая и блестящая, как лезвие стального меча, и проползла вдоль моего левого бедра, словно намереваясь ужалить. Раздался лязг, словно звук тысячи мечей на поле боя, и я в ужасе пробудился. И приснилось мне в четвертый раз, что я сижу в опочивальне вместе со своей супругой и вдруг замечаю, что тело мое стало пурпурным и все сочится кровью, будто у меня перерезана становая жила. Раздался шум, будто с треском раздирали прочную ткань, и я пробудился, покрытый холодным потом. В пятый раз мне снилось, что я стою перед водоемом и омываю свое тело прохладной водой, а вокруг меня раздается шелест, словно развертывают тысячи кусков пестрых тканей, и я проснулся. В шестом своем сновидении очутился я на вершине высокой белой горы, и эта гора двигалась, и раздавались трубные звуки, будто тысячи могучих слонов трубили, возвещая битву. И я, оглушенный, в страхе

пробудился. Я снова уснул и увидел в седьмом сновидении, что солнце спустилось с небес среди громового звона, словно звенели тысячи золотых кубков, и, протянув ко мне свои лучи, окружило мою голову огненным венцом, сотканным из тысячи нитей. И я проснулся, побежденный неведомым жаром, и отбросил покрывало. Потом я уснул и проспал некоторое время, и мне приснилось, что я вкушаю трапезу в своем походном шатре, и вдруг влетает птица с белыми перьями, золотым клювом, и от нее разносилось благоухание шафрана, словно от изысканно приготовленного риса. Она облетела шатер и вдруг, усевшись мне на голову, клюнула меня прямо в макушку своим золотым клювом. Я не испытал боли, но сердце мое пронзила огненная обида, и я хотел было убить птицу, но потом, одумавшись, опустил руки. Раздался громкий женский крик, и я проснулся с сильно бьющимся сердцем. Вот мои сновидения, что наполнили мою душу страхом в предвидении грядущего несчастья».

Услышав рассказ царя Шадирама, мудрец промолвил: «О великий царь, не печалься и не бойся, твои сновидения не предвещают тебе ничего дурного. Две красные рыбы с яхонтовыми глазами, которые вышли из моря и встали перед тобой, опираясь на хвост и плавники, предвещают прибытие послов от царя Нахаванда[36], которые привезут тебе в дар ларец с жемчужными и яхонтовыми ожерельями, цена которых — четыре тысячи ратлей золота. Когда тебе приснилось, что из-за твоей спины вылетели две утки и уселись перед тобой, это означает, что к тебе прибудут посланцы от царя Балха[37], которые приведут и поставят перед тобой двух несравненных скакунов, каких еще не было видано в нашем царстве. Когда тебе показалось во сне, что по твоему левому бедру ползет гладкая змея, — это означает, что к тебе прибудет посол от царя земли Синджин[38] и привезет от него меч из закаленной стали, которому нет на земле равных. Когда тебе привиделось, что тело твое покрыто кровью, — то истолкование этого сна таково: ты примешь посла от царя Казаруна, отправившего тебе в подарок драгоценную одежду темно-красного цвета, что светит во мраке ночи и зовется «Пурпурным одеянием». Далее приснилось тебе, что ты омыл свое тело прохладной водой, и означает это, что царь страны Рихзин пошлет тебе в дар царское одеяние из льняного виссона. Белый слон из царства Кайдур, несравненный в быстроте бега, и есть та белая движущаяся гора, что явилась тебе в твоем

шестом сновидении. Огненное кольцо, сплетенное из нитей света, — это золотой царский венец, усаженный яхонтами и жемчугами, который пришлет тебе в подарок царь Арзана[39]. Что же касается твоего восьмого сна — белой птицы, что ударила тебя по голове золотым клювом, то я не могу истолковать его и знаю лишь, что в этом сновидении также не заключается ничего дурного и ты не должен его бояться, хотя сдается мне, что ты прогневаешься на кого-то из своих близких и поссоришься с кем-то, кто тебе дорог. Вот толкование твоих сновидений, о великий царь, и все те дары, о которых я упомянул, прибудут к тебе не позже чем через семь дней».

Услышав толкование мудрого Кабариона, царь Шадирам совершил перед ним земной поклон и, вернувшись в царский дворец, спокойно опочил в своих покоях.

Ровно через семь дней к царю прибыли радостные вести о том, что к нему на поклон явились послы из сопредельных стран и соседних государств и привезли бесценные дары. И царь вошел в тронный зал и уселся на престоле, приказав привести посланцев. И они принесли ему в точности те подарки, о которых говорил мудрый Кабарион, так что царь обрадовался и подивился его прозорливости. И он сказал себе: «Как был я неразумен, рассказав мой сон брахманам, которые погубили бы меня и всех моих близких, если бы не милость всевышнего бога. Поистине надо слушать советы только искренних и разумных друзей. Царица Ирахт дала мне добрый совет, и я поступил благоразумно, приняв его, — и наградой за благоразумие было мне счастье и успех». Потом царь, отослав всех своих придворных, оставил лишь царевича Джувайра, вазира Илада и писца Каля и сказал им: «Я хочу разделить эти дары между вами и дать царице Ирахт ее долю, ибо все вы были готовы принять смерть ради моего спасения, проявив отвагу и благородство».

Илад ответил: «Все мы — твои рабы, и нам не следует гордиться и превозноситься, ибо живем мы лишь тобой и наша жизнь — твое достояние, и не пристало нам владеть царскими сокровищами, которых мы недостойны. Если ты, о царь, не хочешь принимать этих даров, отдай их сыну своему Джувайру».

«Я уже вознагражден своим спасением от гибели, — возразил царь Шадирам, — и не нуждаюсь в большем. Возьми что хочешь, и пусть эти сокровища будут тебе во благо». Тогда Илад промолвил:

«Если царю угодно одарить своего раба, то пусть повелитель прежде возьмет свою долю, а затем сам одарит нас по своему выбору». И царь Шадирам выбрал себе белого боевого слона, царевичу Джувайру и писцу своему Калю отдал балхских чистокровных скакунов[40], Иладу — стальной закаленный меч, которому не было равных во всем мире, а мудрому Кабариону послал царскую пурпурную одежду. Потом он передал венец, одеяния из тонкого виссона и драгоценные ожерелья Иладу и велел ему отнести все это царице Ирахт, чтобы она выбрала что пожелает, а остальное отдала Куркане, второй любимой жене царя Шадирама.

Взяв сокровища, Илад отправился, следуя знаку царя, вслед за ним в женские покои. Шадирам велел позвать царицу Ирахт и Куркану и, когда они явились и сели перед царем, сказал им: «Я принес вам подарки, и выбор их по старшинству принадлежит царице Ирахт». Он приказал Иладу положить перед Ирахт венец, одеяния и ожерелья, и она взяла венец в руки, дивясь искусной работе, но потом, искоса посмотрев на Илада, увидела, что он украдкой указывает на одежду. Ирахт хотела было выбрать платье, но заметила, что Шадирам смотрит на них, и сказала: «Я выбираю золотой венец, усаженный яхонтами и жемчугами, и жемчужное ожерелье, а платье пусть достанется Куркане». И с той поры целых сорок лет, до самой своей смерти, Илад, входя к Шадираму, не смотрел на Ирахт, дабы царь не подумал о них дурного, и сохранил этим и свою жизнь, и жизнь царицы.

У Шадирама было обыкновение проводить одну ночь — у Ирахт и следующую — у Курканы, и каждая из жен готовила царю рис со сладостями и подавала его на золотом блюде. Однажды, когда наступила очередь Ирахт, царь пришел к ней, и она подала ему рис, надев золотой венец и драгоценное ожерелье. Заглянув в опочивальню Ирахт, Куркана увидела ее в таком наряде и приревновала. Надев платье, доставшееся ей из царских даров, что сияло, словно солнце, она прошлась перед Шадирамом, и лик ее был светлее солнца. Царь, пораженный красотой Курканы в ее дивном наряде, восхитился и, обернувшись к Ирахт, воскликнул: «Как же ты была глупа, выбрав венец и ожерелье и отдав Куркане платье, равного которому нет в сокровищницах ни одного царя в целом мире!»

Увидев, что царь восхищен Курканой, похвалил соперницу, а Ирахт назвал глупой, опорочив ее выбор, царица исполнилась

ревности и гнева. Она ударила царя по голове золотым блюдом, и сладкий рис залепил ему лицо и голову. Разгневанный царь вскочил и, покинув опочивальню, приказал тотчас же позвать Илада и сказал своему вазиру: «Видишь, как эта глупая женщина обошлась с царем — повелителем мира? Видишь, что она сделала? Сейчас же иди к ней и убей ее без всякой жалости!» Илад, выйдя от царя, сказал себе: «Я не стану убивать царицу Ирахт, а подожду, пока царь успокоится и гнев его утихнет. Ведь Ирахт — женщина разумная и проницательная и нет ей равных среди царских жен. Да и царь недолго проживет после казни Ирахт и умрет от горя — ведь она спасла ему жизнь и утешила в несчастье. Если я прикажу казнить Ирахт, то кто может поручиться, что царь, вспоминая о ней, не станет горько упрекать меня, говоря: «Почему ты не подождал? Почему не спросил меня еще раз?» Я не убью ее, если царь снова не потребует этого. А если я увижу, что он грустит и раскаивается в своем поступке, я приведу к нему царицу живой и невредимой. Если я спасу Ирахт, то совершу доброе дело, избавлю царя от раскаяния и неутешного горя и заслужу любовь простонародья, ибо Ирахт — заступница слабых и помощница бедных и единственная наша надежда. Если же я, сообщив царю о казни Ирахт, увижу, что он весел и доволен, то я всегда успею убить царицу, и она не избежит казни».

Так порешив, Илад взял Ирахт и тайно отправился к себе. Он приставил к царице одного из своих верных слуг, который ведал делами его дома, приказав ему прислуживать ей со всем старанием и хранить все в тайне от всех других слуг, приближенных и домочадцев, дабы никто не узнал о том, где находится царица, пока не выяснится, не раскаивается ли царь Шадирам в своем решении. Затем Илад отправился к своему повелителю, неся в руке обнаженный меч, измазанный в крови убитого ягненка. Он вошел в покои с поникшей головой, будто убитый горем, и промолвил: «О великий царь, я казнил царицу Ирахт, согласно твоему приказу».

Не прошло и дня, как гнев царя остыл, и он стал думать, как прекрасна и умна была Ирахт, вспомнил, что она не раз давала ему верные советы и спасла от смерти. Он горевал все сильнее и тщетно пытался утешить себя в своей невозвратной потере и проявить стойкость и терпение. Ему хотелось спросить вазира, действительно ли тот выполнил его приказание и казнил Ирахт, или оставил ее в

живых и скрывает где-нибудь, но он стыдился сделать это. В его душе теплилась надежда, что Илад, мудрый и благоразумный муж, на этот раз проявил непослушание и повеление царя осталось неисполненным.

А Илад, видя беспокойство царя Шадирама, словно проник ему в душу очами своего разума и понял его состояние. И однажды он сказал ему: «О повелитель, не грусти и не печалься, ибо грусть и печаль бесполезны, они лишь истощают ум и изнуряют тело. Терпи, о царь, ибо ты не в силах вернуть то, что прошло и пропало. Если царь пожелает, я поведаю ему историю, что, может быть, хоть немного утешит его». — «Рассказывай свою историю», — промолвил царь, и Илад начал:

«Рассказывают, что пара голубей наполнила свое гнездо зернами ячменя и пшеницы. И голубь сказал голубке: «Если мы найдем в степи пищу, то не будем трогать наших запасов, а когда придет зима и все травы и семена иссохнут или сгниют под ливнем, мы вернемся в наше гнездо и съедим ячмень и пшеницу». И голубка, согласившись с мнением своего супруга, сказала: «Ты хорошо придумал». Когда голуби принесли зерно и сложили его в гнездо, оно было еще сырое. Весной голубь улетел далеко в степь, покинув в гнезде голубку, и пробыл вдали от своего дома до наступления лета. Тем временем под горячими лучами солнца зерно высохло, как будто его стало вдвое меньше. Вернувшись, голубь увидел, что зерна не хватает, и, обратившись к голубке, крикнул, рассерженный: «Разве мы не договорились не есть зерно и не трогать наших запасов? Почему же ты съела половину?» Голубка клялась, что не коснулась заветных запасов, плакала и рыдала, но голубь не поверил ее рыданиям и клятвам и заклевал ее до смерти. На следующий день небо затянуло тучами и пошел сильный дождь, зерно вобрало в себя влагу и разбухло, так что его стало столько же, как было прежде. Увидев это, голубь понял, что несправедливо убил свою верную подругу, и раскаялся. Он лег рядом с телом мертвой голубки и сказал: «Ни к чему мне ячмень и пшеница, и зачем мне жить, если я позову тебя, а ты не отзовешься, и я ничего не смогу с этим сделать! Стоит мне подумать о тебе, как меня гложет воспоминание о том, как я был несправедлив, погубив тебя безвинно, но мне не под силу исправить свою ошибку, искупить вину и вернуть то, что миновало». Голубь долго печалился и грустил, не ел ни зернышка и не пил воды, пока не умер, лежа рядом со своей голубкой.

Разумный не спешит наказывать и карать, пока не удостоверится в том, что вина соответствует наказанию, и особенно если ему придется потом раскаяться, как раскаялся неразумный голубь, убивший свою голубку. Слышал я также притчу о раскаявшейся обезьяне». — «А что это за притча?» — спросил царь Шадирам, и Илад начал:

«Рассказывают, что некий человек взобрался на гору, держа на голове корзину, полную чечевицы. Он решил отдохнуть и улегся под деревом, а корзину поставил рядом. Когда он уснул, с дерева спустилась обезьяна, увидела корзину и, решив полакомиться чечевицей, набрала полную горсть и снова забралась на дерево. Но при этом она потеряла одно зернышко. Она спустилась и стала искать это зернышко на земле, но разжала горсть и рассыпала всю чечевицу. В это время тот человек проснулся и прогнал обезьяну, и она раскаялась в том, что, желая вернуть малое, потеряла великое.

У тебя, о царь, шестнадцать тысяч жен и наложниц, но ты забыл их и не наслаждаешься их красотой, желая вернуть то, чего уже нет и что недоступно!»

Услышав слова Илада, царь Шадирам испугался, подумав, что вазир в самом деле казнил царицу, и сказал ему: «Почему ты не отложил выполнение моего приказания, чтобы удостовериться в том, что я действительно желаю смерти Ирахт? Зачем ты поспешил, услышав лишь одно слово, так глубоко запавшее к тебе в душу, что ты не переспросил, а тотчас же поступил так, как тебе было сказано? Неужто ты полагаешь, что я не могу изменить свои повеления?» Илад промолвил: «Лишь всевышний бог не меняет своих повелений, лишь его слово едино, не изменяясь от века».

«Ты вверг меня в великую печаль и погубил мою жизнь, казнив Ирахт!» — воскликнул царь Шадирам, и вазир промолвил: «Двоим подобает печалиться: тому, кто никогда в жизни не сотворил доброго дела, и тому, кто совершает грехи каждый день, ибо ничтожны блага бренного мира и радости, выпадающие на долю человека, но нет предела раскаянию грешника и злодея, когда воздастся им за преступления, и нет счета их мукам».

«Если бы я увидел Ирахт живой и невредимой, я ни о чем бы не печалился и не знал бы в жизни горя», — сказал царь, и вазир промолвил: «Двое никогда не узнают печали: тот, кто каждый день

отдает все силы на добрые дела, и тот, что никогда в жизни не совершил греха».

«Никогда больше не увидеть мне Ирахт!» — вздохнул царь Шадирам, и мудрый Илад промолвил: «Двоим не дано видеть мир: слепому и неразумному, и, подобно тому, как слепой не различает, где земля, где небо и небесные звезды, что далеко от него и что близко, так неразумный не может отличить зла от блага и праведника от злодея».

«О, как велика была бы моя радость, если бы я снова увидел мою царицу!» — воскликнул царь Шадирам, и вазир промолвил: «Двоим следует веселиться и радоваться: тому, кто наделен зрением, и тому, кто одарен разумом, и, подобно тому, как зрячий видит весь мир, что перед ним, и различает, что велико и что мало, что далеко и что близко, разумный отличает добродетель от греха, знает, как ему поступать, чтобы достигнуть спасения в будущей жизни, и находит верный путь к вечному блаженству».

Царь промолвил: «Никогда бы я не насытился лицезрением Ирахт!» — и мудрец ответил: «Двое никогда не могут насытиться и удовлетвориться: жадный богач, накопивший груду сокровищ, и обжора, съедающий все, что находит дома, и набивающийся на угощение у соседей».

«Нам следует расстаться, вазир! — крикнул царь Шадирам. — Таких, как ты, нужно бояться и держаться от них подальше!» И вазир промолвил: «От двоих нужно держаться подальше: от того, кто говорит: «Нет ни греха, ни добродетели, нет ни наказания, ни воздаяния, ни награды, и за все, что бы я ни совершил, мне ничего не будет», и от того, кто не может заставить око свое не взирать на недозволенное, ухо свое — не слушать недостойное и сердце свое — не потворствовать страстям души, а душу свою — не помышлять о греховном и неподобающем».

Горько зарыдав, царь Шадирам сказал вазиру: «Нет у меня Ирахт, опустела моя душа!» И вазир промолвил: «Три вещи можно назвать бесплодными и пустыми: реку, если уйдет из нее вода; край, который лишился царя; и женщину, если нет у нее супруга».

«На всякое мое слово ты находишь ответ!» — заметил царь, и вазир промолвил: «Трое всегда найдут ответ словом и делом: царь, отвечающий на верность подданных щедрыми дарами из своей сокровищницы, женщина, отвечающая на любовь согласием стать

женой благородного и знатного человека, который пришелся ей по вкусу; и мудрец, отвечающий на доверие правителя добрым советом».

«Как ты огорчаешь меня своими наставлениями и назиданиями», — сказал царь Шадирам, и мудрый Илад промолвил: «Троим пристало огорчаться: владельцу красивого и ухоженного коня, не обладающего ни силой, ни выносливостью, ни резвостью; голодному, которому подали жидкую и безвкусную похлебку без единого кусочка мяса; и мужу молодой и красивой женщины, которой он не может угодить, так что она постоянно осыпает его оскорблениями».

«Как ты был неразумен и непредусмотрителен, казнив Ирахт!» — воскликнул Шадирам, и вазир ответил: «Троих можно назвать неразумными и непредусмотрительными: кузнеца, что надевает белую рубаху и джуббу[41], раздувая свои мехи; дубильщика, что в новых сапогах разминает в воде кожи; и купца, что женится на молодой перед длительным путешествием в дальние страны».

Царь гневно молвил: «Мне следовало бы жестоко наказать тебя, о вазир!» — «Наказывать следует троих, — возразил Илад, — преступника, что карает невинного; незваного гостя, что набрасывается на угощение прежде приглашенного; и того, кто просит об услуге, но сам не выполняет ничьих просьб».

«Как же ты глуп, Илад, со своими притчами и поговорками!» — воскликнул царь, и вазир промолвил: «Глупцами следует называть троих: столяра, устроившего мастерскую в своем тесном доме, так что все углы его наполнились обрезками дерева и стружками; цирюльника, не умеющего обращаться с бритвой, так что головы тех, кого он бреет, полны порезов; и богатого купца, поселившегося на чужбине и не желающего вернуться к своей семье и детям, так что если он умрет, все богатство его останется чужим людям, а дети его будут лишены пищи и крова».

Царь спросил: «Почему ты казнил Ирахт, не помедлив, не проявив терпения, не подождав, пока пройдет мой гнев?» — и вазир ответил: «Медлить и быть терпеливым нужно троим: путнику, поднимающемуся на высокую гору, рыбаку, забросившему сеть, и царю, задумавшему совершить важное дело».

«О, если бы мне хоть раз увидеть Ирахт!» — произнес царь Шадирам, и вазир промолвил: «Трое мечтают о том, что никогда не

сбудется: нечестивый грешник, не совершивший ни одного доброго дела, но мечтающий о сане праведника и блаженстве в загробном мире; гнусный скупец, желающий, чтобы его сочли щедрым; и жестокий обидчик, проливающий кровь невинных, но питающий надежду поселиться вместе с милосердными и благочестивыми в райских кущах».

Царь промолвил: «Я сам был причиной своей гибели, приказав казнить Ирахт». И мудрый Илад ответил: «Трое бывают причиной собственной гибели: воин, не надевший кольчугу перед битвой, если его поразила стрела, бездетный и одинокий богатый купец, торгующий по высоким ценам и дающий в рост деньги, вызывая ненависть и зависть, если его убьют грабители, и глубокий старик, взявший в жены себе молодую, красивую и склонную к греху женщину, что мечтает лишь о его смерти, чтобы выйти ей замуж за молодого и наслаждаться любовью к нему, если жена изведет его».

«Как же презираешь ты своего повелителя, вазир, если осмеливаешься вести перед ним подобные речи», — заметил царь Шадирам, и мудрый Илад ответил: «Трое презирают своего повелителя и господина: взысканный милостью царя болтливый и наглый царедворец, что говорит, когда его не спрашивают, и вмешивается в то, что его не касается; слуга, разбогатевший благодаря доверчивости и доброте своего хозяина и отказывающий своему бывшему господину в помощи, когда тот потеряет богатство и силу; и кичливый вольноотпущенник, грубящий своему благодетелю и вступающий с ним в споры по всякой малости».

«Ты смеешься надо мной потому, что я жалею о смерти Ирахт?» — спросил царь, и вазир промолвил: «Трое достойны осмеяния. Первый — это хвастун, что твердит каждому встречному: «Я участвовал в битвах, сражался мечом и копьем и взял множество пленных», — между тем как на теле его нет ни одного шрама. Второй — лгун, что без конца повторяет: «Жизнь моя проходит в денном посте и ночных молитвах, и люди утверждают, что нет никого, кто был бы более сведущ в законах благочестия и делах веры и ревностен в истязании своей плоти», — а между тем он весь пропитан жиром и шея у него толще воловьей, так что похож он на нечестивого грешника, а не на угодника, отрекшегося от мира. И третья — старая дева, что

обвиняет замужних женщин в блудодействе, ибо не может найти себе мужа, хотя только и мечтает об этом».

«Ты болтаешь, словно одержимый!» — воскликнул царь Шадирам, и вазир заметил: «Трое напоминают одержимых: тот, кто ведет спор со слабоумным и выслушивает его доводы, ибо из-за этого и сам может потерять разум; тот, кто дразнит безумного, чтобы поиздеваться над ним и оскорбить его, ибо оскорбляет лишь самого себя; и тот, кто поверяет свои тайны ненадежному и полагается на него в важных делах, ибо этим губит себя».

Царь сказал: «Как нелепо я поступил, приказав казнить Ирахт!» — «Двое поступают нелепо, — был ответ вазира, — тот, кто идет задом наперед, спотыкается и падает, может попасть в колодец и утонуть или сорваться в пропасть и разбиться, и тот, кто выезжает на бой, не умея держать в руках копье или меч, так что, когда начинается сражение, погибает сам и губит своих воинов».

«О Илад, кончилась наша дружба!» — воскликнул царь, но вазир промолвил: «В трех случаях кончается дружба: если человек уезжает в дальние края, и не видит больше своего друга, и не может ни написать ему, ни получить о нем вести; если человек смеется над своими друзьями, почитающими его, хотя он не имеет особых достоинств, и они в нем разочаровываются; и если человек, впав в бедность, просит о помощи своих прежних друзей, вознаградить которых ему будет не по силам».

«Как легкомысленно ты поступил, казнив Ирахт по одному моему слову!» — сказал царь Шадирам, и вазир ответил: «Трое поступают легкомысленно: тот, кто доверяет свое имущество злодею, коему неведомо, что есть честность и справедливость; трусливый, невежественный и никчемный лжец, рассказывающий о своей храбрости и доблести, богатстве и образованности, о своих роскошных дворцах и обширных владениях, хотя всем известно, что он нищ и ютится в жалкой каморке; и сластолюбец, потворствующий своим плотским страстям и желаниям и утверждающий, что отказался от мира и обратился к богу».

«Ты не в своем уме, вазир!» — крикнул царь, и вазир промолвил: «Я буду утверждать, что лишь трое не в своем уме: башмачник, усаживающийся на высоком сиденье, ибо, если упадет у него нож либо кончится дратва, ему приходится каждый раз сходить с сиденья и

вновь на него карабкаться; вышивальщик, вдевающий в иглу слишком длинную нить, так что она постоянно путается и рвется; и цирюльник, который во время работы смотрит по сторонам и вместо головы бреет бороду».

«Ты поучаешь меня и приводишь притчи, будто я мал и неразумен», — заметил Шадирам, и вазир ответил: «Трое считают, что им ведомо все на свете, на самом же деле они невежественны и неразумны: тот, кто научился играть на барабане и полагает, что сможет извлекать небесные звуки из лютни и флейты; живописец, научившийся рисунку, но не умеющий составлять краски; и катиб, утверждающий, что овладел мастерством и превосходит всех красноречием и витийством, но не понимающий до конца смысла даже собственных слов и не знающий, с какими речами обращаться к высшим и низшим».

«Ты неправильно поступил, казнив Ирахт», — вздохнул царь, и вазир промолвил: «Четверо поступают неправильно: тот, кто постоянно лжет и много болтает, тот, кто быстро ест, но медлит, когда надо работать, сражаться или послужить своему господину, тот, кто несдержан и, разгневавшись, совершает недостойные поступки, и тот, кто, сделав что-нибудь, жалеет и раскаивается».

Царь промолвил: «Если бы ты был благоразумен, то не казнил бы Ирахт, о Илад!», и вазир ответил: «Четверо поступают благоразумно: повар, готовящий еду старательно и подающий ее вовремя; муж, довольствующийся одной женой и сдерживающий свою страсть к другим женщинам, считая их для себя недозволенными; царь, что не совершит ни одного важного дела, не посоветовавшись с разумными и прозорливыми; и мудрец, что никогда не будет рабом своего гнева».

«Я боюсь тебя, вазир!» — воскликнул царь, и мудрец ответил: «Четверо боятся напрасно: воробей, привалившийся спиной к древу и задравший свои лапы в надежде удержать небо, если вдруг оно станет на него рушиться; цапля, стоящая на одной ноге и страшащаяся встать на обе, ибо думает, что тогда-то она и провалится; земляной червь, которого одолевает забота, что на его пропитание не хватит земного праха, и потому он ненасытно днем и ночью пожирает землю; наконец, летучая мышь, которая полагает, что она так красива и люди непременно поймают ее и посадят в клетку, вот поэтому-то она вылетает только ночью».

Царь Шадирам спросил: «Ты, без сомнения, давно задумал погубить Ирахт и поручился, что исполнишь это!» Вазир ответил: «Можно поручиться лишь за верность чистокровного скакуна, который привязан к своему хозяину, за силу пахотного вола, откормленного на пастбище, за послушание разумной жены, почитающей своего супруга, и за старание честного раба, который боится своего господина».

«Нет женщины, равной Ирахт!» — воскликнул царь, и вазир промолвил: «Нет равных четверым: женщине, которая несколько раз была замужем и довольствуется одним мужчиной, лжецу, который сказал правду, чванливому и высокомерному, смирившемуся перед низшими, и злодею, изменившему свой нрав и ставшему благочестивым».

Царь сказал: «О, если бы мне знать заранее, чем кончится моя ссора! Тогда бы я имел время подумать и приготовиться! А сейчас какой толк от твоих рассуждений и назиданий!» И вазир ответил: «В трех случаях следует знать заранее и приготовиться: когда собираешься выступить против врагов и надеешься на сильного союзника, — испытай его и приготовься, прежде чем дело дойдет до сражения; когда намереваешься начать тяжбу из-за ценного достояния и надеешься на свою правоту, но не обладаешь достаточными знаниями в законах, — ищи достойного судью, неподкупного и справедливого, сведущего и беспристрастного, прежде чем явишься в суд вместе со своим соперником; когда пригласишь гостя на трапезу и желаешь хорошенько угостить его, — приготовь все заранее, чтобы не застать врасплох своих домочадцев и чтобы тебе не пришлось осрамиться».

«Неужели тебе все безразлично и ты не боишься совершить грех?» — спросил царь, и вазир промолвил: «Все безразлично четверым, которые уже не страшатся греха: больному на смертном ложе, послушному рабу, выполняющему приказ своего господина, воину в жестокой схватке и оскорбленному храбрецу, презревшему страх перед своим повелителем».

Царь воскликнул: «В тебе нет ни капли добра, о Илад!» И вазир ответил: «От четверых не увидишь добра: от наказанного преступника, честолюбивого ничтожества, от того, кто с детства занимался воровством и разбоем, и от того, кто скор на расправу и никогда не прощает».

«Как же я могу доверять тебе, о Илад?» — спросил царь Шадирам, и вазир промолвил: «Четверым нельзя доверять: ядовитой змее, хищному зверю, нечестивому грешнику и собственному бренному телу».

«Как смеешь ты насмехаться над своим господином!» — вскричал царь, и вазир ответил: «Нельзя смеяться над великим царем, благочестивым угодником, над колдуном, читающим заклинания, и над мстительным злодеем».

«После казни Ирахт нам больше нельзя быть вместе, о вазир!» — сказал царь, и мудрец промолвил: «Не могут быть вместе день и ночь, свет и мрак, добро и зло, добродетельный и грешник».

«Никто больше не поверит тебе!» — сказал царь, но мудрец возразил: «Четверым не следует доверять: разбойнику, насильнику, лжецу и лицемеру».

Царь промолвил: «Когда я смотрю на своих жен и не вижу среди них Ирахт, моя печаль становится нестерпимой». Илад ответил на это: «Четыре рода женщин не заслуживают того, чтобы о них печалиться: женщины непослушные и злонравные, ни в чем не соглашающиеся с мужем; женщины легкомысленные и непривязчивые, оставляющие супруга и уходящие к своим родителям; женщины бесчестные и недостойные, изменяющие своему мужу; и женщины неуступчивые и властные, желающие, чтобы муж поступал по их воле».

Царь сказал: «Никогда я не тосковал так, как тоскую по своей супруге, прекрасной и разумной Ирахт». Вазир ответил: «Тосковать можно лишь потеряв жену, обладавшую такими свойствами: благородством и целомудрием, разумом и мудростью, мягкостью и нежностью, добротой и преданностью, откровенностью и чистосердечием, удачливостью и сговорчивостью, ибо такая женщина сияет, словно драгоценный алмаз, во всем согласна со своим мужем и служит ему украшением».

«О, если бы кто-нибудь вернул мне Ирахт живой и невредимой! — воскликнул царь. — Я осыпал бы его дарами и пожаловал из своих сокровищниц все, чего он пожелает». — «Пятерым деньги и подарки милее жизни, — возразил Илад. — Воину-наемнику, идущему на смерть ради нескольких жалких монет; грабителю и вору, делающему подкопы в жилищах богатых людей и нападающему на путников у дороги, не боящемуся отсечения рук и

казни; купцу, снаряжающему свои суда и отправляющемуся в плавание по бурному морю, не думая о том, что его могут поглотить волны; тюремщику, радующемуся каждому новому узнику, чтобы получить плату за их содержание, и не опасающемуся того, что, если их будет слишком много, они могут восстать и лишить его жизни; и судье, получающему взятки с тяжущихся, не помышляя о наказании, которое ожидает его на том свете».

«Я навеки возненавидел тебя после казни Ирахт», — ответил ему царь, и вазир промолвил: «Нерушима ненависть между волком и ягненком, кошкой и мышью, совой и вороной, соколом и куропаткой».

«Ты казнил Ирахт и погубил ее!» — воскликнул царь, и мудрый Илад промолвил: «Губительны поступки семерых: человека добродетельного и ученого, который таит свои знания, так что они никому не известны и людям нет от них никакой пользы; царя, проявляющего благосклонность к невежественным, лживым и неблагодарным льстецам, что лишь ослабляют царскую власть; богача, жестоко наказывающего своих слуг и рабов, так что они полны к нему ненависти; матери, снисходительной к проступкам сына, так что он идет от преступления к преступлению; легковерного, вручившего свое достояние и судьбу в руки предателя и обманщика, так что лишается он и богатства и жизни; гневливого, скорого на расправу, не дорожащего верностью и дружбой, так что губит он своих близких; злодея, что не боится бога и не почитает добродетель».

«После разлуки с Ирахт меня покинул сон», — вздохнул царь Шадирам, и вазир ответил: «Шестерых покидает сон: того, кто испытывает муки совести, пролив невинную кровь; кто тревожится за свое богатство, не доверяя хранителю сокровищ; того, кто жаждет почестей и славы и борется со своими соперниками клеветой и ложью; кто растратил деньги из царской казны и ждет наказания; неверную жену, ожидающую прихода любовника, и человека, который боится, что ему придется расстаться с родными и близкими».

«О Илад, неужели у тебя нет жалости?» — крикнул царь, и вазир ответил: «Пятеро не знают жалости: сеющий зло жестокосердный правитель, роющий ямы могильщик, дожидающийся темной ночи разбойник и грабитель, провозгласивший ложное учение и смущающий народ совратитель и все сметающий на своем пути безрассудный честолюбец».

«Меня устрашала даже мысль о казни Ирахт!» — сказал царь, и вазир промолвил: «Больше всего страшатся семи вещей: старости, губящей молодость и красоту; болезни, изнуряющей тело и иссушающей душу; гнева, отнимающего у судьи способность к справедливому решению, похищающего разум у мудреца; заботы, ослабляющей дух и разбивающей сердце; холода, притупляющего все чувства; голода и жажды, отнимающих у людей человеческий облик; и смерти, губительницы всего живого».

«Ты казнил Ирахт, и все твои речи — обман!» — произнес царь, и вазир ответил: «Восемь вещей основаны на обмане: власть несправедливого царя; речи мудрецов, поступающих вопреки своим словам; гороскопы и предсказания звездочетов, вычисляющих стоянки луны и солнца; раскаяние грешников; благочестие разбойников, подстерегающих жертву во мраке ночи; оправдания неверной жены перед супругом; повествования о достоинствах брахманов; рассказы охотников и рыболовов».

Царь Шадирам сказал: «Я не хочу иметь с тобой никакого дела, Илад», и вазир ответил: «Не имей дела с неразумным советником, с человеком непостоянным и ветреным, с высокомерным, считающимся только со своим собственным мнением, с тем, кто любит деньги больше жизни, с хилым и слабым, взявшимся за тяжкую работу, с распутником и злодеем, с предателем и неверным другом».

«Довольно, вазир! — воскликнул царь. — Не испытывай моего терпения!» Илад тотчас же ответил: «Людей испытывают в деле: воина — в схватке, военачальника — в руководстве битвой, невольника — в исполнении повелений его господина. Разум царя испытывают, когда узнают, умеет ли он сдерживать гнев и откладывать наказания, пока не выяснится вина; честность купца испытывают, когда узнают, верен ли он своим товарищам по торговым делам, отдает ли долги и делит ли выручку по справедливости; искренность друзей — по тому, умеют ли они прощать и переносить обиды; мудрость советника — по тому, как помогают в трудный час его советы; благочестие испытывается в посте и воздержании; великодушие познается по щедрости, доброте и состраданию, а смирение бедняка — по тому, удерживается ли он в пределах дозволенного, дабы заработать себе и своим детям на пропитание».

«Ты видишь, что я в печали и волнении, — нахмурился царь. — Неужто ты осмелишься и далее вести передо мною дерзкие речи?» Вазир ответил: «Семеро постоянно в печали и волнении: правитель, не умеющий сдерживать гнев, склонный к раздражительности и поспешности в решениях; медлительный военачальник, не умеющий предвидеть вражеские намерения; человек, острый разумом, но со злобной душой; человек добрый, но непредусмотрительный и неразумный; неправедный судья, ожидающий подношений; человек мягкосердечный, но скупой, что желает делать добро людям, но постоянно терзается жадностью; а также человек достойный и великодушный, который надеется получить награду и благодарность от ближних в этом мире».

Царь промолвил: «Я обманулся в тебе, ибо ты обманул мое доверие», — и мудрый Илад ответил: «Обманываются сами и обманывают других люди, которых я назову тебе: невежда, который берется поучать знающих; мудрец, скрывающий свой разум и достоинства; мечтатель, стремящийся к недостижимому и недоступному; кичливый злодей, полагающий, что ему все дозволено; самонадеянный правитель, не желающий принимать советов своих искренних друзей, считающийся лишь с собственным мнением; честолюбивый царедворец, пытающийся обмануть царя, не обладая для этого достаточной хитростью; ученик, преданный науке, но вступающий в спор и не соглашающийся с тем, кто более сведущ; льстивый придворный, домогающийся близости к повелителю, не питая к нему искреннего чувства; царь, дарящий свою благосклонность недостойным и наглым слугам, презирающим тех, кто пытается наставить их на путь добра и благочестия».

Сказав это, Илад умолк и, видя, что царь сидит потупив голову, понял, что его тоска по Ирахт стала нестерпимой и что если он не увидит ее, то лишится разума. И тогда вазир промолвил: «Если повелитель прикажет, я приведу к нему живой и невредимой ту, которую он любит больше жизни и так желает увидеть. Тогда, может быть, повелитель простит своему рабу его дерзкие речи, которыми тот так долго испытывал его терпение. Поистине, нет, не бывало ранее и не будет никогда на земле царя, равного тебе, ибо ты совладал со своим гневом и не потерял сдержанности и благоразумия. Я, ничтожный и недостойный, малый червь по сравнению с тобой,

обращался к тебе с дерзкими речами, но тебя не покидало спокойствие и благожелательность, разум и сдержанность, ибо ты добр и миролюбив и не хочешь обижать ближних. Случилось так, что тебя постигла беда, причиной которой было неблагоприятное расположение созвездий, но тебе не следует грустить и отчаиваться, смирись с божественным предопределением и успокойся, ибо тебе больше не угрожает никакая опасность. Я дивлюсь твоему долготерпению — ведь царь жестокий и высокомерный не стал бы выслушивать меня, а казнил бы или подверг опале, обесславив и опозорив, забыв о моей долгой и верной службе, об искренних советах и о том, что я не раз избавлял тебя от жестоких бед и спасал от смерти. И подобный правитель, казнив своего преданного слугу и раба, сразу раскаялся бы и пожалел о своем поступке, хотя раскаяние было бы бесполезно и лишь увеличило грусть и заботу.

Ты же, о великий царь, острый разумом, благородней и великодушный, стерпел мою дерзость и не дал гневу ослепить тебя и погубить твой разум. Ты выслушал меня, хотя я слаб пред тобой и ничтожен, и я благодарю тебя за это, зная, что совершил проступок, достойный строгого наказания и даже казни. Но речи мои были вызваны не ослушанием, но искренней преданностью и любовью».

Услышав, что Ирахт жива, царь Шадирам преисполнился великой радости и ликования и сказал Иладу: «Я не гневался на тебя, потому что мне известно, как ты мудр, правдив и предан своему повелителю. И зная твою прозорливость и предусмотрительность, я надеялся, что ты не выполнил моего повеления и не казнил Ирахт, ведь даже если она совершила великий грех, нагрубив царю словом и делом, то сделала это не из вражды к нему и не желая причинить вреда, а лишь из женской ревности. И мне подобало не обратить внимания на ее грубость и стерпеть, так как я сам был причиной ее поступка. Я был уверен, что ты не примешь всерьез моего приказа о казни Ирахт, но ты пожелал подвергнуть меня испытанию, держа в страхе и сомнении, ибо опасался наказания за непослушание. Но я не гневаюсь на тебя, напротив, ты оказал мне величайшее благодеяние, и я тебе несказанно благодарен. Ступай же и приведи ко мне Ирахт».

И вазир, оставив царя, пришел к себе домой и, войдя в те покои, где была Ирахт, попросил ее нарядиться в самые роскошные одежды и привел ее к царю Шадираму.

Войдя в покои своего супруга, Ирахт совершила земной поклон, а потом встала перед ним, сложив руки, и сказала: «Слава всевышнему богу и слава Шадираму, великому царю, оказавшему мне великую милость. Я совершила великий грех и заслуживала казни, но он простил меня по своей кротости и мягкости и благородству нрава. Слава и хвала Иладу, который не спешил решать мое дело и спас меня от смерти, ибо знал, что наш повелитель милосерд и добр, щедр на прощение, благороден и соблюдает обеты».

И царь Шадирам промолвил, обращаясь к вазиру: «Как велико благодеяние, которое ты оказал мне, царице Ирахт и всем моим подданным и народу, ибо ты словно оживил всех нас, вернув мне мою царицу живой и невредимой, хотя получил приказание, требующее ее казни, ты словно подарил ее мне сегодня, и я всегда буду следовать твоему совету. Сегодня ты в моих глазах еще более велик и славен, и я вручаю тебе все дела моей державы, дабы ты решал их по своей воле. Я вверяю тебе мою жизнь и мое царство, полный благодарности и веры».

И вазир ответил: «О царь, пусть вечными будут твоя власть и твое счастье, я не заслуживаю похвал — ведь я лишь твой верный раб и слуга. Но я прошу повелителя не спешить в решении важных дел, ибо поспешность влечет за собой раскаяние и печаль, как было в тот час, когда царь приказал казнить царицу Ирахт, мудрую и нежную, равной которой не найти на всей земле».

«Ты сказал правду, Илад, — молвил царь Шадирам. — И я принимаю твое слово и с сегодняшнего дня не совершу ни одного дела, даже малого, не говоря о великом, подобном тому, из-за которого я чуть не лишился жизни, не подумав и не посоветовавшись со своими разумными и верными друзьями».

И царь, щедро одарив Илада, велел ему решить участь брахманов, которые посоветовали царю перебить всех его близких, и он предал их мечу. И стали благоденствовать царь Шадирам и его вельможи, восхваляя всевышнего бога и мудрого Кабариона, обладателя бесценных знаний, великих достоинств и мудрости, ибо он спас от неминуемой гибели царя Шадирама, царицу Ирахт, царевича и верного вазира Илада».

ГЛАВА О КРЫСЕ И КОШКЕ

Царь Дабшалим сказал: «Я понял твою притчу. А теперь поведай мне о том, кто умел спастись от многочисленных врагов, окружавших его со всех сторон, так что гибель его казалась неизбежной. Но он нашел выход, примкнул к одному из своих противников, примирившись с ним, а избавившись от грозящей опасности, сохранил верность своему союзнику». Мудрый Байдаба ответил: «Вражда и дружба, склонность и отвращение редко бывают постоянными и долговечными. Часто любовь переходит в ненависть и вражда сменяется дружбой и любовью. Происходит это по множеству причин и доказано на опыте. Дальновидный человек в каждом случае принимает новое решение: на действия врага он отвечает силой, а друга удерживает мягкостью и лаской. Но разумному человеку не помешает вражда, которую он питает к своему противнику и сопернику, сблизиться с ним и прибегнуть к его помощи, чтобы избежать страшной опасности или достигнуть желанной цели, если у него есть надежда получить эту помощь и он достаточно хитер и искусен, для того чтобы враг ему поверил. Кто будет поступать смело и решительно, добьется всего, чего пожелает. Я расскажу тебе притчу о крысе и кошке, которые попали в беду и, лишь заключив друг с другом мир, сумели избежать гибели». — «Как это было и что это за притча?» — спросил царь Дабшалим, и мудрый Байдаба начал:

«Рассказывают, что у подножья огромного дерева жила дикая кошка, которую звали Руми, а неподалеку от нее вырыла себе нору крыса по имени Фаридун. Это место часто посещали охотники на дикого зверя и птицу, и однажды некий охотник прошел на рассвете мимо дерева и установил силки как раз там, где любила проходить

кошка Руми, и та, не заметив веревок, попала в сети. В тот же час из норы выглянула крыса Фаридун, намереваясь выйти и поискать себе корма. Она побежала, озираясь во все стороны, потому что боялась кошку. Увидев, что кошка попала в сети, крыса преисполнилась великой радости, но, оглянувшись, увидела, что за ней крадется ласка и вот-вот схватит ее. Подняв голову, крыса заметила на дереве сову, которая приготовилась броситься на нее, чтобы поймать, пока не взойдет солнце и не ослепнут ее очи.

Крыса остановилась в замешательстве и страхе, не зная, как ей поступить: если она повернет назад, ее схватит ласка, если побежит направо или налево, на нее с дерева бросится сова, а если устремится вперед, то попадет в когти кошки. И она сказала себе: «Кругом беда, со всех сторон опасности, и одно зло хуже другого! Но ведь со мной — мой разум, и негоже мне падать духом, отчаиваться и терять самообладание, словно мое сердце разорвано на части, — разумный и предусмотрительный никогда не поддается страху и его ни при каких обстоятельствах не покидает рассудок, ведь глубины разума подобны пучине бездонного моря. Тот, кто наделен разумом, во всеоружии встретит любую беду и не даст ей погубить себя так же, как не опьяняется и не теряет головы и не бывает ослеплен своей удачей, когда исполняются его заветные желания. Сейчас я не вижу для себя иного выхода, кроме примирения со своим исконным врагом — кошкой, ведь она попала почти в такую же беду, как и я. Может быть, если она благосклонно выслушает мои слова и поймет мои речи, то убедится, что я говорю чистую правду и не таю в сердце лжи и обмана, и согласится помочь мне, так что мы обе спасемся».

Так порешив, крыса подошла к кошке и спросила: «Как дела?» И кошка ответила: «Так, как тебе и хотелось: я попала в беду и погибну». — «Клянусь жизнью, это не так, — возразила крыса. — Если раньше я желала тебе зла, то сегодня я твой товарищ по несчастью и мы обе спасемся, только если поможем друг другу, поэтому я обратилась к тебе, презрев опасность. Поверь мне, в моих словах нет ни капли лжи и обмана: сзади меня преследует ласка, а сверху стережет сова, и обе они враги и тебе и мне, и обе боятся тебя, потому что ты сильнее. Если ты обещаешь не тронуть меня, я подойду к тебе и разгрызу веревки и сети, так что освобожу тебя и укроюсь под твоей защитой. Таким образом мы спасем друг друга. Доверься же

мне, не будь подозрительна и вероломна. Ведь не зря говорится: «Худшие из всех творений божьих — подозрительный, не верящий никому, и вероломный, кому никто не доверяет». Я, доверяясь тебе, могу поплатиться жизнью, тебе же наш договор принесет лишь освобождение и благо. Но не медли и торопись, ибо разумный никогда не откладывает завершения важного дела. Радуйся моему спасению, как я обрадуюсь твоему освобождению от силков, поможем друг другу, будем словно моряки и корабль в бурном море: корабль несет на себе людей и уберегает их от гибели в волнах моря, а они правят парусами и рулем и не дают кораблю разбиться о подводные камни».

Выслушав речи крысы и поняв, что та искрения и не помышляет о предательстве и обмане, кошка сказала: «Твои слова похожи на правду, и я согласна на наш уговор, с помощью которого мы поможем друг другу и освободимся. Я всю жизнь буду тебе благодарна, и если ты освободишь меня, то получишь богатый подарок».

И крыса сказала: «Тогда я подойду к тебе и перегрызу веревки, кроме одной, самой крепкой. Ее я оставлю до поры, чтобы обезопасить себя, ибо я до конца не верю твоему слову». И крыса подбежала к пленной кошке, стала грызть тенета, а ласка и сова, увидев, что крыса находится возле самой кошки, оставили надежду схватить ее и убрались восвояси.

Но крыса не торопилась освободить кошку, и Руми спросила: «Почему ты так медленно грызешь эти веревки? Едва ты добилась, чего хотела, как забыла о нашем уговоре! Так не поступают достойные и праведные — они не медлят, а, напротив, спешат помочь своему другу. Сдается мне, что ты раньше выказывала мне любовь только потому, что видела в этом для себя великую пользу. Я помогла тебе, и ты должна вознаградить меня за это, забыв о том, что прежде мы с тобой были врагами, ведь мы заключили с тобой мир и должны быть друзьями навеки. Да и притом, предательство имеет наихудшие последствия, а верность — высшее из достоинств и влечет за собою награду и воздаяние. Благородный всегда великодушен и не бывает злопамятным, и одно доброе дело заставляет его забыть о многих обидах. Недаром говорится: «Изменнику — самое скорое воздаяние». И не иначе как изменником можно назвать того, кто не сжалился и не простил, когда его просили об этом».

«Друзья бывают двух родов, — ответила крыса. — Один принужден к сближению обстоятельствами, хотя и домогается выгоды и сторонится ущерба, а другой дружит по своей воле и любит тебя от всего сердца. Такому всегда можно довериться и раскрыть перед ним душу. Что же касается друга невольного, то на него можно полагаться лишь в некоторых случаях, а в остальное время следует остерегаться его, и разумный оставляет часть его просьб невыполненной как залог, что тот не совершит тех поступков, которых ты опасался, ибо друг корыстный желает лишь как можно скорее получить пользу от своей дружбы и добиться того, на что питает надежду. Я исполню то, что обещала тебе, но при этом я соблюдаю осторожность, ибо страшусь, что ты совершишь со мной такое дело, ужас которого заставил меня прибегнуть к примирению с тобой, а тебя принудил принять мою дружбу. Каждому делу — свой срок, а то, что происходит не вовремя, не имеет благих последствий. Я перегрызу все твои сети и тенета и оставлю лишь один узел в залог своей безопасности — его я перегрызу в тот час, когда буду знать, что тебе не до меня и ты занята спасением собственной жизни, — не раньше, чем тебе будет угрожать смертельная опасность».

Сказав это, крыса стала грызть сети, в которых запуталась кошка, и в это время появился охотник. «Пришло время доказать, насколько верна твоя дружба», — крикнула кошка, и крыса стала из всех сил грызть сети, и когда охотник приблизился, она перегрызла последний узел, и кошка прыгнула на дерево, так что охотник отпрянул в страхе, а крыса тем временем юркнула в нору. И тот человек вернулся ни с чем, подобрав изорванные тенета.

Тогда крыса вышла из своей норы, но боялась приблизиться к кошке, и та позвала ее: «О верная подруга, ты спасла мне жизнь и заслужила мою вечную благодарность! Что мешает тебе подойти ко мне поближе, чтобы я воздала тебе добром за добро и радостью за радость? Иди сюда, не забывай обо мне, ведь тот, кто забудет друга, теряет его и лишается плодов, которые могла бы принести ему дружба, а его товарищи и собратья разочаровываются в нем, отчаявшись в пользе общения с ним. Невозможно презреть благодеяние, которое ты оказала мне, и ты вправе требовать за него воздаяния и от меня, и от всех моих близких. Ничего не бойся и не опасайся и знай, что я готова

отдать тебе все мое имущество и достояние!» И сказав это, кошка поклялась, что все ее слова — истинная правда.

Но крыса ответила издали: «Как часто тайная вражда облекается в одежды дружбы, и она сильнее, чем явная враждебность. Кто не остережется от тайной вражды, уподобится человеку, взобравшемуся на бивни бешеного слона и уснувшему там. Он проснется на земле, под ногами слона, и тот в ярости растопчет его. Друг зовется другом из-за той пользы, которую ты надеешься получить от него, как враг называется врагом потому, что ты опасаешься от него вреда и ущерба. Если разумный хочет, чтобы его враг был для него полезен, он старается сделать его своим другом, а если боится, что друг повредит ему, начинает враждовать с ним. Неужто ты не понимаешь этого? Звереныш повсюду следует за своей матерью, пока она дает ему молоко, а когда ее сосцы истощаются, он оставляет ее. Облако то собирается, то расходится, то проливается дождем, то проходит мимо, повинуясь воле ветра. Так и разумный меняет свое поведение сообразно обстоятельствам и избирает себе друзей согласно своим потребностям — одним он доверяется, с другими скрытен и холоден, выказывает то удовлетворение, то недовольство, все прощает или обижается на мелочи. Часто друзья охладевают и связь между ними слабеет, но они не вредят друг другу, потому что никогда не были врагами. Но если вражда существовала искони и передавалась из поколения в поколение, а дружба была вызвана лишь временными обстоятельствами, то она проходит, как только исчезают эти обстоятельства, и место ее занимает старая вражда, и все возвращается к прежнему положению, — ведь если нагреешь воду на огне и погасишь костер, вода остынет. У меня нет врага опаснее, чем ты, но случилось так, что нужда заставила нас примириться и стать друзьями, а теперь мы больше не нуждаемся друг в друге, и я боюсь, что у нас нет причин продолжать нашу дружбу. Негоже слабому приближаться к сильному противнику, страшно малому быть наперсником славного и великого. Непонятно мне, для чего я тебе понадобилась, и полагаю, что ты хотела бы съесть меня, у меня же нет никакого желания снова видеть тебя и общаться с тобой, ибо я не верю тебе. И я убедилась в том, что скорее спасется от беды слабый, что постоянно опасается сильного врага, чем сильный, кичащийся перед слабым и доверяющийся ему. Разумный примиряется с врагом, если принужден

к этому, всячески старается заслужить его доверие, выказать свою любовь и, если это необходимо, делает вид, что откровенен с ним и ничего от него не скрывает, но как только появляется возможность быть подальше от него, спешит оставить. И убедилась я также в том, что доверчивый и легковерный часто совершает непоправимые ошибки.

Разумный верен обещаниям, которые дал врагу, и свято исполняет их, но никогда полностью ему не доверяется и не чувствует себя в безопасности рядом со своим прежним врагом, какую бы дружбу тот ему ни выказывал. Он знает, что лучше быть от сильного врага подальше. Я люблю тебя издали и желаю тебе мира и долгой жизни, хотя раньше желала противного. И тебе следует воздать за мою услугу только тем же, потому что нам не дано больше встретиться и жить рядом».

ГЛАВА О ЦАРЕВИЧЕ И ПТИЦЕ ФАНЗА[42]

И сказал царь Дабшалим философу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи о попавшем в беду, обратившемся за помощью к одному из врагов, окруживших его, который примирился и подружился с одним из них и благодаря этому избежал смертельной опасности и остался цел и невредим. А теперь расскажи мне о тех, что жаждут мести и в то же время опасаются друг друга». — «Я поведаю тебе такую притчу», — промолвил Байдаба и начал:

«Рассказывают, что жил некогда в Индии царь по имени Баридун и у него была птица фанза, которая вывела птенца в царском дворце. И сама птица, и ее птенец умели говорить, словно люди, и были необыкновенно разумны и красноречивы. Царь любил их и восхищался ими. Он повелел поместить их в покоях царицы и беречь их, и фанза со своим птенцом жила вместе с маленьким сыном царя, так как мальчик полюбил птенца, постоянно играл с ним и держал у себя на коленях. Каждый день птица фанза улетала за дальние горы и приносила диковинные плоды и душистые травы. Половину она отдавала птенцу, а другую половину — царскому сыну. Оба они ели эти чудесные плоды и быстро росли и крепли. Царь, заметив это, стал еще больше любить и почитать свою птицу.

Однажды, когда фанза улетела по своему обыкновению в горы, чтобы собирать плоды и травы, царевич взял ее птенца на колени, и тот нагадил ему на платье. Мальчик, рассердившись, схватил его и ударил оземь, так что птенец тут же умер. Тут прилетела птица фанза и, увидев свое дитя бездыханным, громко закричала в несказанном горе: «Позор царям, что не ведают ни верности, ни дружбы! Горе

легковерному, которому послано тяжкое испытание — быть другом царя, не признающего ничего святого и заветного, проявляющего лицемерную благосклонность лишь к тому, у кого желает отобрать его богатство или воспользоваться его мудростью и знаниями! Такие цари выказывают лицемерную дружбу и почтение, а когда получат то, что им нужно, то нет уж ни любви, ни братства, ни благодеяния, ни прощения, ни признательности! В них нет ничего, кроме лицемерия и пороков, они считают свои великие грехи ничтожными, но жестоко карают за малый проступок, если ты станешь перечить их желаниям. К таким принадлежит и этот царь, неверный и неблагодарный, изменник, предавший своего друга!»

Потом птица фанза, вне себя от горя, налетела на царевича и, вцепившись ему в лицо когтями, вырвала глаз и, вылетев в окно, села на крышу дворца.

Когда царю рассказали, что случилось, горю его не было пределов и он решил отомстить птице, изуродовавшей его сына. Встав под тем местом, где сидела фанза, он крикнул: «Спустись ко мне, я обещаю, что не сделаю тебе ничего дурного!» Но птица сказала: «О царь, изменнику не избежать наказания за свою измену, и если даже возмездие не будет немедленным, то оно неотвратимо и постигнет его потомков и потомков их потомков. Твой сын предательски убил мое дитя, и возмездие было скорым».

Царь ответил птице: «Клянусь жизнью, мы убили твоего сына, а ты нам отомстила, нам больше не надо мстить друг другу, возвращайся к нам и живи с нами как прежде в радости и покое». Но фанза крикнула с крыши: «Я больше никогда не вернусь к вам, ибо разумные и прозорливые предостерегают от сближения с тем, кому отомстили, считая, что они квиты. Пусть же мягкость, любезность и почтительность не обманывают тебя, ибо ненависть не исчезла, и ты должен еще больше остерегаться и опасаться вражеской злобы. Нет убежища от ненавистника надежнее, чем страх перед ним, и если хочешь остаться невредим — держись от него подальше. Недаром говорится: «Разумный считает родителей друзьями, братьев — товарищами, жен — спутницами, сыновей — продолжением рода, дочерей — бременем, родичей — врагами, а себя — одиноким странником в этом мире». И я — одинокая, не имеющая никого на чужбине, преследуемая и гонимая, получила от тебя в награду тяжкую

ношу горя, которую со мной никто не разделит. Я улетаю, а ты оставайся с миром».

Царь возразил: «Дело обстояло бы так, как ты говоришь, если бы ты ни с того ни с сего набросилась на моего сына, но ведь твой поступок был вызван горем и жаждой мести. Но если мы были виноваты, то в чем твой грех и твоя вина и что мешает тебе верить мне как прежде? Вернись к нам, никто не сделает тебе ничего дурного!» — «Ненависть оставляет в сердцах незаживающие болезненные раны, — ответила фанза, — а язык не всегда раскрывает то, что таится в душе, и сердцем своим я лучше постигаю то, что творится с твоим сердцем, даже если твой язык обманчив. Мы оба поняли, что не доверяем друг другу, ибо сердце — свидетель более верный, чем язык».

Царь промолвил: «Разве ты не знаешь, что многие люди питают друг к другу ненависть и злобу, но те, которые обладают разумом, стремятся убить ненависть, а не давать ей все новую пищу». — «Да, ты прав, — согласилась фанза. — Однако всякий, находящийся в здравом рассудке, не может представить себе, чтобы тот, кому отомстили, забыл свою ненависть к мстителю и помышлял о чем-нибудь ином, кроме мести. Разумный должен опасаться всяких хитростей, обмана и коварства и помнить, что если враг не может одолеть силой, он заманивает мягкостью и притворной дружбой, как дикого слона заманивают в неволю с помощью слона ручного».

«Благородный и рассудительный не оставляет своего друга, — возразил царь. — Он не бросит того, кто был ему вместо брата, не предаст забвению любовь и заботу, даже если боится, что заплатит за привязанность своей жизнью. Мы видим примеры подлинной верности у животных, что стоят ниже нас. Скоморохи, которые учат собак выделывать разные забавные штуки, часто режут их и едят, если у них нет иной пищи. Другие собаки, прирученные скоморохами, видят это, но не оставляют своих хозяев и не перестают любить их, потому что те заботятся о них».

Фанза сказала: «Страшна ненависть, где бы ты ее ни встретил. Но страшнее всего та неукротимая ненависть и злоба, что угнездилась в сердце царя, ибо законы царей — мщение, а их слава и гордость — насилие и жажда мести. Разумный и рассудительный не должен обольщаться, видя, что ненависть его врага словно замерла в его сердце и утихла. Ведь ненависть, скрытая в сердце, таится до поры,

пока не найдет причины, что приведет ее в движение. Она подобна тлеющему углю, лежащему среди пепла, пока в костер не подкинут хвороста. Ненависть постоянно ждет причины, чтобы вновь вспыхнуть, как огонь ждет дров, чтобы разгореться, и если отыщет такую причину, то запылает, словно адское пламя, и ее не потушат ни добрые слова, ни мягкие речи, ни смиренные уговоры, ни униженные мольбы — ничто не утишит ее, кроме гибели врага. Часто мститель не прочь примириться с врагом, желая получить от него что-нибудь или надеясь на его защиту и покровительство, но я слишком слаба и ничтожна и не могу услужить тебе так, чтобы ты забыл о своей ненависти ко мне. И даже если ты по-прежнему благосклонен ко мне, как ты утверждаешь, то и это бесполезно — я не перестану бояться, дичиться и подозревать тебя, пока мы будем рядом. Нам не остается ничего иного, как расстаться. Я улетаю, а ты оставайся с миром».

Царь промолвил: «Ты знаешь, что и польза, и вред, и великое, и малое происходят лишь по воле судьбы и божьего соизволения, что в сотворении и рождении, жизни и смерти, гибели и исчезновении нет ни вины, ни заслуги тех, кто смертен. Поэтому на моем сыне нет никакой вины в смерти твоего птенца, а тебя нельзя наказывать за то, что царевич лишился глаза, — и то и другое было предопределено предвечным, и никто из нас не был причиной великого несчастья, ниспосланного нам свыше».

«Ты прав, судьба и рок правят миром, — промолвила фанза, — но разве может это помешать благоразумному и рассудительному сторониться беды и остерегаться опасности? Можно верить в судьбу и предопределение и вместе с тем быть осторожным и предусмотрительным и надеяться на собственные силы. Я знаю: ты говоришь вовсе не то, что чувствуешь, ведь произошло между нами великое дело: царевич погубил мое дитя, а я вырвала глаз у твоего сына, и ты хотел бы утолить жажду мести, убив меня и лишив жизни. Но ни одна живая душа не желает смерти. Издавна говорили: «Бедность — несчастье, печаль — несчастье, близость врага — несчастье, недуг — несчастье, старость — несчастье, а смерть — вершина всех несчастий». Никто не узнает, что творится в душе страдальца, пораженного утратой, пока не испытает подобного. Я знаю, что у тебя в душе, ибо чувствую то же; и нам не следует больше быть вместе, ведь едва ты вспомнишь, что я сделала с твоим сыном,

как преисполнишься ко мне жгучей ненавистью, а я, вспомнив, как царевич убил моего единственного птенчика, вновь испытаю неукротимую злобу».

Царь воскликнул: «Злонравен тот, кто не в силах отрешиться от ненависти, оставить и предать забвению ее, чтобы она навсегда изгладилась из памяти и из сердца!» И фанза на это ответила:

«Кто страдает язвами на стопе и вынужден долго ходить пешком, неминуемо разбередит свои язвы; кто мучается воспалением глаз и должен стоять лицом к ветру, засорит глаза, и воспаление увеличится; кто отомстил врагу и вступает с ним в общение, бередит его ненависть и подвергает себя смертельной опасности. Всякий, живущий в этом мире, должен избегать беды, способной погубить его, поступать сообразно обстоятельствам, быть предусмотрительным, не надеясь на свою силу, и не обольщаться обещаниями тех, на кого нельзя положиться. Горделивый и самоуверенный неминуемо ступит на опасный путь и ввергнет себя в пучины гибели. Он уподобится обжоре, погибшему оттого, что не рассчитал своих сил и съел больше того, что смогла вместить его утроба, — ведь если разинешь рот на слишком большой кусок, можешь подавиться и умереть. А кто поверит речам своего врага, будет ими обольщен, обманут и ослеплен, станет сам себе злейшим врагом.

Нечего ссылаться на неотвратимую судьбу, которая неизвестно что принесет, следует действовать решительно и рассчитывать только на себя, не доверяясь ни ближнему, ни дальнему, ни врагу, ни другу, ибо разумный никому не вверяет свою жизнь, пока может обойтись без помощи и поддержки. Он никогда не согласится жить в постоянном страхе и найдет какой-нибудь выход. Предо мною множество дорог, и я надеюсь, что изберу себе путь, что будет мне ко благу, ибо я обладаю пятью свойствами, которые пригодятся всюду, скрашивают одиночество на чужбине, делают невозможное доступным, помогают приобрести друзей и богатство. Первое из этих свойств — миролюбие и доброжелательность, второе — вежливость и воспитанность, третье прямота и доверчивость, четвертое — благородство нрава и пятое — честность во всех поступках.

Когда опасаешься за свою жизнь, то оставляешь без сожаления богатство, семью, детей и родные земли, ибо всему этому можно найти замену, не найти замены лишь собственной жизни. Богатство часто не

приносит пользы, ибо побуждает к скупости, среди жен немало таких, что ссорятся с мужем, дети бывают непокорны и неблагодарны, друзья часто изменяют в беде. А худшая из бед — жестокий и неправедный царь, которого боятся честный и невиновный, правитель, не заботящийся о благе своих подданных и приближенных, владеющий худшей из стран, ибо в ней не может быть ни процветания, ни мира и спокойствия. О царь, я не могу быть спокойна и уверена в своей безопасности, пока нахожусь рядом с тобой!»

И попрощавшись с царем, птица фанза оставила его и улетела. Вот притча о мстителях, которые должны опасаться друг друга».

ГЛАВА О ЛЬВЕ И БЛАГОЧЕСТИВОМ ШАКАЛЕ

И сказал царь Дабшалим мудрецу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи, а теперь поведай мне другую притчу: о царе, который хочет вернуть царедворца, наказанного им безвинно, или друга, которого подверг он опале и немилости, несмотря на то что тот не совершил греха». И мудрец ответил: «Если царь не захочет вернуть опального царедворца — совершил ли тот какой-нибудь грех или не совершил, виновен тот либо невиновен, — то это не наносит ущерба делам его державы. Но царь должен поразмыслить, каков тот человек, которого он наказал и удалил от себя и есть ли от него польза. Если он способен дать дельный совет и достоин доверия, то царю должно приложить все старание, дабы вернуть его наградой и ласковым обхождением, — ведь царством управляют лишь с помощью мудрых помощников-советников и вазиров, а их привлекают мягкостью и любовью, которой достойны лишь мужи добродетельные и разумные.

У правителя множество важных дел, поэтому он нуждается в многочисленных наместниках и помощниках, но среди них мало людей, в которых разум сочетался бы с добродетелью. Правителю следует избирать себе помощников и наместников после того, как он испытает каждого и узнает все его недостатки и достоинства, или общаясь с ним, или через своих доверенных и соглядатаев. Узнав, как справляется каждый из тех людей с делом, к которому приставлен, царь, назначая на высшую должность, должен отдавать предпочтение разумным и честным, недостатки которых простительны и не повредят делу. Но если недостатки способны помешать исполнению

порученного дела, такой человек вряд ли будет достойным высокого сана. Назначив наместника, царь не должен оставлять его своим вниманием и постоянно наблюдать за ним, или поручить наблюдение своему вазиру, которому полностью доверяет, дабы знать все похвальные поступки и прегрешения и не оставить добродетельного без награды, а недостойного — без наказания, ибо если всем будет равная цена в глазах правителя, то злодей, осмелев, укрепится в своем злодействе, а достойный муж будет проявлять небрежение, и царство начнет клониться к упадку. Тогда случится, как в притче о льве и шакале». — «А что случилось со львом и шакалом и о чем рассказывается в этой притче?» — спросил царь, и мудрец начал:

«Рассказывают, что некогда жил шакал в горном ущелье, и был он целомудренным и богобоязненным и не обращал внимания ни на лисиц, ни на волчиц, ни на дочерей своего племени. И ни в чем не уподоблялся этот шакал своим собратьям, он не охотился, не ел мяса и не проливал крови. И окрестные звери, недовольные его поведением, собрались как-то к нему и сказали: «Нам не нравится, как ты живешь, и мы не можем одобрить твое показное благочестие, которое к тому же совершенно бесполезно для тебя: как-никак ты такой же, как и мы, и не можешь быть ничем иным, и должен охотиться вместе с нами и делать то же, что и мы. Почему ты решил не проливать крови и не есть мяса?»

Благочестивый шакал ответил: «То, что я принадлежу к тому же роду, что и вы — дикие звери, и общаюсь с вами, не сделает меня грешником, если я сам не согрешу, ибо праведность и греховность определяется не по тому, где ты живешь и с кем общаешься, а по твоим делам и сердечным помышлениям. И если бы поступки, совершенные в святом месте, почитались бы праведными, а то, что случилось в месте дурном, причислялось бы к греху, то можно было бы считать, что злодей, убивший молящегося праведника в михрабе мечети, не совершил греха, а тот, кто пощадил неверного врага на поле боя, отягощен прегрешениями. Я лишь принадлежу к вашему роду и время от времени общаюсь с вами, но своими делами и помышлениями я далек от вас, ибо знаю, какие плоды могут принести ваши поступки. Поэтому я и останусь в своем прежнем мнении и положении».

И шакал, проявив твердость и решительность, продолжал избегать охоты и кровопролития и прославился своей праведностью и

благочестием. Вести о нем дошли до льва — царя тех земель, и он пожелал приблизить к себе шакала — мужа добродетельного, надежного, верного, благочестивого и бескорыстного, и он послал за ним, призывая его к царскому двору. Когда шакал прибыл ко льву, тот принял его со всеми почестями, ласково обошелся с ним, побеседовал и увидел, что рассказы о достоинствах его правдивы и он соответствует той цели, для которой царь предназначил его.

Через несколько дней царь зверей снова призвал шакала и сказал ему: «Тебе известно, что у меня немало наместников, что же касается сторонников и помощников, то их у меня великое множество. Но я нуждаюсь в верных людях, что отличались бы честностью и неподкупностью. Мне сообщили, что ты муж добродетельный, благочестивый, благоразумный и образованный, и пожелал я приблизить тебя к своему престолу. Я возведу тебя к высоким степеням чести и поручу тебе великое дело, сделав своим советником и приближенным».

Шакал ответил: «Царям должно выбирать себе достойных наместников и помощников в выполнении важных дел, но не пристало им принуждать кого-либо к этому и заставлять одного из своих подданных браться за дело помимо его воли, ибо никто не исполняет дела со всем тщанием по принуждению. Я же неспособен к ведению царских дел и не имею к тому ни способностей, ни желания, и у меня нет никакого опыта и стремления властвовать. Ты — царь и повелитель всех зверей, у тебя неисчислимое множество подданных всякого звериного рода и племени. Среди них есть сильные и благородные, обладатели острых клыков и мощных когтей. Такие звери и должны быть твоими помощниками и наместниками, ибо они превозносятся своей силой и жаждут власти, и если твой выбор падет на них, они несказанно обрадуются и будут счастливы».

«Оставь эти слова! — возразил лев. — Я ни за что не откажусь от своего намерения и назначу тебя своим наместником!» И шакал промолвил: «Я не способен к царской службе. Царю могут служить двое: либо лицемерный злодей, достигающий своей цели злодейством и спасающийся от кары за него лицемерием, либо ничтожный глупец, презренный даже завистниками. Кто же стремится исполнять царскую службу верой и правдой, не будучи искушен в искусстве лицемерия, редко остается целым и невредимым, ибо против него ополчаются и

враги, и друзья правителя, объединенные враждой и завистью. Друг царя будет завидовать благоволению своего покровителя и постарается оговорить соперника, а враг преисполнится ненависти за те советы, которые правдивый и бескорыстный дает царю, спасая его от вражеских козней. А коли все пойдут против одного, то ему не миновать падения и позорной смерти».

Царь воскликнул: «Не думай о зависти и кознях завистников! Ты будешь рядом со мной, и я избавлю тебя от этого, осыплю почестями и благодеяниями и подниму тебя до таких степеней достоинства, которые соответствуют твоим добродетелям!» Но шакал ответил: «Если царь желает сделать мне доброе дело, пусть разрешит мне вернуться в родные места, и я буду жить в пустыне, в покое и безопасности, ни о чем не заботясь и ни о чем не помышляя, довольствуясь свежей травой и прохладной водой, ибо ведомо мне, что приближенный царя за один час испытает столько страха, обид и огорчений, сколько прочие не испытают за всю свою жизнь, а ведь прожить немного, будучи избавленным от страха и беспокойства, лучше, чем влачить долгие дни в постоянных опасениях и вечной тревоге».

«Я выслушал твои слова, — сказал лев. — Не думай о том, чего, как я вижу, ты боишься, и знай, что я твердо решился воспользоваться твоими услугами и сделать тебя своим помощником и приближенным». — «Если уж царь настаивает на этом, — промолвил шакал, — то я хочу, чтобы он дал мне слово, что не будет спешить с решением моего дела, проявит твердость и решительность и хорошенько расследует и поразмыслит, если до его ушей дойдут порочащие меня слухи. Быть может, кто-нибудь из его приближенных, стоящих выше меня по званию и должности, будет опасаться за свое место, или тот, кто ниже меня, будет жаждать занять мое положение. Они сами или через своих приверженцев и сторонников станут поносить меня перед царем, желая настроить его против меня. Тогда царь должен вспомнить мои слова и не действовать необдуманно, а взвесить все слова и поступки, мои и моих противников, а затем уже поступать как ему заблагорассудится. И если я буду уверен в этом, то не пожалею отдать жизнь, выполняя царскую волю, и буду верным помощником и советником государя, зная, что обезопасил себя от поспешного решения и не буду моим врагам легкой жертвой». — «Я

обещаю тебе это, и еще больше!» — воскликнул лев. Он назначил шакала хранителем своих сокровищ, осыпал дарами и почитал превыше всех своих приближенных.

Увидев, как отличает царь шакала, придворные огорчились и рассердились, и все как один, сговорились настроить льва против его нового советника, чтобы погубить его. Как-то льву особенно понравилось поданное ему на обед мясо, и он приказал отложить остаток и хранить его в самом надежном месте, среди его сокровищ, чтобы потом съесть его и насладиться изысканным блюдом. Шакал велел отнести мясо в сокровищницу и беречь его пуще ока, но враги его сумели проникнуть в сокровищницу, забрали мясо, когда шакал находился в царских покоях, спрятали это мясо в его доме и вернулись, порешив оклеветать шакала, как только наступит подходящий случай. На следующий день, когда настало время трапезы, лев велел подать ему на обед вчерашнее мясо, которое пришлось ему особенно по вкусу. Стали искать его в сокровищнице, куда отнесли его, но мяса не было на месте, и шакал, не ведая о том, что устроили придворные, был вне себя от беспокойства.

Между тем заговорщики явились в царские покои и уселись перед царем. Царь, гневаясь на промедление, снова и снова приказывал принести ему мясо, но мяса все не было. Тогда придворные, враги шакала, стали посматривать друг на друга, и наконец один из них сказал, словно соболезнуя о несчастье и желая, чтобы царь узнал всю правду: «Мы должны открыть глаза нашему царю, дабы узнал он, кто его друг и желает ему добра, а кто его враг и вредит, где только может, даже если это будет тяжело и неприятно слышать некоторым здесь присутствующим. До меня дошло, что мясо, которое так понравилось нашему повелителю, унес шакал и припрятал у себя дома».

Другой сказал: «Не думаю, чтобы он сделал это, но следует обыскать его дом: никогда не знаешь, что на уме у твоего ближнего и каков его нрав».

Третий прибавил: «Клянусь жизнью, никто не ведает тайных мыслей и хитростей шакалов! И сдается мне, что если как следует поискать, то мясо найдется дома у этого шакала, — ведь все мы склонны поверить всему, что рассказывают о пороках и коварстве этих тварей!»

Тут вступил в разговор четвертый придворный льва и промолвил: «И если мы действительно найдем у него это мясо, то это будет не только предательством и изменой, но и худшей неблагодарностью, наглостью и поруганием милостей нашего повелителя».

Пятый прибавил: «Все вы — мужи справедливые и благородные, и я не в состоянии опровергнуть ваши слова. Если бы царь послал кого-нибудь в дом этого шакала, чтобы обыскать его, то дело стало бы ясным».

Шестой воскликнул: «Если повелитель желает обыскать его дом, то пусть он поспешит, ибо у этого шакала повсюду соглядатаи и подкупленные им изменники, которые тут же донесут ему обо всех наших разговорах, и он припрячет украденное мясо и окажется невиновным».

Седьмой придворный сказал, обращаясь к присутствующим: «Но разве есть грех или преступление, которые укрылись бы от нашего повелителя? Пусть не обманываются предатели — им не удастся ускользнуть от справедливого возмездия и наказания».

И восьмой согласился: «Невозможно спастись от возмездия тому, кто замыслил зло против правителя, — куда ему бежать и где он укроется? Повсюду настигнет его кара за содеянное, ибо у царя множество верных друзей и приверженцев, которые откроют местопребывание преступника».

Девятый придворный, который до сих пор молчал, начал: «Мне уже говорили о том, что этот шакал — злодей и изменник, но я позабыл об этом, а теперь эти слова пришли мне на память, после того как я выслушал ваши речи».

Десятый промолвил: «Как только я увидел этого шакала, то сразу понял, что он хитрец и обманщик и неспособен к верной службе. Я не раз говорил своим друзьям, и они могут засвидетельствовать это, что шакал — наглый обманщик, притворяющийся добродетельным и благочестивым и делающим вид, что милость царя ему в тягость. И вот мои подозрения подтвердились, ибо совершенное им нельзя назвать иначе как великой изменой!»

И вмешался одиннадцатый: «Вот увидите, когда обыщут его дом и найдут там мясо, он будет всячески оправдываться и отговариваться, применять различные хитрости и уловки, чтобы доказать, что он

невиновен, и станет доказывать, что его оговорили, а наш повелитель так милостив и великодушен, что простит шакалу эту измену».

Так говорили придворные, и наконец им удалось заронить в душу царя жестокое подозрение. Он приказал позвать к нему шакала и спросил его: «Где мясо, которое я велел тебе спрятать?» Шакал ответил: «Я отдал его царскому повару, чтобы тот приготовил его на обед нашему повелителю». Тогда лев позвал своего повара и спросил его, где мясо, и повар, который был в сговоре с врагами шакала, ответил: «Он не давал мне ничего, я не знаю никакого мяса». Тогда послал царь своего доверенного, чтобы тот обыскал дом шакала, и тот нашел там мясо и принес его царю зверей. Тогда волк, один из царских приближенных, который до этого хранил молчание, делая вид, что он из тех справедливых мужей, что не выскажут своего мнения, пока не узнают всю истину, приблизился к царю и сказал: «Теперь, когда царь узнал о предательстве шакала, он должен наказать изменника, и не дозволено прощать его, ибо если повелитель ныне пощадит шакала, никто больше не расскажет ему о предательстве или преступлении, отчаявшись в том, что преступника постигнет справедливое возмездие».

И лев, выслушав его, приказал заключить шакала в темницу. Но один из присутствующих заметил: «Дивлюсь я нашему повелителю: как это при всей своей прозорливости и мудрости он сразу не понял, что этот шакал — лжец и предатель! Но еще удивительнее то, что царь, как мне кажется, склонен простить его, несмотря на его скверный поступок». Тогда царь отправил одного из своих придворных к шакалу, повелев тому написать ему объяснение и попросить прощения, но посланец вернулся, принеся царю наглый ответ, написанный не шакалом, а одним из заговорщиков. И лев в сильном гневе приказал казнить шакала.

Но львица, матушка царя, узнала об этом деле и поняла, что ее сын проявил поспешность и хорошенько не поразмыслил. Она велела тюремщикам, которым было поручено казнить шакала, не спешить и помедлить. Войдя к царю, она спросила: «Сын мой, за какую провинность ты приказал убить твоего советника шакала?» Лев поведал ей, что случилось, и царица сказала: «Сын мой, ты проявил поспешность, а ведь разумный муж никогда не спешит, всегда хорошенько удостоверится и потому не жалеет о содеянном, а древо

торопливости и несдержанности приносит лишь раскаяния. Никто более не нуждается в осторожности и осмотрительности, чем правители, как жена — в своем супруге, дети — в родителях, ученик — в учителе, воины — в своем полководце, благочестивый человек — в крепкой вере, простонародье — в царе, царь — в добродетели, добродетель — в уме, а ум — в неспешности и уверенности в своей правоте. Глава всех добродетелей — твердость и самостоятельность суждений, а царь может достичь этого, хорошо изучив нрав всех своих придворных и приближенных и поняв, как они относятся друг к другу и кто из них может замышлять недоброе против своих врагов и соперников. И царю следует знать, что если один из его приближенных сможет сделать хоть что-либо дурное тому, кто, как ему кажется, пользуется царской благосклонностью, он непременно выполнит это.

Ты испытал шакала — своего советника, ты знаешь, что можешь надеяться на его верность, доблесть и искренность, всегда хвалил его и был им доволен. Не пристало царю объявлять верного слугу изменником и предателем после того, как он доверял ему и проявлял благоволение. С того времени, как шакал прибыл к твоему двору, никто не доносил тебе о его предательстве, лжи или обмане, напротив, все в один голос твердили о его благочестии, добродетелях и похвальном поведении. Стоило ли царю спешить в решении его дела из-за какого-то мяса? Тебе следовало бы хорошенько рассмотреть обвинение: может быть, шакал даже и не трогал мяса, которое ты велел хранить, может быть, после тщательного расследования окажется, что у шакала есть враги и соперники, которые сговорились погубить его и подстроили все это, дабы вызвать твой гнев. Может быть, они же и стащили это мясо и спрятали его в доме шакала. Недаром говорится: «Если сокол закогтил добычу, против него собираются все птицы, и если собака нашла кость, то на нее точат зубы все собаки». До сего дня шакал был тебе полезен, делил с тобой и радость и горе, стремился облегчить бремя твоих забот, и у него не было от тебя ни одной тайны.

Ты напрасно поверил своим придворным, не удосужившись поразмыслить о таком важном деле, ибо, если царь доверяет тому, кому можно верить лишь с оглядкой, он навлекает на себя великую опасность. Нельзя царю браться за то дело, которое он может поручить низшим, но не следует поручать недостойным то, что может вершиться

лишь по царскому велению и приказу. Не следует также отдавать предпочтение чьим-либо словам и принимать их на веру, не испытав и не испробовав их правдивость, ведь если хочешь купить вино, смотришь на его цвет, пробуешь и нюхаешь, иначе будешь обманут и понесешь убыток. Не всегда верь глазам своим и не суди по первому взгляду, — ведь тому, у кого ослабло зрение, кажется, что перед ним протянули завесу, которая мешает ему различать предметы, но он понимает, что это лишь следствие недуга. Не поступай так, как тот глупец, который, увидев ночью светляка, решил, что перед ним искра, — ведь если бы он коснулся того светляка, то для него сразу стала бы ясна его ошибка.

Что же касается шакала, которого обвинили в том, что он похитил твое мясо, то тебе следовало бы вспомнить, что этот шакал вообще не ест мяса и ни разу не утаил даже малую толику из тех яств, которые ты приказывал ему сохранить для тебя и твоего войска и приближенных. Зачем же ему уносить домой и прятать мясо, которое тебе пришлось особенно по вкусу? Подумай же, справедливо ли ты поступил со своим советником и другом, и не забывай, что презренные и низкие завистники постоянно строят козни великодушным и благородным и не оставляют их до тех пор, пока не погубят.

Шакал всегда был твоим другом, — можешь ли ты сказать это обо всех тех, кто сейчас его обвиняет? Берегись, не поддавайся обману, ибо навлечешь на себя смертельную опасность! Разве ты не знаешь, что даже простолюдины превыше всего ценят своих друзей и верных собратьев, пусть они слабы и не обладают властью, а царь и в этом должен быть примером для своих подданных. К тому же шакал был полезен тебе более, чем кто-либо из твоих приближенных, ибо превыше всего ставил он твое благо и служил, не считаясь со своими желаниями, он покупал тебе покой ценой своих великих трудов и беспокойства и не боялся вызвать ненависть врагов, стремясь заслужить твое благоволение. Он никогда не отговаривался и бросался тотчас же выполнять твои поручения, как бы трудны они ни были, и не имел от тебя никаких тайн. И я скажу тебе, что его можно назвать не только другом, но и верным братом».

Не успела львица кончить свою речь, как в покой вошел один из доверенных царя и, когда царица умолкла, сказал, что шакал невиновен, ибо нашлись свидетели, которые видели, как придворные

похитили мясо и отнесли его в дом шакала. И когда царь убедился в невиновности своего друга, царица промолвила: «Царю не следует прощать тех, кто пытался обмануть его, дабы они не осмелились впоследствии на большее, их необходимо примерно наказать, чтобы такое не повторялось. Не следует колебаться, когда имеешь дело с такими, что платят злом за добро, не страшатся предательства, питают отвращение к добродетели и склонность к злодейству. Царю следует расстроить согласие между ними и отбросить всякое опасение и страх пред их кознями, в противном случае станет он послушной игрушкой в руках недостойных и коварных. Пусть повелитель не обольщается своей силой и властью и не считает их слишком слабыми и ничтожными, ведь тонкими стебельками травы, связанными в пучок и скрученными в веревку, вяжут ноги могучему и буйному слону! Ты уже познал, сколь пагубным бывает скорый гнев и ненужная поспешность, а ведь недаром сказано: «Кто гневается из-за малого, не добьется чего желает и за великую цену». О сын мой, верни шакала, и будь к нему по-прежнему благосклонен, и не думай, что он перестанет верно служить тебе из-за того, что ты его так сильно обидел. Не теряй надежды на то, что он простит тебе в душе и снова полюбит, и не бойся, что он затаит зло и пожелает отомстить тебе за твою несправедливость, — не такова его натура! Нужно ведь различать мужей: с одними вовсе не следует общаться, и особенно приближать их, а если приблизил по ошибке, то старайся избавиться как можно скорее. Но есть такие, которых нельзя оставлять, отказываться от дружбы с ними, и к ним я причисляю шакала, ибо он известен своей добродетелью, благородством, верностью и надежностью, он благодарен за оказанное ему добро и доброжелателен, он недоступен чувству зависти и неспособен нанести кому-либо обиду, он терпелив со своими ближними и любезен с друзьями и всегда готов помочь им, как бы это ни было трудно. Не таков негодный предатель, от услуг которого следовало бы отказаться и изгнать его из пределов царства: его ославили бы как злобного и ненавистника, лжеца и обманщика, неверного и неблагодарного, жестокого и нечестивого, презревшего будущую жизнь и ее воздаяние. Ты ведь хорошо узнал и испытал своего друга-шакала и можешь снова довериться ему и приблизить».

И лев, выслушав слова своей матушки, велел позвать к нему шакала, принес ему извинения в том, что было, и осыпал щедрыми

обещаниями, сказав: «Я виноват перед тобой и хочу вернуть тебе прежний сан и должность». Шакал ответил: «Худший друг — тот, кто домогается себе пользы, нанося вред своему ближнему, и тот, кто не верит ему так же, как самому себе, либо тот, кто наказывает и награждает не по правде и справедливости, а по своей воле и желанию, а такое, как мы уже видели, бывает между друзьями. Царь поступил со мной так, как он знает, и пусть он не примет за грубость с моей стороны, если я скажу, что больше ему не доверяю. Мне не подобает быть приближенным царя, и царю не нужно приближать к себе того, кого он намеревался жестоко наказать. И если царь пожелает наказать еще кого-нибудь, разгневавшись на него, то пусть он не делает этого с такой поспешностью, ибо тот, кто был приближенным царя, заслуживает уважения и чести, даже будучи в опале».

Но царь зверей, не обратив внимания на эти слова, промолвил: «Я испытал твой нрав и твою природу и мне стало ясно, что ты друг верный и надежный, искренний и правдивый. Я понял, что враги, сговорившись погубить тебя, прибегли к клевете и обману, а ты был невиновен. Я подниму тебя на высочайшую ступень почета и буду считать тебя одним из самых достойных и благородных мужей в моем царстве, а благородного одно благодеяние заставляет забыть множество оскорблений. Я снова поверил тебе, и ты тоже должен мне поверить, и мы оба станем ликовать и радоваться нашему примирению».

И шакал снова занял при льве прежнее место и прежнюю должность, а царь оказывал ему почет и с каждым днем они дружили все больше».

ГЛАВА О ЛЬВИЦЕ, ВСАДНИКЕ И ШАКАЛЕ

И сказал царь Дабшалим философу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи. А теперь поведай мне о сильном и могучем, который перестал причинять горе ближним из-за того, что его самого постигла беда, и была она для него уроком, увещанием и назиданием, словно предостерегая его от нападения и обид, буйства и свершения неправедных дел».

И Байдаба ответил: «Обижают, буйствуют и чинят несправедливости лишь глупцы и невежды, не желающие размышлять о том, какое воздаяние за свои злодейства получат они в бренном мире и в будущей жизни, не понимающие, какую ненависть на себя навлекают, и не ведающие, какое зло, непостижимое разуму, они породили. И если кто-нибудь из них избежит мести, то лишь потому, что ее опередила безвременная кончина и месть запоздала. Поистине, тот, кто не задумывается о последствиях своих поступков, неизбежно станет жертвой бед и несчастий.

Бывает, что буйный и неразумный невежда опомнится, когда злодей, во всем ему подобный, оскорбит его и нанесет обиду. И задумавшись о своей беде, он раскаивается в содеянном, когда поймет, каково приходится обиженному, и вкусит горечь унижения. И эти мысли принесут ему великую пользу, ибо, оставив свое злодейство, он избавляется и от его последствий — ненависти и мести. Подобное рассказывается в притче о львице, всаднике и шакале». — «Как это было и что это за притча?» — спросил царь, и Байдаба начал:

«Рассказывают, что в одной роще жила львица, и было у нее два львенка. Однажды она вышла на охоту и оставила львят в своем

логове. Мимо логова проезжал всадник. Увидев львят, он натянул лук и убил их. Потом, освежевав львят, он положил их шкуры на седло и поехал домой. И когда львица, вернувшись с охоты, увидела это страшное дело, она, словно потеряв разум, стала кататься по земле, сбивать лапами деревья, реветь и рычать. Неподалеку от львиного логова была нора шакала. Услышав шум, шакал выглянул из норы и спросил: «Что с тобой случилось и о ком ты горюешь?» И львица ответила: «Мимо моих львят проехал злодей, который убил их, содрал с них шкуру и взял ее с собой, а тела моих деток оставил здесь, неприкрытыми и непогребенными».

Выслушав львицу, шакал промолвил: «Не убивайся так и скажи по справедливости: разве этот всадник не сделал с твоими детьми то же, что ты совершила против ближних твоих? Разве другим не было тяжко потерять своих деток, как это тяжело тебе? Разве другие их любили меньше, чем ты? Терпи же, когда тебя обидели, как терпели другие, когда ты их обижала, ибо говорится: «Не судите, и не судимы будете». Всякое деяние приносит свой плод — либо наказание, либо награду, и возмездие по своей тяжести соответствует поступку, как урожай соответствует тому, сколько было посеяно зерна».

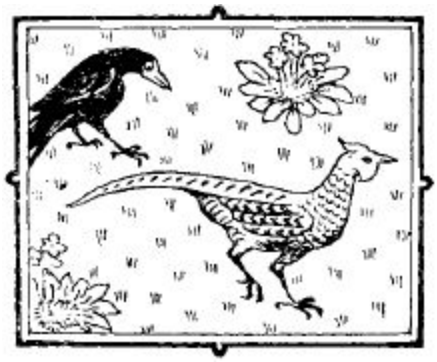
«Я не понимаю твоих слов, — сказала львица. — Разъясни мне, что ты хочешь сказать». И шакал спросил: «Сколько лет ты прожила в этой роще?» — «Сто лет», — ответила львица. «И чем ты питалась все это время?» — продолжал шакал. Львица сказала: «Звериным мясом». — «А кто кормил тебя этим мясом?» — допытывался шакал. — «Я ходила на охоту, ловила разных зверей и съедала их», — ответила львица. Тогда шакал осведомился: «А как ты думаешь, у тех зверей, что ты ела, были любящие отцы и матери?» — «Конечно, были», — промолвила львица. Тогда шакал воскликнул: «Почему мы не видим и не слышим этих отцов и матерей, когда они лишаются своих деток? Разве они не так же горюют, как ты? Но никто из них не катается по земле и не вопит, подобно тебе! И разве беда, которая с тобой случилась, не была плодом твоих злодейств, которые ты чинила ближним, не думая о последствиях и не ожидая, что твоя жестокость обернется против тебя и что судьба жестоко отомстит за тех, кто не в силах мстить за обиды?»

И услышав слова шакала, львица поняла, что пожинает то, что посеяла, и что она провела всю жизнь, обижая и притесняя слабых.

И с того дня она больше не ходила на охоту и не ела мяса, а беспрестанно молилась, утоляя голод плодами. Увидев это, голубка, что жила в той роще и питалась плодами, сказала львице: «Думала я, что нынешний год деревья в нашей роще не плодоносят потому, что было мало дождей, но когда я увидела, что ты перестала есть мясо, которое бог сделал твоей исконной пищей, и стала отбирать еду у нас, несчастных, питаясь плодами, то поняла я, что урожай плодов не меньше, чем был прежде, и что ты виной тому, что на нашу долю осталось так мало. Горе деревьям, горе плодам и горе тем, кто питается ими! Не миновать нам гибели, если придется разделять свою долю с могучими и сильными, что, не имея прав на нашу долю, отнимут ее, не оставив нам ни крошки, ибо не привыкли есть плоды и не могут ими насытиться».

Услышав слова голубки, львица, отказавшись от плодов, стала есть траву и молилась богу днем и ночью.

ГЛАВА О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ГОСТЕ



Царь Дабшалим сказал философу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи. А теперь поведай мне притчу о том, кто оставляет дело, которое приличествует и пристало ему, и, стремясь к иному, не достигает желаемого, а вкушает лишь досаду, растерянность и разочарование». И мудрец начал:

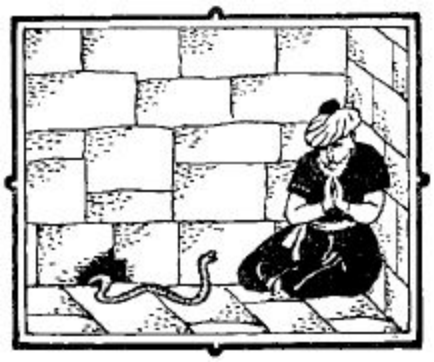
«Говорят, что в земле Карха[43] жил некий праведный и богобоязненный муж, что всем сердцем предавался служению богу. Однажды в его доме остановился гость. Хозяин велел принести фиников, чтобы угостить его, и когда они отведали их, гость воскликнул: «Какие вкусные и сладкие финики! Таких нет в той стране, где я живу, а хотелось бы мне, чтобы они были!» Потом он добавил: «Я прошу тебя помочь мне достать свежих фиников, которые я хочу посадить у себя на родине, и рассказать, как ухаживать за финиковыми пальмами, так как я не знаю, какие сорта распространены в ваших краях и в каком месте сажать пальмы, чтобы они принялись и щедро плодоносили». — «Вряд ли твоя попытка и будет удачной, — возразил отшельник, — я думаю, что тебе будет нелегко это сделать. Может быть, финиковая пальма не будет расти в ваших землях или не станет плодоносить. Да и зачем вам финики, если у вас множество разнообразных и полезных плодов, а финики слишком сладки и тяжелы для желудка». И сказав это, он добавил: «Нельзя считать мудрым или даже разумным того, кто стремится к недостижимому. Ты будешь счастлив, лишь если удовольствуешься тем, что тебе близко и доступно, и откажешься от несбыточных мечтаний».

Гость провел в доме своего друга несколько дней и услышал, как тот говорил на арамейском языке. Ему очень понравился этот язык, и он поразился его звучности. Он попросил научить его арамейскому языку и несколько дней усердно твердил слова, но без особого успеха. Наконец, благочестивый муж, потеряв терпение, сказал гостю: «За то, что ты пренебрегаешь своим родным языком и всячески изощряешься для того, чтобы говорить на чужом языке, которого ты не знаешь, тебе следовало бы оказаться в положении ворона!» — «А что приключилось с вороном и какая это притча?» — спросил гость, и хозяин начал:

«Рассказывают, что однажды ворон увидел, как мимо него прошел нарядный фазан горделивой походкой, и, восхитившись, захотел научиться ходить так же. Долгое время он старательно упражнялся, но так и не смог добиться успеха и, отчаявшись, решил вернуться к своей прежней походке, но он разучился ходить вороньим шагом, так и не научившись шествовать по-фазаньи, и оказалось, что ни у одной из птиц не было такой скверной походки и смешного вида.

Я привел эту притчу, увидев, что ты пренебрегаешь своим родным языком и стараешься овладеть чужим, который не можешь усвоить. Я боюсь, что ты не научишься арамейскому и забудешь свой родной язык и, когда вернешься к себе домой, будешь говорить на ломаном языке, словно иноземец, так что среди своих собратьев окажешься косноязычным. Еще в давние времена говорили: «Можно назвать глупцом и невеждой того, кто берется не за свое дело, хочет сделать то, чему не научился от своего отца и деда».

ГЛАВА О ПУТНИКЕ И ЮВЕЛИРЕ



Царь Дабшалим сказал философу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи. А теперь поведай мне о том, кто оказывает благодеяния коварному и неблагодарному и надеется на признательность». И мудрец ответил: «О царь, создания, сотворенные богом, обладают разнообразными нравами и различной природой. И нет среди всех этих тварей — четвероногих, двуногих или крылатых, из тех, кто ходит, бегает, плавает и летает, создания, что превосходило бы человека. Но и среди людей бывают добродетельные и злодеи, а среди животных, зверей и птиц найдутся такие, что превзойдут людей верностью, стремлением защитить свою честь, будут более признательны за благодеяния, честны и бескорыстны. И разумным царям, а также прочим людям следует поразмыслить прежде, чем совершить кому-либо благодеяние, дабы облагодетельствованный не оказался неблагодарным и недостойным, и оказывать милости лишь после долгого испытания, чтобы узнать, способен ли тот, кому ты собираешься делать добро, к верности, любви и благодарности. Не пристало царям отличать людей близких им по крови, но недостойных, и не подобает лишать милостей и благодеяний того, кто заслуживает их, хотя бы он был незнатного происхождения и простого рода, если он оказал царю великую услугу, не жалея своего достояния и даже жизни, ибо такой человек знает цену благим поступкам, благодарен за милость и благодеяние, признает добро, правдив, разумен, предпочитает совершать похвальные поступки и произносить похвальные речи. И нужно знать царю, что всякий, кто известен своей надежностью, верностью и другими праведными качествами, достоин

величайших милостей и царского благоволения, лишь такого следует приближать, ласкать и отличать своей милостью.

Искусный и мудрый лекарь может излечить страдающего недугом только после того, как осмотрит его, пощупает пульс, узнает натуру больного и причину болезни, ибо лишь обладая достоверным знанием, следует браться за исцеление. Так же должен поступать всякий, наделенный разумом: ему не следует ни делать своим близким другом, ни отличать кого-нибудь прежде, чем он хорошо узнает его. Кто поспешит проявить великодушие и справедливость, поступает необдуманно и может сам низвергнуть себя в пучину гибели.

Бывает, что окажут благодеяние слабому и бессильному, ничего не зная о его нраве, и он окажется достойным и будет вечно благодарен за милость. Бывает так, что разумный муж боится людей, не доверяя никому из них, а приручает ласку и носит ее повсюду, впуская в один рукав и выпуская из другого, охотится с ней, словно с соколом, и питается той добычей, которую ловит ласка. Еще в старину говорили: «Разумный не станет пренебрегать ни великим, ни малым, ни человеком, ни зверем. Ему следует испытать каждого и поступать с ним сообразно его поступкам. Об этом сложили притчу, которую рассказывал один из мудрецов». — «Что это за притча и о чем в ней говорится? — спросил царь, и мудрый Байдаба начал:

«Говорят, что какие-то люди вырыли ловушку для ловли зверей, и туда упали барс, обезьяна, змея и человек, который был в своей стране ювелиром. Случилось так, что мимо ловушки проходил путник. Заглянув в яму, он увидел там человека, змею, обезьяну и барса. Поразмыслив, путник сказал себе: «Ничто не зачтется мне так в будущей жизни, как спасение человека от этих зверей». Взяв длинную веревку, он спустил ее в яму, но первой за нее ухватилась проворная обезьяна и выбралась из ловушки. Путник опустил веревку снова, но вокруг нее обвилась змея и выбралась из ловушки. Путник повторил свою попытку, но и на этот раз не спас человека, а вытащил барса, который ухватился за веревку зубами.

Собравшись вокруг своего спасителя, звери стали благодарить его, а потом сказали: «Оставь того человека в ловушке, ведь нет на свете более неблагодарной твари, чем человек, и особенно этот ювелир!» — «Я живу в горах поблизости от города под названием Навадирахт[44]», — промолвила обезьяна. Барс воскликнул: «А я живу

в роще неподалеку от того же города!» — «А я живу там же, но в городской стене», — откликнулась змея. «Если тебе когда-нибудь случится проходить мимо нас и тебе понадобится что-нибудь, — кликни нас, и мы тотчас же явимся, чтобы отплатить тебе добром за твое благодеяние».

Выслушав зверей, путник не поверил тому, что они говорили о коварстве и неблагодарности ювелира, и снова опустил веревку в яму. Когда он вытащил ювелира, тот поклонился ему в ноги и сказал: «Ты оказал мне величайшее благодеяние и спас от верной смерти. Если тебе когда-нибудь придется проходить мимо города Навадирахт, не минуй его, а зайди и спроси, где находится мой дом. Я — тамошний ювелир и, может быть, сумею воздать тебе добром за твой поступок».

Потом, попрощавшись со своим спасителем, ювелир отправился в город Навадирахт, а путник пошел дальше своей дорогой. Случилось так, что через некоторое время путнику пришлось побывать в этих местах. Когда он проходил мимо гор, что близ города Навадирахта, к нему навстречу вышла обезьяна. Она поклонилась, поцеловала ноги путника и принесла извинения, говоря: «Мы, обезьяны, бедны, у нас нет ни богатств, ни сокровищ. Но посиди здесь немного, и я принесу то, чем мы владеем». Путник сел, чтобы отдохнуть, а обезьяна скрылась среди ветвей деревьев и через недолгое время принесла отборных ароматных плодов и с поклоном положила их перед своим спасителем. Он поел плодов и отправился дальше. В роще неподалеку от городских ворот он встретил барса, который совершил перед ним земной поклон и сказал ему: «Ты спас меня и оказал величайшее благодеяние. Погоди немного, я кое-что принесу тебе». И барс, оставив своего спасителя у городской стены, прокрался в сад царской дочери, загрыз ее и, сняв с нее украшения, принес их путнику. Тот взял подарок, не ведая о том, как барс добыл эти украшения, и сказал себе: «Если звери так почитают меня за мой добрый поступок, то что же будет, если я приду к ювелиру! Если он беден и не сможет одарить меня, то я отдам ему эти украшения, он продаст их и возьмет настоящую цену, потому что знает толк в украшениях. Тогда половину вырученных денег он возьмет себе, а половину отдаст мне, и это будет по совести и справедливости».

Подумав так, путник отправился к ювелиру, и тот, увидев его, сказал: «Добро пожаловать!» — и с честью провел в дом. Путник

показал ему украшения, которые принес ему барс, и попросил продать их. Увидев драгоценности, ювелир сразу же признал их, потому что сам сделал их для царской дочери. Он сказал своему гостю: «Погоди немного, я принесу тебе чего-нибудь вкусного поесть: в моем доме нет еды, достойной такого высокого гостя». И вероломный ювелир вышел из дома, говоря себе: «Наконец-то настал мой час! Я должен пойти к царю и указать ему убийцу его дочери, чтобы войти к нему в милость!» Подойдя к воротам царского дворца, он сказал одному из стражников: «Передай царю, что убийца его дочери, похитивший ее драгоценности, находится в моем доме».

Царь тотчас же приказал схватить путника, и когда его привели во дворец и царь увидел украшения, он не стал медлить и расспрашивать, а тотчас же приказал подвергнуть преступника жестоким пыткам, провезти по городу на осле и затем распять на воротах. И когда несчастного посадили на осла и стали провозить по улицам, он рыдал и вопил громким голосом: «О, если бы я послушал барса, змею и обезьяну, о, если бы я поверил их словам о неблагодарности и коварстве человека! Тогда со мной не случилось бы подобной беды и я не умер бы позорной смертью!»

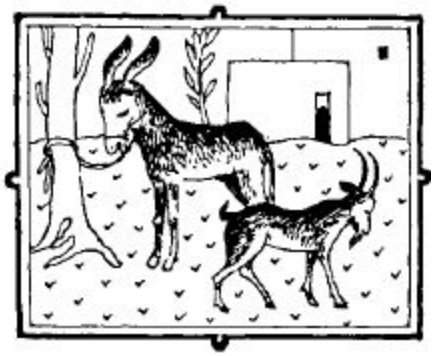
Он несколько раз повторил эти слова, проезжая мимо городской стены, и его услышала спасенная им змея. Она выползла из своей норы, которая была в стене, и узнала своего спасителя. Огорченная бедой, которая постигла его, она стала раздумывать, как бы ей спасти несчастного. Она быстро поползла во дворец и ужалила царского сына. Царь созвал всех лекарей, и они начали поить его зельями и читать заклинания, но все заклинания и зелья были бесполезны. Потом змея поспешила к одной своей подруге из рода джиннов[45] и поведала о благодеянии, которое оказал ей путник, и о великой беде, которая с ним приключилась. Джиннния[46], сжалившись, явилась к царевичу, который метался в бреду, и сказала ему: «Ты не излечишься до тех пор, пока тебя не напоит зельем и не прочитает над тобой заклинание тот человек, которого вы пытали и намереваетесь казнить без всякой причины, ибо он невиновен».

А тем временем преступника провезли по городу и заточили в темницу, чтобы распять его на следующее утро. И змея, проникнув в темницу, сказала узнику: «Вот почему я просила тебя не делать добра тому человеку, а оставить его в яме». Дав несчастному листьев,

помогающих от змеиного яда, она сказала: «Когда придут за тобой и потребуют, чтобы ты вылечил царевича, выжми сок из этих листьев и напои его, и он тотчас же выздоровеет, а когда царь спросит тебя, кто ты такой и как к тебе попали украшения его дочери, скажи ему всю правду, и ты будешь спасен, если богу будет угодно».

Царевич, очнувшись от бреда, рассказал отцу, что он слышал неведомый голос, который говорил ему: «Ты не излечишься до тех пор, пока тебя не напоит зельем и не прочитает над тобой заклинания тот человек, которого вы пытали и намереваетесь казнить без всякой причины, ибо он невиновен». И царь повелел доставить путника из темницы в царские покои и читать заклинания над царевичем. Путник промолвил: «Я неискусен в заклинаниях, но уверен, что, если напою царевича соком листьев одному мне ведомого дерева, он излечится, если пожелает Всевышний». Выжав сок из листьев, он напоил им юношу, и тот сразу же выздоровел. Царь, обрадовавшись великой радостью, стал расспрашивать чудесного целителя, и тот рассказал ему все как было. Царь осыпал его благодарностями и богатыми дарами, а коварного ювелира приказал распять на городских воротах. И его распяли за то, что он солгал, проявил неблагодарность и воздал злом за добро». И рассказав царю Дабшалиму эту притчу, мудрый Байдаба добавил: «И в том, что человек проявил коварство и неблагодарность к своему спасителю, а звери остались навеки признательны и избавили его от беды, заключается назидание для того, кто способен извлечь для себя полезный урок из притчи, повод для размышления и доказательство того, что благодеяния следует оказывать надежным и верным людям, обладающим благородной душой, далеки они или близки, связаны ли с тобой узами родства или нет, ибо лишь это — правильное решение и верное средство приблизить добро и удалить зло».

ГЛАВА О МЫШИНОМ ЦАРЕ И ЕГО ВАЗИРАХ



И сказал царь индийский Дабшалим философу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи. А теперь поведай мне о том, как следует царю искать себе искреннего и мудрого советника и какую пользу может принести его совет». И мудрый Байдаба промолвил: «Если правитель сумеет выбрать себе искреннего и мудрого советника и следовать его указаниям, то избавится от великой беды, как было с царем мышей, который спас себя и своих подданных от верной гибели». — «Как же это было и что это за притча?» — спросил царь Дабшалим, и мудрый Байдаба начал:

«Говорят, что есть в земле брахманов[47] край, который называют Дуран[48], и простирается тот край на тысячу фарсахов, а в нем находится цветущий город, где множество разных строений и садов, и жили в нем люди привольно и богато. В подполье одного из строений находились владения Михраза, царя мышей этого города и его окрестностей. И был тот царь велик и славен, а правили его делами три вазира — его верные советники. Одного вазира звали Зузама, и был он самым мудрым и благоразумным, так что сам повелитель мышей признавал его превосходство. Второго вазира звали Ширак[49] — львиный зуб, и третьего — Багдаз. Однажды в своем дворце царь держал со своими вазирами совет и вымолвил такие слова: «Можем ли мы — великий народ — избавиться от страха перед кошками, что унаследовали мы от наших предков?»

Вазиры молчали, а царь повел такую речь: «Слышал я от великих мудрецов нашего рода, что всем мужам мышиного племени надлежит

прислушиваться к назиданиям разумных советников и соблюдать два нерушимых завета. Первый завет — заботиться только о настоящем и не думать о прошлых прибылях и убытках, поражениях и победах. И второй завет — не упускать приобретенного богатства, и держаться за него когтями и зубами, и стараться избежать того, что может принести убыток. И благодаря этим заветам, что передавались из поколения в поколение от наших предков, мы живем в покое и полном довольстве. Но нас тревожит тяжкая забота и великая беда, что грозит нам днем и ночью, — это тот урон, который наносят нам мерзкие кошки. Клянусь жизнью, ни один смертный не знал заботы горше. Мудры и прозорливы были наши предки, но и они не нашли средства против кошек, хотя неустанно его искали. И теперь перед нами великая задача — освободить наш народ от этих жестоких тиранов, применив для этого всевозможные хитрости и уловки, которые проглядели наши славные предки. И хотя накопили мы немалые богатства и подданные наши не знают голода и нужды, но из страха перед кошками жизнь потеряла для нас свою сладость, мы вынуждены таиться в подполье, всегда опасаемся за наших родных и близких, а иногда эти злодеи изгоняют нас из наших исконных владений. Ведь еще в старину мудрецы говорили: «Жалости достойна участь беглеца и изгоя, разлученного с любимыми, блуждающего в поисках убежища, опасающегося за свою жизнь, ибо такое существование горше смерти».

Когда царь умолк, вазир Ширак промолвил: «Счастливы подданные, имеющие такого царя, как наш повелитель, ибо он одарен великой мудростью. Еще мудрецы говорили: «Если повелитель наделен острым разумом, то частица ума переходит и к рабу, даже если он глуп и невежествен». Мы всецело полагаемся на твою мудрость и справедливое правление и готовы помочь тебе в этом святом деле, приложив все наше старание. Если намерение царя осуществится, то имя его увенчает во веки веков неувядаемая слава и о нас останется добрая память как о соратниках великого повелителя, не жалевших своей жизни для блага нашего народа». И когда Ширак умолк, Багдаз промолвил: «Как ты красноречив и как мудры твои суждения! Мы все поможем царю в осуществлении его благородного намерения».

Выслушав второго вазира, царь Михраз обратил взор к вазиру Зузаме[50], чтобы узнать его мнение, но тот молчал. Подождав

некоторое время и видя, что Зузама потупился и не размыкает уст, царь мышей гневно воскликнул: «Разве не ведомо тебе, что надлежит быть верным советником царя и обо всем высказывать свое мнение! И даже если ты считаешь, что я задумал неосуществимое, о чем нам не следует даже помышлять, то и в таком случае ты должен сказать об этом, а не сидеть молча, словно ты лишился дара речи!»

«Не упрекай меня за мое долгое молчание, — ответил Зузама. — Я не хотел мешать твоим мудрым вазирам высказывать свое мнение и полагал сказать лишь после некоторого размышления, насколько позволяют мне мои скромные познания». — «Говори же», — приказал царь, и Зузама начал:

«Мое мнение таково: если повелитель нашел средство уничтожить злодеев, пусть смело берется за дело, и каждый из нас будет ему верным помощником и соратником. Если же у царя нет твердой уверенности в успехе, то нам лучше оставить всякие помышления и не пытаться вступать в борьбу с могучими кошками, ибо мы не сильнее и не хитрее наших предков, которые оказались бессильными. Бог придает каждому своему созданию особый облик, наделяет его большей или меньшей ловкостью, хитростью и силой, и никто, даже самый могущественный царь, не может изменить то, что сотворено богом». Царь возразил: «Но ведь мы живем не только тем, что унаследовали, и каждое создание, даже самое малое и слабое, имеет и собственные мысли и побуждения!» — «Все это так, — промолвил вазир. — Но раз враги наши искони сильнее нас, а мы не в силах с этим бороться, то нам следует оставить наши мечтания, ведь рано или поздно мы от них откажемся, потерпев поражение. Тот, кто восстает против своей природы и желает изменить свое состояние, нередко гибнет, и с ним бывает то же, что случилось с неким царем, о котором рассказывается в притче». — «А как это было и что это за притча?» — спросил царь Михраз, и мудрый Зузама начал:

«Говорят, что в одной из областей, расположенных на берегах Нила, правил некогда царь. И была в его владениях высокая гора, где находилось множество плодовых деревьев и прозрачных ручьев, так что все люди и звери в том краю пили воду из этих ручьев и питались плодами этих деревьев. Царский дворец, что стоял близ горы, был несказанной красоты, и подобного ему не было на всем свете. Но неподалеку от дворца в горе была пещера, в которой бушевали вихри

со всех четырех сторон света. Вихри эти были так сильны, что по соседству от пещеры нередко гибли люди, но цари той стороны не желали оставлять эти благословенные плодородные земли и переселяться в другое место.

У царя был вазир, с которым он советовался во всех важных делах. Однажды в совете царь сказал вазиру: «Ты знаешь, что благодаря славным деяниям наших предков мы ни в чем не знаем недостатка и дела наши идут как нельзя лучше. И если бы не вихри, постоянно бушующие близ нашего дворца, то могли бы мы сказать, что живем в райских садах. Не подумать ли нам о том, как бы закрыть эту пещеру, чтобы преградить путь ветрам в наши земли? Тогда в жизни у нас не будет никаких забот и мы превзойдем наших отцов и дедов». Вазир ответил царю: «Я твой послушный раб и готов выполнить каждый твой приказ». — «Это не ответ на мои слова!» — воскликнул царь, и вазир промолвил: «О повелитель, я не могу ответить иначе, ибо не осмеливаюсь противоречить царю, обладающему большей мудростью и прозорливостью, чем мы все. Но дело, о котором он говорил, подвластно лишь божественной воле, и не нам, смертным, слабым созданиям божьим, нарушать волю бога». — «Небесное блаженство, которого все мы стремимся достигнуть, зависит от бога, но земные дела совершаются человеком, хотя и с помощью неба. Исполнить то, о чем я говорил, в наших силах, и ты должен, не утаивая, высказать свое мнение». Вазир ответил: «Я полагаю, что мы должны хорошенько поразмыслить, ибо не знаем, прекратятся ли вихри, если мы закроем отверстие пещеры, или они станут еще сильнее. Как бы с нами не случилось то же, что с ослом, который отправился за рогами, но вернулся с отрезанными ушами». — «Как это было и что это за притча?» — спросил царь, и вазир начал:

«Говорят, что был у одного человека осел, которого хозяин обильно кормил отборным зерном, и тот до того раздобрел, что с жиру стал буйствовать, выказывая непокорство. Однажды, когда хозяин вел осла на водопой, тот увидел ослицу и заревел от сильной страсти. Тогда хозяин, испугавшись, что осел вырвется и набросится на ослицу, привязал его к дереву, что росло на речном берегу, поспешил к хозяину той ослицы и попросил увести ее подальше.

Тем временем осел, привязанный к дереву, ревел все сильнее, грыз кору и лягался. Тут он увидел лежавшую на земле палку и сказал

себе: «Люди не дают мне удовлетворить мою страсть к ослице, всячески притесняют меня, потому что мне нечем драться и я не умею сражаться за свое желание».

Как раз в это время некий человек привел к реке козла, у которого были огромные рога, и увидев, какие рога послал всевышний козлу, осел позавидовал ему и сказал себе: «Не иначе как этот козел заслужил себе такие копья в жестоком бою и умеет сражаться разным оружием. Если бы я смог убежать и подружиться с этим могучим воином, я без сомнения научился бы от него искусству боя и, может быть, он подарил бы мне хоть один из своих рогов!»

Осел ревел и рвался на привязи, а козел, видя его буйство, перестал пить и стоял, подняв голову, и смотрел на него. И осел сказал себе: «Этот рогатый не пьет, потому что понимает мои мысли и радуется им. Не иначе как сам Всевышний помогает мне в этом великом деле. Без сомнения, я родился под знаком счастья и удачи и моя звезда взойдет еще выше, ибо я — дивное диво и подобного мне нет во всей вселенной».

Между тем хозяин козла, видя, что тот не пьет, отвел его обратно в свой дом, который находился неподалеку от речного берега, и осел поспешил заметить этот дом, чтобы найти его, если понадобится. Потом вернулся хозяин осла, отвязал его от дерева, напоил, отвел домой и дал отборного зерна. Но осел, который думал лишь о том, как бы ему пойти к козлу и попросить у него рога, не мог есть. Поразмыслив, он не нашел иного средства, как совершить побег той же ночью.

Когда на землю опустился мрак и все люди уснули, осел, ударив задними ногами в дверь, сбил ее с петель и пустился бегом к тому дому, где находился козел, и хотел было войти, но дверь была заперта. Посмотрев в замочную скважину, он увидел, что козел стоит во дворе и не привязан. Он хотел зареветь, чтобы позвать козла, но, побоявшись, что его услышат и отгонят от дверей, отошел и до утра простоял за углом дома. Рано утром хозяин козла снова повел его к реке на водопой, и осел радостно подбежал к козлу и заговорил, выказывая дружбу. Но козел, не понимая ослиного языка, опустил рога и стал от него отбиваться. Человек, обернувшись, увидел, что его козел бодает осла, и хотел увести осла к себе домой, но потом подумал:

«Если они оба будут стоять у меня во дворе, то дракам не будет конца и мне с ними не справиться. Отгоню-ка я его, и пусть убирается».

Человек ударил осла палкой, которую держал в руке, и осел отбежал в сторону, но потом снова подбежал к козлу и вступил с ним в беседу на ослином языке. Козел опять начал драться с ним, и хозяин отогнал осла, и так было несколько раз. И осел сказал себе: «Мне мешает подружиться с козлом и попросить у него рога этот человек, который идет с ним». И осел, набросившись на человека, укусил его за плечо и держал так крепко, что тому удалось освободиться лишь с трудом. Увидев, что осел бесится и буйствует, он сказал себе: «Нельзя брать домой бешеного осла, с ним не оберешься беды. Я лучше обрежу ему уши, а потом потребую с его хозяина возмещения за мое увечье». Взяв нож, он отрезал ослу уши, а когда осел вернулся домой, хозяин избил его до полусмерти. Так осел пошел за рогами, а вернулся с отрезанными ушами. Призадумался осел, стоя в хлеву, и сказал себе: «Если бы бог позволил ослам иметь рога, то, верно, об этом постарались бы мои предки, но они, убоявшись зла, терпели притеснения и выносили мучения».

«Я выслушал твою притчу, — промолвил царь. — но почему ты так боишься этого дела? Ведь если, не дай бог, мы потерпим неудачу, то и тогда нам нечего страшиться, потому что нам ничто не угрожает».

Увидев, что царь ни за что не откажется от своего намерения, вазир больше не стал спорить с ним и ответил: «Если царь прикажет, мы закроем эту пещеру». И на следующее утро по всей стране было объявлено веление царя: «Все молодые мужчины и юноши, что проживают в наших владениях, должны явиться к нашему дворцу в такой-то месяц и такой-то день, и каждый обязан принести с собой большую вязанку хвороста». А день был назначен заранее потому, что издавна в этот день стихали вихри и замирал ветер, и когда он наступил, к царскому дворцу явилось множество народа, и каждый нес огромную вязанку хвороста. Все они отправились к пещере и намертво заделали ее хворостом и камнями, а перед ней построили каменную преграду.

После этого в стране вовсе перестали дуть ветры и прекратились вихри и люди могли больше не опасаться ураганов, но не прошло и года, как стали сохнуть все травы и деревья, вначале те, что росли на горе, а затем и дальше, так что земля на двести фарсахов вокруг

превратилась в пустыню. Замерли родники, не журчали ручьи и пересохли реки, и звери покинули эти края, а те, что не могли двигаться далеко, издохли от голода и жажды. На людей обрушилась моровая язва, и множество жителей той земли погибло. Не было конца несчастьям и бедам, и ко всему прибавилась еще и смута. Те немногие, что еще остались в живых, собрались ко дворцу царя, убили его и вазира и перебили всех домочадцев царя, его приближенных и придворных. Когда в царском дворце никого не осталось, восставшие бросились к пещере, разрушили каменную преграду и подожгли хворост, которым был завален вход в пещеру. Но не успели люди отойти и разойтись по домам, как из пещеры вырвался бурный вихрь и понесся, увлекая за собой огонь, который выжег все вокруг. Ураган бушевал два дня и две ночи и разрушил до основания все города и селения, так что в той стране не осталось ни крепости, ни дерева, ни строения, ни человека, ни зверя — все они погибли в огненном вихре».

Услышав этот рассказ, мышиный царь сказал: «Я понял смысл твоей притчи. Но говорят также: кто решается совершить дело, которое может принести великую пользу, а потом отступает, испугавшись трудностей и воображаемых несчастий, тот обрекает себя на унижения и если добьется удачи, то лишь случайно. Добиться чести и оставить после себя добрую славу можно лишь совершив подвиг, о котором будут говорить потомки, ибо ничто не унесешь с собой в могилу, кроме доблестных деяний». «Ты прав, великий царь, — ответил вазир Зузама. — Но не каждый подвиг ведет к добру, он может навлечь и невзгоду. Недаром древние мудрецы говорили: «Недостоин помощи тот, кто сам навлек на себя беду, не попадет в рай тот, кто был причиной собственной гибели». Но царь мышей промолвил: «Я могу сказать одно: если ты поможешь мне советом, я добьюсь удачи, стало быть, тебе непременно надо принять участие в этом деле».

И тогда вазир понял, что царь не откажется от своего намерения, и тут же придумал средство, которым можно было бы осуществить его. Но, не желая опережать других вазиров и для того, чтобы царь понял превосходство его ума, он сказал: «Я могу советовать царю лишь сообразно своему слабому разумению и осмеливался говорить с повелителем лишь потому, что мне ведомы совершенство его разума и мудрость. Я слишком мало узнал и испытал для того, чтобы давать советы и предлагать какие-то средства, и склонен возложить надежду

на счастливую звезду нашего великого повелителя, который выказал мне великую милость, спросив о моем мнении. И мудрецы, и простые люди единодушны в том, что мудрый время от времени должен спрашивать совета у невежды для того, чтобы поступать противно его совету. Разумный может обратить себе на пользу и совет глупца и невежды, ибо сам он мудр и дальновиден. Известно, что разумный спрашивает совета у глупца или для того, чтобы через него выведать какую-либо тайну, либо надеясь, что сама недалекость глупца подскажет ему нечто, могущее быть полезным. Я надеюсь, что царь не прогневается на меня за смелые речи, ибо его я считаю мудрым, а себя невеждой».

Царь промолвил: «Ты прав, о мудрый вазир, во всем, кроме одного: напрасно ты назвал себя невеждой и сказал, что мало знаешь. Напротив, по моему мнению, ты самый мудрый и опытный из моих придворных, и я ценю тебя выше всех среди моего воинства». — «Поистине, повелитель слишком милостив к своему рабу, — ответил вазир. — И я прошу его разрешить мне говорить последнему, после других вазиров».

И царь спросил младшего вазира: «Что скажешь ты об этом деле и какое можешь предложить средство?» Младший вазир ответил: «По моему мнению, нам следует изготовить множество бубенцов и колокольчиков и подвесить их на шею каждой кошке и каждому котенку, чтобы мы издали слышали звон и могли спастись в наших норах».

«Что ты думаешь об этом средстве?» — спросил царь второго вазира, и тот ответил: «Мне кажется, это средство никуда не годится. Нетрудно изготовить сколько угодно бубенцов и колокольчиков, но кто из нас осмелится подвесить колокольчик на шею хотя бы маленькому котенку, не говоря уже о взрослом коте или кошке! По моему мнению, нам следует сделать вот что: нужно покинуть этот город и целый год оставаться в пустыне. Увидев, что кошки больше не нужны и у них нет дела, люди перестанут их кормить, выгонят или даже перебьют и уничтожат. Кошки разбегутся, множество погибнет, а те, что уцелеют и станут жить в пустыне, одичают и больше не вернутся в город. Тогда и мы можем возвратиться и станем жить, наслаждаясь безопасностью и спокойствием».

Выслушав слова второго вазира, царь мышей спросил мудрого Зузаму: «Что ты думаешь об этом средстве?» И вазир ответил: «Я не могу его одобрить, так как кошки за один год не переведутся, а мы в пустыне испытаем страшные муки и можем все до единого погибнуть, потому что в городе наши враги — только кошки, а в пустыне обитают коршуны, лисицы и змеи, и нам придется опасаться всех этих злодеев».

«Ты прав, — промолвил царь. — Скажи нам теперь, какое ты придумал средство». И вазир сказал: «Я могу посоветовать лишь одно. Прикажи, чтобы главы мышиных семейств, живущих в каждом доме, сделали обширные норы, которые вместили бы всех мышей этого дома. В эту нору следует снести все запасы пищи, которых должно хватить на месяц. В норе следует сделать десять дверей — три ведущих в кладовые, где находятся ковры, одежда, пища и разная утварь, и семь, что будут выходить наружу. И так следует поступить всем мышам нашего города и его округи, а также всех селений, на которые простирается власть нашего монарха.

Когда приказ будет выполнен, мы все отправимся в дом какого-нибудь богатого человека, у которого в доме есть кошка, и, проникнув в кладовые, начнем грызть ковры, ткани и все прочее, но при этом не будем слишком стараться. Увидев, какой мы нанесли ему урон, хозяин дома подумает, что одна кошка не может справиться с нами, и принесет вторую, но мы станем еще сильнее грызть ковры, разную утварь и съестные припасы, так что ему придется достать третью кошку. Но тогда мы изгрызем все, что есть в доме, и хозяин призадумается, стоит ли ему увеличивать число кошек. Он станет сравнивать и поймет, что чем больше кошек, тем сильнее вредят ему мыши. И он скажет себе: «Выгоню-ка я одну кошку, может быть, мыши угомонятся». Он прогонит одну кошку, а мы станем меньше грызть и больше не тронем съестных припасов. Тогда он, догадавшись, что мы делаем это намеренно, прогонит и вторую кошку, и мы оставим в покое его ковры и ткани. А когда он избавится и от третьей кошки, мы уйдем из его дома и отправимся в соседний, где будем делать то же. И так мы будем поступать до тех пор, пока люди не поймут, что мы портим их имущество для того, чтобы они выгнали или перебили своих кошек. Убедившись в этом, люди нашего города и его окрестностей уничтожат не только своих домашних кошек, но будут

ловить и убивать и диких, и мы избавимся от нашего вековечного страха и великого бедствия, от которого страдаем мы и страдали наши предки».

Царь в точности выполнил совет своего мудрого вазира, и не прошло и полугода, как люди поняли, что мыши ожесточились против них из-за ненависти к кошкам. Они стали выгонять своих кошек и убивали их, пока не погибли все кошки этого города. И дошло до того, что если кто-нибудь из жителей видел, что мышь изгрызла сыр или проделала дыру в ковре или ткани, то говорили: «Посмотрите, не прошла ли поблизости кошка!» А если на людей или скот нападала какая-нибудь болезнь, то горожане восклицали: «Без сомнения, по нашему городу прошла кошка!» Так мыши победили своих исконных врагов — кошек и стали жить спокойно, избавившись от страха перед ними.

Ты видишь, царь, что слабое и малое создание сумело покончить со своим врагом, который был намного сильнее. Что же сказать о человеке — наилучшем из созданий творца, — неужто он неспособен одолеть врага и одержать победу?»

ГЛАВА О ГОЛУБКЕ, ЛИСЕ И ЦАПЛЕ

И царь Дабшалим сказал философу Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи, а теперь поведай мне притчу о человеке, который дает верный совет другим, но не может уладить собственное дело». Байдаба ответил: «К этому больше всего подходит притча о голубке, лисе и цапле». — «А как это было и что это за притча?» — спросил царь, и мудрый Байдаба начал:

«Рассказывают, что одна голубка свила себе гнездо на верхушке высокой пальмы, которая высоко вздымалась к небу. Всякий раз, как голубка носила веточки и солому, чтобы подложить их в гнездо, она теряла силы от усталости, так как пальма была непомерной высоты. Устроив гнездо как следует, голубка откладывала яйца и высиживала птенцов, но как только птенцы вылуплялись, приходила лиса, которой были известны все сроки, останавливалась у подножья пальмы и поднимала шум, угрожая голубке, что взберется на пальму, и та в страхе сбрасывала птенцов прямо в пасть жадной лисы.

Однажды, когда в гнезде голубки появилось два птенца, только что вылупившихся из яиц, прилетела цапля и уселась на пальму. Увидев, что голубка грустна, горюет и печалится, цапля спросила: «Эй, голубка, почему у тебя взъерошены перья и опущены крылья, словно ты опечалена чем-то?» И голубка ответила: «Бог послал мне в наказание лису, которая измучила меня: всякий раз, как из яиц вылупляется хотя бы два птенчика, она приходит, садится у подножья пальмы и поднимает шум, требуя, чтобы я сбросила к ней моих деток, угрожая, что, если я не сделаю этого, она взберется на пальму. И я так пугаюсь, что бросаю ей моих птенчиков, а она их пожирает».

И цапля сказала голубке: «Если она придет к тебе снова и сделает то, о чем ты говорила, скажи ей: «Я не брошу тебе своих деток. Если желаешь, забирайся ко мне на пальму и делай что хочешь. Но если тебе удастся подняться в мое гнездо и съесть моих птенцов, я все равно улечу от тебя и спасусь от твоих зубов». Научив голубку, как ей поступить, цапля улетела и села на берегу реки.

В свое обычное время пришла лиса, остановилась у подножья пальмы и как обычно подняла шум, требуя, чтобы голубка сбросила ей своих птенцов. Но голубка ответила ей так, как ее научила цапля. Удивившись, лиса спросила: «Кто научил тебя этому?» — «Меня научила цапля», — ответила голубка. И лиса направилась к цапле, сидевшей на речном берегу, и спросила ее: «Эй, цапля, если на тебя подует ветер справа, куда ты повернешь голову?» — «Налево», — ответила цапля. «А если ветер подует слева?» — продолжала лиса. «Тогда я поверну голову направо или назад», — ответила цапля. Тогда лиса спросила: «А если ветер будет дуть со всех сторон, куда ты спрячешь голову?» — «Я спрячу ее под крыло», — промолвила цапля. «Тебе не спрятать голову под крыло, — возразила лиса, — она не поместится там!» — «Поместится!» — сказала цапля, и лиса воскликнула: «Ну тогда ты должна показать мне, как это делается! Клянусь жизнью, бог предпочел вас, птиц, возлюбив превыше всех других своих созданий! За один час вы узнаете то, что нам не узнать и за год, и умеете то, что не умеет никто другой, например, прятать голову под крылом, спасаясь от ветра и холода, и да будет это вам во благо! А теперь покажи мне, как это делается».

Цапля не задумываясь сунула голову себе под крыло, а лиса прыгнула на нее, схватила зубами и перегрызла горло. Покончив со своей жертвой, она сказала: «О цапля, ты оказалась врагом себе самой! Ты дала совет голубке и научила ее хитрости, но сама оказалась беспомощной, так что враг без труда одолел тебя!» Потом она растерзала цаплю и сожрала ее».

ГЛАВА О ЦАРЕВИЧЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ

И сказал царь Дабшалим мудрому Байдабе: «Я понял смысл твоей притчи, а теперь скажи мне вот что: вы, мудрые, утверждаете, что человек достигает блага лишь благодаря своему разуму, умению вершить свои дела и прозорливости. Почему же бывает так, что невежда добивается наивысших почестей, он счастлив, уважаем и почитаем, а мудрец нередко попадает в беду и терпит ущерб своей чести и достоянию?» Байдаба промолвил: «Человек может видеть, только если у него есть глаза, а слышит — лишь если обладает ушами. Действовать же он в состоянии только с помощью разума, сдержанности, решительности и умения. Однако судьба и рок сильнее и могут безо всякого труда одолеть человека, как случилось с царевичем и его спутниками». — «Как это было и что это за притча?» — спросил царь, и мудрец начал:

«Говорят, что четверо встретились на одной дороге и подружились. Один из них был царевичем, второй — сыном купца, третий, отличавшийся необычайной красотой, — сыном вельможи и четвертый — сыном простого земледельца. Им пришлось претерпеть множество бед на чужбине, так что все они обнищали, и всего-то было у них имущества, что надетое на них платье. Они вместе шли по дороге, раздумывая, что им делать, и каждый из них на свой лад и согласно своей природе надеялся, что к нему придет удача и счастье. Царевич сказал: «Все в этом мире совершается по воле судьбы и рока. Если человеку что-нибудь суждено, это непременно сбудется. Лучше всего терпеть и ждать, что принесет судьба». Но купеческий сын возразил: «Разум — превосходнее и превыше всего». — «Превыше всего — красота», — вмешался сын вельможи, а крестьянский сын

промолвил: «Нет в мире ничего лучше, чем усердие и старание в работе».

Приблизившись к городу под названием Матрун[51], они уселись у городских ворот и стали совещаться. Потом они сказали крестьянскому сыну: «Иди в город и добудь нам своей усердной и старательной работой пищу на сегодня». Сын земледельца отправился в город и стал расспрашивать жителей, есть ли у них такая работа, чтобы, получив за нее плату, один смог бы прокормить четверых. Горожане сказали ему, что у них дороги дрова, которые можно собрать и нарубить в роще, находящейся на расстоянии фарсаха. Крестьянский сын отправился к роще, нарубил большую вязанку дров, принес ее в город и продал за дирхем. На эти деньги он купил еды на четверых и написал на городских воротах: «Тяжкая работа, которой человек изнуряет целый день свое тело, стоит один дирхем». Потом он отнес еду своим спутникам, они поели и уснули.

На следующее утро они сказали: «А теперь настал черед того, кто сказал, будто красота — самое превосходное и дорогое». Тогда в город отправился сын вельможи. Но по дороге он задумался и сказал себе: «Я не знаю никакого ремесла, что же мне делать в этом городе?» Он хотел было вернуться к своим спутникам, но, устыдившись того, что не смог добыть никакой еды, решил расстаться с ними и, повернув в обратную сторону, прошел немного и остановился, опершись о большое дерево. Потом его одолела дремота, и он лег и уснул под тем же деревом.

Мимо дерева прошла жена одного из знатных горожан. Увидев спящего юношу, она подивилась его красоте и, тотчас же вернувшись домой, велела своей служанке отправиться к тому дереву, разбудить юношу и тайно привести его к ней. Служанка, выполняя наказ своей госпожи, отвела юношу в баню, а затем он вошел в покои хозяйки дома и провел весь день, вкушая изысканные вина и угощения и наслаждаясь любовью. Вечером он простился с хозяйкой дома, и она подарила ему пятьсот дирхемов. И он отправился к друзьям, написав на городских воротах: «Красота, услаждающая один день, стоит пятьсот дирхемов». Купив еды на четверых, он вернулся к своим спутникам и отдал им еду и оставшиеся деньги. Они поели и уснули.

На следующее утро друзья, проснувшись, сказали сыну купца: «А теперь настала твоя очередь — отправляйся в город, и мы посмотрим,

сколько ты заработаешь своим умом и умелой торговлей». Сын купца направился по дороге, ведущей на берег моря, и шел, пока не увидел торговый корабль, нагруженный богатыми заморскими товарами, который только что пристал к берегу. Навстречу кораблю вышло множество торговых людей, желавших купить привезенные товары. Они взошли на палубу и, осмотрев товары, сели в углу, советуясь между собой, и говорили друг другу: «Сегодня нам ничего не следует покупать, хотя мы нуждаемся в этих товарах. Пусть они полежат на корабле, и тогда их владельцы, боясь, что товары залежатся, снизят цену».

Они остановились на этом решении, но в это время явился купеческий сын, который шел другой дорогой. Увидев сидящих на палубе купцов, он сразу понял в чем дело и купил все товары за сто тысяч динаров с условием, что принесет деньги через некоторое время, и сказал владельцам товаров, что на следующий день перевезет купленное в другой город.

Услышав это, торговые люди того города, испугавшись, что товары ускользнут от них, посовещались и перекупили их у купеческого сына за сто тысяч дирхемов[52] и тут же отдали заморским купцам сто тысяч динаров. А купеческий сын взял свою выручку — сто тысяч дирхемов и отправился к товарищам. Проходя мимо городских ворот, он написал на них: «Ум, которым пользовались один день, стоит сто тысяч дирхемов».

На четвертый день друзья сказали царевичу: «А теперь иди ты и заработай для нас сколько сможешь с помощью своей судьбы и рока». Царевич отправился в город и, дойдя до городских ворот, уселся на скамью. А надо сказать, что как раз в это время умер правитель той страны, не оставив ни сына, ни кого-либо из родичей и близких. Вельможи и воины царя вышли хоронить его, и каждый как мог выражал свое горе. Процессия прошла мимо царевича, который сидел спокойно, не рвал на себе одежду и не рыдал и ничем не показывал скорби. Заметив это, все набросились на него с бранью, и привратник спросил его: «Эй ты, кто ты такой и почему сидишь здесь у ворот, а не оплакиваешь нашего повелителя?» Царевич не ответил ни слова, тогда привратник прогнал его, и он удалился, но когда все ушли, он снова подошел к воротам и сел на прежнее место.

После погребения царя процессия, возвращаясь в город, снова прошла мимо ворот, и привратник, который был вместе с другими на кладбище, увидев юношу, рассвирепел и крикнул: «Разве я не запретил тебе сидеть в этом месте?» Схватив царевича, он отвел его к начальнику стражи, и тот приказал бросить его в темницу.

На следующее утро жители города собрались и стали держать совет, кого им назначить над собой царем. Они никак не могли прийти к согласию, спорили и ссорились, и каждый предлагал избрать царем того, кто был ему угоден. Наконец привратник сказал: «Вчера я видел юношу, что сидел у городских ворот. Когда мимо него прошла похоронная процессия, он не выразил скорби и не проявил грусти. Я спросил его, кто он такой, — он ничего мне не ответил, и я отогнал его от ворот, но когда вернулся после погребения нашего повелителя, то увидел, что юноша снова сидит на прежнем месте. Тогда я отвел его к начальнику стражи и попросил заключить в темницу, боясь, что это — вражеский соглядатай».

Старейшины, желая узнать, кто этот юноша, послали за ним, и когда его привели, то спросили о его роде и происхождении и о том, что делал он, сидя у городских ворот, и почему не выразил горя, увидев похороны. И он ответил: «Я сын царя Фавирана[53]. Когда умер отец, мой младший брат поднял мятеж и завладел царством. Спасаясь от него, я бежал и прибыл в ваши земли». И когда юноша умолк, его признали те из присутствующих, кому довелось побывать в царстве Фавирана. Они стали всячески восхвалять справедливость и великодушие этого правителя и единодушно решили избрать своим царем его сына, и никто не противоречил этому решению.

По обычаю этого города тот, кто избирался царем, проезжал по улицам на белом слоне. Проезжая мимо городских ворот, царевич увидел надписи, сделанные его спутниками, и повелел сделать новую надпись: «И усердие, и красота, и ум, и все благое и злое, что случается с человеком в этом мире, — все даровано судьбой и роком по воле великого и славного бога. Тем больше моя благодарность за то величие и честь, которых я удостоен».

Потом юноша отправился в царский дворец и воссел на престол. Приказав привести к нему его спутников, он сделал хитроумного купеческого сына одним из своих вазиров, сыну землевладельца пожаловал обширные владения, а красавцу, сыну вельможи, сделал

щедрые подарки и велел покинуть его земли, дабы женщины не прельщались его красотой и не грешили. Собрав всех ученых и праведных мужей царства, он сказал им: «Мои друзья уже удостоверились в том, что все блага, которые достались им, посланы судьбой и роком по воле всевышнего бога. Мне хотелось бы, чтобы и вы поняли это, — ведь царский сан достался мне не из-за особой моей красоты, ума или старания, а лишь случайно. Покидая родную землю, я едва мог надеяться на то, что смогу добыть себе хлеб насущный, не говоря уж о доставшейся мне высокой чести, о которой я не смел и мечтать, ибо видел я в ваших краях людей, что, без сомнения, и лучше, и достойнее, и красивее меня, более старательных и благоразумных. Но судьба сделала так, что не кому иному, а мне досталось величие царского сана».

Среди тех, кто слушал слова царя, был некий достойный старец. Когда царь умолк, старец встал пред ним и промолвил: «О повелитель, речи эти свидетельствуют о совершенстве твоего разума и мудрости, и эти твои свойства были причиной твоего чудесного возвышения. Ты разумен и великодушен и оправдал наше высокое мнение о тебе и надежды на твою мудрость и справедливость. Мы признаем правоту твоих слов и согласны с ними. И та честь и величие, которыми судьба по воле всевышнего бога наделила тебя, заслужены тобой, и ты достоин их, ибо наделен мудростью и благоразумием, а ведь те, которые обладают этими достоинствами, — самые счастливые люди в бренном мире и на том свете. Бог оказал нам величайшую милость и честь, послав нам тебя в тот час, когда скончался наш прежний повелитель»

Потом выступил вперед отшельник, достойный и праведный старец, и, восхвалив всевышнего бога, промолвил: «В юности, до того как стать отшельником, я служил некоему вельможе и, пожелав отречься от мира, решил с ним расстаться. В награду за мою службу он дал мне два динара. Я задумал один динар пожертвовать на богоугодное дело, а второй динар оставить у себя. Я отправился на рынок и вдруг увидел, что птицелов продает двух удодов. Я стал с ним торговаться, желая купить их за один динар и отпустить на волю, но птицелов заупрямился и требовал за пару не меньше двух динаров. И я сказал себе: «Куплю одного, а другой пусть остается у птицелова», — но затем, поразмыслив, подумал, что негоже разлучать их, и,

сжалившись над птицами и положившись на всевышнего бога, дающего своим созданиям хлеб насущный, решил истратить все свои деньги и купил у птицелова птиц, отдав ему два динара. Мне не хотелось отпускать их на волю в городе или селении, где их могли снова поймать, так как они сильно отощали и измучились, сидя в клетке, и погибли бы от слабости или запутавшись в силках птицелова. И я отнес птиц в безлюдную уединенную долину, где росли высокие деревья и зеленые травы, и выпустил их на волю. Они полетели и, усевшись на вершину плодового дерева, стали благодарить меня. Я услышал, как удод сказал своей подруге: «Этот достойный человек спас нас от смерти и избавил от беды, в которую мы попали, и нам следует вознаградить его за благодеяние. У подножия этого дерева закопан кувшин, наполненный золотыми монетами. Почему бы нам не указать ему это место, чтобы он получил достойное воздаяние?»

Я спросил птиц: «Вы хотите показать мне, где находится клад, зарытый глубоко под землей, не видимый человеческим глазом. Как же вы не заметили сетей и попались в силки птицелова?» И удод ответил: «Если судьба захочет погубить, то может отвести глаза и ослепить взоры. Рок отвел нам глаза, так что мы не заметили сетей птицелова, и он же открыл нам, где находится клад, о котором мы говорили».

Я стал копать землю под деревом и нашел большой глиняный сосуд, наполненный золотыми монетами. Я вознес богу моление о здравии благословенных птиц и сказал им: «Хвала Аллаху, который научил вас тому, что было вам неведомо, — вы летаете в поднебесье, но знаете, что таится в земных недрах». И они ответили: «О мудрец, разве ты не знаешь, что судьба всевластна, и ничто не может противиться ее повелениям, и все, что она пожелает, непременно сбудется!»

Я рассказал повелителю о том, что видел собственными глазами, и если он прикажет, я принесу эти деньги, и пусть они станут достоянием царя и хранятся в его сокровищнице». И царь ответил: «Эти деньги принадлежат только тебе, ибо они — подарок судьбы».

И закончив свою притчу, мудрый Байдаба сказал царю: «Пусть знает каждый, кто желает познать причины всего, что происходит в мире, что все свершается по воле судьбы и рока. Никто не может получить то, чего судьба ему не сулит, или избежать того, что суждено.

Смирись же перед неизбежным и укроти свое сердце, ибо лишь вверившийся воле рока будет спокоен и избавлен от забот и волнений».

Приложение

ИЗ МАЛОЙ КНИГИ АДАБА[54][55]

Говорит Ибн аль-Мукаффа: «Человеческий разум обладает врожденными свойствами, благодаря которым воспринимает образование и воспитание, а в учении он растет и крепнет.

Зерно, брошенное в землю, освобождается от оболочки, пробивает почву и выпускает росток, свежий, сочный и зеленый, только тогда, когда будет орошено водой, что пробуждает его от долгого сна в подземном убежище, увлажняет его, избавляя от сухости и кажущейся смерти, и дает ему силу и жизнь. Так и человеческий разум, чья сила таится в сердце человека[56], пробуждается, пробивается к свету и расцветает только орошенная влагой учения, и только учение позволяет жить полной жизнью и расцвести пышным цветом.

Да будет известно, что многословных больше, чем знающих, так пусть же всякий помнит свое место и положение. Всякий человек, не юродивый и не слабоумный, обладает долей здравомыслия, потребной ему для жизни. Но не всякий мыслящий здраво может назваться разумным, приписывая себе качества, свойственные обладателю разума. Кто же хочет стать достойным этого высокого имени и звания, должен запастись терпением и прилежанием, посвятить дни своей жизни приобретению знаний, позабыв о потворстве своим страстям и наслаждениям, ибо он обрек себя на великое дело, которого не достигнешь без труда, многих забот и ночного бдения и не получишь благодаря чудесному соизволению или внезапному озарению. И не пробуждается разум благодаря игре случая и удачи, как это бывает с другими вещами в этом мире — богатством, властью и влиянием, благоволением сильных мира сего и высоким положением, которых может добиться порой и ленивый, недалекий и беспечный, а не старательный и умный. Богатство и власть иной раз сами приходят к слабому и нерешительному, часто минуя сильного и доблестного мужа.

Разумный, решив, что для него полезно и что вредно, знает, как вернее всего приобрести полезное и лучше всего беречься вредного, и понимает, что следует предпочитать преходящим наслаждениям,

дарованным страстями, вечную радость, истинную — плод тяжких трудов и долгих размышлений.

Разумному следует быть неподвластным велениям души своей, постоянно следить за ней и вести счет ее желаниям, и подавлять их, насколько это будет в его силах, ибо у души нет иного достояния, как считанные дни ее жизни, которые нельзя ни вернуть, ни возместить, как возмещают траты и убытки. И те дни, что проведены на ложном пути, нельзя повернуть на верную дорогу. Об этом следует размышлять, когда прошел год, когда миновал месяц и когда склонился к закату день. И разумный видит, что он потерял и что приобрел за это время, все записывает в тетрадь и постоянно ее просматривает, дабы помнить постоянно о своих делах — и добрых, и дурных, восхваляя себя за доброе и порицая за дурное.

И надлежит сделать своим путеводителем разум, который всегда соперник своевольной души, ибо душа склонна ко злу и постоянно желает найти оправдание своим прошлым промахам и заблуждениям, и вечно надеется добиться чего-либо в оставшиеся дни жизни. И только разум способен противостоять ложным надеждам и напрасным оправданиям.

Разумный муж должен всегда помнить о своих недостатках и стараться исправить их, избавляясь хотя бы от малого порока за один день или неделю, а когда он поймет, что добился успеха, то вычеркнет одну из записей, которые сделал в тетради. И всякий раз, взглянув на зачеркнутое, он будет радоваться, но, увидев, что немало еще осталось, станет горевать.

Следует также искать в людях добродетели и похвальные качества, записывать их и, подражая всему достойному, вычеркивать то, чего удалось достигнуть.

Разумный муж не прощает себе ошибку в речах и поступках, леность в науках или небрежение в важном деле, ибо постепенно ничтожное станет значительным и пробьет брешь в укрепленной твердыне разума, а если брешь вовремя не заделать, то всякая крепость рухнет. Мы не видели ничего великого, что поначалу не было бы малым и ничтожным, — царства свергают враги, что издавна были в пренебрежении, здоровье подтачивает недуг, на который вовремя не обращают внимания, а воды великих рек берут начало в струях малых ручейков.

Кто встал перед людьми, объявляя себя имамом[57] и наставником веры, должен начать с самого себя и идти верной стезей, дабы похвальным стало его поведение, дабы богатство его приобреталось праведно, дабы продуманными были его решение и речение, и тогда пример его будет более поучительным, чем все слова и проповеди, а дела — более красноречивыми, чем язык его. Как мудрое слово приятно для слуха, так мудрое дело сладостно для очей и сердца. И тот, кто достойно воспитал себя, более заслуживает почитания и восхищения, чем тот, кто берется воспитывать других.

Великий труд и тяжкая забота — бремя власти, и тот, кто правит людьми, должен непременно обладать свойствами, которые составляют опору правления царством: умение выбирать помощников и вазиров и растолковывать каждому его задачи, способность выбирать мужей, достойных доверия, и вознаграждать их, а также карать замышляющих измену, дабы поощрять доброго и избавиться от злого.

Если речь облечена в одежды притчи, то она более ясна и убедительна, приятна для слуха и разнообразна по стилю.

Страшнее нет беды, чем недостаток разума, мучительнее нет одиночества, чем отсутствие друга, нет обильнее богатства, чем острый разум, и нет дороже подарка, чем искренний совет.

Доля, которая дарована человеку, может быть двух родов: та, что хранит, и та, которую охраняют. Та доля, что хранит человека, — это разум, а та, что нуждается в охране, — богатство. И разум, по воле Аллаха, посылает счастье, скрашивает жизнь на чужбине, утешает в горе, спасает от беды, приносит достаток, словно плодовое дерево, ибо спелый его плод делает простолюдина вельможей и заставляет вельможу ценить совет простолюдина, радует друга и избавляет от врага.

Ничто так не вредит разуму, как высокомерие, ничто так не разрушает любовь, как ссора; скупость — болезнь сердца, как лицемерие — недуг языка, гордыня бывает причиной буйства и невежества, а надменность — причиной глупости. Чванство и тупость — близнецы, а неуживчивость — сестра враждебности.

Если ты захотел сотворить добро — спеши удовлетворить свое желание, а если ты задумал совершить зло — потерпи, может быть, разум твой одержит верх над страстями и желаниями, и чем больше дней и ночей ты станешь терпеть, тем больше получишь выгоды.

Залог успеха в учении в том, что человеку нравится наука, которой он обучается, и он обладает достаточными способностями для ее усвоения, иначе все труды его будут напрасны и он зря проведет дни свои, блуждая без дороги, и лишится своей доли, уподобясь человеку, что посадил миндаль и орешник на солончаке либо надеется вырастить бананы и финиковые пальмы в безводной каменистой пустыне.

Знания — украшение в пору благоденствия и спасение в бедности. Адаб услаждает сердце[58], и наука укрепляет разум.

Разум ученого человека познается в том, что он стремится к достижимому и избегает недоступного. Он старается украсить себя добродетелями и достоинствами и никогда не кичится своими знаниями. Ему ведомы веления времени, и он разбирается в людях, берет с них свою долю и не отказывает тому, кто обращается к нему за советом. Он хорошо обходится с друзьями, и никто не может сказать, что на языке у него не то, что на сердце. Он щедр и справедлив, а если ему случится вступить в спор, то доводы его вежливы и убедительны.

Разумный муж не стыдится спрашивать, если чего не знает. Он умеет различить ложь и правду и должен быть искренним, чтобы слову его верили, он никогда не нарушает своих обещаний и благодарен тому, кто сделал ему доброе дело, дабы помнили о нем и в будущем. Он щедр, чтобы и к нему проявляли щедрость, милосерден к слабым и обиженным, чтобы его никто не обидел, и не питает ни к кому вражды, дабы не попасть в силки шайтана. Разумному мужу подобает также проявлять сдержанность, не говорить лишнего и заниматься лишь своими делами, дабы не постигло его наказание за чужую вину. Пристало ему быть скромным, чтобы радовались его удаче и не завидовали его богатству, довольствоваться тем, что ему даровала судьба, и не желать большего, чтобы уберечься от зла завистников. Надлежит ему быть осторожным, чтобы не опасаться мести и ненависти врагов, доброжелательным, чтобы не наживать себе недругов, быть благочестивым в поведении, дабы улемы[59] не обвинили его в распущенности, а их обвинения — страшнее гнева султана и правителя.

Причина всех грехов и пороков — ложь, и от нее все греховное и порочное в человеке и в мире. Ложь покоится на трех опорах: несправедливых притязаниях, наглости и силе. Ложь украшает

несправедливые притязания, думая, что никогда не откроется их необоснованность, когда же обман обнаружится, ложь прибегает к запугиванию и наглости, а коли это не помогает, ложь завершает свой натиск победой, нападая на истину и решая спор силой. Она отстаивает своих приверженцев и приводит разные доводы против истины, так что скоро вводит всех в заблуждение и одерживает победу, призвав на помощь своих верных воинов — грех, подкуп и преступление.

Подлого и низкого предателя можно узнать по добрым речам и дурным поступкам. Он долго таит гнев и быстро обнаруживает зависть, терпим ко всякому греху и позору, воздает ненавистью за ласку, скуп, но притворяется щедрым, льстив и не обладает собственным достоинством, не жалея дарит чужое, но никогда не отдаст своего.

Издавна говорили: «Если тебе предстоит из двух дел выбирать одно, то займись тем, которое важнее; если не можешь определить их важности, то берись за то, которое доступнее; если не знаешь и этого, спеши выполнить то, которое может тебе больше не представиться».

Разумному человеку полезно иметь два зеркала и постоянно смотреться в них: в одном он видит собственные недостатки и, не прельщаясь собой, старается исправиться; в другом — наблюдает добродетели других людей и по мере возможности подражает им.

Если возмешься за опасное дело и останешься невредим, не обольщайся: быть может, в следующий раз оно тебя погубит.

Добродетельный не обманывает, а разумный не даст себя обмануть.

Достойный человек не говорит то, чего не знает, решительный отстаивает то, что ему известно.

Бесполезен разум, если нет добродетели; бесполезна осторожность, если нет разума; бесполезна сила, если человек труслив; бесполезна красота, если женщина злонравна; бесполезно знатное происхождение, если нет образованности, бесполезна радость, если нет спокойствия, бесполезно богатство, если нет щедрости, бесполезна доблесть, если нет скромности, бесполезно учение, если нет к нему способности, и бесполезны все старания, если нет удачи.

Для свершения великих дел необходимо шесть условий: разум, успех, удобный случай, помощь, образованность и прилежание. И

условия эти успешно действуют в паре: так, разум неполон без образованности, а образованность невозможна без разума; удобный случай нуждается в помощи, ибо никакая помощь не принесет пользы, если не будет удобного случая; успех неотделим от прилежания, ибо успех венчает прилежание, и прилежание — причина успеха.

Разумный муж не совершит греха и избавлен от пороков, ибо он довольствуется тем, что имеет, и не дает воли несбыточным желаниям и душевным страстям. Разумный не станет беседовать с тем, кто может солгать, или просить у того, кто способен отказать. Он не обещает того, что не в силах исполнить, не стремится к тому, что может принести ему несчастье, и не берется за непосильное дело.

Самый богатый из людей тот, кто больше всего совершил благодеяний.

Некий человек спросил столетнего мудреца: «Что есть лучшее в человеке?» Тот ответил: «Природный ум». — «А если его нет?» — спросил человек. «Тогда знания», — промолвил мудрец. — «А если и их не хватает?» — «Тогда правдивый язык». — «А если нет и того?» — «Долгое молчание», — ответил мудрец. Человек осведомился: «А если нет сил молчать?» — «Тогда умри как можно скорее!» — воскликнул старец.

Худший из пороков — незнание собственных недостатков, ибо если ты не понимаешь, в чем твои недостатки, то для тебя скрыты достоинства ближних, и ты никогда не сможешь ни избавиться от пороков, ни приобрести достоинства.

Кичливый наглец не дождется искренней похвалы, скупой не приобретет друзей, невежда не получит чести, скряга не услышит доброго слова, алчный не познает верной дружбы, а заносчивый и жестокий правитель — долгой власти.

Хитростью одолеешь вернее, чем силой.

Четыре вещи не бывают малыми: огонь, болезнь, враг и долг.

Изо всех смертных более всего достоин уважения разумный царь, опытный в делах правления, знающий, где применить силу или мягкость, когда гневаться или выказывать благоволение, спешить либо медлить, понимающий, как поступить сегодня и завтра и какие последствия будут иметь эти поступки.

Благородный муж дарит свою дружбу с первого взгляда, если почувствует склонность, а презренный дружит, лишь желая пользы

или опасаясь силы.

Бедность навлекает на свою жертву людскую ненависть, лишает чести, доблести и разума, заставляет забыть все науки и потерять образованность, она — источник всяческих подозрений и обвинений и скопище несчастий.

Я слышал, как ученые люди говорили: «Разум — умелое ведение дел, а добродетель — целомудрие и воздержание; наивысшая знатность — благородство нрава, а лучшее богатство — умеренность в желаниях. Если не можешь одолеть собственную беду — терпи, а когда несчастье постигает ближнего — будь милосерден. Радость, равной коей нет в этом мире, — общение с друзьями, а горе, с которым ничто не сравнится, — разлука с ними.

Старайся вершить благое и будь верен этому стремлению — и благо само устремится к тебе, словно горный поток в низину».

ИЗ БОЛЬШОЙ КНИГИ АДАБА[60]

Говорит Абдаллах ибн аль-Мукаффа: «Поистине, предки наши были разумнее нас, крепче телом и сильнее душою. Славились они мощью дланей и мастерством в различных ремеслах, они жили долго и накопили сокровища великой мудрости. Те из них, что посвящали себя делам веры, были красноречивее и добродетельнее, чем благочестивые люди в наше время, а те, что занимались делами мирской жизни, были достойнее и честнее.

И видим мы, что наши отцы и деды не удовольствовались достоинствами и добродетелями, дарованными им от природы, а постарались развить их и передать хотя бы часть своим потомкам в книгах, где были мудрые изречения и наставления, пословицы и притчи, дабы донести до нас свою мудрость и свой опыт.

Они проявляли в этом деле неслыханное рвение, и если одинокому страннику в пути приходила на ум удачная мысль или красноречивое слово, то он высекал на гранитных скалах свои изречения и поучения, дабы нежданная смерть не помешала ему увековечить их, ибо он опасался, что потомки его будут лишены вечной мудрости[61].

Наши предки поступали в этом случае, как заботливый отец поступает со своими сыновьями, желая им добра и оставляя им в наследство деньги, различные строения и земли, чтобы в юности не знали они забот и лишений.

И большее, что может сделать человек ученый в нынешнее время, — это заимствовать мудрость древних, и лучшее, что в состоянии совершить добродетельный и достойный муж в наши дни, — подражать поступкам своих предков, которые будут поучать и наставлять его со страниц древних книг, рассказывая о своих великих подвигах. Но к нашей великой жалости, мы найдем в этих книгах лишь частицу их учений и отдельные высказывания и рассказы…[62]

Если желаешь стать ученым, постарайся постигнуть то, что составляет основу науки, которую ты избрал, а затем уже принимайся за частности — ведь кто срубил ствол дерева, получит и его ветви.

Если хочешь сохранить тело здоровым и сильным, не превышай предела в еде, питье и любострастии, познай все, что может принести пользу твоему телу или повредить ему.

Если будешь изучать воинское искусство, стремись стать военачальником — стань доблестным и стойким, забудь об отступлении и не обращайся вспять, когда твои воины наступают на врага, тебе надлежит быть первым в нападении и последним, когда возвращаются с поля боя. Но при этом не забывай о бдительности и осторожности, ибо без этого доблесть бесполезна.

Если хочешь прослыть щедрым — осыпай обильными дарами достойных и протяни длань свою также тому, кто еще не заслужил награды, ибо если поощрить его, он захочет проявить свои достоинства, которые были скрыты до сих пор.

Красноречив тот, кто избегает ошибок и употребляет правильные выражения, но еще более красноречив находящий новые слова и необычные образы и обороты.

Если будешь облечен властью, постоянно советуйся с разумными учеными и добродетельными мужами.

Не следует правителю показывать свою любовь к льстивым восхвалениям, ибо об этом тотчас же проведают люди, и станет его тщеславие той брешью в твердыне власти, через которую проникнут предатели и мятежники, теми вратами, куда войдут его противники, и правитель будет посмешищем в стране злоязычных завистников. Знай, что принимающий похвалу словно восхваляет себя самого, и потому из любви к искренней похвале следует отвергать восхваления. Отклоняющий лесть поступает разумно, а принимающий — достоин осуждения.

Кто желает угодить всем и каждому — стремится к невозможному.

Терпеливо выслушивай тех, кто спорит с тобой, если они желают дать тебе искренний совет, как бы ни были горьки их слова и язвительны упреки. Но терпи это лишь от людей старых, разумных и доблестных, дабы не осмелел глупец и ненавистник.

Знай, что среди правителей и сильных мира сего множество таких, что легко поддаются гневу и напускаются на невинных: свирепо глядят на них, осыпают их упреками и бранью, незаслуженно наказывают, ругают и избивают, хотя те вовсе того не заслуживают.

Потом, когда гнев правителя проходит и он чем-либо доволен, то он прощает и оставляет без последствий серьезные проступки и прегрешения, за которые следовало бы жестоко наказать. Он одаряет тех, кого раньше не желал даже видеть, и осыпает почестями тех, кто был ему ненавистен и у кого нет никакого права на царскую благосклонность. Берегись, не поддавайся гневу. Ибо нет хуже людей из власть имущих, которые злоупотребляют своей силой, торопясь проявить свой гнев либо свое благоволение. И если мы скажем о человеке, что он наказывает не тех, кто вызвал его гнев, и вознаграждает не тех, кто заслужил его благоволение, то его можно назвать бесноватым и безумным.

Дела и намерения, что не покоятся на твердом и надежном основании, скоро рушатся, и от них не остается даже следа и воспоминания.

Не будь жадным на слова и скупым на приветствия, но не расточай перед всяким речей и не улыбайся направо и налево, ибо первое — припишут высокомерию, а второе — глупости и легкомыслию.

Царю не пристало гневаться, ибо могущество несовместимо с гневом.

Знай, что царь помнит лишь о тех, кто находится с ним в сей день и сей час, и не успеют они покинуть его, как о них забывает. Помнит он также и о тех, в чьей силе или совете нуждается.

Берегись хранить в сердце гнев против царя или презрение к правителю, ибо, если эти чувства будут в твоем сердце, они неизбежно отразятся на твоем лице, если ты сдержан, и на твоем языке, если ты болтлив и поддаешься гневу.

Если при тебе или в твое отсутствие о тебе помянут царю недобрым словом, не показывай вида, что тебя это задело или ты разгневан и обеспокоен. Упаси тебя боже дать гневный или грубый ответ — говори мягко и приводи разумные доводы, ибо всегда побеждает разумный и сдержанный.

Если слышишь от правителя гневное или грубое слово, не считай, что это признак гнева, ведь власть приучает к грубости, и упрекают часто того, на кого не гневаются.

Если спрашивают не тебя, не спеши с ответом, ибо это признак невоспитанности и пренебрежения к тому, кто спрашивает и кому

задают вопрос. Тебе будет неприятно, если скажут: «Я спрашиваю не тебя!» или: «Отвечай, если сможешь!».

Когда спрашивают нескольких, не отвечай первым, стараясь опередить собеседников, ибо это признак заносчивости и легкомыслия. Все присутствующие постараются опровергнуть твои слова, упрекая тебя в невежестве, а если ты помедлишь и дашь ответить другим, то словно проведешь смотр их мыслям и речам, как полководец — своим воинам, и оценишь их, поразмыслив обо всем, что услышал. И тогда отвечай, подготовив разумные доводы, дабы посрамить своих соперников.

Если же не дойдет до тебя черед и станут говорить о другом прежде, чем ты успеешь ответить, то тебя никто не упрекнет в молчании, ибо в этом не будет твоей вины или упущения.

Лучше промолчать, чем сказать неудачно, ибо одно слово, сказанное вовремя и к месту, лучше сотни слов, не достигших цели.

Поспешное слово бывает часто необдуманным и ошибочным, даже если на первый взгляд кажется удачным и красноречивым.

Общаться с царями можно только после долгого упражнения в скрытности, терпении, сдержанности и готовности вынести любые грубости и оскорбления. А если ты можешь обойтись без царской службы, то всеми силами избегай ее, ибо тот, кто прилагает все старания услужить царям, не добьется ни наслаждения в мирской жизни, ни блаженства в будущей, а кто не выполняет со всем тщанием своих обязанностей и получает незаслуженную награду, навлечет гибель и позор на себя и своих ближних в этой жизни и будет нести тяжкое бремя в загробном мире.

Не избежать тебе немилости царя, если ты откровенен с ним, и не избежать казни, если ты скрываешь что-нибудь; не избежать царского гнева, если говоришь правду, и не избежать смерти, если солжешь. Если постоянно находишься при нем, то наскучишь ему, а если оставишь его, то будешь наказан. Если царь разгневается на тебя, то погубит, а если заслужишь его благоволение, то оно тебе станет тяжелее опалы.

Отдай другу жизнь, кровь и все достояние, ибо знаешь, что он отплатит тебе тем же, одари людей добротой и благожелательностью, одари врага справедливостью, но никому не вверяй своей веры и своей чести.

Не имей обыкновения заводить о чем-нибудь разговор, а потом, остановившись, говорить: «Я расскажу об этом в другое время», как будто ты раздумал, считая своих слушателей недостойными твоих речей. Сначала думай, а потом уж начинай рассказ, ибо прервать его после того, как начал, — признак глупости и невежливости.

Не хвались повсюду разумом и красноречием, храни их про запас, ибо показывать разум и красноречие там, где не подобает, — признак неразумия.

Коли ведешь беседу, не путай шутку с серьезным разговором, иначе подумают, что дело не так уж важно, а шутку твою не оценят. Смешивать серьезное и шуточное можно лишь тогда, когда кто-либо из твоих соперников и противников обратится к тебе грубо и невежливо, вот тогда отвечай ему шуткой, издеваясь и высмеивая его, чтобы показать, что к его словам не может быть серьезного отношения.

Если увидишь, что друг твой беседует с твоим врагом, не печалься и не беспокойся: если твой друг надежен и верен, то благодаря ему ты узнаешь намерения противника и убережешься от зла. Если же твой друг не особенно близок и ненадежен, то пусть общается с кем угодно.

Не превозносись перед своими гостями и собеседниками, будь одинаково вежлив и любезен со всеми.

Не хвались своими знаниями, ибо если тебя уличат в невежестве, ты будешь навеки опозорен.

Стыдись уличать своего собеседника в невежестве, ибо это послужит лишь к умалению твоей чести.

Знай, что стремление показать во что бы то ни стало свою образованность — признак нескромности, низости нрава и невоспитанности.

Если хочешь, чтобы тебя почитали и любили и знатные люди, и простолюдины, то, обладая ученостью, уподобляйся скромностью невежде и, будучи красноречивым, молчаливостью превосходи косноязычного.

Знания украшают и ведут правым путем, скромность отгоняет завистников, красноречие помогает добиться высокого положения, но лишь молчанием можно заслужить любовь и уважение.

Если услышишь о вещах, тебе известных, не вмешивайся, желая показать, что ты уже слышал это, ибо такое поведение — признак

глупости и невоспитанности.

Пусть все окружающие знают, что ты скорее не пообещаешь, но сделаешь, чем не сделаешь, хотя пообещаешь.

Презирают того, кто щедр на обещания, но скуден на их исполнение, почитают того, чьи слова не расходятся с делами.

Никогда не оставляй друга, даже если он сделал что-нибудь дурное, дорожи им — ведь он не твой раб и не жена, от которых ты можешь избавиться в любое время. Твой друг — это твоя честь и доблесть, ведь доблесть мужа — в его помощниках и собратьях. Если узнают, что ты оставил друга, то сочтут это предательством и изменой. И как бы ты ни оправдывался, тебя не услышат, ибо люди передают лишь обвинения, но не оправдания.

Заклинаю тебя, будь медлителен, не торопись принять решение, но, приняв его, будь стоек!

Возлюби одиночество и сторонись людей, даже если наживешь себе этим врагов. Кто не следует этому совету, приобретает множество неверных друзей, а дурные друзья часто вредят сильнее, чем враги.

Облачайся, общаясь с людьми, в два одеяния, без которых не прожить и не обойтись разумному и достойному: в одеяние неприступности для всех, с кем мало знаком и не желаешь близости; будь с ними молчаливым, осторожным и готовым к отпору. Для близких и надежных друзей облачайся в одеяние дружбы и доброжелательности, посвящай их во все свои сердечные думы и помыслы и отбрось осторожность и подозрительность.

Знай, что язык подобен обнаженному мечу в руках гнева, страстей и несдержанности, побеждающих разум и всякую осмотрительность. Не давай воли языку, не то он погубит тебя. Подчини его разуму, и он станет тебе другом, если же им овладеют страсти, то он — твой злейший враг и причина всяческого несчастья.

Если сможешь подчинить себе свой язык, то он охранит тебя, но если ты потеряешь над ним власть, то он станет твоим врагом.

Знай, что лучшее из сокровищ в этом мире — верные друзья, они — украшение в пору благоденствия, помощь в беде, спутники в этой бренной жизни и на том свете. Не жалей же усилий на то, чтобы приобрести их и укрепить узы братства и дружбы.

Знай, что люди подлые крепче телом, а благородные — духом.

Терпеливым и стойким называют не толстокожего, терпящего побои, не дюжего, таскающего тяжелые тюки, не выносливого, что довольствуется скудной пищей, — все эти качества присущи и ослу. Терпеливым и стойким может быть лишь человек, обладающий сильной душой, великим сердцем, несокрушимый в беде и радости, в трудности и печали. Терпеливый муж решителен и стоек, благоразумен и верен своему слову, не поддается гневу и прочим душевным страстям, не боится трудностей, ибо знает, что рано или поздно они кончатся, старается сдержать побуждения, отвлекающие его от главной цели, и стремится к ней, отринув все постороннее.

Возлюби всей душой науку, дабы она никогда не оставляла тебя, стала твоей страстью, развлечением и наслаждением, основным занятием и заветной целью.

Лучшее средство защиты от бед и несчастий — отринуть зависть, ибо зависть присуща подлым и низким, и хуже всего, что зависть не щадит родных и близких, приятелей и знакомых.

Знай, что лучшее из средств для того, чтобы бороться с завистниками и врагами, — не показывать, что ты знаешь о их вражде и зависти, дабы они не проведали о твоих истинных чувствах. Если они будут обмануты, то ты нападешь на них, когда они будут считать себя в безопасности, и уничтожишь их без всякой жалости.

Знай, ничто так не вредит вере, не ослабляет тело, не истощает разум, не наносит ущерба богатству, доблести, величию и благоразумию, как страсть к женщинам.

Худшее, что мы видим в человеке любострастном, — это его отвращение к тем женщинам, которых он уже познал. Его влечет к новым, и он никогда не может остановиться. Но ведь женщины все одинаковы, и превосходство неизведанных над известными, о котором твердят глаза и сердце любострастного, — ложь и обман. Более того, те женщины, к которым его влечет, часто гораздо хуже и бывают даже некрасивы и непривлекательны.

Любострастный, что презрел свою супругу и наложниц и рыскает по улицам в поисках доступных женщин, похож на обжору, который не желает есть дома свежую и вкусную еду и принюхивается к вони, доносящейся из дешевой харчевни.

Что может быть удивительнее! Мужчина в здравом рассудке и полной памяти, не безумец и не юродивый, видит издали женскую

фигуру, с головы до ног закутанную в покрывало, и влюбляется, воображая, что перед ним — чудо красоты и верх совершенства. Но кто знает — может быть, под этим покрывалом скрывается урод из уродов! Часто так и бывает, но это не останавливает любострастного и не служит ему назиданием, и он продолжает преследовать незнакомых женщин и желает отведать то, чего еще не пробовал. И если на земле останется всего одна женщина, которую он еще не познал, он не перестанет стремиться к ней, словно она чем-то отличается от прочих. Это можно назвать лишь легкомыслием, глупостью и великим несчастьем.

Знай, что чрезмерное благочестие ведет к безбожию и гордыне, чрезмерное старание овладеть науками — к невежеству и скудоумию, чрезмерное стремление угодить всем и каждому — к умалению чести.

Упоминай имя своего врага только тогда, когда можешь повредить ему, и не успокаивайся до тех пор, пока его не погубишь.

Человек кроткого нрава часто становится буйным, боясь, что о нем скажут: «Такой стерпит любое унижение», молчаливый делается многословным, опасаясь, что его назовут косноязычным.

Если перед тобой два решения и ты не знаешь, какое из них вернее, смотри, чего тебе хочется больше, и выбирай другое, ибо самое правильное решение — бороться со своими страстями и желаниями.

Пусть уживаются в твоем сердце любовь к ближнему и стремление к одиночеству: первое должно проявляться в хорошем обращении с людьми, а второе — в том, что ты никому не станешь открывать душу и тем сохранишь свою честь.

С каждым обходись сообразно его званию и состоянию: с невеждой не говори о науках, с тупоумным не обсуждай сложных вопросов, от косноязычного не жди красноречия.

Бойся выказать радость в присутствии того, кто убит горем, и знай, что он ненавидит счастливого и сочувствует несчастному.

Знай, что тихий голос, спокойные движения и ровная походка хороша в человеке скромном, а в кичливом и высокомерном противны и вызывают лишь ненависть и отвращение.

Учись внимательно слушать так же, как ты учишься красиво говорить, никогда не прерывай говорящего и дай ему сказать все до конца, отвечай ему, если он спросит тебя, гляди ему в лицо и не отворачивайся.

Когда находишься в собрании, не обрушивайся с бранью на какой-нибудь народ или племя — может быть, среди присутствующих есть человек, принадлежащий к этому народу. Он может подумать, что ты сделал это намеренно, намекая на него, и проникнуться к тебе ненавистью. Не говори: «Мне не нравится такое-то имя, мужское или женское, оно некрасиво и неблагозвучно», — быть может, среди присутствующих есть человек, носящий это имя, возможно, его жену, дочь или родственницу назвали тем именем, которое ты счел скверным. Все это наносит сердечную рану, а раны, нанесенные словом, никогда не заживают.

Лишь дурно воспитанный человек перебивает рассказчика и ловит его на слове.

Дурная привычка, которую следует оставить всем, кто желает прослыть вежливым и воспитанным, — вмешиваться и исправлять рассказчика, чтобы показать людям, что ты слышал этот хадис и знаешь его.

У людей есть дурная привычка намекать на пороки кого-нибудь из присутствующих. Но ведь каждый знает свои недостатки, поэтому лучше сказать прямо, избегать всяких намеков и не обольщаться, думая, что никто не поймет их.

Один из признаков дурного нрава и невоспитанности — когда человек, узнав о том, что кому-либо из присутствующих повезло и он разбогател или получил то, чего долго добивался, начинает умалять удачу и твердит, словно уличный проповедник, что судьба переменчива, счастье скоротечно и богатство недолговечно. Всем будет ясно, что он просто завидует удачливому собрату, и по праву сочтут его злобным завистником, желающим вселить сомнение в душу того, кому судьба улыбнулась, и умалить его радость.

Я расскажу тебе об одном из своих друзей, который был в моих глазах великим человеком. Главное, что восхищало меня в нем, это его презрение к благам этого мира. Он был неподвластен своему чреву, крайне умерен в еде и ел самую обычную пищу. Он не был рабом своих чресел, не совершал чего-либо сомнительного или запретного и не грешил ни делом, ни помышлением. Он не давал воли языку, никогда не говорил того, чего не знал в точности, и не вступал в споры, когда не был уверен в верности своего мнения. Он был неподвластен гневу и раздражению, и никто не слышал от него грубого или

необдуманного слова. Он почти всегда молчал, а говорил лишь тогда, когда был уверен, что его речи принесут пользу, и побеждал всех ораторов и проповедников. Он казался скромным и даже униженным, но когда брался за дело, то уподоблялся свирепому льву.

Он жаловался только тому, кто мог помочь, а советовался только с тем, от кого надеялся получить разумный совет. Он никогда не шумел и не спорил, не гневался и не поддавался своим страстям, не радовался без удержу и не горевал без предела, мстил за друзей и всегда был готов дать отпор врагам. И при этом он заботился о своих друзьях как о самом себе.

Подражай же этому человеку, если сможешь, а если не сможешь уподобиться ему во всем, то заимствуй хотя бы часть его достоинств — ведь получить малую толику добра лучше, чем не получить ничего».

---

notes

Примечания

1

Арабская сказка Лев и Бык. Переработал С. С. Кондурушкин. Петроград, 1918, изд-во «Огонек».

2

Примечание от редакции: перевод книги «Калила и Димна», выполненный И. П. Кузьминым под редакцией и при участии академика И. Ю. Крачковского, впервые был опубликован в 1934 г., затем переиздан массовым тиражом в 1957 г. Ныне перевод этот устарел, но в свое время сыграл важную роль в арабистике и литературоведении в целом. Новый перевод сделан по каирскому изданию, 1950, с привлечением изданий, выходивших в Дамаске (1959) и Алжире-Бейруте (1973).

3

Ибналь-Мукаффа. «Калила и Димна»

Перевод сделан по изданию: Ибн аль-Мукаффа. Калила ва Димна. Каир, 1950

КАЛИЛА И ДИМНА

Имена, встречающиеся в «Калиле и Димне», почти не поддаются идентификации; так, Бурзое и Адое по своей форме — имена явно персидские, Байдаба — вероятно, индийское; прочие имена, по всей вероятности, также индийские, но подверглись весьма значительному искажению вначале в пехлевийском, а затем в арабском переводе. Некоторые имена животных, быть может, этимологизированы, как, например, имя мыши Ширак (букв. «львенок») в рассказе о мышином царе; не исключено, что в оригинале Ширак носил другое имя или это случайное фонетическое совпадение. То же можно сказать и о названиях стран и городов: чуждые и непонятные переводчику на язык пехлеви, они могли трансформироваться до неузнаваемости. Возможно, некоторые географические названия были заменены еще в пехлевийском переводе на персидские и в таком виде переданы Ибн аль-Мукаффой. В разных изводах «Калилы и Димны» эти названия (за исключением тех, что были понятны и известны Ибн аль-Мукаффе) довольно сильно варьируются. Для сравнения были использованы следующие издания «Калилы и Димны»: Ибн аль-Мукаффа Абдаллах. Калила ва Димна. Дамаск, 1959; Ибн аль-Мукаффа. Калила ва Димна. Алжир-Бейрут, 1973. В данном переводе имена собственные даются по каирскому изданию 1950 года.

4

Шатрандж — персидская форма санскритского слова «чатур ранг» (букв. «четыре ряда»), обозначающего игру, положившую начало современным шахматам. Слово «шатрандж» вошло в арабский язык без изменений. В данном случае речь идет о шахматах, в которых употреблялась доска, где каждая сторона имела 9 клеток.

5

Александр Двурогий. — «Двурогий» стало обычным эпитетом, которым сопровождалось имя Александра Македонского в персидском и арабском фольклоре и литературе стран Ближнего Востока. Существует несколько версий происхождения этого эпитета: 1) владения Александра Македонского простирались на запад и на восток, имея форму полумесяца с двумя рогами; 2) головной убор полководца имел форму полумесяца; 3) может быть, в этом эпитете обыгрывается библейское (и вообще семитское) значение слова «рог» — «сила», «мощь» (ср. «сокрушу рог его»). Двойственное число в семитских языках обычно имеет значение усиления качества (ср. арабские титулы: «обладатель двух десниц», «обладатель двух мечей» и т. д.). Эпитет «Двурогий», примененный к Александру, может обозначать «сильный», «мощный».

6

Что доставит радость и наслаждение… — Имеется в виду «духовное наслаждение» — основная цель, к которой должен стремиться философ, согласно воззрениям восточного эпикурейско-стоического направления, послужившего одним из источников манихейства.

7

Хаджиб (*букв*. «привратник») — одна из высших придворных должностей в Халифате; церемониймейстер при дворе халифа, от которого зависел прием просителей.

8

…велел ученику записывать в самом начале книги условие… — В тексте книги «условий» нет, упоминание об этом встречается лишь в предисловии.

9

Иснад (*букв.* «опора») — ссылка на источник информации, письменный или устный; типа: «Сказал Ахмад со слов Мухаммада, который слышал от Махмуда…» и т. д. Иснад составлял важнейшую часть богословских средневековых сочинений мусульман. Отказ от иснада, может быть, специально подчеркнут Ибн аль-Мукаффой, который как бы протестовал против влияния богословской литературы на светскую.

10

…разум, основа всех вещей… — Рационализм, преклонение перед разумом характерно для многих средневековых мусульманских авторов, главным образом иранцев (см. гимн разуму у великого иранского поэта Фирдоуси). Во многом эти воззрения унаследованы от сасанидского Ирана.

11

Барид — почтовое ведомство, которое существовало еще в сасанидском Иране. В каждой провинции было несколько станций, где держали свежих лошадей. В Халифате эта система сохранилась, затем существовала в татаро-монгольском государстве. Гонцы барида — нечто вроде ямщиков.

12

Риторические фигуры. — Риторика была одной из самых важных дисциплин в преподавании «светских наук» (адаба) в системе образования, выработанной в рамках арабо-мусульманской культуры (а также и средневековой европейской культуры). К риторическим фигурам, или, как их называли еще, «красотам речи», относились сравнение, противопоставление, противоположение, анафора и т. д.

13

…*Слагающие его четыре элемента*… — Имеется в виду флегма, кровь, твердые ткани и эфир (душа), из которых состоит человеческое тело.

14

…о творце и сотворенном, о начале существования мира и конце его… — Здесь названы основные вопросы, относительно которых проходили диспуты между ортодоксами и так называемыми «дахритами» (от *арабск*. «дахр» — «вечность»), утверждавшими, что мир не сотворен, а существует вечно. Дахритов осуждали правоверные мусульмане как безбожников.

15

«Шолом». — Вероятно, имеется в виду еврейское слово, обозначающее «мир»; здесь просто взято звучное неарабское слово, которое может быть «заклинанием».

16

…не отрицать божественное вдохновение пророка… — Из этого отрывка можно сделать вывод о том, что данная часть написана самим Ибн аль-Мукаффой, поскольку явно идет речь о мусульманском пророке Мухаммаде. Перечисленные здесь истины, которые «нельзя отрицать», вызывали сомнение у многих арабских средневековых мыслителей, в том числе у Ибн Сины, который в завуалированной форме высмеивал представления правоверных мусульман о времяпрепровождении праведников в раю.

17

Погружением в размышления достигается высшая степень наития и уничтожения в истине. — В этом и последующем отрывках изложены принципы мистического (суфийского) «восхождения к божеству», высшей целью которого является растворение и уничтожение себя в божестве, которое именуется «истиной», «любовью» или просто «он» либо «она». У Ибн аль-Мукаффы мы встречаем одно из наиболее ранних, если не первое в арабской средневековой литературе, краткое перечисление «ступеней восхождения» к истине.

18

Даставанд — название области в средневековом Иране.

19

Даник — мера веса и мелкая монета, равная одной шестой дирхема.

20

Динар — золотая монета.

21

Дирхем — серебряная монета, равная одной десятой (в некоторые эпохи — одной двадцатой) динара.

22

Хозяин моря — так назван в арабском (а до этого, очевидно, в пехлевийском) переводе морской бог, погубивший птенцов титави, с которым вступает в бой повелительница птиц Гаруда.

23

Аль-Анка — согласно арабской мифологии, сказочная птица, повелительница всех птиц. Ее можно отождествить с птицей Гарудой индийской мифологии и Фениксом в фольклоре народов Европы.

24

Факих — знаток мусульманского законоведения.

25

Тасирун. — Название трудно идентифицировать, очевидно, оно искажено при переводе.

26

Синд — страна, границы которой совпадают с границами нынешнего Пакистана.

27

Сакаванджин, Дахар. — Названия не поддаются идентификации, вероятно, искажены при переводе или переписке рукописи.

28

Благовонный рейхан — душистая трава, которой придавалось магическое значение.

29

Город Марут. — Название не поддается идентификации.

30

Харадж — поземельный налог.

31

Фируз. — Имя зайца означает «победа» *(перс)*.

32

Сифрид — одно из названий перепелки.

33

Шайтан — здесь: злой дух, ракшас индийской мифологии.

34

Махир. — Имя обезьяны могло этимологизироваться, так как по-арабски оно обозначает «умелый», однако, вернее всего, здесь случайное фонетическое совпадение.

35

Джурджан — область в Иране.

36

Нахаванд (Нихаванд) — город в Иране.

37

Балх — город в Хорасане.

38

Синджин — небольшой город в Иране.

39

Казарун, Рихзин, Кайдур, Арзан — названия, очевидно, искажены.

40

Балхские скакуны. — Город Балх славился своими конями.

41

Джубба — длинная верхняя одежда наподобие кафтана с разрезными рукавами.

42

Птица фанза — название птицы, напоминающей фазана. Слово отсутствует в арабском языке; очевидно, индийского происхождения.

43

В землях Карха — может быть, вблизи того места, где был впоследствии построен Багдад, в котором было предместье того же названия.

44

Город Навадирахт. — Очевидно, название искажено.

45

Подруга из рода джиннов. — Джинны в мусульманской мифологии — духи, сотворенные из огня.

46

Джинния — женский род от слова «джинни» — джинн.

47

В земле брахманов. — Не вполне ясно, о какой стране идет речь, может быть, о какой-либо из индийских областей.

48

Дуран — название не поддается идентификации.

49

Ширак — букв. «львенок» *(перс.)*.

50

Зузама, *Багдаз*. — Имена не поддаются идентификации.

51

Город Матрун. — Название города, очевидно, искажено при переписке рукописи.

52

Перекупили… за сто тысяч дирхемов… — то есть купцы дали «отступного», чтобы он отказался от покупки товаров, а за товары заплатили сами.

53

Царь Фавиран. — Имя не поддается идентификации.

54

Перевод отрывков из «Малой книги адаба» Ибн аль-Мукаффы сделан по изданию: Ибн аль-Мукаффа. Китаб аль-Адаб ас-сагир ва-ль-адаб аль-кабир. Бейрут, 1960.

55

О понятии «*адаб*» говорилось в предисловии. Значение этого слова чрезвычайно широко, можно предложить также определение «светские науки и образованность».

56

Чья сила таится в сердце человека. — Речь идет о силе (или потенции в философском понимании) человеческого разума, который, будучи эманацией или частицей божественного разума, пробуждается лишь при благоприятных обстоятельствах. Наиболее важное условие для его пробуждения и расцвета — «знание», имеющее мистический характер. Необходимая ступень к достижению знания — занятия науками и созерцание.

57

Имам — предстоятель на молитве, руководитель, вождь.

58

Адаб услаждает сердце. — Здесь противопоставляются адаб и наука как два полюса, две части знания, которые должны отличать подлинно разумного человека.

59

Улемы — букв. «ученые»; имеются в виду ученые-богословы.

60

Перевод отрывков из «Большой книги адаба» Ибн аль-Мукаффы сделан по изданию: Ибн аль-Мукаффа. Кита б аль-адаб ас-сагир ва-ль-адаб аль-кабир. Бейрут, 1960. «Большая книга адаба», особенно ее начало, является своеобразным манифестом шуубизма и одним из первых образцов шуубитской литературы. Автор говорит здесь о доблестных деяниях своих предков-иранцев.

61

Вечная мудрость. — В домусульманском Иране были широко распространены книги под названием «Вечный разум» или «Вечная мудрость». В XI в. философ и риторик Ибн Мискавейх назвал так один из своих трактатов.

62

Но к нашей великой жалости… — Ибн аль-Мукаффа намекает на пехлевийские книги, которые погибли при арабском завоевании.